ISSN 2311-5998

№ 10 (50)
2018

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

Jus est ars
boni et aequi

Выпуск
БАНКОВСКОЕ ПРАВО

В номере

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

20 *Ефимова Л. Г.*
Правовые особенности договора синдицированного кредита

45 *Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г.*
Особенности правового статуса финансового уполномоченного

55 *Богданов Д. Е., Богданова С. Г.*
Правовая природа договора условного депонирования (эскроу)

67 *Алексеева Д. Г.*
Правовые проблемы реализации банками «отказных» полномочий в отношении клиентов, разместивших средства на банковских счетах

156 *Чуб Д. В.*
Некоторые вопросы осуществления расчетов по переводному (трансферабельному) аккредитиву по российскому праву

№ 10 (50)
2018

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
БАНКОВСКОЕ ПРАВО

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор.

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Члены редакционного совета:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор.

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ГОНЧАРОВ Игорь Владимирович — заведующий кафедрой государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор.

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, профессор.

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор.

КИРЕЕВА Елена Юрьевна — декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующий

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук.

ЛЮТОВ Никита Леонидович — заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор.

НИКИТИН Сергей Васильевич — проректор по учебной работе Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

РАССОЛОВ Илья Михайлович — и. о. заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук.

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — профессор кафедры международного права, начальник Управления организации научной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета (КНР), доктор юридических наук, профессор.

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент.

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — заведующий сектором сельскохозяйственного и земельного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — начальник Управления содействия международному развитию и взаимодействию с международными организациями Федерального агентства по делам СНГ, соотечественникам, проживающим за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, доктор политических наук.

Ответственный секретарь:

САЛИЯ Марианна Романовна — эксперт отдела научно-издательской политики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ответственный редактор выпуска:

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — профессор, заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук.

Дата выхода в свет: 10.12.2018.
Усл. печ. л. 28,35. Формат 84x108/16. Тираж 150 экз.
Издатель — Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Адрес редакции:

125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.
Тел.: (499) 244-88-88 (доб. 556).
E-mail: vestnik@msal.ru

№ 10 (50)
2018

COURIER
OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

Edition
BANKING LAW

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairman of the Editorial Board:

BLAZHEEV Viktor Vladimirovich — Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings, PhD in Law, Associate Professor.

Deputy of the Chairman of the Editorial Board:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law, Doctor of Law, Professor.

Editor-in-Chief:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

Editorial Board members:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of the Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor.

BEZVERKHOV Arthur Genadievich — Dean of the Law Faculty of the Samara National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Doctor of Law, Professor.

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of Theory of the State and Law, International Law and Comparative Jurisprudence of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor.

BUKALEROVA Ludmila Aleksandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor.

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law.

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

GONCHAROV Igor Vladimirovich — Head of the Department of Nation Construction and Law of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorievna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the De-partment of Constitutional and Municipal Law of the Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Doctor of Law, Professor.

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Forensic Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Nina Sergeevna — Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Republic of Belarus, PhD in Law, Professor.

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of the Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Doctor of Philosophy, Professor.

KIREEVA Elena Yurievna — Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of Public Administration and Municipal Service

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2018

Founder:
The Federal State Budgetary Educational Establishment of the Higher Training
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"

of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor.

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

LAPINA Marina Afanasievna — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law.

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Doctor of Economy, Professor.

NIKITIN Sergey Vasilievich — Vice-Rector for Education of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.

NOVOSELOVA Lyudmila Aleksandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Rights of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

RYLSKAYA Marina Aleksandrovna — Director of the Institute of Problems of an Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadievich — Director of Agrarian and Technological Institute of Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Agricultural Sciences, Professor.

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Acting Head of the Department of IT Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

ROMANOVA Victoria Valerievna — Head of the Department of Energy Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law.

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of State and Law, Doctor of Law, Professor.

SOKOLOVA Natalya Aleksandrovna — Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University (the PRC), Doctor of Law, Professor.

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, PhD in Law, Associate Professor.

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Head of the Sector of Agricultural and Land Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Doctor of Law, Professor.

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Head of the Department of International Development Assistance and Interaction with International Organizations of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, Doctor of Political Sciences.

Executive Secretary Editor:

SALIYA Marianna Romanovna — Expert of the Department of Scientific and Publishing Policy of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Executive Secretary of the Issue:

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

Passed for printing 10.12.2018.
Publication base sheet 28,35.
Circulation 150 cop.
Publisher: Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Bld. 9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.

The address of the Editorial Office:

Bld.9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.
Tel.: (499) 244-88-88 (# 556).
E-mail: vestnik@msal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ 6

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА 8

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ефимова Л. Г.
Правовые особенности договора синдицированного кредита 20

Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г.
Особенности правового статуса финансового уполномоченного 45

Богданов Д. Е., Богданова С. Г.
Правовая природа договора условного депонирования (эскроу) 55

Алексеева Д. Г.
Правовые проблемы реализации банками «отказных» полномочий в отношении клиентов, разместивших средства на банковских счетах 67

Михеева И. Е.
Добросовестность кредитора при предоставлении потребительских кредитов (займов) 86

Хоменко Е. Г.
Возможности использования криптовалюты в банковской деятельности: правовой аспект 97

Иванов О. М.
История регулирования синдицированного кредита 104

Лаутс Е. Б.
Институт несостоятельности (банкротства) банков как антикризисный инструмент регулирования рынка банковских услуг 122

Узденов Ш. Ш.
К вопросу о перспективах развития организационно-правовых основ банковской системы Российской Федерации 134

Андронова Т. А., Тарасенко О. А.
Осторожно — овердрафт! 140

Казаченок О. П.
Взаимное (P2P) кредитование как современный инструмент альтернативного финансирования 147

Чуб Д. В.
Некоторые вопросы осуществления расчетов по переводному (трансферабельному) аккредитиву по российскому праву 156

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Куличева Е. В.
Вправе ли банк в одностороннем порядке изменять размер тарифов по совершению расчетных операций? 164

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Хадеева М. В.
Отказ от предоставления кредита: основания и последствия 177

Макушкин В. О.
Правовой режим специальных банковских счетов: понятие и элементы 186

Мазур А. С.
Проблемы субординации требований аффилированных кредиторов в делах о банкротстве заемщиков 197

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ 203

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ 208

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

Тургенев Н. И.
О бумажных деньгах как о налоге 211

Из периодики прошлого

Кауфман И. И.
Реформа кредитной денежной системы 228

ПОСТСКРИПТУМ

Исторические факты глазами очевидцев 246

Россия 100 лет назад: месяц в истории 255

Слово к читателю

Банковское право прошло в своем развитии несколько этапов.

Современная банковская система начала складываться в начале 90-х гг. прошлого столетия в связи со вступлением в силу Закона РФ от 2 декабря 1990 г. «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Закона РФ от 2 декабря 1990 г. «О банках и банковской деятельности». Следствием этого стало освобождение кредитных организаций от не свойственных им государственных функций. Они стали коммерческими юридическими лицами, которые профессионально занимаются банковской деятельностью. Указанные Законы заложили правовые основы для появления государственного надзора за деятельностью кредитных организаций.

В начале 90-х гг. XX в. началась также масштабная реформа гражданского права, в результате которой с 1 марта 1996 г. вступила в силу вторая часть ГК РФ. Впервые в отечественной истории правовое регулирование наиболее важных банковских договоров стало осуществляться на законодательном уровне.

Согласно новому законодательству подзаконные нормативные акты Банка России подлежали государственной регистрации в порядке, установленном для государственной регистрации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Было предусмотрено, что нормативные акты Банка России вступают в силу по истечении 10 дней после дня их официального опубликования.

В результате указанных преобразований нормативные акты, регулирующие банковскую деятельность, стали доступными для изучения и научного обобщения, гриф секретности был снят. Новая роль банков в рыночной экономике породила энтузиазм исследователей. Появились

многочисленные публикации, в которых банковские правоотношения изучались с разных сторон.

Именно поэтому с начала 90-х гг. начинается период формирования и бурного развития банковского права как науки об особенностях правового регулирования банковской деятельности в условиях рыночных отношений.

В рассматриваемый период времени наука банковского права развивалась в рамках двух направлений, которые зародились еще в советский период: 1) публично-правовое направление; 2) частноправовое направление.

Между идеями сторонников публично-правового и частноправового крыла банковского права всегда существовало некоторое противостояние, которое проявилось в актуализации проблемы, поставленной еще И. С. Гуревичем. Так, был возрожден научный спор о роли и месте банковского права среди отраслей права.

Следует отметить, что между позицией исследователей, полагающих, что банковское право является отраслью законодательства, и тех из них, кто считает банковское право самостоятельной отраслью права, нет неразрешимых противоречий. Исследуя систему советского права, С. С. Алексеев сделал вывод, что комплексная отрасль законодательства обязательно должна выражать вовне комплексную отрасль права.

На страницах нашего журнала любой исследователь банковского права волен отстаивать свое ви́дение проблем этой отрасли. Здесь нет и не может быть ограничений формального характера, в том числе в зависимости от принадлежности автора к той или иной школе.

Настоящий номер журнала это подтверждает. В нем собраны статьи представителей различных школ и направлений авторов, которые вносят свой неповторимый вклад в развитие науки банковского права.

Кафедра банковского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) продолжает обсуждение проблем правового регулирования банковской деятельности, которое было нами открыто в журнале «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» № 2 за 2016 г. и продолжено в № 1 за 2017 год.

В нашей сегодняшней дискуссии принимают участие также ученые кафедры банковского права и финансово-правовых дисциплин юридического факультета имени М. М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС при Президенте РФ, юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Волгоградского государственного университета, практические юристы кредитных организаций. Мы приглашаем всех ученых и практиков, заинтересованных в развитии российского банковского права, поделиться своим мнением о путях развития банковской системы на страницах нашего журнала в выпусках «Банковское право».

Л. Г. Ефимова,
заведующий кафедрой банковского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор

ОКТЯБРЬ 2018[1]

1 ОКТЯБРЯ

Ректор МГЮА Виктор Блажеев избран председателем Ассоциации юристов России

На заседании Президиума Ассоциации юристов России в соответствии с Уставом организации сопредседатели избрали из своего состава на следующий год председателя АЮР. На эту должность избран сопредседатель Ассоциации, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев.

Его кандидатуру выдвинул предыдущий председатель АЮР Сергей Степашин: «*В рамках установленной Уставом АЮР возможности ротации в составе высших руководящих органов я предлагаю на следующий год избрать председателем Ассоциации юристов России Виктора Блажеева*».

Предложение было поддержано, а Виктор Владимирович поблагодарил за доверие. *«Я продолжу то направление движения, которому следует Ассоциация юристов России»*, — сказал ректор МГЮА.

Согласно ст. 13 Устава АЮР «Сопредседатели Организации избираются Съездом Организации из числа членов Президиума Организации сроком на три года. Первого Председателя Организации после проведения Съезда избирают члены Президиума Организации на первом заседании на один год. Далее Председатель Организации избирается Сопредседателями из своего состава сроком на один год».

После избрания Виктора Блажеева председателем Ассоциации юристов России сопредседателями Ассоциации стали Павел Крашенинников и Сергей Степашин.

2 ОКТЯБРЯ

Проректор по учебной и методической работе Екатерина Тягай приняла участие в выставке-презентации российских вузов в г. Анкаре

2 октября 2018 г. в Российском центре науки и культуры в г. Анкаре (Турция) состоялось просветительское мероприятие, направленное на популяризацию российского профессионального образования и привлечение на учебу в Российскую Федерацию турецких граждан. Организатором презентации выступило

[1] URL: https://msal.ru/news/.

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) совместно с российским образовательным порталом «Russia.Study».

Мероприятие прошло в форме выставки-презентации возможностей и преимуществ российского образования.

Фото: Российский центр культуры и науки в Анкаре

Специалисты российских вузов и портала «Russia.Study» рассказали об образовательных возможностях российских университетов по специальностям, востребованным в Турции; провели консультации по вопросам выбора направлений подготовки для обучения в российских вузах, необходимых документах, предоставили информацию о структуре и системе образования в России, стоимости жизни в России.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) представляла проректор по учебной и методической работе Екатерина Тягай.

Доклад Екатерины Давидовны касался исторического развития и устоявшихся традиций Университета, образовательной деятельности, международного сотрудничества с другими образовательными учреждениями, а также насыщенной студенческой жизни вуза.

Во второй половине дня выставка-презентация образовательных услуг российских вузов была организована представительством Россотрудничества на площадке Университета экономики и технологии ТОББ в г. Анкаре.

Приветствуя собравшихся, основатель и бывший ректор Университета профессор Тахсин Кесиджи поблагодарил российских коллег и представительство Россотрудничества за организацию просветительского мероприятия в Университете ТОББ, отметив, что качество и уровень российского образования поистине является одним из лучших в мире.

Обращаясь к участникам встречи, руководитель представительства Россотрудничества Энвер Шейхов отметил, что интерес к российскому образованию в Турции традиционно высок и продолжает расти с каждым годом. Он особо подчеркнул, что Университет ТОББ был выбран для проведения выставки-презентации не случайно, поскольку он является постоянным партнером представительства в реализации проектов, направленных на укрепление и расширение связей с российскими вузами и продвижением русского языка в Турции.

Мероприятие вызвало большой интерес среди студентов, они активно задавали интересующие их вопросы о правилах поступления и обучения в образовательных учреждениях России, признании дипломов российских вузов в Турции.

По окончании выставки — презентации возможностей и преимуществ российского образования участники выразили благодарность организаторам за проведение столь важного мероприятия для турецкой молодежи, позволившего им узнать много нового о возможностях обучения в России.

3 ОКТЯБРЯ

Визит секретаря ЮНСИТРАЛ Анны Жубан-Брэ

3 октября состоялся визит Секретаря Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), начальника отдела по праву международной торговли Управления по правовым вопросам ООН Анны Жубан-Брэ в Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В ходе визита госпожа Жубан-Брэ встретилась с проректором по международному сотрудничеству Университета Дмитрием Кутафиным. В ходе встречи стороны обсудили вопросы участия представителей Университета в рабочих группах Комиссии.

В продолжение встречи госпожа Секретарь прочитала открытую лекцию, где рассказала о целях и принципах работы Комиссии, вопросах и документах, которые в настоящее время прорабатываются рабочими группами, планах на ближайшие годы. Студенты и преподаватели получили ответы на все интересующие вопросы.

Кроме того, госпожа Жубан-Брэ призвала участвовать в стажировках в ЮНСИТРАЛ и других органах ООН.

5 ОКТЯБРЯ

Посвящение в студенты — 2018!

5 октября в Кутафинском зале состоялось одно из самых ярких событий в жизни любого первокурсника — концерт «Посвящение в студенты»! На протяжении целого месяца первокурсники под руководством своих старших друзей и наставников-кураторов готовили творческие номера, чтобы подарить зрителям яркие эмоции и продемонстрировать свои таланты.

Весь вечер в адрес первокурсников звучали слова поздравлений от представителей ректората, директоров и заместителей директоров институтов. От имени руководства Университета новоиспеченных студентов поприветствовала первый проректор Елена Грачева.

Зажигательным номером открыли праздничный концерт кураторы. Для первокурсников на ближайший год они станут наставниками и проводниками в насыщенную и интересную студенческую жизнь.

Сразу после выступления активистов кураторского отдела в сопровождении представителей всех институтов на сцене появилась Фемида — воплощение правосудия, и состоялась торжественная церемония принесения клятвы первокурсника, которая и ознаменовала посвящение вчерашних школьников в студенты Университета.

Программу праздничного вечера продолжили творческие выступления первокурсников. Ребята удивляли зрителей яркими танцами и песнями, остроумными сценками и миниатюрами, оригинальными видеороликами.

Ну а кульминацией концертной программы стали незабываемые выступления творческих коллективов Ассоциации студентов — вокальной студии «Voice MSAL» и танцевальной студии «Just Dance!»

Российская энергетическая неделя

Преподаватели и студенты Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) приняли участие в работе форума «Российская энергетическая неделя».

5 октября 2018 г. в рамках форума был проведен круглый стол «Развитие системы правового регулирования в топливно-энергетическом комплексе в целях надежного и безопасного энергообеспечения потребителя», модератором которого выступила Виктория Романова, заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Руководители правовых блоков и ведущие юристы Министерства энергетики РФ, члены Комитета Государственной Думы по энергетике, руководители правовых блоков и ведущие юристы компаний топливно-энергетического комплекса, Ассоциации «НП “Совет рынка”», члены Ассоциации юристов России, представители экспертного сообщества обсудили наиболее острые проблемы и задачи правового обеспечения в сфере энергетики. В ходе обсуждения эксперты затронули вопросы эффективности правовых норм о порядке учета и ценообразовании в отношении поставляемых энергетических ресурсов, соответствия действующей системы правового регулирования необходимости реализовать различные инвестиционные проекты энергетической инфраструктуры. Также участники обсудили проблемы баланса интересов поставщиков и потребителей, добывающих, генерирующих компаний, транспортирующих и сбытовых компаний и государства при осуществлении деятельности на внутренних энергетических рынках.

Спикерами круглого стола стали: статс-секретарь — заместитель министра энергетики РФ Анастасия Бондаренко, и.о. директора Юридического департамента Минэнерго России Кирилл Макаров; первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по энергетике Сергей Есяков, член Правления — начальник Правового управления Ассоциации «НП “Совет рынка”» Николай Рощенко, заместитель управляющего директора — директор по правовым вопросам ПАО «Мосэнерго», преподаватель кафедры энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Анна Ефимова, вице-президент АО «Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа» Марина Вильданова, начальник Юридического департамента АО «Администратор торговой системы», преподаватель кафедры энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Кашликова, руководитель Блока корпоративных и имущественных отношений ПАО «Интер РАО» Тамара Меребашвили, директор Департамента правовой защиты ПАО «Россети», кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Леонид Акимов, советник президента ОАО «АК “Транснефть”», член Правления Ассоциации юристов России Владимир Свинарев.

6 октября в рамках Молодежного дня форума был проведен круглый стол «Задачи подготовки юридических кадров для энергетической отрасли», модератором которого выступила Виктория Романова, заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Участники круглого стола обсудили актуальные направления работы правовых департаментов государственных органов и компаний топливно-энергетического комплекса, задачи подготовки юридических кадров для энергетической отрасли с учетом современных реалий. Будущие и молодые юристы в сфере энергетики смогли задать вопросы о работе юристов руководителям правовых блоков компаний ТЭК, Минэнерго России, преподавателям вузов.

6 октября 2018 г. состоялось награждение лауреатов конкурса «Будущий юрист в сфере энергетики», «Молодой юрист в сфере энергетики» министром энергетики РФ Александром Новаком, министром науки и высшего образования РФ Михаилом Котюковым, статс-секретарем — заместителем министра энергетики РФ Анастасией Бондаренко.

Конкурс «Будущий юрист в сфере энергетики» проводился среди бакалавров 4-х курсов и магистрантов юридических вузов и факультетов, в ходе которого жюри оценивало способность участников решать кейсы, знания и умение применять конкретные правовые нормы в различных отраслях энергетики.

6 ОКТЯБРЯ

Научно-практическая конференция «Психическое здоровье как феномен в юридической науке, образовании, правоприменительной практике»

6 октября в Центре международной торговли состоялась научно-практическая конференция «Психическое здоровье как феномен в юридической науке, образовании, правоприменительной практике».

Организаторами конференции выступили Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Союз охраны психического здоровья.

Мероприятие проходило в рамках II Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века».

С приветственным словом к гостям секции обратились проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета Игорь Мацкевич, а также Главный финансовый уполномоченный Юрий Воронин. В своем выступлении Владимир Николаевич Синюков подчеркнул, что в данной сфере впервые юридический аспект раскрывается наиболее полно и системно. «Я надеюсь, что конференция станет целым событием не только в сфере психического здоровья, но и в мире юриспруденции», — заключил он.

Игорь Михайлович Мацкевич, в свою очередь, акцентировал внимание слушателей на ряде вопросов, возникающих в деятельности психиатров и юристов, а также на необходимости налаживания сотрудничества между медиками и юристами. Междисциплинарный подход, как считает И. М. Мацкевич, необходим при решении «неформатных» ситуаций при взаимодействии психиатра, юриста и лица с психическими расстройствами.

Мероприятие было разделено на три блока.

В рамках первого блока Валентина Комарова, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), рассказала о конституционно-правовых параметрах права на охрану здоровья.

Вопрос проблемы дееспособности лиц, страдающих психическими заболеваниями, подняла и.о. заведующего кафедрой гражданского права Елена Богданова.

С докладом на тему «Правовая охрана психического здоровья в современном образовательном пространстве» выступил руководитель Научно-образовательного центра медицинского и фармацевтического права Университета Александр Мохов. Проблемы участия граждан, страдающих психическими заболеваниями, в брачно-семейных правоотношениях осветил профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Анатолий Левушкин.

Второй блок мероприятия назывался «Психическое здоровье и криминология».

С докладами выступили заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Игорь Мацкевич и профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Елена Антонян.

Последний блок «Правовое регулирование охраны психического здоровья» открыла доцент кафедры международного права Лариса Захарова с темой «Образование в структуре лечебно-диагностического процесса: проблемы правового регулирования и право на психическое здоровье в современном обществе».

Вопросы о суррогатном материнстве и психическом здоровье ребенка подняла доцент кафедры адвокатуры и нотариата Светлана Муратова, а с докладом о профилактике профессионального выгорания в системе профессионального обучения адвокатов выступила доцент кафедры адвокатуры и нотариата Лариса Скабелина.

11 ОКТЯБРЯ

Встреча руководства Университета с судьями Верховного суда I ступени г. Чунцин (КНР)

11 октября состоялся визит китайской делегации в Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). В состав делегации вошли судьи Верховного суда I ступени города Чунцин.

Гости посетили музейную экспозицию Университета, после чего состоялась встреча с первым проректором Университета Еленой Грачевой.

В рамках встречи стороны обсудили сотрудничество в области изучения китайской стороной правовой системы Российской Федерации.

Ректор МГЮА Виктор Блажеев провел сессию на форуме «Россия — спортивная держава»

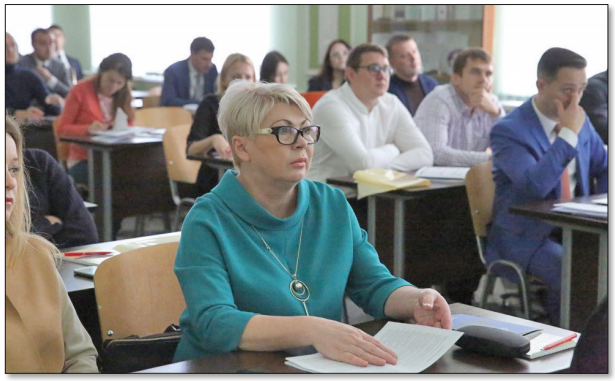
11 октября 2018 г. в Ульяновске в рамках Международного форума «Россия — спортивная держава» состоялась дискуссионная сессия «Право в спорте: современный этап развития», модератором которой выступил председатель Ассоциации юристов России, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев.

В ходе дискуссионной сессии эксперты обсудили защиту прав и законных интересов спортсменов и других субъектов российского спорта, правовые аспекты их взаимодействия с международными организациями. Кроме

того, участники мероприятия провели экспертный анализ проблем, связанных с созданием в российской юрисдикции национального спортивного арбитража для эффективного разрешения спортивных споров.

По результатам сессии принята итоговая декларация, которая включила предложения по координации работы в сфере правового обеспечения физической культуры и спорта.

X Совместный российско-германский круглый стол «Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт»



11 октября в Университете прошел X Совместный российско-германский круглый стол «Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт».

Организаторами мероприятия выступили кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), уголовного и экономического уголовного права Потсдамского университета (Германия).

С приветственным словом к участникам круглого стола обратился проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков, партнер адвокатской коллегии «Князев и партнеры» Владимир Китсинг и партнер «Alliance Legal CG» Марина Подваркова.

Владимир Николаевич отметил важность и актуальность проблематики, посвященной анализу преступлений в сфере экономики, а также объявил об открытии в Университете Научно-образовательного центра (НОЦ) применения уголовного права под руководством Алексея Рарога.

Профессор кафедры уголовного права Университета Самвел Кочои выступил с презентацией НОЦ и рассказал о роли научно-консультативных заключений в практической деятельности.

В работе круглого стола приняли участие 128 человек.

22 ОКТЯБРЯ

Круглый стол «Доктрина, правоприменительная практика и рекомендации по совершенствованию законодательства Российской Федерации о саморегулируемых организациях»

22 октября 2018 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся круглый стол «Доктрина, правоприменительная практика и рекомендации по совершенствованию законодательства Российской Федерации о саморегулируемых организациях».

Мероприятие было проведено кафедрой предпринимательского и корпоративного права в рамках выполнения экспертно-аналитического исследования по заказу Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

В работе круглого стола приняли участие представители Аппарата Государственной Думы Николай Кушнаренко и Марина Агаджанянц, приглашенные эксперты, а также авторы экспертно-аналитического исследования.

В ходе мероприятия с докладами выступили заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Инна Ершова, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Ольга Тарасенко, доцент кафедры теории государства и права Мария Захарова, доцент кафедры гражданского права Вера Солдатова, доценты кафедры предпринимательского и корпоративного права Рената Аганина, Татьяна Шишмарева, Ольга Сушкова, Екатерина Енькова и Татьяна Андронова.

В процессе дискуссии обсуждались актуальные вопросы по совершенствованию законодательства в области саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности, была дана оценка влияния предлагаемых законодательных инициатив и обозначены основные тенденции дальнейшего развития института саморегулирования в России.

24 ОКТЯБРЯ

Конференция «Отечественная философская и правовая мысль о свободе, правах, ответственности личности и современность»

24 октября 2018 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание Студенческого научного клуба «Социум», в рамках которого была проведена научно-практическая студенческая конференция на тему: «Отечественная философская и правовая мысль о свободе, правах, ответственности личности и современность».

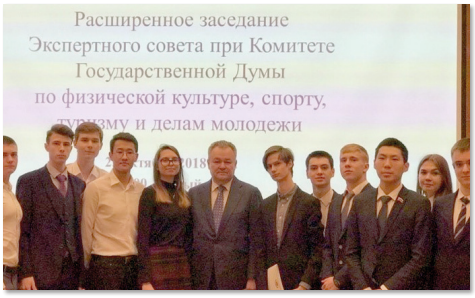
С приветственным словом к участникам конференции обратилась первый проректор Университета Елена Грачева. Елена Юрьевна также вручила грамоты членам клуба за активную и творческую работу в 2017—2018 учебном году.

С вступительным словом выступил научный руководитель клуба «Социум» Магомед Гунибский. В конференции принял участие и выступил председатель ассоциации студентов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергей Авдеев.

Всего в заседании клуба и конференции приняли участие более 90 студентов из четырех Институтов: прокуратуры, частного права, публичного права и управления, судебных экспертиз.

25 ОКТЯБРЯ

Расширенное заседание Экспертного совета при Комитете Государственной Думы по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи



25 октября 2018 г. в Малом зале Государственной Думы состоялось расширенное заседание Экспертного совета при Комитете Государственной Думы по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи.

В мероприятии приняли участие студенты Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

С приветственным словом к участникам заседания обратился ректор Университета Виктор Блажеев. Виктор Владимирович обозначил ключевые вопросы, вынесенные на обсуждение Экспертного совета при Комитете Государственной Думы по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи:

1) перспективы совершенствования правовых норм России в сфере физической культуры и спорта;

2) формирование концептуального подхода к правовому регулированию туристской деятельности в Российской Федерации.

Также Виктор Владимирович стал экспертом по вопросам правового регулирования подготовки спортивного резерва Российской Федерации, а также совершенствования регулирования арбитража (третейского разбирательства), споров в профессиональном спорте высших достижений.

29 ОКТЯБРЯ

В МГЮА состоялось очередное заседание Ученого совета

29 октября 2018 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось очередное заседание Ученого совета.

С докладом «О стратегии развития Института современного прикладного права» выступила директор Института Надежда Пастухова.

Заместитель начальника Учебно-методического управления Александр Чанышев, в свою очередь, рассказал об учебно-методической работе на кафедре организации судебной и прокурорско-следственной деятельности.

Об учебно-методической работе на кафедре банковского права доложила заведующий кафедрой Людмила Ефимова.

Вопросы, касающиеся подготовки к VIII Московской юридической неделе, осветил проректор по научной работе Владимир Синюков.

В продолжение заседания члены Совета рассмотрели отчеты о подготовке диссертаций аспиранта кафедры судебных экспертиз Владимира Никишина. Научным руководителем аспиранта выступила профессор Института судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Галяшина.

29 ОКТЯБРЯ

В МГЮА состоялось совместное заседание Президиума и Совета высшей юридической премии «Юрист года» Ассоциации юристов России

29 октября 2018 г. в зале Ученого совета Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось совместное заседание Президиума и Совета высшей юридической премии «Юрист года» Ассоциации юристов России, которое провел председатель Ассоциации, ректор Университета Виктор Блажеев.

Открывая заседание, председатель АЮР вручил нагрудные знаки премии «Юрист года» лауреатам прошлых лет: полномочному представителю Правительства РФ в Конституционном суде РФ и Верховном Суде РФ, члену Президиума Ассоциации Михаилу Барщевскому и председателю Суда по интеллектуальным правам, заведующему кафед-

рой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Людмиле Новоселовой.

Далее Виктор Блажеев сообщил о подведении итогов II Конкурса лучших проектов региональных отделений Ассоциации и вручил дипломы победителей представителям региональных отделений АЮР. Челябинскому региональному отделению Ассоциации диплом вручили за проект «Правовое просвещение через визуализацию норм», Мордовское региональное отделение отметили за проект «Медиация как метод урегулирования конфликтов в социальной и правовой сферах», Ульяновское региональное отделение наградили за проект «Центр молодежного социального юридического проектирования “ЮрПРОЕКТ”». Также дипломами за победу в конкурсе были отмечены Межрегиональное отделение Ассоциации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области за проект «X Международный молодежный юридический форум 2018 года», Самарское региональное отделение за проект «Школа профессионального мастерства для юриста», Рязанское региональное отделение за проект «Юридический поезд», Тамбовское региональное отделение за «Образовательную правовую студию “АЮР”» и Ставропольское региональное отделение за проект «Правовой всеобуч».

В завершение первого пункта повестки заседания Виктор Блажеев вручил почетную грамоту Министерства юстиции РФ за эффективное содействие в решении задач, возложенных на Минюст России, заместителю директора Департамента Правительства РФ по формированию системы «Открытое правительство», члену Президиума АЮР Андрею Спиридонову.

В рамках заседания участники рассмотрели вопросы подготовки и проведения церемонии вручения высшей юридической премии «Юрист года». С докладами выступили председатель Ассоциации Виктор Блажеев, председатель Правления АЮР Владимир Груздев, исполнительный директор — руководитель Аппарата, член Правления АЮР Станислав Александров и др.

Станислав Александров доложил о подготовке торжественных мероприятий, посвященных Дню юриста и 25-летию Конституции РФ, в том числе о церемонии вручения высшей юридической премии «Юрист года». Глава Аппарата АЮР большое внимание уделил вопросам проведения Всероссийского юридического (правового) диктанта, в частности подготовке заданий, порталу для написания диктанта, инструкции для региональных площадок и работе со СМИ.

Далее участники заседания рассмотрели вопрос о номинантах и утвердили лауреатов премии «Юрист года» в 2018 г.

В завершение заседания председатель Правления Ассоциации Владимир Груздев выступил с докладом о подписании меморандума о взаимодействии и сотрудничестве в сфере арбитража (третейского разбирательства) с Общероссийской общественной организацией «Российский союз промышленников и предпринимателей».

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА СИНДИЦИРОВАННОГО КРЕДИТА

Людмила Георгиевна ЕФИМОВА,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
elg007@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Предлагается научно-практический комментарий к недавно принятому Федеральному закону от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». По мнению автора, допустимо сделать несколько выводов о правовой природе договора синдицированного кредита. Возможна ситуация, когда документ, называемый договором синдицированного кредита или займа, включает содержание всех договоров, поименованных в указаннном Федеральном законе. Тогда рассматриваемый договор следует считать не смешанным, а конгломерированным. Все включенные в его состав договоры можно было бы без ущерба для их содержания заключить в виде отдельных документов, в которых, однако, целесообразны ссылки на иные договоры, опосредующие синдицированное кредитование. Допустимо заключение договора синдицированного кредита (займа) как рамочного договора (ст. 429.1 ГК РФ), в котором должны быть согласованы лишь общие условия будущих договоров, которые предполагается заключать в будущем. В отличие от предыдущего случая в таком договоре будут согласовываться не все существенные условия будущих договоров, а только некоторые из них. Допустимо заключение договора об организации кредита как некоего агентского договора, в соответствии с которым организатор кредита обязуется подготовить проект и в последующем заключить договор синдицированного кредита (займа). Последний, в свою очередь, может квалифицироваться как рамочный или конгломерированный в зависимости от его содержания. В рассматриваемом случае договор об организации кредита не может быть включен в число договоров, которые должны быть заключены в рамках договора синдицированного кредита (займа), а должен ему предшествовать. Договор синдицированного кредита (займа) может быть сформулирован частично как рамочный договор, который предполагает заключение некоторых договоров в будущем, а частично — как конгломерированный, поскольку часть из указанных выше договоров он будет включать в полном объеме. И, наконец, возможны договоры синдицированного кредита (займа), которые объединяют признаки договоров, описанные выше.*

Ключевые слова: *синдицированный кредит, договор, множественность лиц на стороне кредитора в кредитном договоре.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.020-044

© Л. Г. Ефимова, 2018

L. G. EFIMOVA,
Doctor of Law Sciences, Professor,
Head of Chair of the Department of banking Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
elg007@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

PECULIARITIES OF SYNDICATED LOAN CONTRACT

Abstract. *In the present article the author brings to attention the reader the scientific and practical comment to recently adopted Federal law of December 31, 2017 No. 486-FZ «About a syndicated loan (loan) and about introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation».*
Besides, the author expresses opinion on the legal nature of the contract of a syndicated loan. According to the author, it is admissible to draw several conclusions on the legal nature of the contract of a syndicated loan. The situation when the document having the name «Contract of a Syndicated Loan» or a loan includes contents of all contracts named in Federal the law of December 31, 2017 No. 486-FZ is possible. Then the considered contract should be considered not mixed, and conglomerated. All contracts included in its structure could be signed without prejudice to their contents in the form of separate documents in which, however, references to other contracts mediating the syndicated crediting are expedient. Signing of the contract of a syndicated loan (loan) as frame contract (Art. 429.1 of the Civil Code of the Russian Federation) in which only the general conditions of future contracts which are supposed to be concluded in the future have to be coordinated is admissible. Unlike the previous case in such contract not all essential conditions of future contracts but only some of them will be coordinated. Signing of the contract on the organization of the credit is admissible as there is nobody the agency contract according to which the organizer of the credit undertakes to prepare the project and in the subsequent to sign the contract of a syndicated loan (loan). The last, in turn, can be qualified as frame or conglomerated depending on his contents. In the case under consideration the contract on the organization of the credit can't be included in number of contracts which have to be signed within the contract of a syndicated loan (loan), and has to precede him. The contract of a syndicated loan (loan) can be formulated partially as the frame contract which assumes the conclusion of some contracts in the future, and partially — as conglomerated as he will include a part from the contracts stated above in full. And, at last, contracts of a syndicated loan (loan) which unite the signs of contracts described above are possible.
Keywords: *a syndicated loan, the contract, plurality of persons on the party of the creditor in the credit agreement.*

Понятие синдицированного кредита в российском законодательстве появилось в связи с принятием Федерального закона от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] (далее — Закон о синдицированном кредите).

Частью 1 ст. 2 Закона о синдицированном кредите предусматривается следующее легальное определение синдицированного кредита (займа). По договору синдицированного кредита (займа) несколько кредиторов (синдикат кредиторов) обязуются согласованно друг с другом предоставить или предоставлять в собственность заемщика денежные средства в размере и сроки, предусмотренные договором для каждого кредитора, а заемщик обязуется возвратить кредиторам полученные от них денежные средства, уплатить проценты за пользование денежными средствами, а также иные платежи, если обязанность их уплаты предусмотрена договором.

Принятие Закона о синдицированном кредите имеет цель вывести заключаемые банками договоры под действия иностранного права. Например, по данным Ассоциации банков «Россия» общее число сделок по синдицированному кредитованию, заключенных в 2010—2012 гг., не превысило 140, а их совокупный объем — 80 млрд долл. США. Подавляющее большинство синдицированных кредитов было предоставлено в долларах США с использованием стандартной документации Ассоциации кредитного рынка (Loan Market Association, LMA)[2], подчиненной английскому праву. Сделки носили клубный характер, т.е. проводились с участием ограниченного числа кредитных организаций. В то же время постепенно росло число сделок, в которых участвовали российские банки, и объемы финансирования, предоставленные ими. Так, в 2011 г. российские организаторы приняли участие в 23 сделках, предоставив около 8 % общего финансирования. Такие факторы, как ужесточение требований к достаточности банковского капитала (Базель II, III), особенно для инвестиционного и долгосрочного кредита, и использование органами банковского надзора мотивированного суждения, в том числе при определении связанности заемщиков, ограничивают потенциальный объем кредитных рисков, которые могут принимать банки. Наличие в кредитном портфеле банков крупных заемщиков расширяет возможности для рефинасирования[3] и позволяет снизить риски ликвидности. Поэтому

---

[1] СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 70.

[2] Международный стандарт LMA по синдицированному кредитованию рассматривается в литературе как источник права. См. *Иванов О. М.* О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1. С. 118.

Необходимо, впрочем, уточнить позицию рассматриваемого автора. Представляется, что международная стандартная документация по синдицированному кредитованию LMA может быть отнесена к источникам lex mercatoria, т.е. к источникам негосударственного регулирования международного коммерческого оборота, исследуемым международным частным правом.

[3] Положение Банка России от 12.11.2007 № 312-П «О порядке предоставления Банком России кредитным организациям кредитов, обеспеченных активами или поручительствами».

по инициативе Ассоциации региональных банков России в Стратегию развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года[4] включено положение о дальнейшем развитии механизма синдицированного кредитования (п. 6 разд. III Стратегии)[5].

В результате были подготовлены условия для разработки российского законодательства о синдицированном кредите, результатом которых стал Закон о синдицированном кредите. Появились исследования в области правового регулирования синдицированного кредитования[6].

Субъектами договора синдицированного кредита (займа) являются заемщик и участники синдиката кредиторов.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 Закона о синдицированном кредите (займе) заемщиком по договору синдицированного кредита (займа) могут быть только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

Частью 3 ст. 2 Закона о синдицированном кредите (займе) предусмотрено, что кредиторами по договору синдицированного кредита (займа) (участниками синдиката кредиторов) могут быть:

1) кредитные организации, государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»;
2) иностранные банки, международные финансовые организации, а также иностранные юридические лица, которые в соответствии со своим личным законом вправе заключать кредитные договоры;
3) негосударственные пенсионные фонды, управляющие компании инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда, специализированные депозитарии инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда;
4) иные российские юридические лица в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Таким образом, субъектами договора синдицированного кредита (займа) могут быть только юридические лица, занимающиеся предпринимательской или иной приносящей доходы деятельностью, в пределах своей правоспособности, а также индивидуальные предприниматели.

Следовательно, договор синдицированного кредита (займа) имеет признаки *предпринимательского договора*.

Следует обратить внимание, что согласно российскому Закону о синдицированном кредите участниками синдиката могут быть одновременно банки и иные участники финансового рынка, не имеющие статуса кредитной организации.

---

[4] Заявление Правительства РФ № 1472п-П13, Банка России № 01-001/1280 от 05.04.2011 «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года».

[5] Данные Комитета по синдицированному кредитованию Ассоциации банков «Россия». Юридическая экспертная группа. Стандартная документация в сделках синдицированного кредитования. М., 2012. С. 5—6.

[6] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017 ; *Иванов О. М.* О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права.

Аналогичная ситуация наблюдается и на зарубежных рынках, когда участниками синдикатов наряду с банками становятся финансовые организации различных видов — фонды, финансовые и страховые компании, негосударственные пенсионные фонды и пр. Они участвуют в сделке с момента заключения договора. Однако правом на заключение кредитного договора наделены исключительно банки. Девятнадцать видов финансовых организаций лишены права заключать кредитные договоры, а значит, и участвовать в кредитных синдикатах[7]. В своей поздней работе О. М. Иванов сделал вывод о стирании основных различий в правовом режиме договора займа и кредитного договора[8]. Вероятно, для окончательного решения поставленной О. М. Ивановым проблемы смешанного субъектного состава договора синдицированного кредита (займа) необходимо внесение соответствующих изменений в ст. 819 ГК РФ. До этого всегда будет существовать риск признания недействительным кредитного договора, заключенного участниками синдиката кредиторов, часть которых не имеют права на осуществление банковских операций.

Структура договорных связей и правовая природа договора синдицированного кредита (займа). Из Закона о синдицированном кредите следует, что договор синдицированного кредита (займа) включает несколько различных договоров, на основе которых осуществляется правовое сопровождение деятельности по предоставлению синдицированных кредитов (займов).

На практике эти договоры могут искусственно объединяться в одном документе под общим названием «Договор синдицированного кредита (займа)».

Так, из ч. 4 ст. 2 Закона о синдицированном кредите следует, что договор синдицированного кредита (займа) может устанавливать помимо заемных и другие обязательства заемщика по отношению к одному или нескольким кредиторам. Кроме того, он может устанавливать обязательства одного из кредиторов по отношению к другим кредиторам, связанные с договором синдицированного кредита (займа), либо иные обязательства сторон договора синдицированного кредита (займа).

Перечень указанных договоров может различаться в зависимости от используемой на практике модели синдицированного кредитования.

В соответствии со ст. 2 Закона о синдицированном кредите допускается две модели синдицированного кредитования.

Во-первых, на практике может применяться модель синдицированного кредитования, при которой в интересах синдиката кредиторов, но от своего имени действуют один или несколько его участников, например, заключая все указанные ниже договоры. Назовем ее моделью синдицированного кредитования через ведущий банк[9].

---

[7] *Иванов О. М.* О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права. С. 119.

[8] *Иванов О. М.* Доклад на тему «Новеллы законодательства о кредите (займе): вызовы для правоприменения», прочитанный на конференции «Новеллы законодательства о деятельности кредитных организаций», проведенной в рамках V Московского юридического форума «Будущее российского права: концепты и социальные практики» 6 апреля 2018 г., МГУ.

[9] Термин см.: *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

Во-вторых, допустимо использовать модель синдицированного кредитования, при которой участники синдиката вступают в непосредственные отношения с заемщиком. При этом полномочия кредитного управляющего не выходят за рамки ведения общих дел других участников синдиката, которые действуют от своего имени. Назовем ее моделью синдицированного кредитования без участия ведущего банка.

Наиболее полный перечень договоров, заключаемых в рамках синдицированного кредитования, может быть представлен следующим образом:

1) договор об организации синдицированного кредита (займа) (ст. 3 Закона о синдицированном кредите);
2) межкредиторские договоры:
   — договор между кредитным управляющим и участниками синдиката (ч. 1 ст. 4 Закона о синдицированном кредите);
   — договор о координации деятельности участников синдиката (ст. 4 Закона о синдицированном кредите);
   — соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику (ч. 5 ст. 2, ч. 5 ст. 6 Закона о синдицированном кредите);
3) кредитный договор или договор займа;
4) договор об управлении залогом (ч. 4 и 5 ст. 2, ч. 4 ст. 6 Закона о синдицированном кредите);
5) договоры о перемене лиц по договору синдицированного кредита (займа) (ст. 8 Закона о синдицированном кредите);
6) иные договоры (см. ч. 4 ст. 2 Закона о синдицированном кредите). Например, в литературе был описан договор об участии в кредите, который также заключается в процессе синдицированного кредитования[10].

Правовая природа договора синдицированного кредита (займа) представляется спорной.

В соответствии с ч. 4 ст. 2 Закона о синдицированном кредите договор синдицированного кредита (займа) должен квалифицироваться как смешанный договор (п. 3 ст. 421 ГК РФ).

Иная точка зрения на правовую природу договора синдицированного кредита (займа) и на природу возникающих из него правоотношений была высказана в литературе. Так, по мнению Л. А. Попковой, «под термином “договор синдицированного кредита” следует понимать не кредитный договор (договор займа), а “кредитный продукт” в экономическом смысле.

Кредитный продукт может включать не только заемные отношения, но также отношения между кредиторами, между кредитным агентом и кредиторами, между управляющим залогом и кредиторами, а также между заемщиком, кредитным агентом и управляющим залогом. При указанном подходе “договор синдицированного кредита” представляет собой систему взаимосвязанных разнотипных гражданско-правовых договоров, имеющих общую хозяйственную цель — организация и предоставление денежных средств заемщику в форме кредита (займа) с обязательством их последующего возврата»[11].

[10] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

[11] См.: *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 12.

Представляется, что позиция законодателя на правовую природу договора синдицированного кредита (займа) нуждается в уточнении в зависимости от понятия смешанного договора.

В соответствии с п. 3 ст. 421 ГК РФ стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

К сожалению, в литературе нет единой позиции по вопросу о том, что такое «элементы» договоров, включаемых в смешанный договор.

Так, В. А. Ойгензихт полагает, что к числу смешанных относятся: 1) конгломерированный договор, в котором с целью функционального удобства в одном документе, по существу, оформляются два или несколько различных договоров, и 2) интегрированный, единый самостоятельный договор, разнородные части которого сливаются в одно целое и превращаются в новое качество[12]. В данном случае под «элементами» понимаются полноценные договоры.

Другая группа авторов считает, что смешанными можно назвать лишь те договоры, которые порождают обязательства, входящие в состав двух либо нескольких урегулированных законом типичных договорных отношений[13].

Так, О. Н. Садиков не согласился с мнением В. А. Ойгензихта, и высказал мысль о том, что ни интегрированный договор, ни единое обязательство не могут иметь характер смешанного договора, ибо не отвечают его основному признаку. Вместе с тем при анализе отдельных договоров отчетливо проявляется стремление свести их к уже известному типу договора, в то время как данный договор содержит разнородные элементы и должен быть квалифицирован в качестве смешанного[14]. Н. И. Клейн определяет смешанный договор как единое обязательство, в котором соединяются черты разного вида договоров[15].

Представляется, что термин «смешанный договор» может применяться только к тем договорам, которые объединяют более одного предмета различных договорных типов и, соответственно, порождают более одного обязательства. Отношения, порождаемые такими договорами, могут регулироваться нормами, предусмотренными законодательством для входящих в их состав договорных типов.

Договор, который включает лишь «осколки» нескольких договорных типов (т.е. неполные предметы разных договоров), следует считать договором sui generis. Необходимо согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что такие договоры должны регулироваться общими положениями

---

[12] *Ойгензихт В. А.* Нетипичные договорные отношения в гражданском праве : учеб. пособие. Душанбе, 1984. С. 4—5.

[13] *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 102 ; *Садиков О. Н.* Нетипичные институты в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1979. № 2. С. 36.

[14] *Садиков О. Н.* Указ. соч. С. 36.

[15] *Клейн Н. И.* Организация договорно-хозяйственных связей. М. : Юрид. лит., 1976. С. 98.

обязательственного права, а при их недостаточности — правилом о наиболее близком договоре[16].

Вместе с тем нельзя признавать смешанным договор, который объединяет несколько полноценных договоров, даже объединенных общей хозяйственной целью (конгломерированный договор). Представляется, что такой договор как документ объединяет несколько относительно самостоятельных договорных обязательственных правоотношений. Понятие «кредитный продукт», употребленное Л. А. Попковой, по сути, фактически заменяет понятие «конгломерированный договор».

Руководствуясь указанным подходом, результатами буквального толкования Закона о синдицированном кредите (займе), возможно сделать следующий вывод о правовой природе договора синдицированного кредита (займа).

Договоры, включенные выше в структуру договорных связей, возникающих при синдицированном кредитовании, могут быть расположены следующим образом с учетом последовательности их заключения и правовой природы договора синдицированного кредита (займа).

Во-первых, до заключения договора синдицированного кредита (займа) заключается *договор об организации синдицированного кредита (займа)*.

Во-вторых, далее заключается *договор синдицированного кредита (займа),* который является *конгломератом* следующих включенных в него видов самостоятельных договоров, объединенных общей хозяйственной целью:

— *договора между кредитным управляющим и участниками синдиката;*
— *договора о координации деятельности участников синдиката*;
— *соглашения кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику*;
— *кредитного договора или договора займа.*

В-третьих, во исполнение договора синдицированного кредита (займа) и в соответствии с избранной моделью синдицированного кредитования могут заключаться:

— *договор об управлении залогом*;
— *договоры о перемене лиц по договору синдицированного кредита (займа*).

В-четвертых, *договор об участии в кредите* может заключаться не во исполнение договора синдицированного кредита (займа), а совершенно независимо по воле его участников.

Указанная структура договорных связей подсказана толкованием Закона о синдицированном кредите (займе). Однако, как представляется, это не единственный возможный вариант правового сопровождения синдицированного кредита.

1. Возможна ситуация, когда документ, имеющий название договора синдицированного кредита или займа, включает все указанные выше договоры, за исключением, пожалуй, договоров о перемене лиц по договору синдицированного кредита (займа).

   В этом случае в едином документе должны быть согласованы все существенные условия указанных выше договоров, включая случайные.

[16] Более подробно о теории смешанных договоров и о научной дискуссии см.: *Ефимова Л. Г.* Банковские сделки: право и практика. М. : НИМП, 2001. С. 239—246.

Представляется, что тогда рассматриваемый договор следует считать не смешанным, а конгломерированным. Все включенные в его состав договоры можно было бы без ущерба для их содержания заключить в виде отдельных документов, в которых, однако, целесообразны ссылки на иные договоры, опосредующие синдицированное кредитование.

2. Допустимо заключение договора синдицированного кредита (займа) как рамочного договора (ст. 429.1 ГК РФ), в котором должны быть согласованы лишь общие условия будущих договоров, которые предполагается заключать в будущем. В отличие от предыдущего случая в таком договоре будут согласовываться не все существенные условия будущих договоров, а только некоторые из них.
3. Допустимо заключение договора об организации кредита как некоего агентского договора, в соответствии с которым организатор кредита обязуется подготовить проект и впоследующем заключить договор синдицированного кредита (займа). Последний, в свою очередь, может квалифицироваться как рамочный или конгломерированный в зависимости от его содержания. В рассматриваемом случае договор об организации кредита не может быть включен в число договоров, которые должны быть заключены в рамках договора синдицированного кредита (займа), а должен ему предшествовать.
4. Договор синдицированного кредита (займа) может быть сформулирован частично как рамочный договор, который предполагает заключение некоторых договоров в будущем, а частично — как конгломерированный, поскольку часть из указанных выше договоров он будет включать в полном объеме.
5. Наконец, возможны договоры синдицированного кредита (займа), которые объединяют признаки договоров, описанные в п. 3 и 4.

Указанное разнообразие выводов о правовой природе договора синдицированного кредита (займа) объясняется, во-первых, появлением указанного договора на практике, где содержание договора определяется конкретными сиюминутными потребностями; во-вторых, отсутствием четкой позиции законодателя, который, несмотря на издание Закона о синдицированном кредите, не в полной мере сумел урегулировать все спорные вопросы.

Рассмотрим подробнее наиболее важные договоры, сопровождающие синдицированное кредитование.

1. *Кредитный договор (или договор займа)* является центральным договором, для заключения и исполнения которого должны заключаться все остальные договоры.

Из процитированного выше легального определения договора синдицированного кредита (займа) следует, что, по мнению законодателя, кредитный договор или договор займа является договором со множественностью лиц на стороне кредитора (займодавца).

Законом предусматривается три механизма возникновения активной множественности лиц на стороне кредитора.

Во-первых, кредиторы могут заключить договор синдицированного кредита (займа) сообща, т.е. могут выразить свою волю непосредственно в процессе заключения этого договора. В указанном случае активная множественность лиц возникает сразу и внешне выражается в появлении на стороне кредитора не менее двух подписей лиц, принявших на себя обязанность по кредитованию за-

емщика. Такой вывод основан на норме ст. 10 Закона о синдицированном кредите, в соответствии с которой договор синдицированного кредита (займа) может сохранять свое действие в отношении других участников синдиката кредиторов при условии, что их остается не менее двух.

Во-вторых, множественность лиц на стороне договора синдицированного кредита (займа) может возникать в результате уступки прав по обычному кредитному договору (договору займа), заключенному заемщиком с первоначальным кредитором (ч. 5 и 6 ст. 2 Закона о синдицированном кредите).

В-третьих, множественность лиц на стороне кредита может возникать в результате присоединения последующих кредиторов к кредитному договору (договору займа), заключенному заемщиком с первоначальным кредитором (ч. 6 ст. 2 Закона о синдицированном кредите).

Вывод о природе множественности лиц на стороне кредитора в договоре синдицированного кредита (займа) может быть сделан на основании правового анализа следующих норм Закона о синдицированном кредите.

В соответствии с ч. 11 ст. 4 Закона о синдицированном кредите участники синдиката кредиторов несут обязанности по выплате вознаграждения кредитному управляющему, а также по возмещению его расходов пропорционально размеру предоставленных заемщику каждым участником синдиката кредиторов и не возвращенных заемщиком денежных средств, если договором синдицированного кредита (займа) не предусмотрено иное.

Частью 2 ст. 6 Закона о синдицированном кредите установлено, что если договором не предусмотрено иное, каждый участник синдиката кредиторов не отвечает за неисполнение иными участниками кредиторов их обязательств по предоставлению заемщику денежных средств.

Следовательно, законодатель устанавливает раздельный порядок исполнения кредиторами их обязанности, которая ограничивается той частью кредита, которую они предоставили или обязались предоставить заемщику.

Таким образом, в Законе о синдицированном кредите воплощена правовая концепция о долевом обязательстве кредиторов по договору синдицированного кредита (займа).

В литературе существует иная точка зрения на правовую природу множественности лиц по договору синдицированного кредита (займа).

По мнению Л. А. Попковой, в результате заключения кредитного договора (договора займа) в ходе синдицированного кредитования на стороне кредитора не всегда возникает множественность лиц в обязательстве. Она различает две модели синдицированного кредитования.

Множественность лиц в кредитном договоре (договоре займа) возникает в рамках модели долевого обязательства в результате частичной передачи прав и обязанностей по кредитному договору (договору займа) либо прав (требований), которая осуществляется банком-агентом в пользу банков-участников синдиката. В рамках модели самостоятельных кредитных обязательств возникает несколько (по числу займодавцев) связанных между собой однородных простых заемных обязательств между заемщиком и каждым участником синдиката в отдельности, имеющих одинаковые условия (за исключением суммы денежных средств), одинаковое содержание, объединенных общей хозяйственной целью.

В этом случае кредитный договор (договор займа) лишь формально объединяет эти обязательства в едином документе[17].

Для анализа взглядов Л. А. Попковой следует иметь в виду, что в ее работе были изучены две из трех моделей, предусмотренных Законом о синдицированном кредите, а именно: множественность кредиторов, образовавшая в результате уступки права, а также модель единовременного заключения кредитного договора (договора займа) несколькими кредиторами.

Рассматриваемый автор не отрицает, что «множественность лиц в кредитном договоре (договоре займа) возникает в рамках модели долевого обязательства в результате частичной передачи прав и обязанностей по кредитному договору (договору займа) либо прав (требований), которая осуществляется банком-агентом в пользу банков — участников синдиката[18].

Модель присоединения кредиторов к кредитному договору (договору займа) автором не рассматривалась.

Вместе с тем для анализа этой последней модели допустимо использовать аргументацию рассматриваемого автора, которая позволила доказать факт возникновения активной долевой множественности лиц в одном обязательстве при уступке прав (требований) по кредитному договору (договору займа).

Точно так же, как уступка права по одному обязательству не может привести к возникновению нескольких самостоятельных обязательств, несколько сделок по присоединению к одному ранее заключенному договору, породившему одно обязательство, не может привести к возникновению нескольких самостоятельных обязательств по предоставлению кредита (займа). В результате присоединения нескольких кредиторов к одному кредитному договору возникает одно долевое обязательство со множественностью лиц на стороне кредитора.

Модель синдицированного кредита, при которой кредиторы заключают договор синдицированного кредита (займа) сообща, что выражается в появлении более двух подписей лиц на стороне кредитора в документе, оформляющем это соглашение, по-разному квалифицируется в действующем законе и в доктрине.

В связи с отсутствием специальных норм в Законе о синдицированном кредите указанная модель синдицированного кредита ничем не отличается от двух других. Поэтому обоснован вывод, что с точки зрения российского законодателя заключение договора синдицированного кредита (займа) несколькими кредиторами, которые сами непосредственно подписывают документ, ничем не отличается от остальных механизмов появления нескольких лиц на стороне кредитора, кроме порядка заключения договора и момента возникновения множественности лиц[19]. В этом случае также возникает одно заемное обязательство с долевой множественностью лиц на стороне кредитора.

---

[17] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 12.

[18] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 12.

[19] В этом случае множественность лиц может возникать не в момент заключения кредитного договора (займа) одним кредитором, а позднее — в момент уступки права (требования) в пользу второго кредитора, либо в момент присоединения его к этому договору

По мнению Л. А. Попковой, в этом случае возникает несколько (по числу займодавцев) связанных между собой однородных простых заемных обязательств между заемщиком и каждым участником синдиката в отдельности, имеющих одинаковые условия (за исключением суммы денежных средств), одинаковое содержание, объединенных общей хозяйственной целью. В этом случае кредитный договор (договор займа) лишь формально объединяет эти обязательства в едином документе.

Л. А. Попкова обосновала следующие отличия нескольких связанных между собой однородных простых заемных обязательств, возникающих при реализации модели самостоятельных кредитных обязательств, от простых обязательств, возникающих из нескольких независимых кредитных договоров:

— взаимодействие между заемщиком и кредиторами осуществляется через банк-агент (кредитный агент);
— некоторые субъективные гражданские права в таких заемных обязательствах (решение о досрочном взыскании кредита, об обращении взыскания на обеспечение и т.п.) осуществляются не каждым из кредиторов в отдельности, а на основании решения большинства участников синдиката[20].

Во-первых, необходимо признать, что обязательство с долевой множественностью лиц имеет лишь незначительные отличия от модели нескольких самостоятельных обязательств, одинаковых по содержанию, но объединенных общей хозяйственной целью.

По мнению И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца, «самостоятельный характер каждого из солидарных обязательств приводит к тому, что каждое из них имеет в дальнейшем, так сказать, свою собственную судьбу, отличную нередко от судьбы другого обязательства. Это, между прочим, приводит к тому, что поведение каждого из солидарных должников, поскольку в договоре нет какого-либо специального указания, касается только его, его обязательство может осложниться, расшириться и т.д., но другого должника эти обременения, явившиеся результатом поведения первого должника, не коснутся»[21].

Поэтому весь дальнейший анализ имеет скорее теоретическое, чем практическое значение, учитывая практически одинаковые в обоих случаях правовые последствия для должника.

Во-вторых, факт взаимодействия заемщика с кредиторами через банк-агент (кредитный агент) не может рассматриваться как убедительный аргумент в пользу признания синдиката кредиторов объединением самостоятельных кредиторов по нескольким самостоятельным обязательствам по следующим причинам.

Из работы Л. А. Попковой усматривается, что банк-агент является обычным представителем кредиторов, на которого возложено ведение их общих дел.

В статье 4 Закона о синдицированном кредите банк-агент имеет другое название — кредитный управляющий. В соответствии с договором синдицированного кредита (займа) кредитный управляющий осуществляет права участников синдиката кредиторов, которые прямо возложены на него договором, включая

[20] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 12.

[21] См.: *Новицкий И. Б.*, *Лунц Л. А.* Указ. соч. С. 204.

взаимодействие с заемщиком. Частью 13 ст. 4 Закона о синдицированном кредите (займе) предусмотрено, что к обязанностям кредитного управляющего применяются правила о договоре поручения, если иное не вытекает из ст. 4 этого Закона или из существа обязательств по договору синдицированного кредита (займа).

Обоснован вывод, что отношения представительства одинаково возможны как в отношении нескольких долевых сокредиторов в одном обязательстве, так и в отношении нескольких самостоятельных кредиторов по самостоятельным обязательствам.

По указанным причинам факт взаимодействия кредиторов с должником через представителя не может служить признаком самостоятельности кредиторов.

В-третьих, факт осуществления некоторых субъективных гражданских прав кредиторов на основании решения большинства участников синдиката также не является достаточным доказательством для конструирования модели нескольких самостоятельных заемных обязательств.

Частью 2 ст. 5 Закона о синдицированном кредите предусматривается, что порядок принятия участниками синдиката кредиторов решений регулируется правилами гл. 9.1 ГК РФ «Решения собраний». В соответствии с п. 1 ст. 181.2 ГК РФ решение собрания считается принятым, если за него проголосовало большинство участников собрания и при этом в собрании участвовало не менее 50 % от общего числа участников соответствующего гражданско-правового сообщества.

Из нормы п. 1 ст. 181.2 ГК РФ прямо не следует, что под гражданско-правовым сообществом следует понимать только сообщество независимых кредиторов. Закон о синдицированном кредите предписывает применение указанной модели принятия решений кредиторами по синдицированному кредиту не только в случае заключения договора синдицированного кредита (займа) всеми кредиторами сообща, но и в других случаях, когда долевой характер множественности лиц сомнений не вызывает.

Таким образом, с точки зрения действующего законодательства отсутствуют какие-либо аргументы, подтверждающие теорию о самостоятельности заемных обязательств в правоотношениях по синдицированному кредитованию.

Следовательно, независимо от используемой на практике модели договора синдицированного кредита (займа) на стороне кредитора в определенный момент времени всегда возникает долевая множественность лиц.

2. *Договор об организации синдицированного кредита (займа)* заключается между лицом, желающим получить синдицированный кредит (заем) и организатором (организаторами) синдицированного кредита (займа).

В качестве организатора синдиката может действовать только лицо, которое имеет право быть участником синдиката кредиторов.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Закона о синдицированном кредите по договору об организации синдицированного кредита (займа) организатор синдицированного кредита (займа) обязуется, действуя по заданию заказчика, оказать ему услуги по подготовке к заключению на определенных условиях договора синдицированного кредита (займа) (услуги по организации синдицированного кредита (займа), а заказчик обязуется выплатить вознаграждение за оказание этих услуг.

Обязанность по оплате услуг организатора может предусматриваться также в договоре синдицированного кредита (займа) (ч. 2 ст. 3 Закона о синдицированном кредите).

Иные обязанности организатора синдицированного кредита (займа) описаны в Законе лишь примерно.

Из частей 3 и 4 ст. 3 Закона о синдицированном кредите следует, что в договоре об организации синдицированного кредита (займа) может предусматриваться так азываемое условие о неконкуренции.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 3 Закона о синдицированном кредите договором об организации синдицированного кредита (займа) может быть предусмотрено обязательство заказчика не вступать до момента заключения договора синдицированного кредита (займа) в какие-либо переговоры или договорные отношения с другими лицами по поводу заключения договоров синдицированного кредита (займа) на сходных условиях. Аналогичная обязанность одного или нескольких организаторов кредита может быть предусмотрена в соответствии с ч. 4 ст. 3 Закона о синдицированном кредите.

Частью 1 ст. 3 Закона о синдицированном кредите определен момент исполнения договора об организации синдицированного кредита (займа). Указанные услуги считаются оказанными в момент заключения договора синдицированного кредита (займа).

Правовая характеристика договора об организации синдицированного кредита (займа) определена в правовой литературе следующим образом. «Договор об организации синдицированного кредита (займа) является консенсуальным, двусторонне обязывающим, возмездным, срочным договором, имеющим длящийся характер»[22].

В соответствии с ч. 5 ст. 3 Закона о синдицированном кредите договор об организации синдицированного кредита (займа) должен быть заключен в письменной форме. Несоблюдение формы договора об организации синдицированного кредита (займа) влечет его ничтожность. Отсюда следует, что форма договора включена законодателем в состав рассматриваемой сделки. Следовательно, договор об организации синдицированного кредита (займа) является формальным договором.

Правовая природа договора об организации синдицированного кредита (займа) является спорной. По мнению Л. А. Попковой, указанный договор является самостоятельным договором[23]. Указанная правовая позиция нуждается в уточнении. Обоснован подход, что разработка новых договорных типов необходима только тогда, когда заключаемые на практике договоры не могут быть урегулированы с помощью уже известных, поименованных в ГК РФ договоров.

Представляется, что правовой целью договора об организации синдицированного кредита (займа) является не только оказание услуг по поиску потенциальных контрагентов, но также совершение отдельных действий представительского характера.

---

[22] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 24—25.

[23] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

Например, договор об организации синдицированного кредита (займа) может возложить на одного или нескольких организаторов обязанность совершить ряд юридически значимых и фактических действий: найти возможных участников синдиката, провести с ними переговоры, подготовить необходимую преддоговорную и договорную документацию. Вероятно, у организатора может появиться необходимость подписать какие-либо документы.

Совершая указанные действия, организатор синдицированного кредита (займа) будет вынужден уведомить будущих участников синдиката, что он действует не от своего имени, а от имени и по поручению потенциального заемщика. Следовательно, у организатора синдицированного кредита (займа) должно быть соответствующее полномочие, в том числе доверенность, которую он сможет предъявить потенциальным участникам синдиката.

С учетом указанной правовой цели, а также в зависимости от наличия или отсутствия у организатора синдицированного кредита (займа) полномочий действовать от имени заемщика, указанный договор может быть квалифицирован:

— либо как смешанный договор, объединяющий элементы агентского договора (модель договора поручения) и договора возмездного оказания услуг,
— либо как обычный договор возмездного оказания услуг.

3. В рамках любой модели синдицированного кредитования возможно ***заключение нескольких видов межкредиторских договоров***:

— *договора о координации деятельности участников синдиката* (ст. 4 Закона о синдицированном кредите);
— *соглашения кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику* (ст. 309.1 ГК РФ, ч. 5 ст. 2, ч. 5 ст. 6 Закона о синдицированном кредите);
— *договора между кредитным управляющим и участниками синдиката* (ч. 1 ст. 4 Закона о синдицированном кредите (займе));

Все перечисленные выше межкредиторские договоры, которые обычно заключаются в процессе синдицированного кредитования, можно было бы без ущерба для дела объединить в едином документе под любым названием.

Предметом такого договора являются:

— создание коллективного образования кредиторов и определение порядка принятия им решений, включая порядок распределения голосов, понятие кворума, большинства голосов, вопросы, требующие единогласия и т.п.;
— определение порядка ведения общих дел синдиката кредиторов, возникающих в процессе синдицированного кредитования, включая выбор кредитного управляющего и наделение его полномочиями;
— определение долей участия каждого из кредиторов в формировании кредитных ресурсов, необходимых для предоставления синдицированного кредита (займа);
— определение очередности удовлетворения требований кредиторов или о непропорциональности распределения исполнения, отличных от общего порядка;
— определение порядка управления предметом залога, назначение управляющего залогом и наделение его полномочиями;
— иные вопросы.

Однако на практике принято заключать несколько договоров по отдельным группам вопросов, которые указаны выше.

Заключение *договора о координации деятельности участников синдиката* обоснованно, поскольку сторона кредитного договора — кредитор (займодавец) представлена несколькими лицами (двумя и более), которые вынуждены действовать сообща и непротиворечиво. Поэтому возникает необходимость согласования процедуры выработки единой воли кредиторов во взаимоотношениях с заемщиком.

Поэтому предметом договора о координации деятельности участников синдиката[24] обычно являются:

— создание коллективного образования кредиторов и определение порядка принятия им решений, включая порядок распределения голосов, понятие кворума, большинства голосов, вопросы, требующие единогласия и т.п.;
— выбор кредитного управляющего и наделение его полномочиями;
— определение долей участия каждого из кредиторов в формировании кредитных ресурсов, необходимых для предоставления синдицированного кредита (займа).

По общему правилу ч. 2 ст. 5 Закона о синдицированном кредите к порядку принятия решений по указанным вопросам применяются правила гл. 9.1. ГК РФ о решениях собрания, с которым Закон связывает гражданско-правовые последствия, а также нормы ст. 5 Закона о синдицированном кредите.

Это означает, что к порядку принятия решений общим собранием участников синдиката применяются следующие правила:

а) решение собрания считается принятым, если за него проголосовало большинство участников собрания и при этом в собрании участвовало не менее 50 % от общего числа участников синдиката кредиторов (п. 1 ст. 181.2 ГК РФ). Частью 1 ст. 5 Закона о синдицированном кредите предусмотрено специальное правило о том, что для принятия некоторых наиболее важных вопросов договором и решением собрания может предусматриваться необходимость единогласия всех участников синдиката[25]. В соответствии с ч. 2 ст. 5 Закона о синдицированном кредите договором может быть предусмотрен иной порядок определения большинства голосов участников синдиката кредиторов;
б) в соответствии с ч. 3 ст. 5 Закона о синдицированном кредите количество голосов, принадлежащих каждому участнику синдиката кредиторов при принятии решений синдикатом кредиторов, определяется следующим образом:
   — до момента начала выдачи участниками синдиката кредиторов денежных средств заемщику — пропорционально предусмотренному договором син-

[24] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 11.

[25] Осуществление или отказ от осуществления определенных прав всеми участниками синдиката кредиторов; исполнение определенных обязанностей всеми участниками синдиката кредиторов; направление заемщику в предусмотренных законом или договором случаях уведомления об отказе от договора синдицированного кредита (займа) или требования о его изменении либо расторжении; выбор из числа участников синдиката кредиторов кредитного управляющего, наделение его определенными полномочиями и направление ему указаний по вопросам осуществления таких полномочий.

дицированного кредита (займа) размеру предоставляемых заемщику этим участником синдиката кредиторов денежных средств;

— после начала выдачи участниками синдиката кредиторов денежных средств заемщика — пропорционально сумме фактически предоставленных заемщику этим участником синдиката кредиторов и не возвращенных этому участнику синдиката кредиторов денежных средств, определяемой на дату, которая предшествует дате проведения собрания участников синдиката кредиторов.

Пунктом 3 ч. 2 ст. 5 Закона о синдицированном кредите предусмотрено, что договором может быть определен иной порядок определения количества голосов, принадлежащих каждому участнику синдиката кредиторов;

в) решение участников синдиката кредиторов может приниматься не только очно, но также посредством заочного голосования (п. 1 ст. 181.2 ГК РФ);

г) при наличии в повестке дня собрания нескольких вопросов по каждому из них принимается самостоятельное решение, если иное не установлено единогласно участниками синдиката кредиторов (п. 2 ст. 181.2 ГК РФ);

д) о принятии решения собрания синдиката кредиторов должен составляться протокол в письменной форме. Протокол подписывается председательствующим на собрании и секретарем собрания. Содержание протокола определяется п. 4 и 5 ст. 182.2 ГК РФ. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 5 Закона о синдицированном кредите в договоре может предусматриваться иной порядок фиксации принятого участниками синдиката кредиторов решения;

е) решение собрания синдиката кредиторов может быть признано недействительным. По общему правилу недействительное решение является оспоримым, если в соответствии с законом оно не является ничтожным (ст. 181.3 ГК РФ), в порядке, установленном ст. 181.4 ГК РФ;

ж) решение синдиката кредиторов является ничтожным в соответствии со ст. 181.5 ГК РФ, если оно:

— принято по вопросу, не включенному в повестку дня, за исключением случая, если в собрании приняли участие все участники синдиката кредиторов;

— принято при отсутствии необходимого кворума;

— принято по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания;

— противоречит основам правопорядка или нравственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 5 Закона о синдицированном кредите договором синдицированного кредита (займа) может быть предусмотрено, что на основании решений, принятых единогласно всеми участниками синдиката кредиторов или большинством голосов участников синдиката кредиторов, и в порядке, предусмотренном таким решением, осуществляется следующее.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 5 Закона о синдицированном кредите одним из наиболее важных вопросов, решение которого может потребовать единогласия всех участников собрания кредиторов, является выбор из числа участников синдиката кредиторов кредитного управляющего, наделение его определенными полномочиями и направление ему указаний по вопросам осуществления таких полномочий.

Правовая природа договора о координации деятельности участников синдиката является спорной. По мнению Л. А. Попковой, этот договор не является

договором простого товарищества, а может быть квалифицирован как договор sui generis.

По мнению О. М. Иванова, весь договор синдицированного кредита не может быть квалифицирован как договор простого товарищества. Автор сослался также на мнение германских юристов[26]. Учитывая, что договор синдицированного кредита (займа) выше был квалифицирован не как единый договор, а как конгломерат нескольких юридически самостоятельных договоров, вывод О. М. Иванова вполне применим к той части договора синдицированного кредита (займа), которая внешне похожа на договор простого товарищества, — к рассматриваемому договору о координации деятельности участников синдиката. С учетом указанного уточнения с мнением О. М. Иванова можно частично согласиться.

Следует также согласиться с мнением Л. А. Попковой о том, что договор о координации деятельности участников синдиката не является договором простого товарищества, учитывая, что не все нормы гл. 55 ГК РФ могут быть применены к синдикату кредиторов. Однако квалификация указанного договора в качестве договора sui generis также представляется малоинформативной, поскольку такой подход не определяет договор и не позволяет определить его место в системе других гражданско-правовых договоров.

Учитывая цель договора — обеспечение взаимодействия кредиторов в отношениях с должником, обоснован вывод, что договор о координации деятельности участников синдиката с точки зрения правовой природы является многосторонним организационным договором, целью которого являются создание и функционирование гражданско-правового объединения лиц — синдиката кредиторов.

В результате заключения указанного договора возникает многостороннее корпоративное правоотношение между всеми участниками синдиката кредиторов, содержание которого было рассмотрено выше через перечень вопросов, включаемых в предмет договора о координации деятельности участников синдиката.

Договор между кредитным управляющим и участниками синдиката. Частью 1 ст. 4 Закона о синдицированном кредите предусмотрено, что в договоре синдицированного кредита (займа) может быть предусмотрено, что один из участников синдиката кредиторов (кредитный управляющий) должен вести общие дела синдиката. Так, например, кредитный управляющий ведет реестр участников синдиката кредиторов, осуществляет учет всех предоставленных заемщику каждым из участников синдиката кредиторов денежных средств, а также в порядке, предусмотренном договором, от имени и в интересах всех участников синдиката кредиторов осуществляет их права в отношениях с заемщиком или третьими лицами.

В свою очередь, в соответствии с ч. 11 ст. 4 Закона о синдицированном кредите участники синдиката кредиторов несут обязанности по выплате вознаграждения кредитному управляющему, а также по возмещению его расходов, понесенных им в связи с исполнением возложенных на него обязанностей, пропорционально размеру предоставленных заемщику каждым участником синдиката кредиторов

[26] *Иванов О. М.* О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права. С.117 ; *Он же.* Консорциальный кредит по праву Германии. Арбитражная практика. 2016. № 10—12.

и не возвращенных заемщиком денежных средств, если договором синдицированного кредита (займа) не предусмотрено иное.

Интересно, что Закон о синдицированном кредите не обязывает заключать отдельный договор между кредиторами и кредитным управляющим, а предписывает лишь возложение на одного из кредиторов функции кредитного управляющего.

Из части 6 ст. 4 Закона о синдицированном кредите вытекает, что кредитный управляющий должен быть определен непосредственно в договоре синдицированного кредита (займа). Если такое условие отсутствует, то кредитный управляющий должен быть определен решением, принятым большинством голосов участников синдиката кредиторов, или в ином порядке, предусмотренном договором синдицированного кредита (займа).

В литературе было высказано мнение о том, что в этом случае должен быть заключен специальный договор между участниками синдиката кредиторов и кредитным управляющим о координации совместной деятельности при синдицированном кредитовании[27]. Указанное предложение является правильным.

Представляется, однако, что возложить на кредитного управляющего функции по ведению общих дел участников синдиката кредиторов можно разными способами:

— путем включения соответствующего условия в договор синдицированного кредита (займа);
— путем включения соответствующего условия в договор о координации деятельности участников синдиката;
— путем заключения отдельного договора между участниками синдиката кредиторов и кредитным управляющим;
— путем принятия решения общим собранием участников синдиката кредиторов.

В любом из указанных случаев между кредитным управляющим и участниками синдиката кредиторов возникает договорное обязательственное правоотношение, правовые особенности которого отражены в ст. 4 Закона о синдицированном кредите.

Частью 1 ст. 4 Закона о синдицированном кредите предусматривается примерный перечень обязанностей кредитного управляющего по рассматриваемому договору, который включает:

— заявление заемщику требования о возврате полученных им денежных средств, об уплате процентов за пользование денежными средствами и иных платежей, а также направление иных юридически значимых сообщений заемщику и третьим лицам;
— получение от заемщика или от третьих лиц исполнения по договору, в том числе процентов за пользование денежными средствами и иных платежей, ведение учета поступивших по договору денежных средств и распределение их между участниками синдиката кредиторов;
— предоставление кредиторам, управляющему залогом и иным предусмотренным договором лицам документов и информации, полученных от заемщика и третьих лиц.

---

[27] *Полкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 15.

Следовательно, объектом обязательства кредитного управляющего является совершение им юридически значимых и фактических действий, которые должны быть направлены на ведение общих дел участников синдиката кредиторов.

К числу фактических действий следует отнести, например, выполнение кредитным управляющим обязанности по предоставлению участникам синдиката кредиторов соответствующей информации.

В связи с изложенным, представляется необоснованной норма ч. 13 ст. 4 Закона о синдицированном кредите, из которой следует, что к обязанностям кредитного управляющего применяются правила о договоре поручения, если иное не предусмотрено ст. 4 Закона о синдицированном кредите и не вытекает из существа обязательств по договору синдицированного кредита (займа).

Представляется, что выполнение фактических действий не может осуществляться во исполнение договора поручения в силу правила п. 1 ст. 971 ГК РФ.

Обоснован вывод, что выполнение указанных обязанностей кредитного управляющего должно осуществляться в рамках агентского договора, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 1005 ГК РФ агент вправе совершать для принципала не только юридические, но также иные, т.е. фактические, действия.

Таким образом, договорное обязательственное отношение между кредитным управляющим и участниками синдиката следует считать *агентским договором о ведении общих дел участников синдиката кредиторов.*

Этот договор является двусторонне обязывающим, консенсуальным, возмездным. Из части 1 ст. 4 Закона о синдицированном кредите следует, что сторонами рассматриваемого обязательства являются кредитный управляющий (агент) и остальные участники синдиката (принципал). Следовательно, рассматриваемый агентский договор является договором со множественностью лиц на стороне принципала, что является его правовой особенностью, учитывая, что синдикат кредиторов не может состоять из одного лица.

Кредитным управляющим может быть один из участников синдиката (ч. 1 ст. 4), однако не любой из них. Из части 5 ст. 4 Закона о синдицированном кредите вытекает, что полномочия кредитного управляющего могут осуществляться только кредитной организацией, государственной корпорацией «Банк развития внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», иностранным банком или международной финансовой организацией.

В соответствии с ч. 12 ст. 4 Закона о синдицированном кредите договором синдицированного кредита (займа) может быть предусмотрено право кредитного управляющего на односторонний отказ от осуществления полномочий кредитного управляющего либо прекращение его полномочий и предоставление этих полномочий иному участнику синдиката кредиторов по инициативе иных участников синдиката кредиторов на основании решения, принятого единогласно всеми участниками синдиката кредиторов или большинством голосов участников синдиката кредиторов в порядке, предусмотренном договором синдицированного кредита (займа).

Частью 2 ст. 7 Закона о синдицированном кредите предусмотрено, что полученные кредитным управляющим в соответствии с договором синдицированного кредита (займа) от заемщика или от третьих лиц денежные средства распределяются кредитным управляющим между кредиторами пропорционально размеру

предоставленных ими денежных средств синдицированного кредита (займа), в отношении которых срок возврата уже наступил, если иной порядок распределения не установлен договором синдицированного кредита (займа).

Иной порядок распределения денежных средств может быть установлен не только в договоре синдицированного кредита (займа), который, как было указано выше, является простым конгломератом самостоятельных договоров, а в специальном *соглашении кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику*, которое было упомянуто в ч. 5 ст. 2, ч. 5 ст. 6 Закона о синдицированном кредите.

Отношения, возникающие в связи с заключением и исполнением указанного договора, подчиняются правилам ст. 309.1 ГК РФ «Соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику»[28].

Указанной нормой предусматривается, что предметом договора кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику являются очередность удовлетворения кредиторов за счет исполнения, предоставленного должником, а также соглашение о непропорциональности распределения исполнения. Стороны указанного соглашения обязаны не совершать действия, направленные на получение исполнения от должника, в нарушение условий указанного соглашения. Исполнение, полученное от должника одним из кредиторов в нарушение условий соглашения между кредиторами о порядке удовлетворения их требований к должнику, подлежит передаче кредитору по другому обязательству в соответствии с условиями указанного соглашения. К кредитору, который передал полученное от должника исполнение другому кредитору, переходит требование последнего к должнику в соответствующей части.

Пунктами 4 и 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» установлено, что в силу п. 3 ст. 309.1 ГК РФ соглашение кредиторов не создает обязанности для должника, не участвовавшего в этом соглашении. Предусмотренный таким соглашением порядок удовлетворения требований не является основанием для отказа кредитора в принятии предложенного должником надлежащего исполнения. В случае такого отказа кредитор считается просрочившим (п. 1 ст. 406 ГК РФ). Равным образом соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их однородных требований к должнику создает обязательства между кредиторами, но не меняет порядок проведения процедур и очередность удовлетворения требований кредиторов, установленные Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Согласно п. 2 ст. 309.1 ГК РФ принятое от должника надлежащее исполнение кредитор обязан передать другому кредитору или другим кредиторам в соответствии с соглашением между ними. В таком случае исполненным в соответствующей части считается обязательство должника в отношении кредитора, принявшего надлежащее исполнение, к которому в соответствующей части переходит требование к должнику от кредитора, которому передано исполнение.

---

[28] *Попкова Л. А.* Договор синдицированного кредита: правовая природа и содержание // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2.

Правовая природа межкредиторского соглашения, урегулированного ст. 309.1 ГК РФ, определяется доктриной как разновидность договора простого товарищества[29].

Представляется, что такие договоры не могут быть квалицированы как договоры простого товарищества, учитывая отсутствие у объединения кредиторов совместного имущества, а также невозможность применения иных норм гл. 55 ГК РФ (ст. 1049 «Выдел доли», ст. 1052 «Расторжение договора простого товарищества по требованию стороны» и т.п.).

Обоснован вывод, что соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику, которое было упомянуто в ч. 5 ст. 2, ч. 5 ст. 6 Закона о синдицированном кредите, а также соглашение, урегулированное ст. 309.1 ГК РФ, являются многосторонними организационными договорами, определяющими порядок взаимодействия нескольких кредиторов.

Указанное соглашение допустимо объединить с рассмотренным выше договором о координации деятельности участников синдиката.

4. *Договор управления залогом* может заключаться в случае, когда предметом залога является имущество, которое требует постоянного внимания кредиторов либо передается залогодателем во владение синдиката кредиторов. В этом случае в договоре о координации деятельности участников синдиката необходимо согласование кандидатуры управляющего залогом некоторых наиболее важных условий договора управления залогом, а также наделение кредитного управляющего на заключение договора управления залогом и управляющего залогом правом на заключение договора залога от имени кредиторов.

Правовое регулирование отношений по договору управления залогом осуществляется ст. 356 ГК РФ.

По договору управления залогом управляющий залогом, действуя от имени и в интересах всех кредиторов, заключивших договор, обязуется заключить договор залога с залогодателем и (или) осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога, а кредитор (кредиторы) — компенсировать управляющему залогом понесенные им расходы и уплатить ему вознаграждение, если иное не предусмотрено договором.

Управляющим залогом может быть индивидуальный предприниматель или коммерческая организация.

5. *Договоры о перемене лиц по договору синдицированного кредита (займа)* предусмотрены в ст. 8 Закона о синдицированном кредите. Указанная норма устанавливает особенности совершения указанных договоров. Учитывая, что под наименованием «договор синдицированного кредита (займа)» фактически понимается несколько взаимосвязанных договоров, которые были рассмотрены ранее, перемена лиц в указанных договорах нуждается в специальном правовом регулировании:

а) ст. 8 Закона о синдицированном кредите регулирует только перемену участников синдиката, а не заемщика по кредитному договору (займу). При изменении заемщика подлежат применению общие правила гл. 24 ГК РФ;

[29] *Подузова Е. Б.* Договор простого товарищества как форма организации и ведения совместной деятельности: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10.

б) в результате перемены лиц во всех договорах, объединяемых общим названием «договор синдицированного кредита (займа)», осуществляется не только уступка прав, но и передача обязанностей. Поэтому в соответствии с ч. 6 ст. 8 Закона о синдицированном кредите правовым основанием для такой перемены лиц является конструкция передачи договора (ст. 383.3 ГК РФ);

в) в случае перемены участников синдиката происходит одновременная передача прав и обязанностей по всем договорам, заключаемым в процессе синдицированного кредитования. Одновременная передача участником синдиката кредиторов всех его прав и обязанностей по договору синдицированного кредита (займа) другому лицу допускается исключительно вместе с передачей прав по сделкам об обеспечении синдицированного кредита (займа), а также прав, возникающих из обязательств одного из кредиторов по отношению к другим кредиторам, связанным с договором синдицированного кредита (займа), либо договоров по управлению залогом, по организации предоставления кредита (займа) и т.п. (ч. 6 ст. 8 Закона о синдицированном кредите);

г) передача прав и обязанностей по договорам, заключаемым в процессе синдицированного кредитования, осуществляется без согласия других участников синдиката, включая кредитного управляющего. Иное может быть установлено договором (ч. 3 ст. 8 Закона о синдицированном кредите);

д) перевод участником синдиката кредиторов своей обязанности по предоставлению кредита (займа) допускается только на такое лицо, которое может быть участником синдиката кредиторов. Договор синдицированного кредита (займа) может содержать предварительное согласие заемщика на перевод участником синдиката кредиторов своей обязанности по предоставлению кредита (займа);

е) при уступке Банку России участником синдиката кредиторов прав (требований) по договору синдицированного кредита (займа) могут быть переданы только права (требования), возникшие из исполненных участником синдиката кредиторов обязательств по предоставлению заемщику денежных средств (ч. 4 ст. 8 Закона о синдицированном кредите);

ж) кредитный управляющий не вправе передавать свои права (требования), принадлежащие ему на основании договора синдицированного кредита (займа), другому лицу, не вправе совершать перевод своего долга на другое лицо или одновременную передачу всех своих прав и обязанностей по договору до прекращения его полномочий по осуществлению прав участников синдиката кредиторов;

з) уведомление об уступке прав (требований) должно осуществляться участником синдиката в адрес кредитного управляющего, который, в свою очередь, обязан уведомить заемщика (ст. 9 Закона о синдицированном кредите).

6. ***Иные договоры, заключаемые в процессе синдицированного кредитования,*** определяются потребностями практики, Например, в литературе описан *договор об участии в кредите*, который в Законе о синдицированном кредите прямо не поименован[30]***.***

[30] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 15—16.

Так, по мнению Л. А. Попковой, в международной банковской практике участие в кредите оформляется самостоятельным соглашением, заключенным между одним из кредиторов — членов синдиката и третьим лицом (участником) и устанавливающим особый механизм предоставления финансирования. Она пишет, что участие в синдицированном кредите выражается в том, что один из членов синдиката кредиторов (основной кредитор) передает третьему лицу (участник) долю в предоставленном кредите (сумма участия) путем заключения гражданско-правового договора. При этом основной кредитор не выходит из правоотношений с заемщиком. Между участником — третьим лицом и заемщиком также отсутствуют непосредственные договорные отношения. По мнению Л. А. Попковой, участие в кредитовании возможно в двух формах: посредством участия в финансировании (funded participation) и участия в распределении риска (risk participation).

В соответствии с договором участия в финансировании кредита третье лицо («участник») предоставляет первоначальному кредитору денежные средства (заем, кредит) в сумме, равной или меньшей суммы денежных средств, предоставленных заемщику. В ряде случаев для этих целей участник открывает в банке-кредиторе депозит в размере, согласованном между участником и банком, и на условиях, соответствующих условиям договора синдицированного кредита. В качестве вознаграждения участника при данной форме участия в кредитовании рассматриваются проценты, начисленные на сумму предоставленного участником кредита (займа) или депозита. Первоначальный кредитор обязан передавать участнику часть производимых заемщиком выплат по синдицированному кредиту пропорционально размеру участия. Описывая возникающие отношения, Л. А. Попкова указывает, что в целях защиты интересов кредитора международной банковской практикой выработан принцип limited recourse — особый механизм, по которому кредитор не обязан выплачивать участнику сумму участия в случае, если заемщик не платит по кредитному договору.

Второй вид участия — участие в распределении риска — не предполагает предоставления финансовых ресурсов непосредственно членам синдиката. При данной форме участия в кредите участник обязуется выплатить кредитору — члену синдиката определенную сумму (в пределах своей доли участия) в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств со стороны заемщика. Таким образом, делает вывод Л. А. Попкова, обязательство участника по предоставлению финансирования возникает лишь в случае нарушения заемщиком своих обязательств, предусмотренных договором синдицированного кредита. Участник получает от кредитора — члена синдиката вознаграждение, предусмотренное соглашением об участии в распределении риска. В случае выплаты участником кредитору — члену синдиката возмещения в результате нарушения заемщиком обязательств по кредитному договору, к нему либо переходят права (требования) кредитора в отношении заемщика, либо право на денежные суммы, впоследствии получаемые кредитором от заемщика[31].

[31] *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : дис. ... канд. юрид. наук. С. 172—181.

Таким образом, договор об участии в кредите является правовым механизмом перераспределения экономических рисков и обязательств, возникающих у участников синдиката кредиторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Иванов О. М.* Консорциальный кредит по праву Германии // Арбитражная практика. — 2016. — № 10—12.
2. *Иванов О. М.* О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 1.
3. *Подузова Е. Б.* Договор простого товарищества как форма организации и ведения совместной деятельности: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 10.
4. *Попкова Л. А.* Договор синдицированного кредита: правовая природа и содержание // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 2.
5. *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017.
6. *Попкова Л. А.* Правовая конструкция синдицированного кредита : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017.

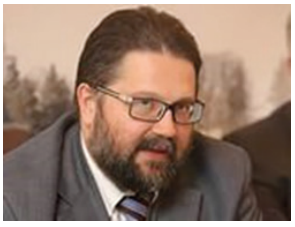
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО

Аннотация. *В статье рассмотрен новый для российского права институт защиты прав потребителей финансовых услуг. Дана общая характеристика Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Проводится анализ правового статуса уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг и Службы финансового уполномоченного. Авторы отстаивают мнение о том, что финансовый уполномоченный не является органом государственной власти и сохраняет статус института гражданского общества, признанного государством на уровне федерального закона и обладающего отдельными функциями органа государственной власти, прежде всего — функцией разрешения спора между конфликтующими сторонами. Специфика финансового уполномоченного состоит в том, что этот орган не является органом, нейтрально относящимся к сторонам спора между потребителем финансовых услуг и финансовой организацией. Финансовый омбудсмен — это орган по защите прав потребителей финансовых услуг.*

Ключевые слова: *финансовые услуги, потребители финансовых услуг, защита прав потребителей финансовых услуг, финансовый уполномоченный, финансовый омбудсмен, правовой статус финансового уполномоченного.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.045-054

Татьяна Эдуардовна РОЖДЕСТВЕНСКАЯ,
доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
tatiana_rojd@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9



Алексей Геннадьевич ГУЗНОВ,
доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ
aguznov@gmail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов, 2018

T. E. ROZHDESTVENSKAYA,
Doctor of Law Sciences, PhD, Associate Professor of the Department of banking law public joint stock company, Doctor of Law Sciences, Professor of the Department of financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
tatiana_rojd@mail.ru
Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

A. G. GUZNOV,
Doctor of Law, Professor of the Department of financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Honoured lawer of Russia,
aguznov@gmail.ru
Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE FINANCIAL OMBUDSMAN

Abstract. *In article the institute of consumer protection of financial services, new to Russian law, is considered. The general characteristic of the Federal*

law «About the Representative for the Rights of Consumers Financial Services» is given. The analysis of legal status of the representative for the rights of consumers˘financial services and Service of the financial representative is carried out. Authors defend opinion that the financial representative isn't public authority and keeps the status of institute of the civil society recognized by the state at the level of the federal law and the public authority possessing separate functions, first of all — function of settlement of dispute between conflicting parties. The specifics of the financial representative consist that this body isn't the body which is neutrally relating to the parties of a dispute between the consumer of financial services and the financial organization. The financial ombudsman is a body for consumer protection of financial services.
Keywords: *financial services, consumers of financial services, protection of the rights of consumers of financial services, financial ombudsman, the legal status of the financial ombudsman.*

Защита прав и законных интересов потребителей финансовых услуг является одним из элементов индустриальной и постиндустриальной экономики. Следует отметить, что защита прав потребителей финансовых услуг в правовом смысле предполагает отход от классического принципа гражданского оборота: принципа равенства сторон в договоре. Потребитель — физическое лицо — приобретает товар (работу или услугу) для личного потребления, не связанного с ведением предпринимательской деятельности[1]. Он зачастую не обладает необходимыми навыками и знаниями, чтобы на равных конкурировать с поставщиком. Поэтому государство и общество предоставляют такому потребителю дополнительные средства защиты для сглаживания несправедливости отношений с предпринимателем, являющимся другой стороной договора.

Действенная система защиты прав потребителей финансовых услуг обязательно должна включать механизм рассмотрения жалоб и предоставление возможностей — как судебных, так и внесудебных — для обжалования действий поставщиков финансовых услуг, финансовых организаций. Естественно, организация защиты прав потребителей финансовых услуг не может быть ограничена только существованием органов, в функции которых входят рассмотрение жалоб и обращений граждан, разрешение правовых споров и содействие урегулированию экономических конфликтов (к примеру, содействие заключению соглашений о рассрочке платежа и т.д.), но указанное направление является чрезвычайно важным[2].

Именно регулированию деятельности нового института защиты прав потребителей финансовых услуг и посвящен подписанный 4 июня 2018 г. Президентом РФ Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых

---

[1] Подробнее о юридическом смысле понятия «потребитель» см.: Защита прав потребителей финансовых услуг / отв. ред. Ю. Б. Фогельсон. М. : Норма ; Инфра-М, 2010. С. 157—243.

[2] Подробнее о системе защиты прав потребителей финансовых услуг см.: *Гузнов А. Г.*, *Рождественская Т. Э.* Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации. М. : Юрайт, 2017. С. 267—276.

услуг» (далее — Закон об уполномоченном). Указанный закон был разработан по поручению Президента РФ и внесен в Государственную Думу в 2014 г., в этом же году состоялось его рассмотрение и принятие в первом чтении. Потребовалось четыре года для его доработки и принятия, в ходе которых шел поиск решения нетривиальных правовых проблем.

Целью рассматриваемого Федерального закона является защита прав и законных интересов потребителей финансовых услуг. Закон об уполномоченном определяет правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг (далее — финансовый уполномоченный), порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, а также правовые основы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным.

Идея финансового уполномоченного (или финансового омбудсмена) не нова. Смысл создания такого института заключается в возможности рассматривать *в досудебном порядке* небольшие по сумме споры между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. Такой институт действует и неплохо себя зарекомендовал в Великобритании, Ирландии, Польше, Армении и Казахстане. Функционирование такого института экономит издержки и время потребителя, разгружает судебную систему, позволяя ей сосредоточиться на более сложных делах, оптимизирует работу финансовых организаций. Однако следует отметить, что главное в деятельности финансового омбудсмена — обеспечение более высокого уровня правовой защиты граждан при получении ими финансовых услуг, и, как следствие, снижение социальных конфликтов в обществе.

Одним из наиболее сложных вопросов при принятии рассматриваемого Федерального закона была проблема определения правового статуса финансового уполномоченного.

Институт уполномоченных по защите прав известен российскому законодательству. Так, например, существуют следующие виды уполномоченных по защите прав: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации[3]; Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей[4]; Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка[5]. Существуют такие же должности на региональном уровне.

Указанные уполномоченные являются либо учреждаемой в соответствии с Конституцией РФ должностью (уполномоченный по правам человека), либо государственным органом (уполномоченный по защите прав предпринимателей). В этих случаях статус уполномоченного предполагает наделение его властными полномочиями и функционирование за счет средств, выделяемых из бюджета.

---

[3] Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

[4] Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.

[5] Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802 ; Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // СЗ РФ. 2009. № 36. Ст. 4312.

До принятия Закона о финансовом уполномоченном некоторое время существовал институт общественного финансового уполномоченного при Ассоциации российских банков (АРБ)[6], который в значительной части финансировался именно за счет Ассоциации. Однако отсутствие властных полномочий у указанного омбудсмена, функционирование на основании только признания со стороны финансовых организаций и потребителей финансовых услуг не позволили ему стать подлинно эффективным институтом защиты прав потребителей финансовых услуг. Поэтому законодателю, с одной стороны, была очевидна необходимость наделения финансового уполномоченного властными полномочиями. С другой стороны, модель финансирования финансового уполномоченного (в отличие от модели финансирования иных уполномоченных по защите прав) не предполагала выделения средств из бюджета, так как изначально было определено, что финансирование этого института — зона ответственности самого финансового сектора.

Первоначальное финансирование, а также имущественное обеспечение должен был предоставить Банк России, в дальнейшем предполагается, что данный институт должен финансироваться за счет взносов финансовых организаций. В этом — один из базовых принципов закона. С учетом в том числе и данного аспекта было признано, что финансовый уполномоченный не может являться органом государственной власти.

Статус финансового уполномоченного определен ст. 2 рассматриваемого Закона, в соответствии с которой финансовый уполномоченный — это должность, учреждаемая в соответствии с федеральным законом, носитель которой наделен определенными властными полномочиями.

С этой точки зрения можно говорить, что финансовый уполномоченный не является органом государственной власти и сохраняет статус института гражданского общества, признанного государством на уровне федерального закона и обладающего отдельными функциями органа государственной власти, прежде всего — функцией разрешения спора между конфликтующими сторонами.

С учетом того, что споры, связанные с защитой прав потребителей, могут быть многообразны, рассматриваемый Федеральный закон предусматривает, что в качестве финансового уполномоченного выступают: 1) главный финансовый уполномоченный; 2) финансовые уполномоченные в сферах финансовых услуг.

Главный финансовый уполномоченный:

1) осуществляет полномочия финансового уполномоченного во всех сферах финансовых услуг;
2) осуществляет координацию деятельности финансовых уполномоченных, рассматривающих обращения в отдельных сферах финансовых услуг;
3) курирует и контролирует деятельность службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного.

Предполагается, что кроме главного финансового уполномоченного, будут назначены финансовые уполномоченные в сферах финансовых услуг, которые определяются Советом директоров Банка России. Информация о сферах финансовых услуг, для рассмотрения обращений, в которых учреждаются должности

[6] URL: https://arb.ru.

финансовых уполномоченных, размещается на официальном сайте Банка России, а также на официальном сайте финансового уполномоченного.

С учетом того, что финансовый уполномоченный должен обладать доверием со стороны как потребителей финансовых услуг, так и финансовых организаций, Закон о финансовом уполномоченном предусматривает достаточно жесткие требования к финансовому уполномоченному, в том числе связанные с его образованием, опытом работы, деловой репутацией. Так, согласно ст. 3 рассматриваемого Федерального закона, финансовым уполномоченным может быть назначен гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет[7], с высшим юридическим или экономическим образованием, имеющий опыт работы в сфере финансового рынка (регулирования, контроля и надзора на финансовом рынке, или защиты прав потребителей финансовых услуг) в совокупности не менее 5 лет либо имеющий стаж работы судьей не менее 10 лет. При этом у главного финансового уполномоченного обязательно должно быть высшее юридическое образование.

Одновременно устанавливаются ограничения на совмещение деятельности финансового уполномоченного с какой-либо оплачиваемой деятельностью (за исключением преподавательской, научной и иной творческой). Так, финансовый уполномоченный не вправе быть членом Совета Федерации и депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, депутатом представительного органа муниципального образования, заниматься другой оплачиваемой деятельностью. В случае занятия указанными видами деятельности, не совместимыми с должностью финансового уполномоченного, он обязан прекратить ее в течение 30 дней со дня назначения на должность.

Финансовый уполномоченный должен иметь безупречную деловую репутацию, поэтому на должность финансового уполномоченного не может быть назначен гражданин Российской Федерации, который в связи с совершением не совместимых с его профессиональной деятельностью проступков был отстранен от занимаемой должности судьи, адвоката, нотариуса, следователя, прокурора или другого работника правоохранительных органов.

Кроме того, не могут быть назначены на должность финансового уполномоченного лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления; дисквалифицированные либо включенные в базу данных, которая ведется Банком России в соответствии со ст. 75 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[8].

Закон декларирует принцип независимости финансового уполномоченного при осуществлении им своей деятельности. Эта независимость обеспечивается прежде всего через имущественную независимость как от финансовых организаций, так и от государства, а также особым порядком назначения главного финансового уполномоченного и финансовых уполномоченных по сферам финансовых услуг. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона главный финансовый уполномоченный назначается на срок 5 лет Советом директоров Банка России

[7] Предельный возраст пребывания в должности финансового уполномоченного — 70 лет.

[8] СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

по представлению Председателя Банка России, согласованному с Президентом России. Финансовые уполномоченные в конкретных сферах финансовых услуг назначаются на должность Советом директоров Банка России по представлению главного финансового уполномоченного сроком на 5 лет.

Закон о финансовом уполномоченном четко определяет основания для освобождения главного финансового уполномоченного от занимаемой должности. В соответствии с ч. 1 ст. 5 Закона Совет директоров Банка России освобождает главного финансового уполномоченного от должности по предложению Председателя Банка России в следующих случаях:

1) истечения срока полномочий;
2) подачи личного заявления об отставке на имя Председателя Банка России;
3) достижения предельного возраста пребывания в должности финансового уполномоченного;
4) неспособности по состоянию здоровья или по иным причинам в течение длительного времени (не менее четырех месяцев подряд) исполнять свои обязанности;
5) утраты доверия за совершение коррупционного правонарушения;
6) совершения уголовно наказуемого деяния, установленного вступившим в законную силу приговором суда;
7) нарушения федеральных законов, которые регулируют вопросы, связанные с деятельностью финансового уполномоченного.

По этим же основаниям Совет директоров Банка России вправе освободить финансового уполномоченного в сферах финансовых услуг от должности по предложению Совета Службы финансового уполномоченного или главного финансового уполномоченного.

Перечень оснований для освобождения главного финансового уполномоченного и финансовых уполномоченных в сферах финансовых услуг является закрытым.

Для обеспечения деятельности финансового уполномоченного Закон о финансовом уполномоченном предусматривает создание Службы финансового уполномоченного. Эта Служба не является юридическим лицом. В ее состав входят отдельные институты, сам финансовый уполномоченный, а также органы, которые в своем большинстве имеют значение для обеспечения публично-правового статуса финансового уполномоченного.

Служба финансового уполномоченного состоит из:

1) главного финансового уполномоченного и финансовых уполномоченных в сферах финансовых услуг;
2) Совета Службы;
3) службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного;
4) экспертного совета Службы.

Совет Службы является органом, который включает в себя как представителей государства, так и представителей финансового рынка, и его основная задача состоит в определении бюджета службы и, в зависимости от этого, размера взносов финансовых организаций. Кроме этого, Совет службы обладает определенными контрольными полномочиями в отношении финансовой деятельности Службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного.

В Совет Службы входят пять представителей Банка России, три представителя Правительства РФ, один представитель саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, объединяющих страховые организации, два представителя ассоциаций (союзов) кредитных организаций, два представителя иных саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, члены которых являются финансовыми организациями, обязанными взаимодействовать с финансовым уполномоченным в соответствии с рассматриваемым Федеральным законом, один представитель экспертного совета Службы, а также главный финансовый уполномоченный.

Предполагается, что в дальнейшем число представителей финансового сектора в составе Совета увеличится.

Совет Службы в соответствии с ч. 5 ст. 7 Закона об уполномоченном осуществляет, в частности, следующие полномочия:

1) направляет рекомендации главному финансовому уполномоченному для назначения финансовых уполномоченных в сферах финансовых услуг;
2) определяет размер дифференцированной ставки взносов финансовых организаций;
3) определяет размер платы за рассмотрение финансовым уполномоченным обращений третьих лиц, которым уступлено право требования потребителя финансовых услуг к финансовой организации;
4) определяет структуру службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного;
5) утверждает смету доходов и расходов службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного;
7) определяет направления расходования средств фонда финансирования деятельности финансового уполномоченного на цели, определенные рассматриваемым Федеральным законом;
8) утверждает годовую бухгалтерскую (финансовую) отчетность службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного;
9) ежегодно на конкурсной основе определяет аудитора службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного.

Функцию участия в гражданско-правовых отношениях от имени Службы финансового уполномоченного выполняет служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного, которая является автономной некоммерческой организацией, учреждаемой Банком России. Служба обеспечения является распорядителем Фонда финансирования деятельности финансового уполномоченного. Фонд в соответствии с ч. 1 ст. 10 предназначен для финансирования деятельности финансового уполномоченного (включая оплату труда, дополнительное пенсионное обеспечение, страхование жизни и медицинское страхование финансового уполномоченного), функционирования службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного, проведения экспертизы при рассмотрении обращений. Иные направления расходования средств фонда финансирования деятельности финансового уполномоченного определяются Советом Службы.

Законом специально определено, что Фонд, который в основном формируется за счет взносов финансовых организаций, не входит в бюджетную систему Российской Федерации и, как указано в ч. 3 ст. 10 этого Закона, принадлежит на праве собственности службе обеспечения деятельности финансового уполномо-

ченного. Это положение рассматриваемого Федерального закона подчеркивает независимость средств данного Фонда от бюджета. Данное правило имеет некоторые аналоги, в частности, такой же правовой режим имеет Фонд страхования вкладов, который находится в собственности Агентства по страхованию вкладов (ч. 2 ст. 33 Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»[9]).

Служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного не только занимается хозяйственными вопросами, но и осуществляет подготовку обращений потребителей к рассмотрению финансовым уполномоченным. В этом своем качестве Служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного близка к аппарату Конституционного Суда РФ (ст. 111 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[10]).

Четвертый элемент Службы финансового уполномоченного — Экспертный совет, который является коллегиальным консультативным и совещательным органом, создаваемым в целях выработки рекомендаций в сфере деятельности финансового уполномоченного и защиты прав потребителей финансовых услуг (ст. 12 ч. 1 Закона). Предполагается, что в состав Экспертного совета будут входить главным образом лица, обладающие познаниями в сфере финансового рынка и (или) имеющие опыт работы в сфере финансового рынка, регулирования, контроля и надзора на финансовом рынке или защиты прав потребителей финансовых услуг либо имеющие стаж работы судьей не менее 10 лет. Экспертный совет является органом Службы финансового уполномоченного, который дает рекомендации по рассмотрению обращений потребителей, разъяснению вопросов. При этом для того, чтобы эти рекомендации были услышаны, представитель Экспертного совета должен быть представлен в Совете службы.

Хотелось бы отметить, что предоставление финансовому омбудсмену полномочий по досудебному рассмотрению споров также соответствует общей тенденции законодательства по упрощению порядка обжалования и снижению временны́х и материальных издержек заявителей. В этой связи необходимо вспомнить о внедрении института медиации Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[11]. Кроме того, еще с советских времен известно функционирование комиссии по трудовым спорам. В настоящее время порядок рассмотрения индивидуального трудового спора в комиссии по трудовым спорам регламентируется ст. 387 Трудового кодекса РФ[12].

Вместе с тем досудебное рассмотрение споров не означает и не может означать отмену или умаление права гражданина на обращение в суд. Согласно п. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод[13].

---

[9] СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.

[10] СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[11] СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

[12] Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

[13] Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

В соответствии с порядком, который закреплен в Законе о финансовом уполномоченном, до обращения в суд по категории дел, связанных с предоставлением финансовых услуг, потребитель обязан задействовать процедуры, предусмотренные рассматриваемым Законом, в число которых входит в том числе и рассмотрение финансовым уполномоченным обращения потребителя финансовых услуг. Вместе с тем, если потребитель не согласен с решением финансового уполномоченного, а также в случаях, если финансовый уполномоченный не рассмотрел его обращение в установленный срок, он (потребитель) вправе обратиться в суд с иском к финансовой организации. В рамках этого спора финансовый уполномоченный будет привлечен как третье лицо с возможностью представить суду свою правовую позицию по данному вопросу.

Финансовая организация сохраняет право на обращение в суд в случае несогласия с решением финансового уполномоченного. Но в отличие от потребителя, который обращается с иском к финансовой организации, последняя обжалует решение самого финансового уполномоченного. Закон также содержит указание на право финансовой организации обратиться к финансовому уполномоченному с ходатайством о приостановлении исполнения его решения, что является достаточно важной гарантией соблюдения ее прав.

Специфика финансового уполномоченного состоит в том, что этот орган не является органом, нейтрально относящимся к сторонам спора между потребителем финансовых услуг и финансовой организацией. Финансовый омбудсмен — это орган по защите прав потребителей финансовых услуг. Рассматриваемый федеральный закон, обязывая потребителя до обращения в суд обращаться к финансовому омбудсмену, предоставляет ему возможность сделать это вне рамок правил, процедур и форм, которые характерны для искового производства и которые требуют обращения к профессиональному посреднику для подготовки искового заявления, к адвокату. По большому счету, обращение потребителя должно содержать в себе минимум необходимой информации, которая позволяет оценить, что собой представляют субъекты спора и предмет данного спора. При этом служба по обеспечению деятельности финансового омбудсмена обязана оказать содействие финансовому потребителю в оформлении обращения (ч. 2 ст. 18 Закона).

Эффективность работы финансового омбудсмена, а значит и его авторитет, напрямую связаны с исполнимостью выносимых им решений. В этой связи Закон об уполномоченном содержит положения, согласно которым на основании решения финансового омбудсмена потребителю выдается удостоверение. Ему придан статус исполнительного документа, форма которого устанавливается Правительством РФ (ч. 3 ст. 23 Закона). В придании решению финансового уполномоченного силы исполнительного документа также проявляется властный характер его полномочий.

В заключение хотелось бы отметить, что опыт иных стран показывает, что при наличии такого института, как финансовый омбудсмен (финансовый уполномоченный), споры, связанные с участием потребителей финансовых услуг, часто завершаются даже не в суде и не с принятием решения финансового омбудсмена. Они завершаются на более ранней стадии, которая в принятом Законе о финансовом уполномоченном связана с этапом направления претензии потребителя

самой финансовой организации. Практика показывает, насколько этот опыт может быть экстраполирован в условиях России, однако рассматриваемый Федеральный закон дает все возможности финансовым организациям решить дело миром на стадии рассмотрения претензии потребителя самой финансовой организацией.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гузнов А. Г., Рождественская Т. Э.* Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации. — М. : Юрайт, 2017.
2. Защита прав потребителей финансовых услуг / отв. ред. Ю. Б. Фогельсон. — М. : Норма ; Инфра-М, 2010.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ (ЭСКРОУ)

Аннотация. *Представленная статья посвящена анализу правовой природы договора условного депонирования в российском праве. Сделан вывод о том, что договор условного депонирования не является ни акцессорным, ни независимым способом обеспечения исполнения обязательств. В сравнительно-правовом аспекте был проанализирован вопрос о допустимости квалификации договора условного депонирования в качестве фидуциарного договора. Сделан вывод, что в отличие от common law в российском праве отсутствует необходимость выделения фидуциарных обязанностей эскроу-агента, поскольку все они охватываются принципами добросовестности и сотрудничества в договорных отношениях. Доверие не является основополагающим признаком договора условного депонирования. Поэтому договор условного депонирования не обладает признаками фидуциарного, он является ординарным возмездным договором.*

Ключевые слова: *договор эскроу, эскроу-агент, обеспечительное обязательство, фидуциарные обязанности, фидуциарный договор, добросовестность.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.055-066

Дмитрий Евгеньевич БОГДАНОВ,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент
civil_law_msal@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Светлана Геннадьевна БОГДАНОВА,
доцент кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, кандидат юридических наук, доцент
lpf@bmstu.ru
105005, Россия, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1

© Д. Е. Богданов, С. Г. Богданова, 2018

D. E. BOGDANOV,
Doctor of Law Sciences, Professor of the Chair of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
civil_law_msal@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

S. G. BOGDANOVA,
PhD, Associate Professor of the Chair of Jurisprudence, Intellectual property and Judicial expertise of the Bauman Moscow State Technical University
lpf@bmstu.ru
105005, Russia, Moscow, ul. Baumanskaya 2-ya, 5, 1

THE LEGAL NATURE OF THE ESCROW CONTRACT

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the legal nature of the escrow contract in the Russian law. It is concluded that the escrow agreement is neither an accessory nor an independent secured obligation. The escrow agreement was analysed in a comparative legal aspect. It is concluded that, unlike common law, there is no need to allocate fiduciary duties of an escrow agent in Russian law, as they are covered by the principles of good faith and cooperation in contractual relations. Trust is not a fundamental feature of an*

escrow agreement. Therefore, the escrow agreement does not have the features of fiduciary, it is an ordinary compensation agreement.
Keywords: *escrow contract, escrow agent, secured obligation, fiduciary duties, fiduciary contract, good faith.*

Одним из результатов перманентной реформы гражданского законодательства стало закрепление в ГК РФ договорных конструкций, опосредующих отношения по эскроу-агентированию. Ранее данные договоры использовались в практике гражданского оборота и, по сути, являлись «непоименованными» договорами применительно к правилу п. 2 ст. 421 ГК РФ.

Следует отметить, что отношения по эскроу-агентированию получили значительное распространение в иностранных правопорядках. Как указывает Л. Ю. Василевская, в Германии договор счета эскроу — это непоименованный, предусматривающий различные варианты взаимоотношений договор с определенными элементами правовой конструкции хранения (Treuhand, Treuhandkonto). Данный договор широко применяется в гражданском обороте при совершении сделок с недвижимостью, ценными бумагами, дорогостоящим движимым имуществом[1].

Именно в качестве эскроу-агентирования данный договор поименован в англосаксонской цивилистике и правоприменительной практике. Так, в решении по делу «Hudgins v. Krawetz» (Texas App., 1977) отмечается, что эскроу-агент является «нейтральным» третьим лицом, осуществляющим держание документов или иного имущества до момента наступления определенного обстоятельства, после наступления которого он должен осуществить платеж или передачу имущества в соответствии с инструкциями, которые были даны сторонами договора. Или, как было указано в решении по делу «Bell v. Safeco Title Ins. Co» (Texas App., 1992), эскроу-агент выступает в качестве беспристрастного имущественного депозитария (impartial stake holder). Особенностью отношений по эскроу является то, что возникают отношения «двойного агентирования», поскольку эскроу-агент является одновременно агентом двух принципалов (депонента и бенефициара). Поэтому в решении по делу «Equisourse Realty Corp. v. Crown Life Ins. Co» (Texas App., 1993) отмечается, что обычному агенту запрещено преследовать интересы, которые вступают в конфликт с интересами его принципала. Однако эскроу-агент с неизбежностью служит конфликтующим интересам двух принципалов[2].

Аналогичное определение договора эскроу (условного депонирования) было включено в российское законодательство. Согласно ст. 926.1 ГК РФ по договору условного депонирования (эскроу) депонент обязуется передать на депонирование эскроу-агенту имущество в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу, в пользу которого осуществляется депонирование имущества (бенефициару), а эскроу-агент обязуется обеспечить сохранность

---

[1] *Василевская Л. Ю.* Договоры номинального счета и счета эскроу: общее и особенное в правовой регламентации // Гражданское право. 2017. № 3. С. 3—5.

[2] См.: *Yeomans R. D.* Escrow Agent Liability: A Trial Lawyer`s Perspective // 32nd Annual Advanced Real Estate Law Course. Chapter 38. San Antoni : State Bar of Texas, 2010. P. 1—3.

этого имущества и передать его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований. Как видно из данного определения, договор эскроу в российском праве по своей правовой природе скорее ближе к отношениям по хранению имущества, чем к агентским.

Обязанность эскроу-агента по передаче имущества бенефициару может возникнуть как в случае наступления определенного договором срока или события, так и с наступлением «потестативного» условия, поскольку на это прямо указывается в п. 2 ст. 926.1 ГК РФ[3].

По общему правилу депонент после передачи имущества эскроу-агенту сохраняет права на него (п. 1 ст. 926.6, ст. 860.7 ГК РФ), однако ограничивается в возможности по распоряжению таким имуществом (п. 4 ст. 926.1, ст. 860.8 ГК РФ). С момента возникновения оснований для передачи имущества бенефициару права на такое имущество уже принадлежат последнему.

В отечественной науке высказываются различные позиции относительно сущности и правовой природы договора условного депонирования (эскроу) и возникающих на его основе обязательств.

Так, М. Е. Моргачева указывает, что эскроу — «один из наиболее эффективных способов расчетов, надежно выполняющий гарантирующую (обеспечительную) функцию»[4]. На расчетную природу отношений (применительно к договору счета эскроу) указывает и Л. Г. Ефимова, отмечая аккредитивную природу возникающих отношений[5]. В литературе высказывается позиция, что отношения по условному депонированию имеют обеспечительную природу. По мнению Д. К. Дубновой, эскроу может выступать как обеспечительное многостороннее обязательство[6]. Л. Г. Ефимова также считает, что при эскроу возникает особый личный способ обеспечения исполнения обязательства, непоименованный в ст. 329 ГК РФ, поскольку «наряду с должником-депонентом бенефициар получает дополнительного должника — эскроу-агента, который обязуется произвести платежи после выполнения бенефициаром соответствующего условия»[7].

Другие российские авторы, например М. А. Токмаков, отрицают природу эскроу как непоименованного способа обеспечения исполнения обязательства. Однако аргументация названного автора не лишена недостатков, поскольку он указывает на необходимость существования основного обязательства при заключении договора счета эскроу, которое он бы обеспечивал, что, по его мнению, говорит об отсутствии акцессорности как основного свойства обеспечительного обяза-

---

[3] О потестативных условиях (conditio potestativa) см.: *Агеев А. В.* Проблемы регулирования потестативных условий // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 84—106 ; № 2. С. 39—87.

[4] *Моргачева М. Е.* Правовые различия конструкции договора эскроу и его аналогов по праву России // Вестник арбитражной практики. 2015. № 2. С. 23.

[5] *Ефимова Л. Г.* Договор банковского вклада. Гражданско-правовая теория страхования вкладов. Договор банковского счета. Новые виды банковских счетов по Гражданскому кодексу РФ (Теория. Законодательство. Практика) : монография. М. : Проспект, 2018. С. 361—363.

[6] *Дубнова Д. К.* Правовая природа договора счета эскроу // Юрист. 2018. № 2.

[7] *Ефимова Л. Г.* Указ. соч. С. 362.

тельства[8]. В этом заметно влияние позиции Б. М. Гонгало, что обеспечительными могут быть только акцессорные обязательства[9].

В этой связи вызывает интерес, что законодатель в ст. 926.1 ГК РФ прямо указал, что депонент передает имущество эскроу-агенту в целях исполнения обязательства перед другим лицом. Таким образом, правоотношения по эскроу обусловлены наличием другого обязательства. Однако указанная обусловленность не означает акцессорности даже в свете эволюции в понимании данной категории, эрозии ее «строгой» трактовки[10].

Признание недействительным договора, обусловившего необходимость заключения договора условного депонирования, не будет означать недействительность последнего, поскольку при таких обстоятельствах эскроу-агент просто вернет имущество депоненту, сохранив право на свое вознаграждение.

Можно возразить, что обеспечительное обязательство может иметь и «независимую» природу, как независимая гарантия или конструкции вещного обеспечения, известные германскому праву[11]. Однако данная аргументация не позволяет обосновать обеспечительную природу условного депонирования, поскольку в эскроу нет личного обеспечения. Эскроу-агент, в отличие от поручителя, гаранта, авалиста, давшего ручательство комиссионера (делькредере), не отвечает своим имуществом перед бенефициаром[12]. Эскроу-агент обязан передать бенефициару полученное от депонента имущество при условии наступления оговоренного обстоятельства. Таким образом, если следовать высказанной Л. Г. Ефимовой позиции, что при эскроу возникает личное обеспечение, то и договорный секвестр приобретает обеспечительную природу.

Эскроу-агент связан обязательством с бенефициаром, которое возникает из самостоятельного гражданско-правового договора. Как верно указывает М. А. Токмаков, эскроу-агент защищает интересы депонента и бенефициара в самом обязательстве, а не кредитора по основному обязательству[13].

Таким образом, эскроу, как и, например, аккредитив, создает дополнительные гарантии для исполнения обязательства перед бенефициаром, но не порождает обеспечительного обязательства.

---

[8] *Токмаков М. А.* Условное депонирование (эскроу) в праве России и США : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. С. 182—187.

[9] См.: *Гонгало Б. М.* Учение об обеспечении обязательств. М., 2002. С. 40.

[10] Об эрозии «строгого» и догматического понимания акцессорности см.: *Шеломенцева Е. А.* Понятие акцессорности обеспечительных обязательств в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 57—105.

[11] См.: *Ларс ван Влит.* Германский поземельный долг // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 202—239.

[12] О личном обеспечении, делении обеспечения на личное и реальное (вещное) см.: *Гринь О. С.* Особенности ответственности по обеспечительным обязательствам // Lex Russica. 2017. № 5. С. 46—58 ; *Василевская Л. Ю.* Залог как способ обеспечения исполнения натуральных обязательств // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 114—124 ; *Сьеф Ван Эрп.* Поручительство и принцип акцессорности: личное обеспечение в свете принципа европейского вещного права // Вестник гражданского права. 2012. № 5. С. 276—302.

[13] *Токмаков М. А.* Указ. соч. С. 12.

В литературе возникла дискуссия и в отношении того, можно ли договор эскроу (как условное депонирование вообще и эскроу-счет в частности) квалифицировать в качестве многостороннего (трехстороннего) договора. Так, Л. Ю. Василевская, анализируя итоги законодательной реформы, отмечает, что «договор счета эскроу из договора двустороннего, договора в пользу третьего лица превратился, на наш взгляд, в многосторонний договор, который можно квалифицировать как договор условного депонирования»[14].

Действительно, после вступления в законную силу гл. 47.1 ГК РФ договор условного депонирования прямо квалифицируется в качестве трехстороннего договора, что вытекает из буквального толкования абз. 2 п. 1 ст. 926.1 ГК РФ.

Однако в научной литературе высказываются спорные трактовки «трехстороннего» характера договора условного депонирования. Так, по мнению Л. Г. Ефимовой, «трехсторонний» договор условного депонирования (договор как документ) фактически объединяет два разных двусторонних договора (договор как правоотношение) с разными лицами. Соответственно, договор эскроу-агента с депонентом об исполнении является договором в пользу третьего лица. Договор эскроу-агента с бенефициаром является договором в пользу стороны[15].

Представляется излишним подобное элементирование конструкции договора условного депонирования, которая свидетельствует об отрицании возможности существования более сложных договорных конструкций, чем двусторонние. При этом представляется не вполне удачным использование спорной позиции по трактовке договора как документа, сделки и правоотношения[16]. Договор — это динамичная система, которая может выступать в качестве сложноструктурной модели[17].

Спорность указанного элементирования обусловлена тем, что бенефициар рассматривается в качестве стороны и одновременно третьего лица по одному и тому же договору и в отношении одного и того же исполнения. При этом ускользает из внимания то обстоятельство, что эскроу-агент действует в интересах как депонента, так и бенефициара. Эскроу-агент обязан представить исполнение бенефициару в точном соответствии с условиями договора, например при условии предоставления соответствующих документов (ст. 926.3 ГК РФ), которые могут подтверждать факт совершения бенефициаром в пользу депонента определенных действий по исполнению другого договора. Именно в этом усматривается трехсторонний характер договора эскроу, в рамках которого бенефициар имеет определенные «кредиторские» обязанности перед депонентом и эскроу-агентом.

Заслуживает внимания вопрос о допустимости квалификации договора условного депонирования (эскроу) в качестве фидуциарной сделки. Так, на до-

[14] *Василевская Л. Ю.* Договоры номинального счета и счета эскроу: общее и особенное в правовой регламентации. С. 3—5.

[15] *Ефимова Л. Г.* Указ. соч. С. 364.

[16] Об этой трактовке см., например: *Брагинский М. И.*, *Витрянский В. В.* Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М. : Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.

[17] О концепции сложно-структурной сделки см.: *Богданов Д. Е.* Сделки об ответственности в гражданском праве РФ. М. : А-Прирор, 2007. С. 30—40.

верительную природу эскроу в российском праве указывает В. В. Батин[18], этой позиции придерживается и Д. К. Дубнова[19]. В специальном диссертационном исследовании отношения, основанные на договоре условного депонирования, прямо квалифицируются в качестве фидуциарных, поэтому комплекс фидуциарных обязанностей эскроу-агента в современном условном депонировании имеет системообразующий характер. На этом основании М. А. Токмаков, автор указанного диссертационного исследования, предлагает закрепить в российском праве за эскроу-агентом часть комплекса фидуциарных обязанностей, выделяемых в общем праве (common law)[20].

Так, в специальном исследовании, посвященном ответственности эскроу-агента по праву США, прямо указывается на фидуциарный характер его обязанностей, поскольку он выступает «двойным агентом», т.е. в качестве агента и как депонента, и как бенефициара[21]. На этой позиции основана судебная практика, что можно проиллюстрировать решением по делу «Holder-McDonald v. Chicago Title Ins. Co» (Dallas, 2006), в котором суд Далласа указал, что эскроу-агент несет фидуциарные обязанности по отношению как к покупателю, так и к продавцу имущества, включая обязанность по лояльности (duty of loyalty), обязанность по полному раскрытию (duty to make full disclosure) и обязанность по осуществлению высокой степени заботы (duty to exercise a high degree of care) в целях сохранения депонированных денежных средств и осуществления платежа данным лицам только тогда, когда они будут правомочны на его получение.

Обязанность по лояльности требует от агента действовать добросовестно (act in good faith) и только в интересах его принципалов, избегая действий в своих интересах, т.е. конфликта между своими интересами и интересами своих принципалов. Данная обязанность предусмотрена, например, в параграфе 8.01 Третьего свода правил об агентских отношениях (Restatement (Third) of Agency (2006)).

Например, по одному делу суд квалифицировал действия эскроу-агента как нарушающие обязанность по лояльности в ситуации, когда тот скрыл факт, что предоставленный покупателем чек был выписан к уже закрытому банковскому счету и был возвращен в связи с недостаточностью средств. Суд констатировал, что такими действиями эскроу-агент способствовал предъявлению покупателем иска к продавцу об исполнении обязательства в натуре (specific performance) в целях удержания вознаграждения по эскроу[22].

Обязанность по полному раскрытию означает, что эскроу-агент обязан раскрыть любую информацию, которая может затронуть интересы его принципалов. Однако суды зачастую учитывают то обстоятельство, что эскроу-агент должен занимать «нейтральную» позицию по отношению к своим принципалам. Так, суд посчитал, что эскроу-агент не нарушил свои обязанности в ситуации, когда он не объяснил правовые последствия внесения дополнений в договор, поскольку

---

[18] *Батин В. В.* Правовая природа условного депонирования (эскроу) // Безопасность бизнеса. 2013. № 2. С. 19—22.

[19] *Дубнова Д. К.* Правовая природа договора счета эскроу // Юрист. 2018. № 2. С. 30—36.

[20] *Токмаков М. А.* Указ. соч. С. 10, 13—14.

[21] *Yeomans R. D.* Op. cit. P. 3.

[22] NRC, Inc. v. Huddleston (Austin, 1994).

в ином случае он нарушил бы обязанность быть нейтральным по отношению к обоим принципалам[23].

Обязанность по заботе требует от эскроу-агента действовать заботливо (diligence) и осмотрительно (prudence) в целях сохранения имущества принципалов, осуществлять платежи или передачу имущества только в соответствии с полученными инструкциями[24].

Подобная трактовка фидуциарных обязанностей эскроу-агента связана с традиционным негативным отношением к этической компоненте в сфере договорных отношений, свойственным доктрине общего права (common law). Результатом такого негативного отношение и стало выделение фидуциарных обязанностей, которые стали своеобразным порталом по транслированию этики в сферу договорных отношений.

Так, некоторые иностранные авторы отмечают, что фидуциарное право предлагает моральное, этичное поведение, вовлекает моральные нормы. В отличие от этого договорное право не сосуществует в одном пространстве с моралью. К фидуциарным обязанностям относят прежде всего лояльность, предписывающую фидуциару преследовать прежде всего интересы бенефициара, ставить их выше своих интересов. Данная обязанность рассматривается как основополагающая. Фидуциарная обязанность по заботе (duty of care) предписывает фидуциару действовать с разумной заботливостью и предусмотрительностью в интересах бенефициара[25].

На основополагающий характер лояльности указывается и другими авторами. Основой лояльности является легальное обязательство для фидуциара использовать свои способности не в свою пользу, но эксклюзивно в пользу бенефициара[26]. Отличительными признаками таких отношений выступают доверие, уязвимость бенефициара, наличие дискреционных полномочий у фидуциара[27].

Другими авторами выделяется уже триада фидуциарных обязанностей: лояльность, забота и добросовестность (good faith)[28]. Данная позиция основана на решении по делу «Cede & Co v. Technicolor»[29]. Как отмечают в этой связи Дж. Томас и А. Хадсон, общими для всех фидуциаров являются такие обязанности, как обязанность лояльности по отношению к принципалу, обязанность действовать добросовестно, не извлекать личной прибыли из доверенного фидуциару дела, не допускать конфликта между личными интересами и своими фидуциарными

---

[23] Bell v. Safeco Title Ins. Co (Dallas 1992).

[24] Texas First National Bank v. Ng (Texas App., 2005).

[25] См.: *Galoob S. R., Leib E. J.* Intentions, Compliance and Fiduciaru Obligations // Legal Theory. Cambridge University Press, 2014. P. 3—4 ; *Tamar Frenkel.* Fiduciary Law. 2011. P. 169—173.

[26] *Stout L. A.* On the Export of U.S.-Style Corporate Fiduciary Duties to Other Countries: Can a Transplant Take // Global Markets, Domestic Institutions / Curtis J. Milhaupt(ed.), 2003. P. 44, 55.

[27] *Leib E. J., Serota M. , Ponet D. L.* Fiduciary Principles and the Jury // William and the Mary Law Review. 2014. Vol. 55. P. 1118.

[28] *Hill C., Laive A., McDonnell B. H.* Stone v. Ritter and the Expanding Duty of Loyalty // Fordham Law Review. 2007. Vol. 76. Is. 3. P. 1773.

[29] (Del 2006) 911 A 2d 362, 367.

обязанностями, не извлекать выгоды для себя лично или для третьих лиц без согласия принципала[30].

Таким образом, добросовестность, являющаяся основополагающим принципом континентальной цивилистики, рассматривается доктриной common law лишь как одна из фидуциарных обязанностей.

Необходимо отметить, что в прецедентной практике стран common law предпринимаются попытки по разграничению фидуциарности и добросовестности. Например, в решении Верховного суда Канады по делу «Bhasin v. Hrynew» (2014 г.) суд признал существование обязанности по честному (honest) исполнению договора, которая производна от добросовестности, являющейся универсальным организующим принципом договорного права в common law и присуща любой договорной обязанности. При этом суд указал, что необходимо осторожно подходить к определению сферы данной обязанности, которая не равна фидуциарной обязанности по лояльности. Добросовестность при исполнении договора требует от его стороны соответствующего внимания (учета) интересов другого договорного партнера, но не включает обязанности по лояльности к контрагенту или обязанности поставить интересы другого на первое место. Добросовестность концептуально отличается от более «высокой» обязанности по фидуциарности. Однако добросовестность не противоречит философии, лежащей в основе договорного права, которое обычно придает большее значение договорной свободе сторон преследовать свои эгоистические (своекорыстные) интересы. Поэтому в сфере коммерции стороны могут намеренно (умышленно) причинить потери другой стороне, что не противоречит обязанности по добросовестности[31].

Анализ данного решения позволяет констатировать, что повышенное внимание к фидуциарным обязанностям обусловлено отставанием стран common law от континентального гражданского права в признании добросовестности в качестве универсального принципа. Намеренно вредоносное поведение не может быть квалифицировано в качестве добросовестного. В указанной позиции Верховного суда Канады продолжает транслироваться правовая традиция common law, негативно относящаяся к добросовестности, отрицающая ее значение в качестве универсального принципа[32].

По сути, данный вывод подразумевается в рассуждениях Виктора Бридни, отмечающего, что условия, которые порождают фидуциарные отношения, требуют таких ограничений и последствий для сторон в вопросе лояльности, которые договорная теория или, по крайней мере, классическая договорная доктрина не требует или не допускает[33].

---

[30] *Tomas G., Hudson A.* The Law of Trusts. N. Y., 2004. P. 916.

[31] Анализ дела см.: *Le Breton-Prevost C.* Loyalty in Quebec Private Law // Journal of Civil Law Studies. 2016. Vol. 9. № 1. P. 339—340.

[32] См. например: *Arenas L. C.* Good faith in the Lex Mercatoria: An analysis of arbitral practice and major western legal system. PHd-thesis. University of Portsmouth, 2011. P. 119 ; *McKendrick E.* Contract Law. 7th ed. Palgrave Macmillan, 2007. P. 264—267.

[33] *Brydney V.* Contract and Fiduciary Duty in Corporate Law // Boston College Law Review. 1997. Vol. 38. № 4. P. 598.

Таким образом, именно негативное отношение к общему принципу добросовестности, которое только начинает преодолеваться в странах common law под влиянием глобальных тенденций в развитии права, а также долгое господство «классической» договорной концепции, которое продолжает транслировать в современность либеральные ценности XIX столетия, и обусловили повышенное внимание англосаксонских цивилистов к проблеме фидуциарных обязанностей как своеобразного средства обхода строгого формализма классической договорной теории.

Выделяемые англосаксонскими авторами «фидуциарные обязанности», в том числе и лояльность, вытекают из принципа добросовестности в ее «континентальном смысле» и являются как бы элементами (элементированием) данной гражданско-правовой категории, но не приближают исследователей к пониманию фидуциарности. Признание лояльности в качества элемента добросовестности является общераспространенным в «континентальной» цивилистической науке[34].

На этом основании можно утверждать, что предложение М. А. Токмакова по закреплению в российском праве за эскроу-агентом фидуциарных обязанностей, выделяемых в общем праве (common law)[35], лишено смысла и основано на не вполне корректной методологии проведенного им компаративного исследования.

В российском праве договорная солидарность (сотрудничество) и добросовестность рассматриваются в качестве основополагающих принципов в сфере договорных отношений, которые охватывают все «фидуциарные» обязанности эскроу-агента. Так, в силу п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

В этой связи представляет интерес вопрос о допустимости квалификации договора условного депонирования (эскроу) в качестве фидуциарной сделки в российском праве.

Для ответа на данный вопрос необходимо опираться на сложившиеся в российской цивилистической науке доктринальные установки в определении сущности фидуциарности. Однако даже беглого анализа достаточно для того, чтобы утверждать, что в отечественной науке отсутствует последовательная концепция фидуциарных сделок и понимания сущности фидуциарных отношений.

---

[34] См. например: *Sombra T. L.* The Duty of Good Faith Taking to a New Level: An Analysis of Disloyal Behavior // Journal of Civil Law Studies. 2016. Vol. 9. № 1. P. 27—55 ; *Macqueen H. L.* Good Faith. European Contract Law: Scotts and South African Perspectives / ed. by Macqueen H. L. and Zimmerman R. Edinburg University Press, 2006. P. 55.

[35] *Токмаков М. А.* Указ. соч. С. 10, 13—14.

Так, представляет интерес позиция тех авторов, которые настаивают на исключительно безвозмездном характере фидуциарных сделок; к ним можно отнести Л. Ю. Михееву и Е. А. Суханова[36]. Таким образом, названные авторы квалифицируют в качестве фидуциарного исключительно договор безвозмездного поручения, но отрицают фидуциарную природу доверительного управления, возмездного поручения, комиссии и агентского договора. Представляется, что указанную позицию можно квалифицировать не как спорную, а в качестве ошибочной и тупиковой.

Как указывает Е. В. Белоусова, доверие в фидуциарных сделках «приобретает характер видообразующего признака, что позволяет делить соглашения на фидуциарные — с ярко выраженным доверительным характером, и не относящиеся к фидуциарным, те, в которых имущественная составляющая преобладает»[37].

Однако возникает закономерный вопрос, в каких сделках доверие может выступать именно в качестве основополагающего признака, позволяющего квалифицировать конкретный договор в качестве фидуциарного, а не «имущественного».

Представляет интерес то, что авторитетными советскими цивилистами к фидуциарным сделкам относились только те, которые были связаны с наличием между участниками такой сделки внутренних отношений, в то время как внешние правоотношения формировались с третьими лицами (например, договоры поручения и комиссии). Необходимость получения одним контрагентом от другого полномочий для формирования внешних правоотношений и предопределила фидуциарный характер таких договоров[38]. Как отмечал О. С. Иоффе, фидуциарная — это такая сделка, которая обусловливает несовпадение между внутренними отношениями участников сделки и их внешним выражением. Так, в отношениях комиссии комиссионер действует от своего имени и, соответственно, выступает стороной по сделке с третьим лицом. По этой причине исключается возможность контроля со стороны третьих лиц, а потому и вопрос о доверии в таких случаях стоит особенно остро[39].

Таким образом, фидуциарные договоры с неизбежностью связаны с двумя самостоятельными «срезами» правоотношений: «внутренними», между контрагентами по такому договору, и «внешними», т.е. с участием третьих лиц. Для формирования внешних отношений необходимо доверие, которое выражается в предоставлении соответствующих полномочий. При этом внешние отношения влияют на права и интересы участников внутренних.

Следует уточнить, что такая характеристика фидуциарных сделок применима лишь для гласной фидуцирности и гласных фидуциарных сделок. В то же время потребности гражданского оборота обусловили и возможность негласной фидуциарности и негласных фидуциарных сделок, например негласного просто-

---

[36] См.: *Михеева Л. Ю.* Доверительное управление имуществом / под ред. В. М. Чернова. М., 1999. С. 77 ; *Суханов Е. А.* Обязательства из договора поручения, комиссии и из агентского договора // Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. Т. 2 : Обязательственное право. С. 790.

[37] *Белоусова Е. В.* Правовое регулирование фидуциарных договоров по гражданскому праву России : дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2011. С. 6.

[38] Гражданское право : учебник / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М., 1944. С. 92.

[39] См.: *Иоффе О. С.* Советское гражданское право. М., 1967. С. 267—268.

го товарищества или договора комиссии, когда он не проявляется вовне, т.е. не раскрывается перед третьими лицами[40].

С учетом вышеизложенного можно утверждать, что договор условного депонирования (эскроу) не относится к числу фидуциарных сделок по российскому праву. В рамках условного депонирования отсутствуют «внешние отношения», т.е. отношения с третьими лицами, которые не являются участниками договора эскроу. Все отношения между контрагентами (эскроу-агентом, депонентом и бенефициаром) имеют «внутренний» характер.

Таким образом, без всякого «флера» фидуциарности эскроу-агент обязуется просто надлежащим образом осуществить платеж или передать имущество бенефициару при условии предъявления последним документов, которые предусмотрены условиями трехстороннего договора (ст. 926.3 ГК РФ). Эскроу-агент действует на основании условий договора, которые сформулированы с участием депонента и бенефициара, поэтому отсутствуют «третье лицо» и, как следствие, необходимость в получении полномочий для формирования «внешнего отношения».

Если следовать позиции тех авторов, которые настаивают на фидуциарной природе договора условного депонирования, то получается, что с таким же успехом в качестве фидуциарных могут квалифицироваться отношения по аккредитиву, хранению на товарном складе, договорный секвестр или морские перевозки по коносаменту. Так, например, исполнение по аккредитиву производится при условии, что предоставленные документы по внешним признакам соответствуют условиям аккредитива (ст. 871 ГК РФ), а выдача товара производится надлежащему держателю складского свидетельства (ст. 914—917 ГК РФ).

Во всех указанных договорах «доверие» не приобретает характер «видообразующего» признака, как и в договоре условного депонирования. Поэтому договор условного депонирования является ординарным возмездным договором, главной особенностью которого является его трехсторонний характер.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агеев А. В.* Проблемы регулирования потестативных условий // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 1. — С. 84—106 ; № 2. С. 39—87.
2. *Батин В. В.* Правовая природа условного депонирования (эскроу) // Безопасность бизнеса. — 2013. — № 2. — С. 19—22.
3. *Белоусова Е. В.* Правовое регулирование фидуциарных договоров по гражданскому праву России : дис. ... канд. юрид. наук. — Владикавказ, 2011. — 189 с.
4. *Богданов Е. В., Богданов Д. Е., Богданова Е. Е.* Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. — 2017. — № 3. — С. 20—25.

[40] См.: *Богданов Е. В., Богданов Д. Е., Богданова Е. Е.* Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 3. С. 20—25.

5. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. — М. : Статут, 2001. — Кн. 1. — 848 с.
6. *Василевская Л. Ю.* Договоры номинального счета и счета эскроу: общее и особенное в правовой регламентации // Гражданское право. — 2017. — № 3. — С. 3—5.
7. *Василевская Л. Ю.* Залог как способ обеспечения исполнения натуральных обязательств // Российский юридический журнал. — 2016. — № 2. — С. 114—124.
8. *Гринь О. С.* Особенности ответственности по обеспечительным обязательствам // Lex Russica. — 2017. — № 5. — С. 46—58.
9. *Дубнова Д. К.* Правовая природа договора счета эскроу // Юрист. — 2018. — № 2. — С. 30—36.
10. *Ефимова Л. Г.* Договор банковского вклада. Гражданско-правовая теория страхования вкладов. Договор банковского счета : монография. — М. : Проспект, 2018. — 427 с.
11. *Ларс ван Влит.* Германский поземельный долг // Вестник гражданского права. — 2013. — № 2. — С. 202—239.
12. *Михеева Л. Ю.* Доверительное управление имуществом / под ред. В. М. Чернова. — М. : Юрист, 1999. — 176 с.
13. *Моргачева М. Е.* Правовые различия конструкции договора эскроу и его аналогов по праву России // Вестник арбитражной практики. — 2015. — № 2. — С. 22—27.
14. *Сьеф Ван Эрп.* Поручительство и принцип акцессорности: личное обеспечение в свете принципа европейского вещного права // Вестник гражданского права. — 2012. — № 5. — С. 276—302.
15. *Токмаков М. А.* Условное депонирование (эскроу) в праве России и США : дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2017. — 239 с.
16. *Шеломенцева Е. А.* Понятие акцессорности обеспечительных обязательств в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. — 2015. — № 3. — С. 57—105.
17. *Brydney V.* Contract and Fiduciary Duty in Corporate Law // Boston College Law Abstract. — 1997. — Vol. 38. — № 4. — P. 595—565.
18. *Claive A.* Hill, Brett H. McDonnell. Stone v. Ritter and the Expanding Duty of Loyalty // Fordham Law Abstract. — 2007. — Vol. 76. — Is. 3. — P. 1769—1796.
19. *Frenkel T.* Fiduciary Law. — Oxford University Press, 2011. — 334 p.
20. *Leib E. J.,* Serota M., Ponet D. L. Fiduciary Principles and the Jury // William and the Mary Law Abstract. — 2014. — Vol. 55. — P. 1109—1147.
21. *Le Breton-Prevost C.* Loyalty in Quebec Private Law // Journal of Civil Law Studies. — 2016. — Vol. 9. — № 1. — P. 329—378.
22. *Sombra T. L.* The Duty of Good Faith Taking to a New Level: An Analysis of Disloyal Behavior // Journal of Civil Law Studies. — 2016. — Vol. 9. — № 1. — P. 27—55.
23. *Yeomans R. D.* Escrow Agent Liability: A Trial Lawyer`s Perspective // 32nd Annual Advanced Real Estate Law Course. — Chapt. 38. — San Antoni : State Bar of Texas, 2010. — P. 1—10.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ БАНКАМИ «ОТКАЗНЫХ» ПОЛНОМОЧИЙ В ОТНОШЕНИИ КЛИЕНТОВ, РАЗМЕСТИВШИХ СРЕДСТВА НА БАНКОВСКИХ СЧЕТАХ

Диана Геннадиевна АЛЕКСЕЕВА,
доктор юридических наук, профессор кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
lilu-kd@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Гражданское законодательство устанавливает обязанность кредитных организаций открыть клиенту банковский счет и осуществлять по нему операции по распоряжению клиента либо без его распоряжения по основаниям и в порядке, установленном законом. В последнее время установленные законом полномочия банков отказать клиенту в открытии счета либо проведении по нему операций, а также дополнительные основания для расторжения договора банковского счета в значительной мере расширяются. Несовершенство действующего законодательства обусловливает возникновение проблем в правоприменении и, соответственно, рост судебных споров. В большей мере они касаются соблюдения Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ. В статье рассматриваются проблемы реализации банками «отказных» полномочий в отношении клиентов и пути из разрешения.*
Ключевые слова: *банк, легализация доходов, финансирование терроризма, банковский счет, банковская операция, Банк России, судебный спор, законодательство.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.067-085

D. G. ALEKSEEVA ,
Doctor of Law Sciences, Professor of the Department of banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION BY BANKS OF «REFUSAL» AUTHORITY IN RESPECT OF CLIENTS WHO HAVE PLACED FUNDS ON BANK ACCOUNTS.

Abstract. *The civil law establishes the obligation of credit institutions to open a Bank account for the customer and to carry out operations on it on the customer's order or without his order on the grounds and in the manner prescribed by law. Recently, the statutory powers of banks to refuse the client to open an account or conduct transactions on it, as well as additional grounds for termination of the Bank account agreement, are greatly expanded. The imperfection of the current legislation leads to problems in the law enforcement and, accordingly, the growth of litigation. To a greater extent they relate to compliance with the Federal law of 07.08.2001 № 115-FZ. The article deals with the problems of implementation of «refusal» authority by banks in relation to customers and the way of resolution.*
Keywords: *bank, money laundering, terrorism financing, Bank account, banking operation, Bank of Russia, litigation, legislation.*

© Д. Г. Алексеева, 2018

Пунктом 2 ст. 846 ГК РФ[1] (в ред. Федерального закона от 26.07.2017 № 212-ФЗ[2]) установлена обязанность банка заключать договор банковского счета с клиентом, «обратившимся с предложением открыть счет на объявленных банком для открытия счетов данного вида условиях, соответствующих требованиям, предусмотренным законом и установленными в соответствии с ним банковскими правилами».

Отказ в открытии счета допускается в случаях, когда у банка нет возможности принять на банковское обслуживание клиента либо когда такой отказ допускается законом или иными правовыми актами.

Ограничение распоряжения денежными средствами, находящимися на банковском счете, по общему правилу не допускается, за исключением наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или приостановления операций по счету, в том числе блокирования (замораживания) денежных средств в случаях, предусмотренных законом (п. 1 ст. 858 ГК РФ).

Также в случаях, установленных законом, банк вправе расторгнуть договор банковского счета с обязательным письменным уведомлением об этом клиента (п. 3 ст. 859 ГК РФ).

Анализ законодательства позволяет выявить тенденцию расширения оснований для отказа кредитными организациями (далее — банки[3]) в открытии или расторжении банковского счета (вклада) клиенту, а также оснований для отказа в выполнении распоряжения клиента о проведении банковской операции.

В частности, кредитная организация не вправе открывать клиенту новый банковский счет в случае наличия решения налогового органа о приостановлении операций по счету клиента (п. 12 ст. 76 НК РФ)[4]. При этом требования налогового законодательства распространяются на те счета, которые обладают правовым режимом «счета» в понимании ст. 11 НК РФ. Ответственность банка по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 132 НК РФ, не наступает, если открытый банком счет не отвечает вышеуказанному пониманию счета (например, ссудный счет), поскольку п. 9 ст. 76 НК РФ запрещает банку открывать лишь те счета, которые в целях НК РФ могут быть признаны таковыми[5].

---

[1] Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] Федеральный закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. 26.07.2017.

[3] Исходя из анализа ст. 1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» понятие «банк» не тождественно понятию «кредитная организация». Вместе с тем для рассмотрения изложенной в статье темы эти различия не имеют принципиального характера, в связи с чем для целей данной статьи понятия «банк» и «кредитная организация» будут использоваться как тождественные.

[4] В настоящей статье приведены не все установленные законодательством основания для отказа клиенту в открытии счета, приостановления операций по счету и расторжения договора счета по инициативе кредитной организации.

[5] Более подробно об этом см.: Банковский вклад и банковский счет. Расчеты / отв. ред. Д. Г. Алексеева, С. В. Пыхтин. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт. 2017. С. 100.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»[6] (в ред. Федерального закона от 14.11.2017 № 325-ФЗ[7]) уполномоченный банк вправе отказать клиенту в проведении валютной операции в случаях, если ее проведение нарушит требования ст. 9, и (или) ст. 12, и (или) ст. 14 данного Закона, положения других актов валютного законодательства РФ, а также в случаях непредоставления лицом требуемых законом документов, предоставления недостоверных документов либо представления документов, не соответствующих требованиям данного Федерального закона.

Право «блокировать» валютную операцию, нарушающую положения любого из актов валютного контроля, возникло у уполномоченных банков с 14.05.2018[8].

В ряде случаев законодательством предусматриваются ограничения по работе с определенными категориями клиентов. Так, в соответствии со ст. 1 и 2 Федерального закона от 21.07.2014 № 213-ФЗ[9] хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса и безопасности Российской Федерации, а также общества, находящиеся под их прямым или косвенным контролем, вправе открывать счета, покрытые (депонированные) аккредитивы, заключать договоры банковского счета, договоры банковского вклада (депозита) с кредитными организациями, приобретать ценные бумаги кредитных организаций только в кредитных организациях, соответствующих установленным требованиям[10] и включенных в Перечень кредитных организаций, размещаемый

---

[6] СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

[7] Федеральный закон от 14.11.2017 № 325-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 23 Федерального закона “О валютном регулировании и валютном контроле” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. № 47. Ст. 6851.

[8] *Шенгелия И.* Банковский валютный контроль: как новые правила повлияют на ВЭД // Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор». 2018. № 1. С. 9—11.

[9] Федеральный закон от 21.07.2014 № 213-ФЗ «Об открытии банковских счетов и аккредитивов, о заключении договоров банковского вклада, договора на ведение реестра владельцев ценных бумаг хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса и безопасности Российской Федерации, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4214.

[10] Более подробно об этом см.: постановление Правительства РФ от 20.06.2018 № 706 «Об утверждении требований (дополнительных требований) к кредитным организациям, в которых федеральные унитарные предприятия и хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса и безопасности Российской Федерации, а также хозяйственные общества, находящиеся под их прямым или косвенным контролем, вправе открывать счета и покрытые (депонированные) аккредитивы и с которыми такие федеральные унитарные предприятия и хозяйственные общества, а также хозяйственные общества, находящиеся под их прямым или косвенным контролем, вправе заключать договоры банковского счета, договоры банковского вклада (депозита), и к ценным бумагам кредитных организаций, которые вправе приобретать такие федеральные унитарные предприятия и хозяйственные общества, а также хозяйственные общества, находящиеся под их прямым или косвенным контролем, и при-

Банком России на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Соответственно, в случае обращения такого клиента с просьбой об открытии счета в не соответствующий установленным требованиям банк последний будет вынужден отказать клиенту в открытии счета.

С момента исключения из вышеуказанного перечня срок действия заключенных договоров не может быть продлен, а на открытый клиентом банковский счет (депозит) не могут быть зачислены денежные средства, за исключением процентов по договору банковского счета или договору банковского вклада (депозита).

Открытие счетов, покрытых (депонированных) аккредитивов клиентом в «неправильном» банке либо заключение с ним договоров банковского счета и договоров банковского вклада (депозита) влечет наложение административного штрафа на должностных лиц клиента в размере от 100 тыс. до 1 млн руб., на юридических лиц — от 10 млн до 60 млн руб. Аналогичная ответственность предусмотрена и для кредитных организаций (ст. 15.39 КоАП РФ).

Являясь финансовыми организациями, банки вправе реализовывать «отказные» полномочия в рамках законодательства о международном автоматическом обмене информацией и документацией по международным группам компаний. Так, согласно требованиям ст. 142.4 Налогового кодекса РФ (в ред. Федерального закона от 27.11.2017 № 340-ФЗ)[11] в случае непредоставления лицом, заключающим с организаций финансового рынка договор, предусматривающий оказание финансовых услуг, информации о себе, выгодоприобретателях и (или) лицах, прямо или косвенно их контролирующих, а также иной финансовой информации в связи с автоматическим обменом финансовой информацией банк вправе отказать в заключении такого договора с этим лицом, отказать в проведении операции по договору либо расторгнуть договор.

Аналогичные требования предусмотрены и в ст. 5 Федерального закона 28.06.2014 № 173-ФЗ «Об особенностях осуществления финансовых операций с иностранными гражданами и юридическими лицами, о внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»[12] (в ред. Федерального закона от 30.12.2015 № 429-ФЗ)[13]. В случае

знании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 26. Ст. 3868.

[11] Федеральный закон от 27.11.2017 № 340-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний» // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7312. По данному вопросу см. также письмо ФНС России от 12.04.2018 № БА-4-17/6989@. Документ опубликован не был.

[12] СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3379.

[13] Федеральный закон от 30.12.2015 № 429-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «Об особенностях осуществления финансовых операций с иностранными гражданами и юридическими лицами, о внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 49.

непредоставления клиентом, в отношении которого у организации финансового рынка имеется обоснованное, документально подтвержденное предположение, что он относится к категории клиентов — иностранных налогоплательщиков, информации, необходимой для его идентификации в качестве такового и (или) в случае непредоставления клиентом в ответ на направленный ему запрос согласия (отказа от предоставления согласия) на передачу информации в иностранный налоговый орган кредитная организация вправе отказать клиенту в заключении договора банковского счета (вклада) или иного договора, предусматривающего оказание финансовых услуг.

Также указанный федеральный закон предусматривает право кредитной организации отказать клиенту в совершении операции, либо расторгнуть заключенный с ним договор банковского счета (вклада) или иной договор, предусматривающий оказание финансовых услуг по основаниям, предусмотренным ч. 2 и 3 Федерального закона № 173-ФЗ.

Тенденция расширения законодательно установленных оснований для реализации кредитными организациями полномочий по отказу в открытии банковского счета, выполнения распоряжений о совершении операций по счету и расторжению договора банковского счета становится очевидной.

По мнению исследователей[14], в свете происходящих в настоящее время преобразований российского законодательства, направленных на деофшоризацию российской экономики и подкрепленных очевидным трендом, направленным на повышение прозрачности международного пространства, российскому бизнесу уже сейчас сто́ит ориентироваться на то, что в ближайшем будущем практика раскрытия финансовой информации иностранными финансовыми учреждениями может стать обыденностью.

Вместе с тем наибольшее число споров в правоприменении вызывают реализация кредитными организациями своих прав на отказ в открытии банковского счета (вклада), отказ в выполнении распоряжения клиента о совершении операции по счету, а также расторжение договора банковского счета (вклада) по основаниям, предусмотренным в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[15] (далее соответственно — Закон о противодействии; отказные полномочия).

Причинами тому являются, с одной стороны, — негативные последствия, возникающие у клиентов кредитных организаций, которым по тем или иным причинам было отказано в открытии счета (вклада), проведении операций по счету, либо с которыми был расторгнут договор банковского счета (вклада), а с другой — неопределенный круг оснований для реализации банками своих отказных полномочий, который во многом отражен во внутрибанковских правилах по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным

[14] *Кузнец И. М., Айдаева Д. З.* Автоматический обмен информацией о финансовых счетах: глобальный конец банковской тайны? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 4. С. 36—46.

[15] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

путем, и финансированию терроризма (далее — ПОД/ФТ), а следовательно, недоступен клиенту.

Согласно п. 5.2 ст. 7 Закона о противодействии банк как организация, осуществляющая операции с денежными средствами своих клиентов, вправе *отказаться от заключения договора банковского счета (вклада) с клиентом* в соответствии с правилами внутреннего контроля при наличии подозрений в том, что целью заключения такого договора является совершение операций в целях отмывания доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — ОД/ФТ).

Пункт 5 ст. 7 Закона о противодействии устанавливает для кредитных организаций ряд запретов, в том числе:

— на открытие и ведение счетов (вкладов) на анонимных владельцев, т.е. без предоставления открывающими счет (вклад) физическим или юридическим лицом, иностранной структурой без образования юридического лица документов и сведений, необходимых для его идентификации, а также открытие и ведение счетов (вкладов) на владельцев, использующих вымышленные имена (псевдонимы);
— заключение договора банковского счета (вклада) с клиентом в случае непредставления самим клиентом либо его представителем документов и сведений, необходимых для их идентификации.

В соответствии с п. 11 ст. 7 Закона о противодействии кредитная организация вправе отказать в выполнении распоряжения клиента о совершении операции (за исключением операции по зачислению денежных средств, поступивших на счет клиента):

— по которой не представлены документы, необходимые для фиксирования требуемой Законом о противодействии информации;
— в случае, если в результате реализации правил внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ у работников кредитной организации возникают подозрения, что операция совершается в целях ОД/ФТ.

Наконец, в случае принятия в течение календарного года двух и более решений об отказе в выполнении распоряжения клиента о совершении операций на основании п. 11 ст. 7 Закона о противодействии кредитная организация вправе расторгнуть договор банковского счета (вклада) с клиентом.

Отказ от заключения договора счета (вклада) и расторжение договора банковского счета (вклада), равно как приостановление операций и отказ от выполнения операций, не являются основанием для возникновения гражданско-правовой ответственности банка за эти действия (п. 5, п. 5.2, п. 12 ст. 7 Закона о противодействии). Важно понимать, что требования российского законодательства в части ПОД/ФТ не являются уникальным образованием, а вытекают из международных стандартов по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия.

Согласно 10 Рекомендации ФАТФ[16] финансовые учреждения (в том числе банки) обязаны принимать следующие меры по надлежащей проверке клиентов (НПК):

[16] Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ. М. : МУМЦФМ, 2012. С. 17—19.

— идентификация клиента и подтверждение его личности с использованием надежных, независимых первичных документов, данных или информации;
— определение бенефициарного собственника и принятие таких разумных мер по проверке личности бенефициарного собственника, которые позволят финансовому учреждению считать, что ему известно, кто является бенефициарным владельцем. Для юридических лиц и образований это должно включать получение информации о структуре управления и собственности клиента;
— понимание и, когда это необходимо, получение информации о целях и предполагаемом характере деловых отношений;
— проведение на постоянной основе надлежащей проверки деловых отношений и тщательного анализа сделок, совершенных в рамках таких отношений, чтобы убедиться в соответствии проводимых сделок сведениям финансового учреждения о клиенте, его хозяйственной деятельности и характере рисков, в том числе, когда необходимо, об источнике средств.

В тех случаях, когда финансовое учреждение не может выполнить вышеуказанные требования пунктов (с учетом соответствующей корректировки степени этих мер согласно риск-ориентированному подходу), оно должно быть обязано *не открывать счет, не вступать в деловые отношения и не осуществлять сделку*, или оно должно быть обязано *прекратить деловые отношения* и ему следует рассмотреть вопрос о *направлении сообщения о подозрительной операции (сделке)* в отношении этого клиента.

Очевидно, что требования отечественного Закона о противодействии в полной мере соответствуют международным стандартам в области ПОД/ФТ и глобально не могут быть изменены.

Вместе с тем попытки скорректировать законодательство предпринимаются в течение последних нескольких лет довольно регулярно.

Причиной тому становятся негативные последствия, которые наступают для предпринимателей и физических лиц вследствие реализации механизма Банка России[17] по информированию участников рынка об отказе в открытии банковского счета (вклада) и (или) расторжения договора банковского счета (вклада) с клиентом по инициативе кредитной организации, о случаях отказа в выполнении распоряжения клиента о совершении операции.

[17] См.: указание Банка России от 20.07.2016 № 4077-У «О порядке представления кредитными организациями в уполномоченный орган сведений о случаях отказа от заключения договора банковского счета (вклада) и (или) расторжения договора банковского счета (вклада) с клиентом по инициативе кредитной организации, о случаях отказа в выполнении распоряжения клиента о совершении операции» // Вестник Банка России. 2016. № 77 ; Положение о порядке, сроках и объеме доведения до сведения кредитных организаций и некредитных финансовых организаций информации о случаях отказа от проведения операции, отказа от заключения договора банковского счета (вклада) и (или) расторжения договора банковского счета (вклада) с клиентом, об устранении оснований принятия решения об отказе от проведения операции, об устранении оснований принятия решения об отказе от заключения договора банковского счета (вклада), об отсутствии оснований для расторжения договора банковского счета (вклада) с клиентом (утв. Банком России 30.03.2018 № 639-П) // Вестник Банка России. 2018. № 46.

Данный механизм был внедрен в целях защиты от действий «подозрительных» клиентов, мигрирующих из одной кредитной организации в другую и последовательно осуществляющих подозрительные (необычные, сомнительные, транзитные операции) в каждой из них.

Кредитная организация, принявшая решение об отказе в открытии банковского счета (вклада) клиенту, либо отказавшая ему в выполнении распоряжения о совершении операции, либо принявшая решение о расторжении договора банковского счета (вклада) по основаниям, предусмотренным в Законе о противодействии, обязана проинформировать об этом уполномоченный орган (Росфинмониторинг), который, в свою очередь, аккумулирует полученную информацию и направляет через Банк России до сведения кредитных и некредитных организаций.

Информация об отказах в отношении клиентов или потенциальных клиентов должна учитываться кредитными организациями при оценке степени (уровня) риска клиента в совокупности с другими факторами, влияющими на такую оценку в соответствии с требованиями Положения Банка России от 02.03.2012 № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[18] и аналогичным нормативным актом, принятым в отношении некредитных финансовых организаций[19].

Банк России предупреждает, что информация об отказах не является самостоятельным основанием для принятия кредитной организацией или некредитной финансовой организацией решения об отказе в выполнении распоряжения клиента о совершении операции, а кредитной организацией —также об отказе от заключения договора банковского счета (вклада) или о расторжении договора банковского счета (вклада) с клиентом[20].

Вместе с тем Банк России методично рекомендует кредитным организациям применять в отношении клиентов отказные полномочия[21] при наличии подозре-

---

[18] Вестник Банка России. 2012. № 20.

[19] Положение Банка России от 15.12.2014 № 445-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля некредитных финансовых организаций в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Вестник Банка России. 2015. № 14.

[20] Информационное письмо Банка России от 15.06.2017 № ИН-014-12/29 «Об учете информации о случаях отказа от проведения операций, от заключения договора банковского счета (вклада), о случаях расторжения договора банковского счета (вклада) с клиентом, доведенной Банком России до поднадзорных организаций, при определении степени (уровня) риска клиента» // Вестник Банка России. 2017. № 53.

[21] См., например: письмо Банка России от 31.12.2014 № 238-Т «О мерах по противодействию использования микрофинансовых организаций и их услуг в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма» // Вестник Банка России. 2015. № 1 ; Методические рекомендации о повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов (утв. Банком России 05.05.2015 № 12-МР) // Там же. 2015. № 41 ; Методические рекомендации о повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов (утв. Банком России 02.04.2015 № 10-МР) // Там же. 2015. № 30 ; Методические рекомендации о повышении внима-

ний, что операции совершаются в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма.

Реализация банками «отказных» полномочий привела к массовым блокировкам и отказам: за полгода работы новой системы список «отказников» увеличился более чем вдвое: с 200 тыс. до 460 тыс. клиентов по состоянию на конец октября 2017 г. При этом попадание в список фактически лишало компанию или физическое лицо доступа к банковским услугам[22].

Ситуация обострилась ввиду наличия противоречивой судебной практики. Зачастую суды не учитывали общую логику и специфику обязанностей банков, привнесенных Законом о противодействии, а в ряде случаев выносили противоположные решения в абсолютно аналогичных обстоятельствах. Так, например, общество с ограниченной ответственностью обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с исковым заявлением о признании действий банка, выразившихся в отказе перечислять денежные средства по платежному поручению в пользу физического лица, а также действия по признанию операции по перечислению денежных средств за счет физического лица, связанной с легализацией (отмыванием) доходов, незаконными и обязании устранить допущенные нарушения.

Как следует из материалов дела[23], Банк запросил у ООО ряд документов, связанных с необходимостью анализа предстоящего платежа, в числе которых информация о характере и экономическом смысле проводимых операций, информация о численности работников организации, штатном расписании, письменные разъяснения относительно перечисления налоговых платежей, копии бухгалтерской и налоговой отчетности, иные документы. Общество предоставило лишь часть запрошенных документов и информации, в результате чего Банк отказал в исполнении платежного поручения клиента ввиду наличия подозрений в том, что операция совершается в целях ОД/ФТ.

Суд признал действия Банка незаконными, обязал его устранить нарушение прав и законных интересов клиента путем перечисления денежных средств по платежному поручению на счет получателя средств и подчеркнул, что Банк должен был *доказать, по каким именно признакам* спорная операция была отнесена к сомнительным, а также запросить документы по конкретной операции, *зафик-*

ния депозитариев к отдельным операциям клиентов (утв. Банком России 15.07.2015 № 16-МР) // Там же. 2015. № 60 ; Методические рекомендации о повышении внимания брокеров к отдельным операциям (утв. Банком России 15.07.2015 № 18-МР) // Там же. 2015. № 60 ; Методические рекомендации о повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов (утв. Банком России 13.04.2016 № 10-МР) // Там же. 2016. № 40 ; Методические рекомендации о повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов» (утв. Банком России 02.02.2017 № 4-МР) // Там же. 2017. № 15.

[22] *Дементьева К., Горячева В.* Из черного списка показался выход: ЦБ дал банкам рекомендации по реабилитации клиентов-отказников // Коммерсантъ. 13.11.2017.

[23] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.10.2017 по делу № А40-202834/16.

сировать непредоставление клиентом запрошенных документов[24], направить в уполномоченный орган сведения об операции[25].

Аналогичный подход прослеживается и в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15.11.2017 № Ф05-16518/2017 по делу № А40-10212/2017. Удовлетворяя требования истца о понуждении к заключению договора банковского счета, суды подчеркивали, что каждое подозрение должно быть мотивированным и обоснованным, иначе любое нежелание банка заключить договор банковского счета может быть оправдано правом банка на подозрения, а это уже является злоупотреблением правом.

Другой пример — ООО обратилось в арбитражный суд с заявлением к Банку об обязании заключить договор банковского счета.

Решением суда первой инстанции исковые требования были удовлетворены, суд обязал Банк заключить с ООО договор банковского счета. Все последующие судебные инстанции решение суда первой инстанции поддержали. В обоснование своей позиции Банк отмечал, что согласно заключению службы безопасности руководитель и постоянно действующий орган общества по адресу, указанному в учредительных документах, отсутствуют (проведенная выездная проверка Банка данный факт подтвердила). Клиент имеет минимальный уставный капитал при объеме годовой выручки свыше 13 млн руб., основным видом деятельности клиента являются обработка и оптовая торговля отходами и ломом, отнесенные Банком России к числу высокого уровня риска. Кроме того, в отношении клиента у банка имелась негативная информация о деловой репутации клиента (крупные суммы снятия денег посредством корпоративных карт без предоставления первичных подтверждающих документов). По совокупности факторов банк клиенту в открытии счета отказал.

Изучив материалы дела, выслушав представителей сторон, оценив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия посчитала необходимым оспариваемые судебные акты оставить без изменения.

Установив факт нахождения общества по месту регистрации, суд при том подчеркнул, что *видеофиксация* проверки (выезда) не проводилась, *повторно* банком документы для проверки не запрашивались; клиент имеет лицензии на заготовку и осуществление иных операций с ломом черных и цветных металлов; а ссылку на минимальный уставный капитал посчитал *несостоятельной*. Ссылка на не-

---

[24] При этом исходя из общей логики Закона о противодействии отказ в выполнении распоряжения клиента о совершении операции допустим при возникновении подозрений в том, что операция совершается в целях ОД/ФТ. Законодательством не требуется ни доказывания со стороны кредитной организации данного факта, на фиксации факта направления клиенту запроса и получения (неполучения) от него ответа.

[25] См. также постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.05.2018 № Ф05-5072/2018 по делу № А40-125786/2017, постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19.04.2017 № Ф01-878/2017 по делу № А43-15183/2016 (определением Верховного Суда РФ от 25.08.2017 № 301-ЭС17-10939 отказано в передаче дела № А43-15184/2016 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

гативную деловую репутацию также была отклонена судом как *необоснованная* и не подтвержденная документально[26].

Не оспаривая решение суда, стóит все же отметить, что согласно п. 6.2 Положения Банка России № 375-П факторами, по отдельности или в совокупности влияющими на решение банка об отказе от заключения договора, являются: наличие уставного капитала, равного или незначительно превышающего минимальный размер; в качестве адреса (места нахождения) постоянно действующего исполнительного органа указан адрес, в отношении которого имеется информация ФНС России о расположении по такому адресу также иных юридических лиц, и иные факторы, самостоятельно определяемые кредитной организацией.

Порядок выявления факта присутствия или отсутствия по месту нахождения единоличного исполнительного органа устанавливается кредитной организацией самостоятельно, ни в одном нормативном акте не установлена обязанность банка проводить видеофиксацию своих действий, осуществлять повторный выезд или запрашивать от клиента недостающие документы/сведения многократно.

Третий пример[27] — клиент (юридическое лицо) обратился в арбитражный суд с требованием о признании незаконным отказа в заключении договора банковского счета и понуждении заключить договор банковского счета на объявленных условиях. Фабула данного дела во многом сходна с предыдущим делом. Банк отказал обществу в открытии счета, сославшись на совокупность негативных факторов, являющихся достаточным основанием для отказа.

По итогам рассмотрения дела в удовлетворении исковых требований было отказано, поскольку судом установлено, что при анализе информации о клиенте кредитной организацией выявлен факт отсутствия информации о положительной деловой репутации общества, а также тот факт, что общество отвечает признакам лиц, обладающих высоким уровнем легализации (отмывания) преступных доходов.

В ходе судебного заседания в отношении истца была установлена следующая совокупность негативных факторов: минимальный размер уставного капитала, единственный учредитель выполнял обязанности единоличного исполнительного органа клиента и главного бухгалтера одновременно, юридический и фактический адрес истца совпадали с адресом массовой регистрации, при этом постоянно действующий орган по месту нахождения, указанному в ЕГРЮЛ, отсутствовал. При этом суд признал, что указанные факты *являются самостоятельным и достаточным основанием* как *для отказа банка* в заключении договора банковского счета, так и для расторжения договора на этапе обслуживания клиента, *поскольку у банка нет оснований идентифицировать клиента (истца)*, как того требует действующее законодательство.

Имеются и иные примеры подобных судебных решений. Так, постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.11.2017 № Ф03-4555/2017 по

---

[26] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.10.2016 № Ф10-3411/2016 по делу № А62-9219/2015, постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2016 № 20АП-3119/2016 по делу № А62-9219/2015.

[27] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.09.2017 № Ф06-22958/2017 по делу № А65-24541/2016.

делу № А73-3974/2017 оставлены без изменения решения судов предшествующих инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований о признании незаконными отказов банков от исполнения договора банковского счета (исполнения распоряжения по платежным поручениям, отказа в предоставлении услуг дистанционного доступа, обязании восстановить дистанционный доступ к счету). Поскольку обществом совершались сомнительные операции, банки, по усмотрению судов, действовали в рамках возложенных на них обязанностей по осуществлению контроля за расчетными операциями.

Постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.12.2014 № Ф03-5833/2014 по делу № А37-579/2014 также оставлены в силе решения судов нижестоящих инстанций, в которых суды отказали в удовлетворении исковых требований о понуждении банка заключить договор банковского счета и открыть счета, поскольку банком установлены факторы риска, послужившие основанием для отказных решений.

Отказано также судами в признании незаконными действий банка, выразившихся в невыполнении распоряжений предпринимателя о проведении операций по счету, решения банка о расторжении договора банковского счета и его закрытии, восстановлении действия договора, обязании банка разблокировать доступ предпринимателя к системе дистанционного банковского обслуживания. В постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.06.2018 № Ф04-1737/2018 по делу № А46-10552/2017 отмечено, что спорные операции вызвали у банка подозрения, представленные предпринимателем документы не пояснили экономический смысл проводимых по расчетному счету операций, при этом банком неоднократно предпринимались решения об отказе в выполнении распоряжений клиента о совершении операций.

В настоящее время разработан и внедрен в действие механизм «реабилитации» клиентов-отказников, который во многом упрощает процедуру оспаривания решений банков, но, к сожалению, не устраняет причины, по которым банки такие решения выносят.

В соответствии с изменениями, внесенными в Закон о противодействии[28], а также требованиями Указания Банка России от 30.03.2018 № 4760-У[29] установлена двухуровневая процедура «реабилитации»[30] клиентов, в отношении которых были вынесены отказные решения.

---

[28] Федеральный закон от 29.12.2017 № 470-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 54.

[29] Указание Банка России от 30.03.2018 № 4760-У «О требованиях к заявлению, составе межведомственной комиссии, порядке и сроках рассмотрения межведомственной комиссией заявления и документов и (или) сведений, представленных заявителем, порядке принятия решения по результатам такого рассмотрения и порядке сообщения межведомственной комиссией о принятом решении заявителю и финансовой организации» // Вестник Банка России. 2018. № 33.

[30] Устоявшийся в правоприменении термин «реабилитация» не является корректным, поскольку речь не идет о признании клиента виновным в отмывании «грязных» денег или финансировании терроризма, соответственно, реабилитировать его не нужно. Вместе с тем последующее по результатам применения данной схемы исключение клиента из

В случае принятия кредитной организацией решения об отказе от проведения операции либо отказе от заключения договора банковского счета (вклада) клиент с учетом полученной от банка информации вправе предоставить в эту организацию документы и (или) сведения об отсутствии оснований для принятия банком отказного решения.

Кредитная организация по итогам рассмотрения полученных о клиентов документов сообщает клиенту:

— об устранении оснований, в соответствии с которыми ранее было принято решение об отказе от проведения операции или об отказе от заключения договора банковского счета (вклада);
— о невозможности устранения соответствующих оснований исходя из документов и (или) сведений, представленных клиентом.

В случае, если банк решение не изменил, клиент вправе обратиться в специально созданную при Банке России Межведомственную комиссию, состоящую из представителей Банка России и Росфинмониторинга, с заявлением, оформленным по установленной Банком России форме. К заявлению могут быть приложены документы, подтверждающие указанные в нем сведения.

По итогам рассмотрения полученных от клиента документов и сведений комиссия выносит решение об:

— отсутствии оснований, в соответствии с которыми указанной финансовой организацией ранее было принято решение об отказе;
— отсутствии оснований для пересмотра решения, принятого финансовой организацией, исходя из документов и (или) сведений, представленных заявителем.

В случае, если кредитной организацией или межведомственной комиссией принимается решение о пересмотре (изменении) ранее принятого отказного решения, информация об этом направляется в Росфинмониторинг для исключения клиента из соответствующего «черного» списка клиентов, осуществляющих подозрительные операции.

Как уже отмечалось, созданная процедура во многом упрощает рассмотрение спорных ситуаций и позволяет наиболее оперативно исключить клиента из «черных» списков Росфинмониторинга, но не окажет значительного влияния на частоту возникновения таких споров.

В бизнес-среде в качестве решения проблемы видится изменение законодательства о ПОД/ФТ. Более того, по итогам встречи с женщинами-предпринимателями, прошедшей 07.03.2018, Президент РФ дал поручение Правительству РФ совместно с Банком России в срок до 01.09.2018 обеспечить внесение изменений в законодательство РФ, направленных на исключение необоснованной блокировки кредитными организациями банковских счетов юридических и физических лиц; конкретизацию порядка и оснований принятия таких решений.

Какими могут быть эти изменения? С учетом того обстоятельства, что права кредитных организаций на отказ в открытии банковского счета (вклада), выпол-

«черного» списка лиц, проводящих подозрительные операции, во многом смягчает отношение к нему со стороны финансовых организаций, исключает его из числа клиентов с высоким уровнем риска ОД/ФТ.

нении распоряжений клиента о совершении операций по счету и расторжение договора банковского счета (вклада) по основаниям, предусмотренным в Законе о противодействиии, в полной мере соответствуют Десятой рекомендации ФАТФ и иным аналогичным нормам, кардинальное изменение ситуации видится сомнительным.

Возможно, оно и не требуется, и ситуацию можно изменить путем принятия нормативных актов Банка России (новых либо вносящих изменения в уже принятые), поскольку действующее регулирование ПОД/ФТ не является совершенным.

Во-первых, в Законе о противодействии не проведено четкого разграничения по вопросу о том, как соотносятся предоставленные кредитным организациям полномочия, указанные в ч. 5 и 5.2 ст. 7.

Согласно ч. 5.2 ст. 7 Закона о противодействии кредитные организации *вправе отказаться* от заключения договора банковского счета (вклада) в соответствии с правилами внутреннего контроля кредитной организации в случае наличия *подозрений* о том, что целью заключения такого договора является совершение *операций в целях легализации (отмывания)* доходов, полученных преступным путем, или *финансирования* терроризма.

Часть 5 ст. 7 Закона о противодействии *запрещает* кредитным организациям *заключать договор банковского счета (вклада)* с клиентом в случае *непредставления* самим клиентом либо его представителем *документов и сведений*, необходимых для их идентификации в случаях, установленных данным Федеральным законом.

В развитие данного запрета Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов»[31] предусматривает, что основанием открытия счета является заключение договора счета соответствующего вида и представление до открытия счета всех документов и сведений, определенных законодательством РФ, при условии, что в целях исполнения Федерального закона № 115-ФЗ:

— проведена идентификация клиента, его представителя, выгодоприобретателя;
— приняты обоснованные и доступные в сложившихся обстоятельствах меры по идентификации бенефициарных владельцев, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом № 115-ФЗ, когда идентификация бенефициарных владельцев не проводится.

Кредитная организация на основании п. 5 ст. 7 Федерального закона № 115-ФЗ отказывает клиенту в заключении договора банковского счета, вклада (депозита), депозитного счета, если не представлены документы, необходимые для идентификации клиента и представителя клиента (п. 1.2. Инструкции).

Далее предусматривается, что в соответствии с абз. 2 п. 5.2 ст. 7 Федерального закона № 115-ФЗ при наличии подозрений о том, что целью открытия счета является совершение операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, кредитная организация в соответствии с правилами внутреннего контроля рассматривает вопрос о наличии оснований для отказа в заключении договора счета соответствующего вида.

---

[31] Вестник Банка России. 2014. № 60.

Сравнительное толкование вышеуказанных норм позволяет прийти к выводу о том, что существуют два основания для отказа в открытии банковского счета(вклада) клиенту:

— в случае непредоставления клиентом всех необходимых для его идентификации документов;
— в случае возникновения у кредитной организации подозрений о том, что целью заключения такого договора является совершение операций в целях ОД/ФТ (которые также могут возникнуть вследствие непредоставления клиентом всех необходимых документов).

Соответственно, уведомлять Росфинмониторинг необходимо только в случае отказа в открытии счета (вклада) по основаниям, предусмотренным в ч. 5.2 ст. 7 Закона о противодействии.

Внесение ясности по данному вопросу путем соответствующих поправок в Закон о противодействии либо Инструкцию Банка России № 153-И позволило бы во многом упростить, сделать более прозрачной и понятной клиенту процедуру отказа в открытии банковского счета (вклада) и, возможно, снизить число судебных споров по данному основанию.

Другой проблемой, непосредственно вытекающей из первой, является правовая неопределенность по вопросу о признании банковской операции клиента подозрительной (необычной, транзитной, сомнительной). Соответствующей группы понятий в законодательстве не выработано. Следовательно, соотношение данных понятий затруднительно.

Отнесение операции к подозрительной (необычной и т.д.) осуществляется на основании учета рекомендаций Банка России, данных по результатам анализа схем противоправных действий клиентов в разных сферах банковской деятельности, определенных в соответствии с международной практикой и рекомендациями ФАТФ. В частности, *подозрительной признается операция,* по которой в результате применения мер внутреннего контроля возникает подозрение, что она совершается в целях ОД/ФТ (письмо Банка России от 03.07.1997 № 479[32]). Операции предлагается относить к числу подозрительных в соответствии с включением в соответствующий рекомендованный список Банка России и в зависимости от суммы совершения либо без учета таковой.

Приведенный перечень подозрительных операций является примерным и может дополняться каждым банком самостоятельно. При этом банк имеет возможность воздержаться от проведения подозрительных и требующих повышенного внимания со стороны Банка операций.

Сомнительной признается операция, имеющая необычный характер, признаки отсутствия явного экономического смысла и очевидных законных целей, которые могут проводиться для вывода капитала из страны, финансирования «серого» импорта, перевода денежных средств из безналичной формы в налич-

[32] Письмо Банка России от 03.07.1997 № 479 «О Методических рекомендациях по вопросам организации работы по предотвращению проникновения доходов, полученных незаконным путем, в банки и иные кредитные организации» // Вестник Банка России. 1997. № 43.

ную и последующего ухода от налогообложения, а также для финансовой поддержки коррупции и других противозаконных целей[33].

Под признаками высокой вовлеченности кредитной организации в проведение сомнительных безналичных и (или) наличных операций понимается[34] одно из следующих обстоятельств:

— превышение за последний квартал суммарного значения удельного веса (доли) объема сомнительных наличных операций в объемах дебетовых оборотов по счетам юридических и физических лиц и удельного веса (доли) объема сомнительных безналичных операций в объемах дебетовых оборотов по счетам юридических лиц величины 5 процентов, и (или)
— превышение за последний квартал объема сомнительных безналичных операций величины 5 млрд руб., и (или)
— превышение за последний квартал объема сомнительных наличных операций величины 5 млрд руб.

В другом случае под сомнительными операциями понимаются операции, действительными целями которых могут являться уклонение от уплаты налогов, таможенных платежей, вывод денежных средств из Российской Федерации, отмывание доходов, полученных преступным путем, и другие противозаконные цели, в том числе операции, обладающие признаками транзитных операций, описанными в письме Банка России от 31.12.2014 № 236-Т «О повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов».

Исходя из анализа данного документа *транзитной* может считаться операция, содержащаяся в кодах признака 1414 и 1813 Перечня признаков, указывающих на необычный характер сделки:

— поступления средств на счет клиента-юрлица (рез) от большого количества других резидентов со счетов в банках РФ с последующим их списанием (код 1414);
— перевод средств клиентами-юрлицами (рез) со своих счетов в уполномоченных банках на счета в зарубежных банках (код 1813).

В Методических рекомендациях Банка России от 21.07.2017 № 18-МР[35] «О подходах к управлению кредитными организациями риском легализации

---

[33] См., например: письмо Банка России от 04.09.2013 № 172-Т «О приоритетных мерах при осуществлении банковского надзора» // Вестник Банка России. 2013. № 51 ; Методические рекомендации о подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма (утв. Банком России 16.02.2018 № 5-МР) // Там же. 2018. № 17.

[34] О критериях, применяемых при проведении оценки кредитных организаций по итогам работы за IV квартал 2017 г. и последующие периоды см.: информационное письмо Банка России от 27.07.2017 № ИН-01-12/40.

[35] Методические рекомендации о подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма (утв. Банком России 21.07.2017 № 18-МР) // Вестник Банка России. 2017. № 63.

О подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма также см.: Методические рекомендации Банка России 16.02.2018 № 5-МР // Вестник Банка России. 2018. № 17.

(отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма» обращено внимание на необходимость выявления клиентов, осуществляющих операции, отвечающие признаками транзитных, и обращать внимание на клиентов, которые искусственно завышают размер уплачиваемых с банковских счетов налогов и других обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации с 0,5 % от дебетового оборота по счету в среднем до значения 0,9 % от дебетового оборота по счету либо до значений, незначительно его превышающих.

При этом отмечено, что уплата налогов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации в размере ниже обозначенного уровня *не является единственным определяющим фактором* для *«автоматического» признания факта* совершения клиентом сомнительных операций, в связи с чем рекомендовано банкам принимать во внимание определенные дополнительные признаки, характеризующие деятельность клиентов, осуществляющих указанные операции.

К категории *необычной* может быть отнесена операция, содержащая возможные признаки и критерии необычности и не характерная для операций данного клиента, а также любая операция, которая, по мнению сотрудников банка, может осуществляться с целью ОД/ФТ[36], например, которой присущи:

— запутанный или необычный характер сделки, не имеющей очевидного экономического смысла или очевидной законной цели;
— несоответствие сделки целям деятельности организации, установленным учредительными документами этой организации;
— отказ клиента (представителя клиента) в предоставлении запрошенных кредитной организацией документов и информации, которые необходимы кредитной организации для выполнения требований законодательства в сфере ПОД/ФТ;
— излишняя озабоченность клиента (представителя клиента) вопросами конфиденциальности в отношении осуществляемой операции (сделки), в том числе раскрытия информации государственным органам;
— отсутствие информации о клиенте — юридическом лице, в том числе о банке-корреспонденте, зарегистрированном за пределами Российской Федерации, иностранной структуре без образования юридического лица в официальных справочных изданиях, а также невозможность осуществления связи с клиентом, в том числе индивидуальным предпринимателем по указанным им адресам и телефонам;
— наличие нестандартных или необычно сложных инструкций по порядку проведения расчетов, отличающихся от обычной практики, используемой данным клиентом (представителем клиента), или от обычной рыночной практики, и т.д.

К сожалению, специфика риска ОД/ФТ такова, что делает невозможным издание единого шаблонного, стандартизированного документа, позволяющего

[36] Положение о требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Банком России 02.03.2012 № 375-П). Приложение 1 // Вестник Банка России. 2012. № 20.

выявлять, анализировать и оценивать подозрительные, необычные, транзитные и сомнительные операции применительно к каждому клиенту единообразно.

Основная суть базового принципа ПОД/ФТ — «*Знай своего клиента*» состоит в том, что операции, которые для одного клиента являются прозрачными, понятными и обычными, для другого будут необычными и подозрительными. Для организации работы по ПОД/ФТ кредитные организации должны разрабатывать правила внутреннего контроля по ПОД/ФТ, в рамках которых предусматривать комплекс соответствующих мер и процедур ПОД/ФТ.

Деятельность кредитных организаций можно упростить и усовершенствовать путем создания четкой «системы координат»: понятийного аппарата, разграничения смежных понятий (подозрительные/сомнительные/транзитные/необычные операции), достижения четкого понимания содержания данных терминов и алгоритма действий кредитной организации в целях выявления соответствующих угроз и инструментов работы с клиентом для уточнения содержания и цели проводимых операций.

Руководствуясь указанными требованиями, изложенными в Законе о противодействии, нормативных и рекомендательных актах Банка России, кредитные организации смогут предусмотреть в правилах внутреннего контроля по ПОД/ФТ эффективные, прозрачные и понятные процедуры управления риском ОД/ФТ.

По мнению Банка России[37], увеличение сложности противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, рост регуляторной нагрузки на финансовые компании, обусловленный усилением требований ПОД/ФТ, являются важнейшими вызовами для финансового рынка, которые невозможно не учитывать.

С регулятором соглашается и Росфинмониторинг[38], называющий несовершенство отдельных норм действующего законодательства в части противодействия незаконному выводу денежных средств за рубеж и обналичиванию, а также недостаточную информированность отдельных субъектов исполнения законодательства о ПОД/ФТ о рисках и угроза ОД/ФТ в числе важнейших уязвимостей системы.

Следовательно, законодательство о ПОД/ФТ важно правильно структурировать. Оно должно содержать четкую систему понятий и процедур, а также алгоритм их применения в тех или иных ситуациях, позволяющий применять их дифференцированно кредитными организациями путем разработки собственных правил внутреннего контроля по ПОД/ФТ.

В существующих условиях крайне важно добиться достижения разумного баланса публичных интересов банков и частных интересов их клиентов; снизить напряженность на рынке, вызванную частыми отказами в открытии счетов

---

[37] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019—2021 годов. Проект от 01.06.2018. Центральный банк Российской Федерации, 2018. С. 28 // URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/41540/onfr_2019-21(project).pdf.

[38] Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов 2017-2018 Основные выводы // URL: http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%D0%B4%203.4.1.pdf.

(вкладов) и проведении операций, обеспечить выполнение требований Закона о противодействии, основанного на признанных международным стандартах ПОД/ФТ; создать прозрачные «правила игры», понятные и бизнесу, и банкам.

В конечном счете «от того, каким инструментарием располагают кредитные организации и насколько тщательно они выполняют возложенные на них функции, во многом зависит решение проблемы уязвимости всей банковской системы перед попытками ее использования в целях проведения операций, не имеющих явного экономического смысла и очевидных законных целей, легализации доходов от преступной деятельности и финансирования терроризма»[39].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Банковский вклад и банковский счет. Расчеты / отв. ред. Д. Г. Алексеева, С. В. Пыхтин. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2017.
2. *Дементьева К., Горячева В.* Из черного списка показался выход: ЦБ дал банкам рекомендации по реабилитации клиентов-отказников // Коммерсантъ. 13.11.2017.
3. *Шенгелия И.* Банковский валютный контроль: как новые правила повлияют на ВЭД // Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор». 2018. № 1.

[39] *Скобелкин Д. Г.* Консолидация банковской системы в целях противодействия незаконным финансовым операциям // Деньги и кредит. 2016. № 2. С. 8.

Ирина Евгеньевна МИХЕЕВА,
кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ya.miheeva@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КРЕДИТОРА ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ (ЗАЙМОВ)

Аннотация. *В статье проанализированы положения гражданского законодательства об ограничении ростовщических процентов при предоставлении потребительских кредитов (займов). Автором рассмотрены судебная практика по вопросам оценки добросовестности поведения кредиторов, устанавливающих процентную ставку по договору потребительского кредита (займа), и основные способы защиты прав заемщика. В частности, автор сделал вывод, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, суды исходят из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. При добросовестном осуществлении права на защиту управомоченный субъект может рассчитывать на реализацию своего права посредством одного или нескольких способов защиты, предусмотренных законом. Таким образом, способы защиты прав заемщика, в отношении которого установлена процентная ставка, отличающаяся от рыночного значения, зависят от конкретной ситуации. Заемщик может потребовать признать условие о процентной ставке недействительным, взыскать с кредитора убытки, направить в суд требование об отказе кредитору во взыскании в той части, в которой размер процентной ставки отличается от рыночного значения.*
Ключевые слова: *принцип добросовестности, договор потребительского кредита (займа), злоупотребление правом, кредитор, заемщик, проценты за пользование денежными средствами.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.086-096

I. E. MIKHEEVA,
PhD, Associate Professor, Deputy Head of Department of banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ya.miheeva@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

GOOD FAITH CREDITOR IN GRANTING CONSUMER LOANS (LOANS)

Abstract. *In article provisions of the civil legislation on restriction of usurious percent are analysed when granting consumer loans (loans). The author has considered jurisprudence concerning assessment of conscientiousness of the behavior of creditors establishing an interest rate for the contract of a consum-*

© И. Е. Михеева, 2018

er loan (loan) and the main ways of protection of the rights of the borrower. In particular, the author has drawn a conclusion that estimating actions of the parties as conscientious or unfair, courts proceed from the behavior expected from any participant of the civil circulation considering the rights and legitimate interests of other party, promoting it including in obtaining necessary information. At conscientious implementation of the right for protection the authorized subject can count on realization of the right by means of one or several ways of protection provided zakonom14. Thus, ways of protection of the rights of the borrower concerning whom the interest rate different from market value is established depend on a concrete situation. The borrower can demand to nullify a condition about an interest rate, to claim damages from the creditor, to send to court the requirement about refusal to the creditor in collecting in that part in which the size of an interest rate differs from market value.
Keywords: *the principle of good faith, consumer credit (loan) agreement, abuse of rights, lender, borrower, interest for the use of funds.*

Согласно п. 3, 4 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В целях обеспечения принципа добросовестности ст. 10 ГК РФ была дополнена нормой, которая не только запрещает осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное *заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).*

В то же время гражданское законодательство не раскрывает содержание принципа добросовестности и не предусматривает конкретных мер ответственности за недобросовестное поведение участников гражданских правоотношений. Поэтому в судебной практике возникает множество спорных ситуаций, связанных с различной оценкой одинакового поведения сторон в качестве добросовестного или недобросовестного, а также с применением разных последствий недобросовестного поведения, в том числе в форме ответственности.

При этом следует отметить, что суды своими разъяснениями в определенной степени восполняют отсутствующие в законе положения. Так, в части определения недобросовестного поведения Пленумом Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 23.06.15 № 25 были даны следующие характеристики добросовестного поведения сторон: «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации»[1].

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Однако в части определения ответственности за недобросовестное поведение, следует согласиться с Е. А. Сухановым, который отмечает, что «во всех случаях применения относительно определенной санкции, предусмотренной в п. 2 ст. 10 ГК, имеет место высокая степень судебного усмотрения»[2].

Обсуждение вопроса о содержании и применении принципа добросовестности также не прекращается и в научных кругах. Одни ученые полагают, что законодатель понимает добросовестность как *субъективное состояние лица*, которое не знает и не может (не должно) знать о факте, знание которого с точки зрения закона делает поведение лица неправомерным. Для констатации знания о факте или отсутствия такового (незнания) не нужно заглядывать в духовный мир лица, а достаточно исследования фактических обстоятельств, в которых он совершал юридически значимое действие. Вот почему добросовестность как критерий оценки поведения субъекта, осуществляющего право, есть категория *этически безразличная, не несущая нравственной нагрузки*[3].

Другими авторами добросовестность (добрая совесть), наоборот, отождествляется с нравственными началами и связывается с этическими нормами как честное, тщательное и аккуратное выполнение обязанностей, старательность и исполнительность[4].

Как показывает судебная практика, при рассмотрении споров, возникающих из банковских правоотношений, суды достаточно часто руководствуются положениями ст. 10 ГК, выявляя, имело ли место в действиях банка как стороны, являющейся профессионалом в банковской сфере, злоупотребление правом (недобросовестное поведение).

При этом для оценки поведения банка более обоснованным представляется рассмотрение принципа добросовестности как основополагающего начала, определяющего именно фактические обстоятельства, в которых субъект права совершает юридически значимое действие, а не как нравственное начало.

В Обзоре судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017[5] (далее — Обзор от 27.09.2017), суд отметил, что «сфера финансовых услуг, оказываемых банками и иными организациями, в настоящее время характеризуется, с одной стороны, ростом числа оказываемых населению услуг, а с другой — наличием рисков, сопряженных в том числе с не всегда добросовестным поведением участников финансового рынка», что свидетельствует о высокой степени актуальности данного вопроса для банковских правоотношений.

В судебной практике рассматриваются различные примеры недобросовестного поведения со стороны кредиторов при предоставлении кредитов (займов)

---

[2] Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Бек, 1998. Т. I.

[3] *Новицкий Н. Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1.

[4] См., например: *Бабаев В. Н.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 87 ; *Щенникова Л. В.* Справедливость и добросовестность в гражданском праве России (несколько вопросов теории и практики) // Государство и право. 1997. № 6. С. 119—121.

[5] СПС «КонсультантПлюс».

заемщикам-потребителям, в частности, связанные с навязыванием услуг по страхованию жизни и здоровья заемщиков; уступкой прав (требований) третьим лицам; взысканием комиссионного вознаграждении при отсутствии дополнительной услуги. Вместе с тем одной из актуальных проблем при предоставлении потребительских кредитов (займов) в последние годы является применение кредиторами ростовщических процентов.

Согласно п. 1 ст. 809 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором займа, займодавец имеет право на получение с заемщика процентов на сумму займа в размерах и в порядке, определенных *договором*.

Статьей 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» также предусмотрено, что по соглашению кредитной организации с клиентами устанавливаются процентные ставки по кредитам и (или) порядок их определения, в том числе определение величины процентной ставки по кредиту в зависимости от изменения условий, предусмотренных в кредитном договоре, если законом не предусмотрено иное.

Подпунктом 4 п. 9 ст. 5 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» предусмотрен перечень индивидуальных условий договора потребительского кредита (займа). Эти условия должны быть согласованы между кредитором и заемщиком индивидуально, в том числе процентная ставка в процентах годовых, а при применении переменной процентной ставки — порядок ее определения, соответствующий требованиям указанного Федерального закона, ее значение на дату предоставления заемщику индивидуальных условий.

Требование о необходимости выражения согласованной воли двух сторон (двусторонняя сделка), либо трех или более сторон (многосторонняя сделка) для заключения договора предусмотрено в п. 3 ст. 154 ГК РФ.

Соответственно, как из общих норм о процентах по денежным обязательствам и договорам, так и из специальных норм о договоре займа и кредитном договоре следует, что условие о размере процентной ставки находится в компетенции сторон, заключающих кредитный договор.

Вместе с тем на практике размер процентной ставки, как правило, фактически определяют кредиторы, что делает возможным злоупотребление правом с их стороны. При этом размер процентной ставки не зависит от результатов распоряжения заемщиком денежными средствами[6].

Длительное время размер процентной ставки по кредитным договорам и договорам займа на законодательном уровне ничем не регулировался. С принятием Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» законодатель начал поэтапно вводить ограничения размера процентной ставки по кредитному договору (договору займа). Так, по договорам потребительского кредита (займа) размер процентной ставки фактически ограничивается полной стоимостью кредита. Согласно п. 8 ст. 6 Закона «О потребительском кредите (займе)» Банк России в установленном им порядке ежеквартально рассчитывает среднерыночное значение полной стоимости потребительского кредита (займа) по категориям

[6] *Михеева И. Е.* Проценты за пользование кредитом в свете судебной практики // Банковское право. 2006. № 6. С. 20.

потребительских кредитов (займов), определяемым Банком России. Он опубликовывает эти значения не позднее, чем за 45 календарных дней до начала квартала, в котором среднерыночное значение полной стоимости потребительского кредита (займа) подлежит применению.

Для микрофинансовых организаций (далее — МО) ограничения размера процентной ставки для отдельных случаев установлены Федеральным законом от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее — Закон «О микрофинансовой деятельности...»), а именно:

— при начислении заемщику — физическому лицу процентов по договору потребительского займа, срок возврата потребительского займа по которому не превышает одного года, за исключением неустойки (штрафа, пени) и платежей за услуги, оказываемые заемщику за отдельную плату, в случае, если сумма начисленных по договору процентов достигнет *трехкратного размера суммы займа* (пп. 9 п. 1 ст. 12 «О микрофинансовой деятельности...»);
— после возникновения просрочки исполнения обязательства заемщика — физического лица по возврату суммы займа и (или) уплате причитающихся процентов микрофинансовая организация по договору потребительского займа, срок возврата потребительского займа по которому не превышает одного года, вправе продолжать начислять заемщику — физическому лицу проценты только на не погашенную им часть суммы основного долга. Проценты на не погашенную заемщиком часть суммы основного долга продолжают начисляться до достижения общей суммы подлежащих уплате процентов размера, составляющего двукратную сумму непогашенной части займа (п. 1 ст. 12.1 Закона «О микрофинансовой деятельности...»).

В связи со вступлением в силу с 01.06.2018 Федерального закона от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» введены новые ограничения ростовщических процентов. Так, по договорам займа, заключенным между гражданами, а также между гражданами и юридическими лицами, не осуществляющими профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов, размер процентов за пользование займом по такому договору займа, в два и более раза превышающий обычно взимаемые в подобных случаях проценты и поэтому являющийся чрезмерно обременительным для должника (ростовщические проценты), может быть уменьшен судом *до размера процентов, обычно взимаемых при сравнимых обстоятельствах* (п. 5 ст. 809 ГК РФ). При этом следует отметить, что данные ограничения не касаются кредитов (займов), предоставляемых кредитными организациями, микрофинансовыми организациями и другими профессиональными кредиторами.

Законодатель продолжает реформирование, направленное на ограничение ростовщических процентов. Так, в ноябре 2017 г. в первом чтении был принят законопроект № 237568-7, в котором ст. 5 Закона «О потребительском кредите (займе)») предложено дополнить частью 7.1 следующего содержания:

«7.1. Общие условия договора потребительского кредита (займа), срок возврата потребительского кредита (займа) по которому не превышает одного года, должны предусматривать запрет на начисление и взимание кредитором процентов по договору потребительского кредита (займа), неустойки (штрафа, пеней)

и применение к заемщику иных мер ответственности по договору потребительского кредита (займа) до полного исполнения обязательств по договору потребительского кредита (займа) и выплат неустойки (штрафа, пеней), в случае, если сумма начисленных процентов по договору потребительского кредита (займа), неустойки (штрафа, пеней) и иных платежей, не входящих в подлежащую возврату сумму потребительского кредита (займа), достигнет полуторного размера суммы потребительского кредита (займа)».

Обоснован вывод, что принимаемые законодателем на настоящий момент меры недостаточны, поскольку они не стимулируют кредитора к добросовестному поведению, о чем свидетельствует судебная практика.

При отсутствии надлежащего регулирования суды практически сформировали позицию о том, что допустимый предельный размер процентов за пользование кредитом (займом) не должен чрезмерно отличаться от процентных ставок по договорам займа и кредитным договорам, заключаемым на аналогичных условиях, т.е. он должен соответствовать рыночному значению.

В свете сложившейся судебной практики условие о размере процентной ставки, отличающееся от рыночных значений, может быть признано недействительным по следующим основаниям:

— *в связи с кабальностью такого условия* (п. 1 ст. 179 ГК РФ). Средством защиты интересов заемщика в случае установления чрезмерно высоких (ростовщических) процентов является требование о признании данного условия недействительным в связи с его кабальностью на основании п. 1 ст. 179 ГК РФ[7].

Применение положений о кабальности к договору займа не является новым для российского права. Как отмечал в XIX в. Д. И. Мейер, «очень нередко лицо, занимающее деньги, находится в обстоятельствах чрезвычайно затруднительных, при которых легко вынудить его на такие условия, на какие при других обстоятельствах лицо не согласилось бы <…> такие сделки по их безнравственности заслуживают осуждения. И вот законодательство признает заем при известных условиях *ростовщическим*, а именно:

a) Когда прямо определен или скрыт включением в капитал или в виде неустойки и тому подобное чрезмерный рост, превышающий 12 % в год;
b) когда заемщик вынужден стесненными обстоятельствами, известными займодавцу, принять тягостные для него условия займа.

<…> Вместе с тем ростовщическое обязательство уничтожается, и займодавец может требовать уплаты лишь действительно данного взаймы капитала, без процентов»[8].

Следует отметить, что в современном российском праве не предусмотрено аналогичных последствий для недобросовестного кредитора. В рамках действующего российского законодательства правила о кабальности сделки применяются к гражданам, что было отмечено Конституционным Судом РФ. В своем постановлении Конституционный Суд РФ указал, что «оспариваемая норма Гражданского

[7] *Чхутиашвили Л. В.* Актуальные вопросы регулирования кредитного договора по российскому праву // Банковское право. 2012. № 1. С. 66.

[8] *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. [По испр. и доп. 8-му изд., 1902.] 3-е изд., испр. Серия «Классика российской цивилистики». М. : Статут, 2003. С. 46.

кодекса Российской Федерации как в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ, так и в ныне действующей редакции (пункт 3 статьи 179), устанавливающая условия, при одновременном наличии которых сделка может быть признана судом недействительной как кабальная, направлена на защиту права граждан на свободное волеизъявление при осуществлении правомочия распоряжения своим имуществом с учетом необходимости соблюдения баланса прав и законных интересов обеих сторон сделки и, таким образом, сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителей, перечисленные в жалобе»[9].

В пункте 11 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» указано следующее: «В соответствии со статьей 179 ГК РФ к элементам состава, установленного для признания сделки недействительной как кабальной, относится заключение сделки на крайне невыгодных условиях, о чем может свидетельствовать, в частности, чрезмерное превышение цены договора относительно иных договоров такого вида… Удовлетворяя исковое требование, суд исходил из того, что представленные истцом доказательства подтверждают факт стечения тяжелых обстоятельств на стороне истца. При этом судом было отмечено, что в совокупности размер процентов по спорному договору займа, чрезмерно отличающийся от процентных ставок по заключаемым договорам того же типа, и его срок свидетельствуют об установлении крайне невыгодных условий данного договора для истца (заемщика). Более того, размер процентной ставки по спорному договору настолько превышал среднюю процентную ставку, сложившуюся на рынке кредитования для договоров займа с аналогичными условиями (не более 30—40 процентов годовых), что совокупность названных обстоятельств в достаточной степени свидетельствует о кабальности указанного договора. Суд также принял во внимание, что ответчик не представил доказательств того, что условие о чрезмерно высокой процентной ставке было предопределено особенностями конкретной сделки, в частности, отсутствием обеспечения по займу»[1010]. Спорный договор займа был признан судом недействительным по основаниям, предусмотренным ст. 179 ГК РФ;

— *в связи с совершением сделки с нарушением принципа добросовестности* (ст. 10 ГК РФ). Способом защиты прав заемщика в случае установления нерыночного размера процентной ставки может являться требование о признании условия договора о размере процентной ставки недействительным (ст. 10, 168 ГК РФ), взыскании убытков, если проценты были уже уплачены, либо отказ заемщику во взыскании процентов, превышающих рыночное значение.

---

[9] Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 № 371-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Иванова Александра Геннадьевича и Титовой Оксаны Александровны на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

[10] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 2.

Возможность применения к спорным правоотношениям положений указанных статей при установлении в заемном обязательстве процентной ставки в размере, превышающем рыночную, неоднократно высказывалась судами. Верховный Суд РФ по конкретному делу указал, что «в силу пункта 1 статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации, если иное не предусмотрено законом или договором займа, заимодавец имеет право на получение с заемщика процентов на сумму займа в размерах и в порядке, определенных договором.

Сама по себе возможность установления размера процентов на сумму займа по соглашению сторон не может рассматриваться как нарушающая принцип свободы договора, в том числе во взаимосвязи со статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации о пределах осуществления гражданских прав.

Вместе с тем принцип свободы договора, сочетаясь с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, не исключает обязанности суда оценивать условия конкретного договора с точки зрения их разумности и справедливости, учитывая при этом, что условия договора займа, с одной стороны, не должны быть явно обременительными для заемщика, а с другой стороны, они должны учитывать интересы кредитора как стороны, права которой нарушены в связи с неисполнением обязательства.

Таким образом, встречное предоставление не может быть основано на несправедливых договорных условиях, наличие которых следует квалифицировать как недобросовестное поведение»[11].

Указанная позиция согласуется с разъяснениями Верховного Суда РФ, данными в п. 8 постановления № 25 о том, что «к сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (например, по правилам статьи 170 ГК РФ)»[12].

Также интересной представляется позиция, высказанная в Обзоре Верховного Суда РФ от 27.09.2017 относительно начисления сроков начисления процентов по договору займа, денежные средства по которому предоставлены на срок до 1 года. В пункте 9 Обзора Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с вынесенным апелляционным определением, которым с заемщика были взысканы проценты в размере 730 % годовых за весь период пользования суммой займа, и указала, что судом апелляционной инстанции не было учтено следующее.

Особенности предоставления займа под проценты заемщику-гражданину в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью, устанавливаются законами (п. 3 ст. 807 ГК РФ).

---

[11] Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2017 № 16-КГ17-1 // СПС «КонсультантПлюс». Опубликовано не было.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Порядок, размер и условия предоставления микрозаймов предусмотрены Федеральным законом от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». В пункте 4 ч. 1 ст. 2 названного Закона предусмотрено, что договор микрозайма — договор займа, сумма которого не превышает предельный размер обязательств заемщика перед займодавцем по основному долгу, установленный названным Законом.

Исходя из императивных требований к порядку и условиям заключения договора микрозайма, предусмотренных Законом «О микрофинансовой деятельности...», денежные обязательства заемщика по договору микрозайма имеют *срочный характер* и ограничены установленными этим законом *предельными суммами основного долга, процентов за пользование микрозаймом и ответственности заемщика.*

Принцип свободы договора в сочетании с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений *не исключает обязанности суда оценивать условия конкретного договора с точки зрения их разумности и справедливости.* Необходимо учесть, что условия договора займа, с одной стороны, не должны быть явно обременительными для заемщика, а с другой стороны, они должны учитывать интересы кредитора как стороны, права которой нарушены в связи с неисполнением обязательства.

Это положение имеет особое значение, когда возникший спор связан с деятельностью микрофинансовых организаций, которые предоставляют займы на небольшие суммы и на короткий срок, чем и обусловливается возможность установления повышенных процентов за пользование займом. Иное, т.е. установление сверхвысоких процентов за длительный срок пользования микрозаймом, выданным на короткий срок, приводило бы к искажению цели деятельности микрофинансовых организаций.

Вывод суда апелляционной инстанции признан Судебной коллегией противоречащим существу законодательного регулирования договоров микрозайма, поскольку фактически свидетельствует о бессрочном характере обязательств заемщика, вытекающих из такого договора, а также об отсутствии каких-либо ограничений размера процентов за пользование микрозаймом.

Согласно договору микрозайма, заключенному между МФО и К. 27 июня 2014 г., срок его предоставления был определен в 15 календарных дней, т.е. между сторонами был заключен договор краткосрочного займа сроком до 1 месяца.

На основании п. 5.2 договора микрозайма в случае нарушения срока возврата суммы микрозайма и начисленных процентов за его использование в сроки, установленные п. 1.1 указанного договора, более чем на 5 дней заемщик уплачивает займодавцу единовременный штраф в размере 700 руб. При этом заемщик не освобождается от обязательств по возврату денежной суммы, полученной в микрозаем, и уплаты начисленных процентов за его использование согласно условиям договора микрозайма.

Однако суд апелляционной инстанции, взыскав в пользу МФО проценты за пользование займом в размере 730 % годовых за 467 дней, в то время как указанные проценты были предусмотрены договором микрозайма на срок 15 дней, этого не учел.

Пунктом 9 ч. 1 ст. 12 Закона «О микрофинансовой деятельности...» предусмотрено, что микрофинансовая организация не вправе начислять заемщику — физическому лицу проценты и иные платежи по договору потребительского займа, срок возврата потребительского займа по которому не превышает 1 года. Исключением являются неустойка (штраф, пени) и платежи за услуги, оказываемые заемщику за отдельную плату, в случае, если сумма начисленных по договору процентов и иных платежей достигнет четырехкратного размера суммы займа. Условие, содержащее данный запрет, должно быть указано микрофинансовой организацией на первой странице договора потребительского займа, срок возврата потребительского займа по которому не превышает 1 года, перед таблицей, содержащей индивидуальные условия договора потребительского займа.

Соответствующие изменения были внесены в Закон «О микрофинансовой деятельности...» Федеральным законом от 29.12.2015 № 407-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Они не действовали на момент заключения договора микрозайма от 27.06.2014.

При таких обстоятельствах размер взыскиваемых процентов за пользование займом подлежал исчислению исходя из рассчитанной Банком России *средневзвешенной процентной ставки по кредитам, предоставляемым кредитными организациями физическим лицам в рублях на срок свыше 1 года, по состоянию на день заключения договора микрозайма.*

Данный вывод суда не является бесспорным, поскольку срок действия договора займа в Законе «О потребительском кредите (займе)» не ограничивается сроком, до которого в данном договоре предусмотрено начисление процентов, а действует, как правило, до полного исполнения обязательства. Однако вывод, сделанный судом в Обзоре Верховного Суда РФ от 27.09.2017 в части ограничения срока начисления процентов в первоначальном размере, датой, до которой предоставлена сумма займа, в большей степени ориентирует кредитора к добросовестному поведению.

При добросовестном осуществлении права на защиту управомоченный субъект может рассчитывать на реализацию своего права посредством одного или нескольких способов защиты, предусмотренных законом[13]. Таким образом, способы защиты прав заемщика, в отношении которого установлена процентная ставка, отличающаяся от рыночного значения, зависят от конкретной ситуации. Заемщик может потребовать признать условие о процентной ставке недействительным, взыскать с кредитора убытки, направить в суд требование об отказе кредитору во взыскании в той части, в которой размер процентной ставки отличается от рыночного значения.

[13] *Богданова Е. Е.* Понятие и содержание права кредитора на защиту // Lex Russica. 2018. № 2.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабаев В. Н.* Презумпции в советском праве. — Горький, 1974.
2. *Богданова Е. Е.* Понятие и содержание права кредитора на защиту // Lex Russica. — 2018. — № 2.
3. *Михеева И. Е.* Проценты за пользование кредитом в свете судебной практики // Банковское право. — 2006. — № 6.
4. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. [По испр. и доп. 8-му изд., 1902.] — 3-е изд., испр. — Серия «Классика российской цивилистики». — М. : Статут, 2003.
5. *Новицкий Н. Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1.
6. *Суханов Е. А.* Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1998. — Т. 1. — 816 с. ; Т. 2. — Полутом 2. — М., 2000.
7. *Щенникова Л. В.* Справедливость и добросовестность в гражданском праве России (несколько вопросов теории и практики) // Государство и право. — 1997. — № 6.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Елена Георгиевна ХОМЕНКО,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
lenahom@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Повсеместное распространение мощных компьютеров и систем связи особым образом сказалось на деятельности на финансовых рынках. Появились так называемые криптовалюты, образуемые с помощью различных информационных технологий, основной особенностью которых является их неразрывная связь с электронными системами и невозможность существования в материальной форме. О возможности использования криптовалют кредитными организациями и правовой позиции по этому вопросу пойдет речь в настоящей статье. В конце работы автор пришел к выводу, что использование криптовалюты в банковской деятельности в настоящее время невозможно ни в каком качестве — ни в качестве средства платежа, ни в качестве объекта договора банковского счета (вклада), кредитного договора. Хочется подчеркнуть, что поскольку обращение криптовалют государством не контролируется и не обеспечивается, то ответственность за их приобретение целиком лежит на членах сообщества, которые приняли осознанное решение по этому вопросу.*
Ключевые слова: *кредитные организации, биткойн, технология блокчейн, имущество, конкурсная масса, электронные денежные средства.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.097-103

E. G. KHOMENKO,
Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of Chair of Banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
lenahom@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

THE POSSIBILITY OF USING KRIPTOVALJUTY IN BANKING: LEGAL ASPECT

Abstract. *The proliferation of powerful computers and communications has had a particular impact on financial markets. There appeared so-called cryptocurrencies formed with the help of various information technologies, the main feature of which is their inseparable connection with electronic systems and the impossibility of existence in material form. On the possible use of crypto-currencies by credit institutions and the legal position on this issue will be discussed in this article. At the end of work the author has come to a conclusion that use of cryptocurrency in bank activity is impossible now neither in any quality — nor as means of payment, nor as subject of the contract of the bank account (contribution), the credit agreement. There is a wish to em-*

© Е. Г. Хоменко, 2018

phasize that as the address of cryptocurrencies isn't controlled by the state and isn't provided, responsibility for their acquisition entirely lies on associates who have made the conscious decision on this question.
Keywords: *credit institutions, bitcoin, blockchain technology, property, competitive mass, electronic money.*

В последние несколько лет в средствах массовой информации, особенно в сети Интернет, активно публикуются материалы, в которых присутствуют слова «криптовалюта», «биткойн», «майнить», «блокчейн» и т.п. И довольно большое число граждан, не имея четкого представления о том, что же это такое, принимают решение участвовать в этой «игре» с целью получения прибыли, соблазнившись высоким курсом биткойна по отношению к рублю. Действительно, по состоянию на 21 ноября 2017 г. курс биткойна по отношению к рублю составлял 412 842 руб. 75 коп., но затем стал стабильно снижаться[1]. Что такое биткойн, почему и за счет чего формируется такой высокий его курс — вопросы, которые граждане, к сожалению, в большинстве случаев не задают. Тем не менее криптовалюта активно пробивается сквозь пока существующие законодательные запреты, и некоторые банки начинают пытаться «урвать свой кусочек пирога», предлагая клиентам способы покупки криптовалюты и совершения иных, формально не запрещенных операций с ней.

Первый вопрос: в каком качестве может выступать криптовалюта в банковской деятельности?

Прежде чем на него ответить, необходимо сказать несколько слов о том, что такое криптовалюта вообще и биткойн в частности.

Криптовалюта, называемая также виртуальной валютой, поскольку возникает и существует только в сети, не имеет физического носителя и материального воплощения, измеряется в так называемых цифровых монетах — койнах (англ. Coin). Эти «монеты» создаются с помощью определенного программного обеспечения и могут эмитироваться любым лицом. Криптовалюта существует только электронно, в виде зашифрованной информации.

В настоящее время криптовалюта с точки зрения права формой денег не считается, хотя юристами активно обсуждается вопрос о возможности и целесообразности ее легализации в таком качестве и введении в оборот. Банк России четко выразил свое отношение к этому, указав, что по виртуальным валютам отсутствуют обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты[2]. Криптова-

---

[1] URL: http://bitkurs.ru/ (дата обращения: 21 ноября 2017 г.).
На 18 декабря 2017 г. курс биткойна превысил отметку в 20 000 долл. США, но затем за семь дней упал до 14 000 долл. На 14 января 2018 г. курс биткойна составляет уже около 13 000 долл. США (URL: http://www.pravda-tv.ru/2018/01/16/338651/kurs-bitkoina-na-segodnya-16-yanvarya-2018-pochemu-obvalilsya-kurs-onlajn-translyatsiya-kotirovok-kriptovalyut-prognoz-ekspert (дата обращения: 24 января 2018 г.)). На 23 марта 2018 г. курс биткойна составлял всего около 8 500 долл. (URL: http://bitkurs.ru/ (дата обращения: 23 марта 2018 г.)).

[2] Информация Банка России от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. 2014. № 11.

люта, не являясь валютой, имеет все признаки денежного суррогата, поскольку она не эмитируется и не обеспечивается каким-либо конкретным государством (группой государств); процесс ее выпуска полностью децентрализован; она может при определенных условиях выполнять функцию средства платежа, но никогда — функцию средства накопления; может приниматься по цене ниже номинальной; принимается не на всей территории страны, а только лишь на основании соглашения между членами сообщества пользователей конкретной криптовалюты; не включается в денежную массу, как это происходит с наличными деньгами, средствами на счетах и вкладах, а также электронными денежными средствами.

Самым распространенным видом криптовалюты является биткойн.

Биткойн — это так называемая цифровая монета — койн (англ. Coin), представляющая собой наименьшую единицу информации (англ. Bit). Эта монета существует только в виде зашифрованной строчки компьютерного кода в единой базе данных, содержащей информацию обо всех созданных «монетах», об операциях с ними. Эта единая база данных называется блокчейн, и она заслуживает того, чтобы рассмотреть ее подробнее.

В начале 2000-х гг. появилась технология «peer-to-peer» (англ. «от точки к точке»), суть которой воплощена в современных «торрентах». Она позволяет, разделив любую цифровую информацию на маленькие быстро скачивающиеся части и составив список тех, у кого какая часть уже скачана, забирать эти части другим пользователям. Эта концепция используется в технологии блокчейн. По этой технологии создаются, фиксируются и перемещаются все криптовалюты, а биткойн является самым распространенным ее видом. Все сведения об операциях с биткойнами попадают в эту единую базу данных. Однако при этом каждый участник единой базы данных в любой момент времени может узнать, сколько у кого биткойнов. Поэтому для сохранения анонимности операций и сведений о них используются математические способы шифрования, посредством которых каждый участник этой цепочки отношений имеет доступ только к той ее части, которая принадлежит ему и доступ к которой он получает с помощью специального цифрового ключа. Собственно, это и есть суть технологии блокчейн. Актуализация сведений в единой базе данных, а также сложный процесс добывания/вычисления нового блока с целью добавления его к блокчейну называется майнингом, а каждый майнер получает вознаграждение в криптовалюте.

Количество всех биткойнов в мире не может превышать 21 млн, однако биткойн допускает деление на сто миллионов частей. «Одна стомиллионная часть биткойна называется “сатоши” — в честь Сатоши Накамото (псевдоним одного из разработчиков технологии)»[3].

Столь длинное вступление потребовалось, чтобы перейти к анализу возможности использования криптовалюты в банковской деятельности на территории Российской Федерации в соответствии с действующим законодательством.

Прежде всего следует признать, что понятие криптовалюты вызывает ассоциации с понятием валюты.

Валюта — это денежные знаки в виде банкнот и монет, находящиеся в обращении в качестве законного средства платежа на территории конкретного госу-

[3] *Лагутенков А.* Криптовалюты. Правила применения // Наука и жизнь. 2018. № 2. С. 24.

дарства (иногда — группы государств), а также средства на банковских счетах и в банковских вкладах. Основное свойство валюты — это присвоенная ей властью государства функция всеобщего эквивалента, с помощью которого выражается стоимость всех других товаров при погашении денежных обязательств между сторонами. В Российской Федерации этой функцией наделена национальная валюта — рубль, состоящий из ста копеек. Введение на территории России других денежных единиц, а также выпуск денежных суррогатов запрещены (ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[4]. Криптовалюта не эмитируется и не обеспечивается ни одним государством, следовательно, не является валютой.

Второй вопрос: может ли криптовалюта выполнять функцию средства платежа?

Гражданский кодекс РФ устанавливает, что расчеты в нашей стране осуществляются наличным и безналичным способом. Как справедливо отметила Л. Г. Ефимова, «в результате совершения расчетных банковских операций происходит “движение” денежных средств по банковским счетам, которое получило в российском законодательстве название перевода денежных средств»[5]. Указанное понятие закреплено в Федеральном законе от 27 июня 2001 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[6]. Согласно этому нормативному акту перевод денежных средств — это действия оператора по переводу денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов посредством:

— зачисления денежных средств на банковский счет получателя средств;
— выдачи получателю средств наличных денежных средств;
— учета денежных средств в пользу получателя средств без открытия банковского счета при переводе электронных денежных средств.

Как видно из изложенного, во всех случаях при осуществлении расчетов используются либо наличные деньги, либо безналичные денежные средства, либо электронные денежные средства с учетом особенностей и порядка осуществления конкретной формы перевода. Криптовалюта не является деньгами, поэтому не может использоваться в качестве средства платежа при осуществлении расчетов. Кроме того, следует подчеркнуть, что операции в технологии блокчейн совершаются на условиях, во-первых, анонимности и, во-вторых, в отсутствии возможности отмены подтвержденной транзакции, что может иметь место при совершении любой расчетной банковской операции. Что касается анонимных платежей, то в соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[7] кредитные организации обязаны идентифицировать клиента, его представителя и (или) выгодоприобретателя. Кроме того, кредитные организации обязаны документально фиксировать и представлять в уполномоченный орган не позднее трех рабочих дней, следующих за

---

[4] СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

[5] *Ефимова Л. Г.* Отдельные проблемы теории безналичных расчетов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 47.

[6] СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

[7] СЗ РФ. 2001. № 27 (ч. I). Ст. 3418.

днем совершения операции, установленные законом сведения по подлежащим обязательному контролю операциям с денежными средствами или иным имуществом, совершаемым их клиентами. Таким образом, очевидно, что использование криптовалюты при осуществлении банковских операций является нарушением законодательства о противодействии отмывания доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Согласно валютному законодательству РФ наличная иностранная валюта является товаром, который торгуется на валютных биржах. Физические лица вправе покупать и продавать наличную иностранную валюту за валюту Российской Федерации в порядке, установленном Инструкцией Банка России от 16 сентября 2010 г. № 136-И «О порядке осуществления уполномоченными банками (филиалами) отдельных видов банковских операций с наличной иностранной валютой и операций с чеками (в том числе дорожными чеками), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, с участием физических лиц»[8]. Юридические лица вправе покупать и продавать иностранную валюту в порядке, установленном Инструкцией Банка России от 30 марта 2004 г. № 111-И «Об обязательной продаже части валютной выручки на внутреннем валютном рынке Российской Федерации»[9].

Криптовалюта не торгуется в порядке, установленном в отношении иностранной валюты. Кроме того, как уже отмечалось, ответ на вопрос о том, признало ли ее в качестве национальной валюты хотя бы одно государство, пока является отрицательным. Следовательно, в настоящее время криптовалюта не может быть признана иностранной валютой, и все операции с ней в таком качестве являются незаконными.

Третий вопрос: является ли криптовалюта товаром в понимании гражданского законодательства?

Этот вопрос имеет принципиальное значение при формировании конкурсной массы должника. В настоящее время по этому поводу имеется небольшая судебная практика. Так, финансовый управляющий обратился в Арбитражный суд Вологодской области с заявлением передать финансовому управляющему документы, подтверждающие имущественное положение должника, в том числе справки об имеющихся у должника различных криптовалютах. Однако в части, касающейся криптовалюты, Арбитражный суд не удовлетворил заявление финансового управляющего[10]. Иными словами, арбитражный суд не отнес криптовалюту к видам имущества, которое можно включить в конкурсную массу.

Арбитражный суд г. Москвы в определении от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/17-71-160 Ф[11] занял аналогичную позицию. В 2017 г. суд признал гражданина Ц. несостоятельным (банкротом), была открыта процедура реали-

[8] Вестник Банка России. 2010. № 55.

[9] Вестник Банка России. 2004. № 29.

[10] URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/d9a9965d-553f-492a-8fcf-9444861b595f/22a3c75e-75af-4721-8d42-fcd92bd933d9/A13-3814-2016_20161006_Opredelenie.pdf (дата обращения: 25 марта 2018 г.).

[11] URL: http://www.garant.ru/files/6/0/1184806/opredelenie_arbitragnogo_suda_goroda_moskvi_ot_5_marta_2018_g__po_delu___a40-12466817-71-160_fe.pdf.

зации имущества должника. Должник владел криптовалютой, однако она была исключена из конкурсной массы. Данный факт был оспорен в судебном порядке финансовым управляющим, отнесшим криптовалюту к имуществу должника, которое составляет конкурсную массу. Представляется интересной позиция должника, полагающего, что действующее законодательство РФ отношения, связанные с криптовалютой, не регулирует, криптовалюта не является объектом гражданских прав, защита права на криптовалюту не обеспечивается принудительной силой государства и криптовалюта не может быть отнесена к имуществу должника. Между должником и его финансовым управляющим возник спор.

Суд, выслушав доводы должника и доводы финансового управляющего, отказал в удовлетворении требований финансового управляющего. Суд указал, что на момент проводимого судебного заседания законодательно не определено, чем является криптовалюта, следовательно, она не относится к объектам гражданских прав, а анонимность пользователей криптовалюты не позволяет определенно установить принадлежность криптовалюты в криптокошельке конкретному лицу.

Арбитражный управляющий не согласился с выводами суда, указав, что любое имущество должника, «в том числе самое экзотическое, не может быть произвольно исключено из конкурсной массы без прямо предусмотренных законом оснований, поскольку в противном случае это лишает конкурсных кредиторов возможности получить максимальное удовлетворение своих требований в рамках процедур банкротства»[12].

Представляется, что позиция судов является обоснованной.

Наконец, еще одним аргументом в пользу того, что признавать криптовалюту имуществом в настоящее время незаконно, является отсутствие в российском законодательстве порядка исчисления налогов от операций с криптовалютой.

Однако, если в будущем криптовалюта и будет признана имуществом, то думается, что она будет сродни ценным бумагам: приобретать и продавать такое имущество станет возможным, но законным средством платежа она являться не будет.

Единственная услуга, которую может предложить банк своим клиентам — это оплата покупки криптовалюты со своего банковского счета у организации, занимающейся ее продажей. Такую услугу предлагает, например, Сбербанк, предоставляя возможность оплатить биткойны посредством платежной карты Сбербанка. При этом подчеркивается, что купить криптовалюту внутри сервиса «Сбербанк-онлайн» нельзя[13]. Иными словами, Сбербанк, как и иные банки, криптовалютой не торгует. А оплатить с помощью банковской платежной карты можно, как известно, что угодно.

Таким образом, использование криптовалюты в банковской деятельности в настоящее время невозможно ни в каком качестве — ни в качестве средства

---

[12] *Леонов А.* Криптовалюта не может входить в конкурсную массу должника (URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/kriptovalyuta-ne-mozhet-vkhodit-v-konkursnuyu-massu-dolzhnika/ (дата обращения: 20 марта 2018 г.).

[13] URL: https://sberbank-online1.ru/kupit-bitkoiny-v-sberbanke/ (дата обращения: 28 марта 2018 г.).

платежа, ни в качестве объекта договора банковского счета (вклада), кредитного договора.

Хочется подчеркнуть, что поскольку обращение криптовалют государством не контролируется и не обеспечивается, то ответственность за их приобретение целиком лежит на членах сообщества, которые приняли осознанное решение по этому вопросу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ефимова Л. Г.* Отдельные проблемы теории безналичных расчетов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 2.
2. *Лагутенков А.* Криптовалюты. Правила применения // Наука и жизнь. — 2018. — № 2.
3. *Леонов А.* Криптовалюта не может входить в конкурсную массу должника // URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/kriptovalyuta-ne-mozhet-vkhodit-v-konkursnuyu-massu-dolzhnika/.

ИСТОРИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ СИНДИЦИРОВАННОГО КРЕДИТА

Олег Михайлович ИВАНОВ,
кандидат юридических наук, доцент кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), вице-президент АО «Альфа-банк»
omivanov@alfabank.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье рассматриваются историческое развитие синдицированного кредита, предпосылки его появления за рубежом и в России. Описана также работа над недавно принятым Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Автор обосновывает идею о том, что предпосылки появления синдицированного кредита существовали еще в Древнем Риме. Новейшая история международного синдицированного кредита началась в 70-е гг. прошлого века. Предпосылкой его возникновения стал рынок евродолларов, имевший частично экономическую, а частично правовую основу. Во-первых, существенный рост дефицита торгового баланса США привел к тому, что значительный объем долларов, обслуживавших международную торговлю и рынок капиталов, в 1960-х гг. начал аккумулироваться за рубежом. Во-вторых, в американском законодательстве действовали запрет начислять проценты на депозиты до востребования, ограничение ставки по срочным депозитам, а также повышенные требования к резервированию по таким сделкам. В результате их стало выгоднее заключать на европейском рынке. Российские корпоративные заемщики начали осваивать международный рынок синдицированных кредитов в середине 1990-х гг.*

Ключевые слова: *синдицированный кредит, кредит, история права.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.104-121

O. M. IVANOV,
PhD, Associate Professor of Department of banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vice-President of JSC «Alfa-Bank»
omivanov@alfabank.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d/ 9

HISTORY OF REGULATION OF A SYNDICATED LOAN

Abstract. *In article historical development of a syndicated loan, prerequisite of his emergence abroad and in Russia is considered by the author. Also work over recently adopted Federal law of December 31, 2017 No. 486-FZ «About a syndicated loan (loan) and about introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation» is described. The author proves the idea that prerequisites of emergence of a syndicated loan existed in Ancient Rome. The contemporary history of the international syndicated loan*

© О. М. Иванов, 2018

has begun in the 70th of the last century. The market of eurodollars which had partially economic, and partially legal basis became a prerequisite of his emergence. First, the essential growth of trade deficit of the USA has led to the fact that the considerable volume of the dollars serving international trade and the market of the capitals in the 1960th has begun to accumulate abroad. Secondly, in the American legislation worked the ban to charge percent on deposits poste restante, restriction of a rate on term deposits and also increased requirements to reservation on such transactions. As a result of them it became more favorable to conclude in the European market. The Russian corporate borrowers have begun to master the international market of syndicated loans in the mid-nineties.
Keywords: *a syndicated loan, the credit, history of law.*

Синдицированный кредит — это кредит, который предоставляется несколькими кредиторами. Благодаря этому заемщик может увеличить сумму кредита (займа), а кредиторы — разделить риски. Несмотря на кажущуюся простоту определения синдицированный кредит имеет сложную правовую конструкцию. Более чем трехлетняя юридическая дискуссия вокруг нее завершилась принятием Федерального закона от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». При его обсуждении споры велись о том, какова правовая природа соглашения/объединения кредиторов, возникают ли между ними отношения простого товарищества, несут ли кредиторы групповую солидарную ответственность (круговая порука) перед заемщиком за выдачу кредита, каков порядок принятия решений в синдикате. По каждому из вопросов участники законотворческого процесса аргументированно отстаивали прямо противоположные позиции.

Изучение истории регулирования синдицированного кредита показывает, что многие, если не все, из предлагавшихся ответов являются допустимыми. По крайней мере, соответствующее им регулирование действительно применялось на определенном историческом этапе в том или ином правопорядке. Однако настоящая задача законодателя состоит не в том, чтобы выбрать «единственно правильную» юридическую конструкцию, а в том, чтобы выбранный вариант соответствовал коммерческим потребностям участников рынка. Ошибочным также является представление о якобы происходящем выборе между англосаксонской и романо-германской правовыми системами. В действительности модель регулирования определяется уровнем развития финансовой системы (в исторической перспективе) и существующими международными стандартами (в контексте глобализации). Примечательно, что сами стандарты поведения теперь задаются не национальными законодателями, а профессиональными международными ассоциациями.

Возникновение и античная история. Трудно сказать, что синдицированный кредит является недавним изобретением[1]. В Греции с середины V в. до н.э.

[1] Само слово «синдикат» греческого происхождения, образовано двумя корнями: «syn» (σύν), что означает объединение, собрание, и «dike» (dική) — правило, право, справедли-

получили распространение так называемые eranos-займы, которые предоставляли несколько человек, исходя из своих возможностей и потребностей заемщика. Эти дружеские займы были беспроцентными и не требовали гарантий. Заемщик возвращал деньги кредиторам, как только его финансовое положение улучшалось. Участие в eranos-займах считалось проявлением дружбы и добродетели. Только на первый взгляд кажется неожиданным, что идея совместного кредита выросла из общих застолий и механизма, с помощью которого компания друзей, объединившись, материально помогала нуждающемуся товарищу[2]. В основе синдицированного кредита лежит социальное взаимодействие кредиторов, объединенных общей целью и экономическим интересом.

Банковское дело в Древней Греции начало развиваться уже в VI в. до н.э.[3] Античные греческие банкиры (трапезиты) проводили операции обмена монеты, приема вкладов, кредитования. Проценты по кредиту, обеспечение, права кредиторов регулировались, хотя исследователи отмечают значительную свободу при формулировании договоров. Сведения о совместных кредитах, предоставляемых банкирами, содержатся в речах Демосфена (IV в. до н.э.)[4], хотя и но-

---

вость. В Древней Греции имя Δική носила богиня правосудия. В античном суде syndikos (σύνδικος) играл роль защитника и представителя. В сходном значении этот термин был заимствован римлянами. В римском праве syndicus был постоянным представителем юридического лица (городской общины) в суде для рассмотрения всех споров. В средневековой Европе синдикатами (Syndikat — нем., Syndicat — фр.) стали называть торговые товарищества, которые создавались торговцами и банкирами для совместного ведения дел (см.: *Савиньи Ф. К.* Система современного римского права. М. : Статут, 2012. Т. 2. С. 186—187).

[2] Изначально под eranos понималось проявление взаимоуважения среди знатных людей или среди богов, которое реализовывалось, как правило, в виде совместного роскошного пира и предполагало соответствующую услугу в будущем. Оно выполняло простую функцию перераспределения: пиршества устраиваются группой людей, каждый участник, внеся посильный вклад, свободно принимал в них участие. В архаической системе это укрепляло взаимные обязательства и чувство общности (см.: *Millett P.* Lending and Borrowing in Ancient Athens. Cambridge University Press, 1991. P. 153—156).

[3] В этот период началась активная чеканка монеты греческими городами. К 500 г. до н.э. свыше 40 городов чеканили свою монету. Операции по ее обмену составляли основу банковского промысла (см.: The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World / ed. by W. Scheidel, I. Morris, R. Saller. Cambridge University Press, 2008. P. 278).

[4] Речь XXXV «Против Лакрита, на возражение о неподсудности дела» содержит следующий пример морского займа: «Андрокл из дема Сфетт и Навсикрат из Кариста дали в долг три тысячи драхм серебром Артемону и Апполодору из Фасеиды под перевозку грузов из Афин в Менду или Киону и оттуда в Боспор, а если пожелают, то вдоль берега по левую руку до Борисфена и обратно в Афины, с уплатой по процентам 225 драхм с тысячи». Как указано в тексте, заем был выдан Андроклом «на паях с другом из Кариста». Согласно договору заемщики предоставляют вино в качестве залога так, что не имеют права быть должными за него никому другому и не могут брать под него еще одной ссуды. Кредиторы также заранее договорились об осуществлении залоговых прав (*Демосфен.* Речи : в 3 т. М., 1994. Т. 1 : Памятники исторической мысли. С. 431).

сят обрывочный характер. В ту эпоху афинские банки играли ключевую роль в финансировании морской торговли, которая была важной частью экономики. Банковское дело подчинялось как формальным правовым предписаниям, так и неформальным общественным и религиозным нормам[5]. В отличие от Древнего Рима греческое право не вылилось в стройную систему норм и не было кодифицировано. Законодательство играло малую роль: часть городов вообще не имели писанных законов, а те, что существовали (например, в Афинах), в подлиннике до нас не дошли.

Римляне, перенявшие многие из греческих институтов, также практиковали сделки совместного займа. Для этого они объединялись в товарищества (societas argentarii)[6]. Целью объединения могло быть совершение определенной сделки (societas unius negotii), например выдача денежного займа[7], или ведение общих дел (societas unius negotiationis)[8]. Товарищи совместно несли ответственность по долгам и совместно предъявляли требования по кредитам[9]. Все прибыли и приобретения считались принадлежащими товариществу, а не его отдельным членам[10]. В конце Республики крупные денежные суммы занимали италийские города. Значительный размер имели морские займы[11].

В римском праве допускалась ситуация, когда прибыли, убытки и ответственность распределялись между товарищами непропорционально, что позволяло использовать товарищества для проведения сделок, сходных с участием в кредите. Выступая вовне по делам всех товарищей, отдельный товарищ действовал лично от себя. Все права и обязанности, вытекавшие из его действий, возникали в его лице: он становился и управомоченным, и обязанным. Это позволяло создавать товарищества с участием пассивных партнеров, среди которых преобладали представители богатейших сословий, сенаторов и всадников[12]. Распоряжаясь предоставленными капиталами, ведущий дела (полный) товарищ совершал за-

---

[5] The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. P. 129—130.

[6] *Гарридо М. Х.* Г. Римское частное право: казусы, иски, институты. М. : Статут, 2005. С. 588—589.

[7] *Гай.* Институции. Кн. 1—4. М. : Юрист, 1997. С. 227 (Inst. 3.148).

[8] *Соколовский П. Е.* Договор товарищества по римскому гражданскому праву. Киев, 1893. С. 110—113.

[9] Дигесты Юстиниана. М. : Статут, 2002. Т. 1. С. 277 (D.2.14.25 pr).

[10] Дигесты Юстиниана. М. : Статут, 2008. Т. 3. С. 527, 549 (D. 17.2.52.5, D. 17.2.67.1).

[11] В документах периода Цицерона (I в. до н.э.) приводится пример займа, предоставленного кипрскому городу Киликия двумя банкирами — М. Скаптием и П. Матинием. Заем был предоставлен из средств, принадлежащих сенатору Бруту, на которого ложился финансовый риск невозврата займа, хотя официальными кредиторами назывались банкиры. Античная сделка напоминает современное участие в кредите. Основная особенность морского займа состояла в том, что риск гибели судна и товара возлагался на кредитора, а не на заемщика (владельца имущества) (см.: *Andreau J.* Banking and business in the Roman world. Cambridge University press, 2003. P. 15—17).

[12] В Древнем Риме, как и в античной Греции, банковский и иной торговый промысел считался низким и недостойным гражданина занятием, поэтому им занимались иностранцы или освобожденные рабы.

емные операции от своего имени[13]. Риск пассивных товарищей (вкладчиков) был ограничен размером их участия.

Расцвет товарищества. В позднее Средневековье европейские банкиры развивали операции и правовые институты, возникшие в античный период. Заемщики — монархи и крупнейшие феодалы — нуждались в значительных средствах на ведение войны и захват новых земель[14]. Их потребности в кредите и проведении платежей (переводов) первоначально удовлетворяли итальянские банкиры, а позже — банкиры из других частей Европы. Банковские учреждения создавались в форме частных банкирских домов, организованных коммерсантом или членами одной семьи в форме полного (открытого) товарищества[15] или коммандитного товарищества (commenda)[16]. В полном товариществе все участники были управомочены на ведение дел от его имени, а их неограниченная имущественная ответственность по долгам товарищества способствовала его высокой кредитоспособности. В коммандитных товариществах участвовали две категории лиц: одни выступали вовне в качестве предпринимателей (tractator), другие ограничивались внесением в общее дело имущественного вклада (commendator). Последние обычно не выступали вовне, оставались неизвестными третьим ли-

---

[13] *Andreau J.* Op cit. P. 151—152.

[14] Приведем несколько показательных примеров подобного кредитования. В первой половине XIV в. два крупнейших флорентийских торгово-банковских товарищества — Барди и Перуцци предоставляли займы английским королям Эдуарду II и Эдуарду III. Первоначально кредитование велось на двусторонней основе. С началом войны с Францией (Столетняя война) потребности английской короны в деньгах возросли, и с 1337 г., как свидетельствуют историки, займы выдаются на общий счет в долях 3 к 2. В оплату кредитов король передает кредиторам права на сбор таможенных пошлин, королевской десятины, ряда налогов. Эдуард III отказался платить по кредиту в 1339 г., что привело к банкротству в 1343 г. фирмы Перуцци, а в 1345 г. — Барди (см.: *Гуковский М. А.* Итальянское возрождение. Л. : ЛГУ, 1990. С. 226—232 ; *Russell E.* The societies of the Bardi and the Peruzzi and their dealings with Edward III на сайте British history online // URL: http://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp93-135).

В средневековой Германии в конце XV в. консорциальные займы предоставлял банкирский дом Фуггеров. Якоб Фуггер (1459—1525) известен как самый богатый человек Европы своего времени. С 1519 по 1555 г. банкирский дом Фугерров совместно с другими банкирами из Аугсбурга, Генуи, Антверпена предоставлял займы (Asientos) испанскому королю Карлу V Габсбургу. Часть сделок имела форму участия, а часть — синдицированного кредита. Наследник Карла V Филипп II дважды объявлял банкротства — в 1557 и 1575 гг., в результате которых кредиторы потеряли бóльшую часть займов (см.: *Häberlein M.* Die Fugger: Geschichte einer Augsburger Familie (1367—1650) ; *Verlag W.* Kohlhammer, 2006. S. 76—78).

[15] На основе товарищеского договора в 1494 г. в германском Аугсбурге был создан банкирский дом Фуггеров (см.: *Суханов Е. А.* Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014).

[16] О банкирских товариществах в Италии в XII—XV вв. см.: *Рота П.* История банков: история старинных кредитных учреждений у древних греков и римлян, у средневековых итальянцев и в Голландии и Германии XVII и XVIII столетий. М. : Ленанд, 2014. С. 49—56.

цам, а потому не несли перед ними имущественной ответственности[17]. Таким образом, средневековые объединения унаследовали основные признаки, присущие римскому товариществу societas, но при этом обеспечили большее видовое разнообразие.

Объединение лиц и капиталов в банкирском товариществе еще не означало возникновения совместного кредита, сообща товарищи вели любые общие дела. При выдаче несколькими банкирскими домами кредита либо формировалось новое товарищество «одной сделки», в котором все участники были равноправны, либо ведущий кредитор (банкир) вступал в отдельные отношения подтоварищества (Untergesellschaft) с каждым из сокредиторов (участников)[18]. В случае такого «пересечения» товариществ в римском праве использовалась формула «товарищ моего товарища не является моим товарищем»[19]. Таким образом, в Средние века институт товарищества использовался в сделках совместного (синдицированного) кредита, опосредуя две модели взаимодействия с заемщиком: либо все кредиторы на равных находились с ним в заемных отношениях (классический синдицированный кредит), либо дела вел один из них, об участии остальных заемщику не было известно (участие в кредите). Так, античные займы друзей — товарищей по застолью превратились в займы банковских товариществ.

Зарождение капитализма в Европе повысило спрос на кредит, в том числе крупный. В XVII в., спустя две тысячи лет после расцвета греческих торгово-банковских операций, широкое распространение получило кредитование морской торговли. В кофейнях Амстердама и Лондона частные инвесторы формировали синдикаты для финансирования покупки пряностей.

Значение синдицированного кредита многократно возросло к середине XIX в., когда потребовалось масштабное финансирование инфраструктуры и производства (вторая промышленная революция). Крупные кредиты предоставлялись на строительство железных дорог, портовых сооружений, коммуникаций, что было связано с расширением внутренних рынков и международной торговли[20]. Объединению банковских капиталов способствовала относительная стабильность валютных курсов, установившаяся в эпоху золотого стандарта (1870—1914 гг.). Международная валютная система основывалась на официальном закреплении золотого содержания в единице национальной валюты. Валютные ограничения практически отсутствовали.

Вместе с тем структурные особенности национальных финансово-банковских систем, порожденные уникальными историческими факторами, начали оказывать все большее влияние на практику кредитования. В Германии частные бан-

[17] См.: *Суханов Е. А.* Сравнительное корпоративное право.

[18] *Дернбург Г.* Пандекты. М., 1911. Т. 2 : Обязательственное право. С. 332.

[19] Ульпиан говорит: кто принят в качестве участника товарищества, тот является товарищем лишь для того лица, которое его приняло (в качестве участника). И это правильно, ведь так как товарищество основывается в силу соглашения, не может быть товарищем мне тот, которого я не хотел иметь товарищем. То, что он получит от нашего товарища, он разделит с тем, кто принял его, мы же не будем делиться с ним (Дигесты Юстиниана. М. : Статут, 2008. Т. 3. С. 513, 549 (D.17.2.19-22).

[20] *Федякина Л. Н.* Международные финансы. М. : Питер, 2005. С. 19.

ки традиционно имели тесные связи с промышленными предприятиями. Когда потребности железнодорожного строительства в кредите превышали возможности отдельных банкиров, те формировали кредитные и эмиссионные синдикаты. Однако издержки, связанные с формированием и поддержанием крупных синдикатов, побуждали кредиторов искать альтернативы. Одна из них состояла в учреждении акционерных банков, которые унаследовали от частных банков близкие отношения с клиентами[21]. Сформировалась система «домашних банков» (Hausbank), в которой предприятия имели устойчивые долгосрочные отношения с одним банком. Банк вел счет клиента и потому обладал полной информацией о его финансовом положении. Кроме того, банковские клиенты, владевшие акциями предприятий, передавали банкам право голоса на собраниях акционеров, что давало возможность контролировать принимаемые там решения и лишь укрепляло связь между банками и промышленностью. В таких условиях синдицированный (консорциальный) кредит сохранял клубный характер, консорциум составляло небольшое число банков, близких к заемщику. Правовая конструкция товарищества отвечала потребностям сторон.

В США, так же как и в Германии, во времена первого бума железнодорожного строительства (1830—1860-е гг.), кредитные и эмиссионные синдикаты стали основным механизмом привлечения капитала[22]. Особенности национальной финансовой системы и регулирования стали причиной появления американской кредитной документации. В отличие от Германии, где доминировали универсальные банки (bank-based system), финансовые системы США и особенно Великобритании формировались как рыночно-центричные (marker-based system). В Англии исторически преобладали инвестиционные банки, которые предлагали своим клиентам услуги, связанные с оборотом ценных бумаг. В США длительное время доминировали небольшие региональные банки, зарегистрированные в одном из штатов и лишенные права создавать отделения в других. Банковская система была фрагментирована, продолжительный период отсутствовал центральный банк. Основная юридическая особенность выражалась в относительно слабом влиянии римского права при формировании национальных правовых систем.

Новейшая история. Новейшая история международного синдицированного кредита началась в 70-х гг. прошлого века и условно разбивается на три этапа[23].

---

[21] Другая альтернатива сводилась к формированию устойчивых, долгосрочных синдикатов. В Германии при участии банка Ротшильда в 1866 г. был создан Прусский консорциум (Preußen-Konsortium). Контроль за консорциумом, финансирующим государственные заимствования, осуществлял государственный Прусский банк. К началу 1913 г. в нем участвовало 28 банков. Во Франции провинциальные банки, для того чтобы эффективнее противостоять крупнейшим столичным кредиторам, создали в 1844 г. Синдикат провинциальных банков (Syndicat des banques de province). К 1913 г. в него входили 500 участников.

[22] Привлекать европейский капитал для финансирования американских корпораций в форме синдицированного кредита начал Дж. П. Морган. В 1904 г. он организовал синдикат (exchange syndicate), включающий 8 банков (5 в Париже и 3 в Нью-Йорке), для выкупа американским казначейством прав у Новой компании Панамского канала за 40 млн долл.

[23] *Gadanecz B.* The syndicated loan market: structure, development and implications // BIS Quarterly Review. December, 2004.

Предпосылкой его возникновения стал рынок евродолларов, имевший частично экономическую, а частично правовую основу.

Во-первых, существенный рост дефицита торгового баланса США привел к тому, что значительный объем долларов, обслуживавших международную торговлю и рынок капиталов, в 1960-х гг. начал аккумулироваться за рубежом.

Во-вторых, в американском законодательстве действовали запрет начислять проценты на депозиты до востребования, ограничение ставки по срочным депозитам, а также повышенные требования к резервированию по таким сделкам. В результате их стало выгоднее заключать на европейском рынке. Дополнительным стимулом стало введение в 1963—1965 гг. уравнительного налога на доходы и иного регулирования, ограничивающих участие зарубежных компаний на американском рынке капиталов[24].

Первоначально среднесрочные синдицированные кредиты предоставлялись американскими банками суверенным заемщикам, в том числе странам Латинской Америки, Африки и Азии. В случае развивающихся стран заемщиком обычно выступал центральный банк[25], его обязательства гарантировались местным правительством. На момент дефолта Мексики, объявленного в 1982 г.[26], такие кредиты составляли бóльшую часть долга развивающихся стран. Предпочтения суверенных заемщиков изменились в пользу облигационных займов после выпуска в 1989 г. облигаций (Brady bonds) для целей реструктуризации кредитной задолженности развивающихся стран.

Уход с рынка суверенных заемщиков совпал с ростом интереса к синдицированному кредиту со стороны крупнейших корпораций, а также новых групп кредиторов (пенсионных фондов, страховых компаний, структур секьюритизации). С начала 1990-х гг. рыночный инструментарий усложнился, в документации стали шире использоваться элементы, пришедшие с облигационного рынка, — ковенанты и триггеры. Расширился объем доступной информации о поведении заемщиков, начали развиваться синтетическая секьюритизация и иные техники торговли кредитным риском. Центры предоставления синдицированных кредитов образовались в Европе (Лондон) и в Азии (Гонконг). Становлению рынка способ-

[24] Уравнительный налог на процентный доход (Interest Equalization Tax) был введен президентом Д. Кеннеди в 1963 г. Налогом облагались доходы, полученные американскими лицами при осуществлении инвестиций за рубежом (что ограничило покупки резидентами США иностранных ценных бумаг, торгуемых на американском рынке) и кредитования нерезидентов. Эти операции были перенесены на европейский рынок. В результате с 1963 по 1976 г. рынок евродолларов вырос до 200 млрд долл., а число иностранных отделений американских банков — со 150 до 700 (см.: *Pigott H. S.* The Historical Development of Syndicated Eurocurrency Loan Agreements // International Business Lawyer. 1982. Vol. 10 (VI). P. 199.

[25] Выбор в пользу центрального банка объяснялся следующим. Во-первых, цель кредитов состояла в выравнивании платежного баланса, контроль за которым осуществлял центральный банк. Во-вторых, центральный банк распоряжался золотовалютными резервами, которые были доступны кредиторам в случае дефолта.

[26] В последующие годы просрочки платежей допустили Бразилия, Аргентина, Венесуэла и Филиппины.

ствовала стандартизация кредитной документации, проводимая тремя международными профессиональными ассоциациями (LMA, APLMA и LSTA). Наряду с первичным рынком получили развитие вторичные продажи.

К началу 2000-х гг. международный рынок синдицированного кредита достиг зрелости. Он многократно вырос в объемах, превратившись в один из важнейших источников финансирования корпоративных заемщиков развитых и развивающихся стран. Финансовый кризис 2007—2009 гг. не изменил этой тенденции. Хотя в худший для рынка 2009 г. объем заключенных сделок упал в три раза в сравнении с наивысшими показателями, уже в 2014 г. прежние объемы — 4,6 трлн долл. США — были восстановлены[27] (рис. 1). Помимо необеспеченных кредитов, предоставляемых наиболее надежным заемщикам, крупную долю занимают обеспеченные сделки, растут заимствования средних компаний.

Рис. 1. Динамика глобального рынка синдицированного кредитования

Важной отличительной особенностью договорной документации, которую американские банки и английские юристы создали для нового международного рынка, стал полный отказ от товарищества для описания синдиката кредиторов.

Во-первых, такой подход был естествен для суверенных кредитов, доминировавших в 1970-х гг., каждый из банков-кредиторов вступал в самостоятельные кредитные правоотношения с государством-заемщиком.

Во-вторых, с расширением количества банков-участников и их географии встала проблема взаимного доверия между участниками синдиката.

В-третьих, стремление банков к ликвидности требовало оборота долей в синдицированном кредите, что предполагает оперативную замену стороны договора (кредитора). Ни одно из этих коммерческих требований не было достижимым при сохранении товарищества. Поэтому классическая правовая модель, просуществовавшая более двух тысяч лет для описания совместного кредита, была отвергнута для международных кредитов. Однако на национальных рынках Европы местные банки продолжали ее использовать. Перенос международных подходов в национальное регулирование начался позже, в 2000-е гг., когда LMA разработала редакции стандартного договора, подчиненные французскому, германскому и испанскому праву[28].

Закат товарищества. Каким образом проверенная веками правовая конструкция столь быстро сдала позиции и оказалась заменена новой договорной

[27] В 2007 г. объем глобального рынка достигал рекордных 4,6 трлн долл. США, а в 2014 г. вернулся к прежним значениям (4,69 трлн долл. США) (см. данные Thompson Reuters, Global syndicated loans review: managing underwriters, full year 2014 // URL: https://www.thomsonreuters.co.jp/content/dam/openweb/documents/pdf/japan/market-review/2017/loan-4q-2017-e.pdf).

[28] Вместе с английским на эти национальные рынки приходится более половины объема кредитов в регионе EMEA.

моделью? Ответ на этот вопрос можно найти в работах юристов, принимавших непосредственное участие в разработке первых договоров, которые заключались с суверенными заемщиками[29]. В основу документации были положены формы, разработанные американскими банками на национальном рынке еще в 1930-х гг[30]. Существовало несколько основных причин, почему в то время они получили распространение в США. Американское законодательство запрещало банкам, зарегистрированным в одном штате, открывать отделения в других штатах. Основную массу кредиторов составляли небольшие региональные банки, не отличавшиеся высокой надежностью. Быстро развивающаяся промышленность, напротив, требовала крупных и долгосрочных кредитов. К тому же регулирование кредитных отношений находилось в компетенции штатов, и местные законы могли различаться. В отличие от Европы многовековые традиции применения институтов римского права для оформления кредитных сделок и партнерских отношений отсутствовали. Равенство кредиторов и единство договорных условий в синдицированном кредите были достижимы, если все отношения оформлялись одним соглашением.

В результате уже на заре становления международного рынка при оформлении сделок с суверенными заемщиками были выработаны новые принципы кредитной документации[31]:

— индивидуальные обязательства кредиторов (several obligations). В силу общего соглашения о синдицированном кредите каждый банк считался предоставившим заемщику самостоятельный кредит. Обязательства банков были раздельными. Банк, в том числе агент, не отвечал по обязательствам другого участника синдиката о выдаче кредита. Платежи заемщика при возврате кредита распределялись между банками пропорционально суммам предоставленных кредитов. Все кредиты считались предоставленными на идентичных условиях;
— банк-агент (agent bank). Для удобства осуществления сделки один из банков назначался агентом синдиката, через него проходили все платежи и коммуникация с заемщиком. Банк-агент являлся агентом именно кредиторов, а не заемщика. Поэтому платеж агенту освобождал заемщика от обязательства перед кредиторами даже в случае последующей несостоятельности агента;
— демократия в синдикате (syndicate democracy). Ограниченный объем полномочий банки обычно передавали большинству кредиторов. Голоса распределялись пропорционально суммам кредита (неиспользованному лимиту плюс размеру задолженности). Большинство составляло 50 % или 66 % (2/3) голосов. Полагаясь на собственную кредитную экспертизу, банки не стремились передать большинству слишком много полномочий. Оно назначало агента, принимало решения о досрочном истребовании кредита, объявляло отказ от дальнейше-

[29] См., например, книги и статьи: Philip Wood (Allen & Overy), Hugh Pigott (Clifford Chance, прежде Coward Chance) и Martin Hughes.

[30] *Wood F. R.* Essay: Sovereign Syndicated Bank Credits in the 1970s, Law and Contemporary Problems // Law and Contemporary Problems. 2010. Vol. 73. No. 4. Duke University School of Law. P. 8.

[31] *Wood F. R.* Op. cit. P. 9—10.

го предоставления кредита, давало согласие на исправление нарушения ковенант, констатировало факт существенного ухудшения финансового состояния заемщика. Оно не имело полномочий на увеличение срока кредита, уменьшение размера платежей заемщика, изменение процентной ставки или валюты платежа, увеличение лимита кредитования, дачу согласия на перевод долга;

— пропорциональное распределение платежей (pro rate sharing). В соглашение обычно включалось условие, в силу которого все полученное одним из участников синдиката сверх его доли распределяется пропорционально между остальными банками. Такой участник перечислял излишек банку-агенту, который перераспределял его между всеми банками. При этом участнику частично передавались права требования других банков в порядке суброгации или уступки. Перераспределению подлежало полученное в результате зачета, судебного разбирательства, исполнения гарантии или прямого платежа заемщика. Условие родилось в практике американских банков и обеспечивало равенство в ситуации, когда один из участников синдиката был домашним банком заемщика, державшим его депозиты[32].

При подготовке первых кредитных соглашений одним из основных стал вопрос о выборе применимого права и юрисдикции[33]. Суверенные заемщики, особенно из стран Латинской Америки, первоначально противились идее иностранного применимого права и иностранной юрисдикции, ссылаясь даже на конституционные запреты. Но банки последовательно отвергали идею использования национального права. В результате заемщики согласились на неисключительную юрисдикцию английских судов, а позже — также на юрисдикцию федеральных судов Нью-Йорка. Последнее отражало ведущую роль американских банков в международных синдикатах.

Таким образом, подавляющая часть синдицированных еврокредитов, привлекаемых суверенными заемщиками в 1970-х гг., была подчинена английскому праву, местом разрешения споров определялся английский суд. Этот выбор имел экономическую подоплеку: рынок межбанковских евродолларовых депозитов функционировал в Лондоне. Помимо этого существовал целый ряд правовых предпосылок. Банкам было важно использовать иностранное применимое право, чтобы ограничить применение в отношении кредитных договоров положений национального законодательства заемщика о валютном контроле, моратории на исполнение обязательств и пр. Кредиторам были нужны правовая стабильность и предсказуемость: ключевые условия кредитных договоров не должны были ставиться судом под сомнение[34].

---

[32] Данное условие имело, как отмечает Philip Wood, смешанный успех. Банки не горели желанием его исполнять. Юристы оказались в положении композитора, написавшего музыку, под которую никто не хотел танцевать (см.: *Wood F. R.* Op. cit. P. 26).

[33] *Wood F. R.* Op. cit. P. 12—14.

[34] Иллюстрацией служит тур по странам континентальной Европы, который предприняли в 1970 г. крупный американский банк и обслуживающие его юристы. В ходе него, в частности, выяснилось, что не во всех юрисдикциях суды безоговорочно поддержат требование банка о досрочном возврате кредита (acceleration) в случае дефолта суверенного заемщика. В тот период кодифицированные системы права представлялись английским юристам

Кредиторы хотели определенности в том, что суд будет применять выбранную сторонами правовую систему[35]. Но прежде требовалась уверенность и в том, что суды примут к рассмотрению возможные споры, возникающие из сделок международного синдицированного кредита[36].

Путь от возникновения до стандартизации был пройден новой кредитной документацией за 30 лет. В 1968 г. «Hugh Pigott» партнер юридической фирмы «Coward Chance»[37] подготовил, возможно, первый в английском праве договор евродолларового синдицированного кредита, заемщиком в котором был «Standard bank», а агентом — «Mitsui Trust». Документация готовилась с чистого листа без ссылки на американские прецеденты. Объем первых договоров не превышал 20 страниц. В следующие несколько лет число договорных форм резко увеличилось. В 1979 г. была предпринята одна их первых попыток стандартизации. «Martin Hughes» из «Coward Chance» подготовил стандартный договор синдицированного кредита для «Citibank», который стремился таким способом поддержать единую кредитную и договорную политику на глобальном рынке[38].

В 1980—1990-х гг. получили распространение несколько рыночных форм договоров, разработанных юридическими фирмами «Allen & Overy», «Clifford Chance», «Slaughter and May» и др. Наконец, в октябре 1999 г. «Loan Market Association» выпустила первую редакцию стандартного договора для заемщиков инвестиционного качества (Investment Grade Agreement). В ее подготовке приняли участие банки, юридические компании, а также представители Британской банковской ассоциации (BBA), Британской торговой ассоциации (UKTA) и Ассоциации корпоративных казначеев (ACT).

Регулирование без законодателей. Профессиональные рыночные ассоциации создавались в середине 1990-х гг. для развития вторичного рынка синдицированного кредита, бурный рост которого пришелся на этот период. В 1995 г. в Нью-Йорке была основана Американская Ассоциация синдицированного кредитования (Loan Syndications and Trading Association, LSTA), некоммерческая торговая ассоциация, объединившая участников рынка кредитов с плавающей ставкой. Ее целью были заявлены защита интересов рынка и повышение доверия инвесторов. Как свидетельствует Allison Taylor, первый исполнительный директор Ассоциации, идея ее создания возникла среди трейдеров вторичного рынка[39]. В то время от момента заключения сделки до ее закрытия проходило до шести

слишком ограничительными. Высоко оценивался риск применения судами к заключенным соглашениям норм национальных кодексов, которых стороны не предполагали.

[35] Еще с XIX в., времени, когда Британия доминировала в морской торговле, английские суды продемонстрировали предсказуемость в этом вопросе.

[36] Великобритания подписала Брюссельскую конвенцию от 27 сентября 1968 г. «О юрисдикции и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам», которая закрепила право стороны международной сделки на выбор юрисдикции.

[37] В 1987 г. она объединилась с «Clifford-Turner», образовав «Clifford Chance» (*Slinn J.* Clifford Chance: Its Origins and Development, Clifford Chance. 1993 p. P. 187—189).

[38] *Hughes M.* Legal Principles in Banking and Structured Finance. Sec. ed. Tottel, 2006. P. 9.

[39] The Handbook of Loan Syndications and trading, ed. A. Taylor, A. Sansone. McGraw-Hill, 2007. Kindle edition. Line 1116.

недель[40]. В течение этого срока покупатель был вынужден нести кредитный риск контрагента. Инициатива состояла в том, чтобы сократить срок, установив стандарты поставки и документации (подтверждения сделки). Первые 12 членов[41] LSTA — крупнейшие американские банки — внесли по 100 тыс. долл., для того чтобы нанять юридического консультанта для ее разработки. Кроме того, одним из начальных шагов стал ежемесячный сбор котировок, выставляемых трейдерами. Миссия и сфера деятельности Ассоциации постоянно расширялись, из объединения участников вторичного рынка кредитов она выросла в лидера всего кредитного рынка, определяющего в том числе стандарты первичной синдикации.

За десять лет с момента ее учреждения объем американских синдикаций вырос в три раза, а сделок на вторичном рынке — в пять раз[42]. В этот же период Ассоциация выпустила более 50 стандартов, консультационных документов и рыночных рекомендаций. В настоящее время она объединяет более 450 членов, среди которых коммерческие и инвестиционные банки, взаимные фонды, управляющие активами, хедж-фонды, фонды проблемных активов, юридические фирмы, аудиторские компании и другие участники[43].

Сходные этапы развития прошла созданная в Лондоне годом позже по инициативе семи ведущих международных банков Ассоциация кредитного рынка (Loan Market Association, LMA). Первоначальная задача LMA состояла в развитии вторичной торговли[44] на рынке Европы[45], важная особенность которого — европейская практика и документация, подчиненная английскому праву.

За более чем 20-летнюю историю существования LMA подготовила большое количество стандартов, руководств и рекомендаций[46]. Они сгруппированы в зависимости от рынка (первый, вторичный) и вида кредита (заемщика). В 1997 г. были разработаны формы документов, рекомендуемые для вторичного рынка (Secondary Trading Documents)[47]. Еще через два года были выпущены шесть рекомендуемых форм договоров для первичного рынка, различающихся в зависимости от количества используемых при кредитовании валют (одно или мультивалютные) и типа кредита (срочный кредит или возобновляемая кредитная линия). В документацию были также включены поручение на организацию кредита (Mandate Letter), таблица с основными условиями кредита (Term Sheet), а также соглашения об использовании аккредитива и краткосрочной кредитной

---

[40] Единая форма передаточного распоряжения отсутствовала. Требовалось получить подписи продавца, покупателя, заемщика и кредитного агента на соглашении.

[41] ING, «Morgan GuarantyTrust Co. of New York», «Goldman Sachs», «Bank of America», «Bank of Montreal», «Bankers Trust Company», «Bear Stears», «Chemical Bank», «Citibank», «First Chicago», «Lehman Brothers», «Merrill Lynch & Co».

[42] В 2004 г. они составили 1,3 трлн долл. и 155 млрд долл., соответственно.

[43] URL: www.lsta.org.

[44] В 1996 г. объем вторичной торговли в Европе достиг 12 млрд долл.

[45] Позже в сферу ее активности вошли Ближний Восток и Африка (регион EMEA).

[46] URL: www.lma.eu.com.

[47] В его состав вошли Соглашение о передаче (Transfer Agreement), Соглашение о фондированном участии (Master Funded Participation Agreement), Соглашение об участии в риске (Master Risk Participation Agreement), передаточный сертификат (Transfer Certificate).

линии (swingline). Все перечисленные выше документы относились к необеспеченным кредитам, которые предоставлялись заемщикам инвестиционного качества (investment grade). В 2004 г. подготовлен обеспеченный стандартный договор, предназначенный для использования в сделках финансирования слияний и поглощений (leveraged loan).

Позже были опубликованы специализированные кредитные соглашения, имеющие целевой характер, — кредитование заемщиков на развивающихся рынках, финансирование приобретения недвижимости, предэкспортное финансирование. Следуя пожеланиям участников, LMA провела работу по подготовке национальной документации, адаптированной к практике заключения международных сделок. В 2002 г. был выпущен стандартный кредитный договор (investment grade), регулируемый французским правом, в 2007 г. — немецким, в 2013 г. — испанским правом. Общее число членов LMA на текущий момент превышает 500, бóльшую часть из которых составляют банки и юридические фирмы.

Завершая историю возникновения региональных кредитных ассоциаций, следует упомянуть о двух азиатских объединениях. В 1998 г. в Гонконге была учреждена Азиатско-Тихоокеанская Ассоциация кредитного рынка (Asia Pacific Loan Market Association, APLMA)[48]. В инициативную группу наряду с крупнейшими американскими, европейскими и японскими банками вошли также Национальный банк Австралии и один из ведущих банков Китая (Bank of China). В 2001 г. возникла Японская ассоциация синдицированного кредитования (Japan Syndication and Loan-trading Association)[49].

Ассоциации находятся в постоянном взаимодействии, координируя свои инициативы. Этому способствует общая членская база. Еще в 2005 г. LSTA и LMA выпустили общее руководство по торговле просроченной задолженностью (Users Guide for Distressed Trading Documents), а также единый словарь терминов (Glossary of Terms). Сближение документации устранило противоречия и расхождения, существовавшие на американском и европейском рынках, что упростило заключение международных сделок. Согласовываются позиции при формулировании отдельных договорных условий[50]. В марте 2018 г. LMA и APLMA опубликовали единые принципы «зеленого» кредитования (Green Loan Principles)[51].

Российская история. Российские корпоративные заемщики начали осваивать международный рынок синдицированных кредитов в середине 1990-х гг. В октябре 1995 г. первый российский банк («Мосбизнесбанк») привлек синдицированный кредит. До августа 1998 г. кредиторы были представлены зарубежными банками, а заемщики — крупными российскими банками и компаниями топливно-энергетического комплекса. Упавший почти до нуля после дефолта ГКО рынок

[48] URL: www.aplma.com.

[49] URL: www.jsla.org.

[50] Например, в 2017 г. LMA и LSTA согласовали вид условия о принудительной конвертации в акции обязательств санируемого банка перед кредиторами и вкладчиками (Bail-in clause) для документации LSTA.

[51] URL: http://www.lma.eu.com/application/files/8415/2162/5092/LMA_Green_Loan_Principles_Bookletpdf.pdf.

с 2000 г. начал постепенно оживать. В 2007 г. объем заключенных сделок достиг рекордных 88,3 млрд долл.

Пик своего развития рынок синдицированных кредитов достиг в первом квартале 2008 г., квартальный объем составил около 40 млрд долл. В период кризиса сумма синдицированных кредитов, привлеченных российскими заемщиками, резко уменьшилась, в 2009 г. она составила всего 6,7 млрд долл. Со следующего года объемы начали увеличиваться, достигнув в 2013 г. 44,5 млрд долл. В том же году в глобальную десятку крупнейших сделок года вошел синдицированный кредит, полученный компанией «Роснефть» (14,2 млрд долл.) для покупки доли в нефтяной компании ТНК-ВР.

Новый удар по рынку нанесли в 2014 г. антироссийские санкции, запретившие западным банкам кредитовать широкую группу крупнейших российских заемщиков. В санкционные списки попали банки с государственным участием, нефтяные компании, а также заемщики, связанные с ОПК. Несмотря на это, в 2016 г. была закрыта крупнейшая синдицированная сделка — кредит проектной компании «Ямал СПГ».

До 2008 г. доля отечественных банков в кредитах, предоставляемым российским заемщикам, оставалась незаметной, не превышая 5 %. Организаторами сделок выступали исключительно зарубежные банки, которые проводили синдицирование за рубежом. С началом кризиса активность европейских кредиторов снизилась, вес российских банков к 2011 г. вырос до 12 % (рис. 2). С введением санкций он подскочил до 40 %[52]. Для попавших под санкции заемщиков отечественные банки остались единственным источником финансирования, что побуждает их все активнее выступать организаторами сделок. В национальные лидеры вышли организации с государственным участием — «Сбербанк», «Газпромбанк» и «ВТБ».

Рис. 2. Объем и количество синдицированных кредитов, привлеченных российскими заемщиками

В 2011 г. российский рынок синдицированного кредитования восстановился после удара, нанесенного мировым финансовым кризисом. К этому времени ведущие российские банки накопили самостоятельный опыт, участвуя в международных сделках. Среди участников сформировалось понимание важности рыночных стандартов. На первом этапе этот запрос удовлетворялся извне: подавляющее большинство договоров синдицированного кредита на тот момент заключалось с использованием стандартной документации LMA, подчиненной английскому праву.

Интерес к национальному правопорядку начал формироваться под влиянием нескольких факторов. В результате кризиса многие российские заемщики были вынуждены реструктурировать кредитную заложенность. Для получения государственных гарантий новые кредиты оформлялись в российском праве, что тре-

[52] Такого значения доля российских банков достигала в 2015—2016 гг. В 2017 г. с возвратом на отечественный рынок европейских кредиторов она вновь упала до 13 %.

бовало оперативной адаптации англоязычной документации. Снижение активности иностранных банков привело к появлению синдикатов, сформированных исключительно российскими кредитными организациями. Если в 2004—2007 гг. доля российских банков в организации сделок не превышала 2 %, то к 2012 г. она выросла почти до 10 %. В отсутствие иностранного элемента такие сделки также закрывались с использованием российской документации.

В целях коллективного развития рынка и его стандартов, основанных на российском праве, весной 2011 г. Ассоциация региональных банков России (Ассоциации «Россия») образовала Комитет по синдицированному кредитованию, в который вошли представители почти 30 кредитных организаций. К его деятельности подключились также ведущие международные юридические фирмы, являющиеся членами LMA и имеющие большой опыт сопровождения международных сделок. Так, при Комитете сформировалась Юридическая экспертная группа. К началу 2012 г. Комитет принял четкий план действий, включающий подготовку основанного на принципах LMA и подчиненного российскому праву стандартного договора синдицированного кредита, а также совершенствование банковского регулирования кредитных сделок.

Прежде чем начать работу над документацией, банкам предстояло решить несколько вопросов. Предыдущие примеры подготовки национальной документации (Франция, Германии) осуществлялись непосредственно LMA на средства своих членов. Поэтому исключительные права на документацию, регулирующую как международные, так и национальные сделки, принадлежали Ассоциации. В ходе переговоров, проведенных с ее руководством, было получено подтверждение того, что оно не возражает против использования структуры и принципов документации LMA для создания российского договора (LMA-style agreement). Авторские права Ассоциации тем самым не были затронуты. В качестве отправной точки для российской документации рассматривались соглашение для заемщиков инвестиционного качества (investment grade facility) и значительно более объемное соглашение о предоставлении обеспеченного кредита (leveraged facility). С учетом низких рейтингов потенциальных российских заемщиков банки остановились на втором соглашении, где содержались подробные положения об управляющем обеспечении, финансовых ковенантах, основаниях досрочного истребования кредита (events of default). Однако было решено исключить из российского договора отдельные избыточные положения[53].

Юридическая экспертная группа разработала Концепцию стандартного договора синдицированного кредита, в которой содержались анализ основных правовых конструкций, лежащих в основе документации LMA, предложения по их имплементации в российское право, а также правовые неопределенности и риски, которые при этом возникают. За три года, в течение которых шла подготовка текста договора, было подготовлено четыре его редакции.

Еще до публикации финального стандарта стало очевидно, что исключение рисков его переквалификации и иных правовых рисков потребует изменения за-

[53] Английское соглашение предназначено для сложных сделок выкупа компаний и включает самый широкий инструментарий: аккредитивы, дополнительные кредитные линии (ancillary facility) и пр.

конодательства. Первый проект изменений в Гражданский кодекс РФ и несколько действующих законов, нацеленный на регулирование синдицированного кредита, был подготовлен в июне 2014 г. На тот момент Государственная Дума уже два года рассматривала поправки в гл. 42—46 второй части Кодекса (финансовые сделки), и, казалось, что основные правовые противоречия и неопределенности могут быть устранены благодаря их дополнению. Главу 42 ГК РФ предлагалось дополнить новой статьей — 819.1, содержащей определение синдицированного кредита и базовые принципы регулирования. Синдицированный кредит возникал на основании кредитного договора, когда обязательство передать заемщику сумму кредита возложено на нескольких кредиторов. Устанавливался раздельный характер обязательств кредиторов: каждый из кредиторов обязан предоставить кредит в определенной договором части, а в случае его отказа должник не вправе требовать предоставления неисполненной кредитором части от других кредиторов. Чтобы избежать рисков переквалификации, поправки прямо исключали применение к синдицированному кредиту норм о договоре простого товарищества (гл. 55 ГК РФ) и о собрании кредиторов (гл. 9.1 ГК РФ). Предлагалось также решить частный, но важный вопрос о том, кто оплачивает услуги кредитного агента и управляющего залогом. Несмотря на то, что они действуют от имени и в интересах кредиторов, вознаграждение им уплачивает заемщик. Такова сложившаяся коммерческая логика, закрепленная в стандарте синдицированного кредитования, — за все платит заемщик.

Наряду с договором синдицированного кредита, поправки регулировали участие в кредите (loan sub-participation). Для этого ст. 819 ГК РФ дополнялась нормой об «условном кредитном договоре»: стороны такого договора были вправе обусловить возврат суммы кредита возвратом заемщику суммы займа (кредита), который заемщик предоставил третьему лицу. Конструкция договора участия в виде условного кредита повторяла подход Банка России, закрепленный еще в Инструкции № 1 (утв. приказом Банка России от 18 июня 1997 г. № 02-263)[54].

Помимо поправок в Гражданский кодекс РФ законопроект содержал изменения в иные законодательные акты. Перечень банковских сделок в ст. 5 Закона «О банках и банковской деятельности» дополнялся организацией синдицированного кредита и управлением залогом. В статью 29 Закона предлагалось также включить перечень банковских вознаграждений, взимаемых в том числе по этим сделкам. В четыре специальных закона, регулирующих залоговые реестры, вносились компактные изменения о том, что при наличии управляющего залогом в качестве сведений о залогодержателе указываются исключительно сведения об управляющем, а не о кредиторах. Уточнялись особенности участия управля-

[54] В силу п. 4 Инструкции № 1 договор синдицированной ссуды между банком и третьим лицом должен содержать условие, в соответствии с которым указанное третье лицо вправе требовать платежей по основному долгу, процентов, а также иных выплат в размере, в котором заемщик исполняет обязательства перед банком по погашению основного долга, процентов и иных выплат по предоставленной ему банком ссуде, не ранее момента реального осуществления соответствующих платежей. Инструкция утратила силу с 1 января 2004 г. с выходом новой Инструкции № 110-И, в которой было закреплено комплексное определение синдицированного кредита.

ющего залогом в делах о банкротстве должника (залогодателя): договор управления залогом сохранял свои действия в процедурах банкротства, и очередность удовлетворения требований залоговых кредиторов определялась соглашением о старшинстве залогов.

При последующем обсуждении и совершенствовании законопроекта перечень правовых вопросов остался неизменным, менялось представление о том, куда следует вносить изменения. Откликнувшись на предложение Ассоциации «Россия», Минфин Росии включил регулирование синдицированного кредита в план законопроектной работы Правительства РФ. Летом 2017 г. оно внесло законопроект в Государственную Думу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гарридо М. Х. Г.* Римское частное право: казусы, иски, институты. — М. : Статут, 2005.
2. *Дернбург Г.* Пандекты. — М., 1911. — Т. 2 : Обязательственное право.
3. Дигесты Юстиниана. — М. : Статут, 2002. — Т. 1 ; 2008. Т. 3.
4. *Соколовский П. Е.* Договор товарищества по римскому гражданскому праву. — Киев, 1893.
5. *Суханов Е. А.* Сравнительное корпоративное право. — М. : Статут, 2014.
6. *Федякина Л. Н.* Международные финансы. — М. : Питер, 2005.
7. *Gadanecz B.* The syndicated loan market: structure, development and implications // BIS Quarterly Abstract. — December, 2004.
8. *Hughes M.* Legal Principles in Banking and Structured Finance. — Sec. ed. — Tottel, 2006.

Елизавета Борисовна ЛАУТС,
кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
lauts.elizaveta@yandex.ru
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13

ИНСТИТУТ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) БАНКОВ КАК АНТИКРИЗИСНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА БАНКОВСКИХ УСЛУГ

Аннотация. *В статье институт несостоятельности (банкротства) банков рассматривается как антикризисный инструмент регулирования рынка банковских услуг. Институт банкротства банков соотносится с банковским регулированием, выявляются особенности восстановительного и ликвидационных механизмов института банкротства банков. В статье выявляются и анализируются особенности института банкротства банков как антикризисного инструмента регулирования рынка банковских услуг.*

Автор пришел к следующим выводам. Институт несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, являясь инструментом антикризисного регулирования рынка банковских услуг, при этом выступает в отдельных своих частях и инструментом банковского регулирования.

Институт банкротства банков (в ликвидационной части) как антикризисный инструмент характеризуется, а скорее, должен характеризоваться, двумя основными чертами: 1) сокращенными сроками процедуры банкротства кредитных организаций; 2) повышенными гарантиями защиты прав кредиторов и вкладчиков кредитных организаций.

Среди особенностей института банкротства кредитных организаций как средства антикризисного регулирования можно выделить несколько особенностей: отсутствие восстановительных процедур в процессе несостоятельности (банкротства) кредитных организаций; особые признаки и критерии несостоятельности (банкротства) кредитной организации; особая роль Банка России при инициировании дела о признании кредитной организации банкротом; участие в процедуре банкротства банка особого конкурсного управляющего — АСВ; особенности судебного разбирательства по делам о банкротстве кредитных организаций; специфические правовые средства формирования конкурсной массы; особенности оспаривания сделок кредитной организации — по существу, самих сделок и по основаниям оспаривания; специфика привлечения руководителей кредитной организации к субсидиарной ответственности по ее долгам; особые права вкладчиков кредитной организации — физических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе по установлению их требований и отнесению их в первую очередь кредиторов; особенности очередности кредиторов и удовлетворения их требований.

Ключевые слова: *кредитная организация, банк, Банк России, рынок банковских услуг, институт несостоятельности (банкротства), банковское регулирование и надзор, антикризисное регулирование.*

© Е. Б. Лаутс, 2018
DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.122-133

E. B. LAUTS,
PhD, Associate Professor of the Enterprise right law of Department of Lomonosov Moscow State University
lauts.elizaveta@yandex.ru
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13

INSTITUTE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF BANKS AS ANTI-RECESSIONARY INSTRUMENT OF REGULATION OF THE MARKET OF BANKING SERVICES

Abstract. *In article the institute of insolvency (bankruptcy) of banks is considered as the anti-recessionary instrument of regulation of the market of banking services. The institute of bankruptcy of banks corresponds to bank regulation, features recovery and liquidating mechanisms of institute of bankruptcy of banks come to light. In article features of institute of bankruptcy of banks as anti-recessionary instrument of regulation of the market of banking services come to light and analyzed.*

The author has come to the following conclusions. Institute of insolvency (bankruptcy) of credit institutions, being the instrument of anti-recessionary regulation of the market of banking services, at the same time acts in separate parts and the instrument of bank regulation.

The institute of bankruptcy of banks (in a liquidating part) as the anti-recessionary tool is characterized, and it is rather, it has to be characterized, two main lines: 1) the reduced terms of the procedure of bankruptcy of credit institutions; 2) the raised guarantees of protection of the rights of creditors and investors of credit institutions.

Among features of institute there are bankruptcies of credit institutions as it is possible to allocate funds of anti-recessionary regulation several features: lack of recovery procedures in the course of insolvency (bankruptcy) of credit institutions; special signs and criteria of insolvency (bankruptcy) of credit institution; a special role of the Bank of Russia at initiation of case of recognition of credit institution by the bankrupt; participation in the procedure of bankruptcy of bank of the special receiver — DIA; features of judicial proceedings on cases of bankruptcy of credit institutions; specific legal means of formation of competitive weight; features of contest of transactions credit the organizations — on the substance of transactions and on the contest bases; specifics of involvement of heads of credit institution to subsidiary responsibility on her debts; the special rights of investors of credit institution — natural persons and individual entrepreneurs, including on establishment of their requirements and their reference first of all creditors; features of sequence of creditors and satisfaction of their requirements.

Keywords: *credit institution, bank, Bank of Russia, market of banking services, institute of insolvency (bankruptcy), bank regulation and supervision, anti-recessionary regulation.*

Банкротство кредитных организаций как в восстановительной, так и в ликвидационной своих частях обладает массой специфических черт, отличающих его не только от обычных юридических лиц, но даже от иных финансовых организаций. Эти особенности предопределены необходимостью предотвратить кризисные ситуации на рынке банковских услуг, где ликвидация, особенно в результате банкротства, одного банка может дестабилизировать весь рынок.

Институт несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, являясь инструментом антикризисного регулирования рынка банковских услуг, при этом выступает в отдельных своих частях и *инструментом банковского регулирования*. Тем не менее банковским регулированием он не исчерпывается.

Во-первых, институт банкротства банков необходимо рассматривать широко, включая не только собственно конкурсное производство как единственно допустимую процедуру банкротства кредитных организаций, но и меры по предупреждению банкротства кредитных организаций. Дело в том, что в соответствии с законодательством санация кредитных организаций вынесена за рамки процедуры их несостоятельности (банкротства). Другими словами, банкротство банков не предполагает восстановительных процедур, что и понятно, учитывая особенности банковской деятельности. Тем не менее это не означает, что восстанавливать финансовое положение банка не имеет смысла. Просто сделать это можно только до отзыва лицензии у банка, когда возможность осуществления банковской деятельности еще остается, а значит, можно надеяться на ее успешное продолжение. Безусловно, в широком смысле логическая взаимосвязь этих восстановительных и ликвидационных процедур очевидна, что позволяет рассматривать отношения, возникающие на данных этапах, в комплексе, объединяя их механизмом несостоятельности (банкротства) кредитных организаций.

Косвенно данный тезис подтверждается и законодательством о банкротстве. Согласно п. 1 ст. 189.7 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1] (далее — Закон о банкротстве) § 4.1 «Банкротство кредитных организаций» гл. IX данного Закона устанавливает порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, а также особенности оснований и порядка признания кредитных организаций несостоятельными (банкротами) и их ликвидации в порядке конкурсного производства[2].

Во-вторых, с учетом целей банковского регулирования необходимо соотнести их с целями института банкротства кредитных организаций. Общей целью банковского и антикризисного регулирования рынка банковских услуг, а также института банкротства кредитных организаций можно, безусловно, назвать обеспечение стабильности рынка банковских услуг и банковской системы в целом.

---

[1] СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[2] Данная позиция подтверждается сегодня и в судебной практике, которая рассматривает санацию (меры по предупреждению банкротства) как одну из предбанкротных процедур, являющихся неотъемлемой частью отношений, связанных с несостоятельностью кредитных организаций. См.: определение Верховного Суда РФ от 27 октября 2017 г. № 305-КГ17-9802 по делу № А40-17830/2017 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

Разграничение рассматриваемых средств регулирования по целям можно провести на уровне такой важнейшей цели, как *минимизация банковских рисков.* Действительно, данная цель может быть названа промежуточной для обеспечения стабильности рынка банковских услуг, поскольку при должной степени минимизации, адекватном управлении банковскими рисками в кредитных организациях достигается макроэкономическая цель устойчивости всей банковской системы и рынка. Поэтому можно говорить о цели минимизации банковских рисков на уровне каждой кредитной организации, на достижение которой направлены все средства пруденциального банковского регулирования. При недостаточном обеспечении минимизации банковских рисков, но когда ситуация все еще может быть исправлена, добровольно или принудительно вводятся меры по предупреждению банкротства кредитной организации, делается попытка восстановления ее финансового положения, снижения уровня банковских рисков до приемлемого уровня.

При невозможности достижения данной цели минимизации банковских рисков, в том числе потому, что нарушения носят необратимый характер (например, потеря деловой репутации банка вследствие вовлечения в деятельность по легализации преступных доходов), кредитная организация как не способная обеспечить свою устойчивость должна быть ликвидирована, как правило, в результате банкротства.

Получается, что *средства банковского регулирования, нацеленные на минимизацию банковских рисков, могут быть применены только до момента отзыва лицензии у банка и следующей после этого ликвидации, в том числе в результате банкротства.* Крайней мерой банковского надзора за несоблюдение требований в рамках банковского регулирования как раз и является *отзыв лицензии.* Поэтому связь между *институтом банкротства банков и банковским регулированием и надзором* на уровне именно регулирующего воздействия возможна только в рамках *предупреждения банкротства.*

В-третьих, *антикризисный потенциал института банкротства кредитных организаций* может проявлять себя *как в восстановительной, так и в ликвидационной части.* В восстановительной части (в рамках предупреждения банкротства) бóльшая часть таких антикризисных инструментов будет являться одновременно средствами банковского регулирования и надзора. В ликвидационной части (в рамках конкурсного производства) антикризисные инструменты, как правило, уже не будут связаны с банковским регулированием и надзором. Поскольку антикризисной составляющей самого института банкротства кредитных организаций является *максимально быстрое и по возможности не затрагивающее права других участников исключение* с рынка банковских услуг кредитных организаций, не соблюдающих требования банковского законодательства и (или) не способных обеспечить свою устойчивость, то к антикризисным банкротным инструментам можно будет отнести все средства, которые направлены на решение данной задачи во имя глобальной цели — обеспечения стабильности всего рынка банковских услуг.

Как отмечает С. А. Карелина, «институт несостоятельности (банкротства) в самом широком его понимании состоит во вмешательстве государства в отношения по уплате долгов для защиты прав и интересов должника и кредиторов. С этой точки зрения данный институт рассматривается как инструмент государства

в обеспечении стабильности, сбалансированности прав и законных интересов участников хозяйственного оборота, в конечном итоге — всего рынка в целом»[3].

Поэтому *институт банкротства банков (в ликвидационной части)* как антикризисный инструмент характеризуется, а скорее, должен характеризоваться *двумя основными чертами:*

1) сокращенными сроками процедуры банкротства кредитных организаций;
2) повышенными гарантиями защиты прав кредиторов и вкладчиков кредитных организаций.

Эти особенности коррелируют с основными целями института банкротства кредитных организаций и банковского регулирования как антикризисного средства — обеспечением стабильности рынка банковских услуг. Законодательные нормы являются подтверждением наличия указанных черт. Однако на практике, к сожалению, данные важнейшие черты института банкротства банков далеко не всегда реализуются, что из антикризисного инструмента делает его инструментом дестабилизации на рынке банковских услуг. Банкротство кредитных организаций затягивается во многих случаях на долгие годы, а требования кредиторов, в особенности третьей очереди, удовлетворяются немногим более чем на 10 %. В преодолении указанных проблем и кроется, на наш взгляд, полноценное раскрытие потенциала института банкротства кредитных организаций как средства антикризисного регулирования рынка банковских услуг.

Среди особенностей института банкротства кредитных организаций как средства антикризисного регулирования можно выделить несколько *особенностей*:

— отсутствие восстановительных процедур в процессе несостоятельности (банкротства) кредитных организаций;
— особые признаки и критерии несостоятельности (банкротства) кредитной организации;
— особая роль Банка России при инициировании дела о признании кредитной организации банкротом;
— участие в процедуре банкротства банка особого конкурсного управляющего — АСВ;
— особенности судебного разбирательства по делам о банкротстве кредитных организаций;
— специфические правовые средства формирования конкурсной массы;
— особенности оспаривания сделок кредитной организации — по существу самих сделок и по основаниям оспаривания;
— специфика привлечения руководителей кредитной организации к субсидиарной ответственности по ее долгам;
— особые права вкладчиков кредитной организации — физических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе по установлению их требований и отнесению их в первую очередь кредиторов;
— особенности очередности кредиторов и удовлетворения их требований.

Согласно ст. 189.8 Закона о банкротстве кредитная организация считается неспособной удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам,

---

[3] *Карелина С. А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М. : Волтерс Клувер, 2008.

о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязанности не исполнены ею в течение 14 дней после наступления даты их исполнения и (или) стоимость имущества (активов) кредитной организации недостаточна для исполнения ее обязательств перед кредиторами и (или) обязанности по уплате обязательных платежей.

Признаками банкротства кредитной организации (ч. 2 ст. 20 Закона о банках, ст. 189.64 Закона о банкротстве) являются:

— наличие определенных требований кредиторов к кредитной организации: по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, а также требования по исполнению обязанности по уплате обязательных платежей;
— наличие суммы данных требований к кредитной организации в совокупности не менее 1000-кратного минимального размера оплаты труда;
— неисполнение требований в течение 14 дней со дня наступления даты их исполнения либо
— стоимость имущества (активов) кредитной организации недостаточна для исполнения обязательств ею перед кредиторами и уплаты обязательных платежей.

При этом производство по делу о банкротстве может быть возбуждено только после отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций. Поэтому указанные выше признаки фактически одновременно являются основаниями для отзыва лицензии у кредитной организации (ч. 2 ст. 20 Закона о банках), когда Банк России не может, а обязан отозвать у банка соответствующую лицензию. В свою очередь, заявление о признании кредитной организации банкротом арбитражный суд примет только после того, как у кредитной организации Банк России отозвал лицензию.

Таким образом, для кредитных организаций установлены одновременно *два критерия несостоятельности (банкротства) — неплатежеспособность и неоплатность.*

Это обусловлено спецификой банковской деятельности. Дело в том, что банк может какое-то время, даже и достаточно продолжительное, исполнять свои денежные обязательства перед клиентами, не имея при этом достаточного уровня собственных средств (капитала). Поскольку особенность банковской деятельности состоит в размещении ранее привлеченных средств клиентов, то кредитная организация при правильном управлении риском потери ликвидности может балансировать на соотношении привлеченных и размещенных средств достаточно долго, не допуская длительных просрочек исполнения своих обязательств перед кредиторами. Клиенты банка, таким образом, могут даже не заметить, что у банка уже нет собственного капитала. Однако очевидно, что при такой ситуации банк будет нарушать требования банковского законодательства как минимум требования по уровню обязательных нормативов, связанных с достаточностью собственных средств, что повлечет за собой обязанность Банка России отозвать у такой кредитной организации лицензию на осуществление банковских операций. В этом случае недостаточность имущества для исполнения обязательств перед кредиторами вскроется уже после отзыва лицензии у кредитной органи-

зации и станет признаком банкротства, достаточным для принятия заявления о банкротстве арбитражным судом и возбуждения производства по делу о банкротстве кредитной организации.

Лицами, участвующими в деле о банкротстве кредитной организации, согласно ст. 189.59 Закона о банкротстве, являются общие (для банкротства юридических лиц) и особенные (для банкротства кредитных организаций) субъекты.

Общие для банкротства юридических лиц:

— должник;
— конкурсные кредиторы;
— уполномоченные органы.

Особенные для банкротства кредитных организаций/банков:

— конкурсный управляющий (аккредитованный при Банке России/АСВ);
— Банк России как орган банковского регулирования и надзора;
— контролирующие кредитную организацию лица (при привлечении их к субсидиарной ответственности и при признании сделок недействительными и (или) применении последствий недействительности сделок, совершенных кредитной организацией).

Только указанные лица и только при реализации ими своих ролей в процессе банкротства кредитных организаций *обладают правами лиц, участвующих в деле о банкротстве.*

Тем не менее к участию в арбитражном процессе по делу о банкротстве могут быть привлечены:

1) представитель работников кредитной организации;
2) представитель учредителей (участников) кредитной организации;
3) представитель собрания кредиторов или представитель комитета кредиторов кредитной организации;
4) иные лица в случаях, предусмотренных АПК РФ и Законом о банкротстве.

Согласно ст. 189.60 Закона о банкротстве они являются лицами, участвующими в арбитражном процессе по делу о банкротстве.

От лиц, участвующих в деле о банкротстве, и лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, необходимо отличать тех лиц, которые обладают правом на обращение в суд с заявлением о признании банка банкротом.

Правом на обращение в арбитражный суд с *заявлением о признании кредитной организации банкротом обладают:*

1) кредитная организация;
2) конкурсные кредиторы, включая физических лиц, имеющих право требования к кредитной организации по договору банковского вклада и(или) договору банковского счета;
3) уполномоченные органы;
4) Банк России, в том числе в случаях, если он не является кредитором кредитной организации;
5) работники, бывшие работники должника, имеющие требования о выплате выходных пособий и(или) об оплате труда.

Однако у всех этих субъектов разный объем прав как по моменту обращения с заявлением, так и по порядку подтверждения требований. Это связано с рассмотренным ранее ключевым для инициирования банкротства банков необходимым

этапом — отзывом лицензии на осуществление банковских операций. Соответственно, права потенциальных заявителей также различаются не только исходя из их правового положения, но в зависимости от того, на каком этапе возникает неисполнение их требований со стороны банка.

Условно с точки зрения объема правомочий можно выделить 4 группы заявителей:

— сама кредитная организация;
— Банк России;
— уполномоченный орган по обязательным платежам;
— конкурсные кредиторы, работники, бывший работник должника, уполномоченный орган по денежным обязательствам.

Выявление признаков банкротства у банка до момента отзыва у него лицензии

Заявители (кроме Банка России). При возникновении признаков банкротства до отзыва лицензии у потенциальных заявителей возникает право обратиться в Банк России с заявлением об отзыве лицензии у банка.

При рассмотрении соответствующих заявлений Банк России принимает во внимание требования, подтвержденные вступившим в законную силу решением или иным актом суда, арбитражного суда, определением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Право на соответствующее обращение в Банк России возникает у конкурсного кредитора, работника, бывшего работника должника или уполномоченного органа по денежным обязательствам по истечении 14 дней со дня направления (предъявления к исполнению) исполнительного документа в порядке, предусмотренном законодательством об исполнительном производстве.

Исключение составляют требования уполномоченного органа об отзыве у кредитной организации лицензии и только по требованиям об уплате обязательных платежей, а не по иным денежным обязательствам. Такие требования могут быть подтверждены решением налогового органа или решением таможенного органа о взыскании задолженности за счет имущества кредитной организации. Соответственно и 14-дневный срок начинает течь со дня принятия такого решения уполномоченного органа.

Только если Банк России в течение 2 месяцев со дня направления заявления не дает ответа кредитору или отказывает в отзыве лицензии у кредитной организации, данные лица вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании кредитной организации банкротом.

Банк России. Очевидно, что чаще всего признаки банкротства обнаруживаются самим регулятором. Это может произойти на различных этапах его надзорной деятельности: как по результатам дистанционного надзора, так и по результатам инспекционной проверки или в процессе функционирования в банке временной администрации.

Как было отмечено ранее, если ко дню отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций у нее имеются признаки банкрот-

ства, то Банк России в течение пяти дней со дня опубликования решения об отзыве у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций в «Вестнике Банка России» обязан обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании кредитной организации банкротом.

Выявление признаков банкротства у банка после отзыва у него лицензии

Заявители (кроме Банка России). После отзыва лицензии права заявителей на инициирование банкротства банка несколько меняются. Во-первых, из числа заявителей исключается, собственно, сама кредитная организация-должник.

Во-вторых, требования заявителей (кроме Банка России и уполномоченных органов по требованиям об уплате платежей) подтверждаются вступившим в законную силу решением или иным актом суда, арбитражного суда, определением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда независимо от направления (предъявления к исполнению) исполнительного документа в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве.

Банк России. Как известно, в день отзыва лицензии у банка в него назначается временная администрация. Поэтому, если признаки банкротства не были известны Банку России на момент отзыва лицензии, а выявляются работающей в нем временной администрацией, назначенной Банком России после отзыва у кредитной организации лицензии, то Банк России в течение пяти дней со дня получения ходатайства временной администрации по управлению кредитной организацией направляет в арбитражный суд заявление о признании кредитной организации банкротом.

При обращении Банка России в арбитражный суд с заявлением о признании кредитной организации банкротом принимаются во внимание представленные им доказательства наличия признаков несостоятельности (банкротства), предусмотренных Законом о банкротстве. Это могут быть любые доказательства, Банк России не связан обязанностью предъявлять требования, подтвержденные вступившим в законную силу решением или иным актом суда, арбитражного суда, определением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Собственно здесь его правомочия близки к уполномоченным органам, которые также не обязаны подтверждать свои требования судебными решениями.

Однако с учетом всех рассмотренных полномочий Банка России представляется, что при инициировании дела о банкротстве Банк России выступает в роли органа банковского регулирования и надзора, а не рядового участника дела о банкротстве.

Банк России участвует в ликвидационной части процедуры банкротства кредитных организаций в двух ипостасях — как конкурсный кредитор и как орган банковского регулирования и надзора.

Понимание, в какой именно роли выступает в конкретных правоотношениях Банк России, на наш взгляд, важно с позиции определения границ его компетен-

ции: является ли он рядовым участником процесса банкротства или обладает властными полномочиями, в том числе по применению мер воздействия за нарушение банковского законодательства и своих нормативных актов.

Закон о банкротстве предусматривает особенности содержания заявления о признании кредитной организации банкротом в зависимости от заявителей. Также установлены специальные требования по прилагаемым к заявлению документам.

Как было отмечено, отзыв лицензии у кредитной организации является необходимым этапом, предшествующим инициированию процедуры банкротства банка. Однако на практике возникает вопрос о судьбе данной процедуры, если приказ Банка России об отзыве лицензии оспорен.

Согласно ст. 189.67 Закона о банкротстве оспаривание в судебном порядке приказа Банка России об отзыве у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций не препятствует принятию арбитражным судом заявления о признании кредитной организации банкротом и не является основанием для приостановления производства по делу о признании ее банкротом[4].

Решение арбитражного суда о признании недействительным приказа Банка России об отзыве у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций, вступившее в законную силу после принятия арбитражным судом заявления о признании кредитной организации банкротом, не препятствует рассмотрению дела о ее банкротстве по существу.

Решение арбитражного суда о признании недействительным приказа Банка России об отзыве у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций, вступившее в законную силу после открытия конкурсного производства, не является основанием для отмены решения о признании кредитной организации банкротом и пересмотра указанного решения по вновь открывшимся обстоятельствам.

Как отмечает А. Я. Курбатов, «этот подход введен в целях охраны интересов кредиторов кредитной организации и недопущения затягивания процедуры несостоятельности (банкротства)»[5].

Основная специфика судебного разбирательства по делу о банкротстве кредитной организации предопределяется антикризисной составляющей самого института банкротства кредитных организаций — максимально быстрого и по возможности не затрагивающего права других участников исключения с рынка банковских услуг кредитных организаций, не соблюдающих требования банковского законодательства и (или) не способных обеспечить свою устойчивость.

Поэтому к антикризисным банкротным инструментам можно отнести все средства, которые направлены на решение данной задачи во имя глобальной цели — обеспечения стабильности всего рынка банковских услуг.

Во-первых, при разрешении вопроса о признании кредитной организации банкротом предварительное судебное заседание, предусмотренное АПК РФ, не

---

[4] См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.01.2016 № Ф07-1952/2015 по делу № А56-31742/2015 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

[5] *Курбатов А. Я.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // Хозяйство и право. 2006. № 4. Приложение.

проводится. Проверка обоснованности требований лица, обратившегося с заявлением о признании кредитной организации банкротом, проводится на том же заседании арбитражного суда, что и рассмотрение вопроса о признании кредитной организации банкротом.

Во-вторых, дела о банкротстве в части разрешения вопроса о признании кредитной организации банкротом рассматриваются арбитражным судом в срок, не превышающий двух месяцев со дня принятия арбитражным судом заявления о признании кредитной организации банкротом, включая срок подготовки дела к судебному разбирательству и принятия решения по указанному вопросу.

В-третьих, при рассмотрении дела о банкротстве кредитной организации разрешаются вопросы о:

1) признании кредитной организации банкротом;
2) привлечении к ответственности в установленных случаях лиц, контролирующих кредитную организацию;
3) признании сделок недействительными и (или) применении последствий недействительности сделок, совершенных кредитной организацией.

В решении о признании кредитной организации банкротом должно содержаться указание на:

1) открытие конкурсного производства;
2) признание требования заявителя обоснованным и включение этого требования в реестр требований кредиторов;
3) утверждение конкурсного управляющего;
4) размер ежемесячного вознаграждения, которое выплачивается конкурсному управляющему в период со дня открытия конкурсного производства до дня определения размера вознаграждения конкурсного управляющего собранием кредиторов или комитетом кредиторов. В решении о признании кредитной организации банкротом не указывается размер вознаграждения конкурсного управляющего, если полномочия конкурсного управляющего в силу закона выполняет АСВ.

Законом о банкротстве регулируются случаи принятия решения арбитражным судом об отказе в признании кредитной организации банкротом. Это отсутствие признаков банкротства и установление фиктивного банкротства кредитной организации, если заявление о признании кредитной организации банкротом подано самой кредитной организацией-должником. В этих случаях кредитная организация подлежит принудительной ликвидации в соответствии с Законом о банках.

Арбитражный суд также может прекратить производство по делу о банкротстве по следующим основаниям:

1) признания в ходе судебного разбирательства требований заявителя, послуживших основанием для возбуждения дела о банкротстве, необоснованными;
2) удовлетворения всех требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов;
3) завершения конкурсного производства.

По общему правилу прекращение арбитражным судом производства по делу о банкротстве также является основанием для подачи Банком России заявления о принудительной ликвидации кредитной организации в порядке, установленном Законом о банках.

Закон о банкротстве регулирует также порядок обжалования решений и определений арбитражного суда и порядок направления судом судебных актов по делу о банкротстве.

Таким образом, само по себе банкротство кредитных организаций в своей ликвидационной части уже не может минимизировать риски банкротящихся банков, но зато обеспечивает стабильность всего рынка банковских услуг в целом, исключая из него кредитные организации, которые так и не смогли надлежащим образом обеспечить приемлемый уровень своих рисков, а значит, является инструментом антикризисного регулирования постоянного действия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Карелина С. А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. — М. : Волтерс Клувер, 2008.
2. *Курбатов А. Я.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // Хозяйство и право. — 2006. — № 4. Приложение.

Шамиль Шагабанович УЗДЕНОВ,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой банковского права и финансово-правовых дисциплин юридического факультета им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
ushamil@mail.ru
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В 2017 г. были внесены изменения в российское банковское законодательство. Данные изменения формируют условия для осуществления концептуальных преобразований организационных основ банковской системы РФ. Автором делается попытка выявить тенденции развития банковской системы РФ и их последствия. Автор полагает, что расширение видового разнообразия кредитных организаций обусловлено тяжелыми условиями функционирования банковской системы РФ на современном этапе ее развития (формирование неблагоприятной общей финансовой ситуации, падение доходности банковской деятельности большинства кредитных организаций, сокращение количества кредитных организаций и т.д.). В этих условиях пропорциональное регулирование деятельности кредитных организаций стало одним из приоритетных направлений развития государственной политики в банковской сфере. Автор пришел к выводу, что при получении микрофинансовыми компаниями статуса кредитных организаций на практике будут выявлены проблемы, имеющие системный характер, что не позволит (или крайне затруднит) реализацию положений ст. 23.6 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». В силу этого можно предположить, что законодатель будет развивать рассматриваемую тенденцию по изменению организационно-правовых основ банковской системы посредством установления норм по непосредственной интеграции микрофинансовых компаний в банковскую систему Российской Федерации.*

Ключевые слова: *банковская система, микрофинансовая компания, тенденции.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.134-139

© Ш. Ш. Узденов, 2018

Sh. Sh. UZDENOV,
PhD, Associate Professor, Head of the Department of banking law and financial law disciplines of the Faculty of M. M. Speransky of National security law Institute of Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation
ushamil@mail.ru
Russia 119571, Russia, Moscow, prosp. Vernadsky, d. 82-1

TO A QUESTION OF THE PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF A BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *In 2017 changes have been made to the Russian banking legislation. These changes create conditions for implementation of conceptual transformations of organizational bases of a banking system of the Russian Federation. The author the attempt to reveal tendencies of development of a banking system of the Russian Federation and their consequence becomes. The author believes that expansion of a specific variety of credit institutions is caused by severe conditions of functioning of a banking system of the Russian Federation at the present stage of her development (formation of an adverse general financial situation, falling of profitability of bank activity of most credit institutions, reduction of number of credit institutions, etc.). In these conditions proportional regulation of activity of credit institutions became one of the priority directions of development of state policy in the bank sphere. The author has come to a conclusion that when obtaining the status of credit institutions by microfinance companies in practice the problems having system character that won't allow (or extremely will complicate) implementation of provisions of article 23.6 of the Federal law «About Banks and Bank Activity» will be revealed. Owing to this fact it is possible to assume that the legislator will develop the considered tendency on change of organizational and legal bases of a banking system by means of setting standards on direct integration of microfinance companies into a banking system of the Russian Federation.*
Keywords: *banking system, microfinance company, trends.*

На современном этапе развития организационно-правовых основ банковской системы Российской Федерации, как известно, наблюдается тенденция по формированию и реализации пропорционального регулирования деятельности кредитных организаций. Данная тенденция повлекла законодательное закрепление классификации кредитных организаций на два вида (банки и небанковские кредитные организации) с последующим их делением на подвиды. При этом Федеральным законом от 01.05.2017 № 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 92-ФЗ) внесены существенные изменения в банковское законодательство РФ: не просто устанавливается видовое разнообразие банков (банк с универсальной

лицензией и банк с базовой лицензией), но также изменяется концепция универсального банка, ставшей до этого уже традиционной для банковской системы РФ.

Расширение видового разнообразия кредитных организаций обусловлено тяжелыми условиями функционирования банковской системы РФ на современном этапе ее развития (формирование неблагоприятной общей финансовой ситуации, падение доходности банковской деятельности большинства кредитных организаций, сокращение количества кредитных организаций и т.д.). В этих условиях пропорциональное регулирование деятельности кредитных организаций стало одним из приоритетных направлений развития государственной политики в банковской сфере. Данная современная особенность регулирования деятельности кредитных организаций обусловлена следующим представлением. Установление отдельного вида (подвида) кредитной организации позволяет ограничить перечень допустимых для него сделок (главным образом банковских операций) и определить условия их совершения, а это предопределяет уровень и характер рисков финансовой устойчивости кредитной организации соответствующего вида (подвида), что, учитывая указанные в ст. 56 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» цели банковского регулирования и банковского надзора, позволяет предъявлять кредитным организациям различные комплексы пруденциальных требований в зависимости от их принадлежности к определенному виду (подвиду) кредитных организаций. В целом предполагается, что пропорциональное регулирование стимулирует расширение числа учредителей (участников) кредитных организаций или увеличение капитализации банковской системы, что необходимо для развития банковской системы РФ в тяжелых макроэкономических условиях.

Однако современное развитие банковского законодательства РФ характеризуется дополнительной тенденцией по изменению организационно-правовых основ банковской системы РФ. Ряд изменений, внесенных Законом № 92-ФЗ в банковское законодательство РФ, касаются вопроса включения юридических лиц, изначально имеющих статус микрофинансовых компаний, в банковскую систему РФ. В данном ряду изменений центральное место занимает введение в Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее — Закон № 395-1) ст. 23.6 «Получение микрофинансовой компанией статуса банка с базовой лицензией или небанковской кредитной организации». Как следует из названия и содержания данной статьи, впервые в истории банковского законодательства РФ предусмотрена правовая возможность получения статуса кредитной организации юридическими лицами, создание которых было оформлено посредством государственной регистрации налоговыми органами, а не Банком России.

В связи с этим сделаем краткий обзор правового положения микрофинансовых компаний. Микрофинансовые компании относятся к числу микрофинансовых организаций, соответственно, их правовое положение определяется главным образом нормами Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее — Закон № 151-ФЗ).

Согласно положениям ст. 12 Закона № 151-ФЗ микрофинансовые компании образуют вид микрофинансовых организаций, для которого установлены менее строгие ограничения деятельности по сравнению с другими микрофинансовыми организациями. Это касается более широкого круга физических лиц, чьи денежные

средства правомерно привлекать, а также более широкого круга финансовых инструментов, применяемых для этих целей (выпускать облигации, в том числе биржевые, облигации, предназначенные для квалифицированных инвесторов, и т.д.).

Помимо этого, положения данной статьи увеличивают максимальную сумму основного долга заемщика перед микрофинансовой компанией по договорам микрозайма до 1 млн руб. (для сравнения: у микрокредитных компаний эта сумма — 500 тыс. руб.). При этом примечательно, что микрофинансовым компаниям, как и кредитным организациям, запрещено осуществлять производственную и торговую деятельность. Микрофинансовые компании (в отличие от других микрофинансовых организаций), как и кредитные организации, могут делегировать кредитной организации проведение идентификации (упрощенной идентификации) клиента — физического лица. Аналогична ситуация с требованием об обязанности представления в Банк России аудиторских заключений о годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Кроме того, положения Федерального закона от 29.07.2017 № 281-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования обязательных требований к учредителям (участникам), органам управления и должностным лицам финансовых организаций» определяют для микрофинансовых компаний упомянутые в названии акта более жесткие требования, чем для иных микрофинансовых организаций. Кроме того, указанным Федеральным законом Закон № 151-ФЗ дополнен статьей 4.4 «Особенности совершения сделок с акциями (долями) микрофинансовой компании».

Согласно статье 14 Закона № 151-ФЗ Банк России устанавливает в отношении микрофинансовых компаний более широкий круг экономических нормативов по сравнению с иными микрофинансовыми организациями. Минимальный размер собственных средств (капитала) микрофинансовой компании в 70 млн руб. (ст. 5 Закона № 151-ФЗ) сопоставим с минимальным размером собственных средств (капитала) небанковской кредитной организации в 90 млн руб. (ст. 11.2 Закона № 395-1).

При этом следует отметить, что именно в отношении микрофинансовых компаний (в отличие от других микрофинансовых организаций) Банк России осуществляет постоянный надзор. Следует обратить внимание и на то, что микрофинансовую деятельность вправе осуществлять только после включения соответствующей микрофинансовой организации в Реестр микрофинансовых организаций, который ведет Банк России наряду с Книгой государственной регистрации кредитных организаций.

Изложенное в целом указывает на некоторое сходство законодательного подхода к государственному регулированию и надзору над микрофинансовыми компаниями и кредитными организациями.

Для сравнения правового положения микрофинансовых компаний и кредитных организаций имеет большое значение сопоставление микрофинансирования, осуществляемого микрофинансовыми компаниями, и кредитования, осуществляемого кредитными организациями[1].

[1] См. об этом: *Лаутс Е. Б.* «Микрофинансовые организации vs небанковские депозитно-кредитные организации как субъекты финансового рынка и рынка банковских услуг: правовые средства развития» // Банковское право. 2016. № 5.

Согласно ст. 2 Закона № 151-ФЗ микрофинансирование представляет собой предоставление специального микрозайма. Статьей 2 Федерального закона от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено, что если займодавцем является юридическое лицо, то договор займа может быть консенсуальным. Вместе с тем сохранена редакция п. 2 ст. 819 Гражданского кодекса РФ о применимости к отношениям по кредитному договору правил, предусмотренных параграфом «Заем».

В связи с этим следует обратить внимание на формулировки основных понятий, применяемых в Федеральном законе от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»: «потребительский кредит (заем)» и «профессиональная деятельность по предоставлению потребительских займов». Данным Законом регулируются соответствующие отношения, в которых в качестве «кредитора» может выступать не только кредитная организация, но и микрофинансовая компания. Изложенное позволяет утверждать (с определенными оговорками) о содержательной близости таких экономико-правовых явлений, как банковское кредитование и микрофинансирование. Вследствие этого можно отметить, что если ранее данные явления (как и в целом банковская и микрофинансовая деятельность) были сходны только по экономическим характеристикам, то теперь законодатель постепенно определяет близость их и по юридическим аспектам. Причинами этого являются объективная экономическая потребность и проявление общемировых тенденций по комплексному финансовому обслуживанию клиентов. Обусловленность политико-правовой надстройки соответствующим экономическим базисом, как известно, подробно описал еще в XIX в. Карл Маркс. Финансовые организации не просто расширяют спектр видов оказываемых финансовых услуг, но и оказывают услуги, в которых наличествуют признаки различных видов финансовых услуг.

Можно с определенной долей вероятности предположить, что при получении микрофинансовыми компаниями статуса кредитных организаций на практике будут выявлены проблемы, имеющие системный характер, что не позволит (или крайне затруднит) реализацию положений ст. 23.6 Закона № 395-1. В силу этого можно предположить, что законодатель будет развивать рассматриваемую тенденцию по изменению организационно-правовых основ банковской системы посредством установления норм по непосредственной интеграции микрофинансовых компаний в банковскую систему РФ.

В связи с этим законодатель, очевидно, будет вынужден усилить требования к микрофинансовым компаниям, используя опыт банковского регулирования и банковского надзора, например, в части пруденциальных требований. В связи с этим примечательна следующая особенность микрофинансовых компаний: в отличие от небанковских кредитных организаций, они оказывают все свои финансовые услуги не только юридическим, но и физическим лицам. Причем их основной круг клиентов — это именно физические лица. При этом физические лица предоставляют микрофинансовой компании денежные средства по договору займа и на сумму 1,5 млн руб. и более. Вследствие этого данные привлеченные средства физических лиц не подлежат страхованию в соответствии с Федеральным законом от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» не только по виду лица, привлекающего денежные сред-

ства физического лица, и вида денежного обязательства, но и по сумме денежного обязательства, которое превышает максимальную сумму страхового возмещения. Из этого мы делаем вывод о маловероятности включения данных денежных обязательств в систему страхования вкладов даже при возможной интеграции микрофинансовых компаний в банковскую систему, так как система страхования вкладов создана, в частности, для защиты лиц, считающихся законодателем слабозащищенными. Между тем физические лица, чьи средства привлекают микрофинансовые компании, учитывая условия соответствующих сделок, очевидно, таковыми не являются. Поэтому их можно, условно говоря, признать «инвесторами».

Таким образом, можно отметить тенденцию по увеличению видового разнообразия элементов банковской системы РФ с перспективой включения в их состав новых видов финансовых некредитных организаций[2].

Данная тенденция соответствует опыту формирования банковских систем в экономически развитых странах (например, опыту Франции и Германии), в которых организации, оказывающие сходные по некоторым фактическим признакам с банковскими операциями финансовые услуги, рассматриваются в качестве элементов банковских систем.

Можно подытожить, что в середине 2017 г. приняты федеральные законы, формирующие условия для осуществления концептуальных преобразований организационных основ банковской системы Российской Федерации[3].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Белицкая А. В., Лаутс Е. Б.* Инвестирование и кредитование: сравнительно-правовой анализ // Законодательство. — 2012. — № 4.
2. *Лаутс Е. Б.* Микрофинансовые организации vs небанковские депозитно-кредитные организации как субъекты финансового рынка и рынка банковских услуг: правовые средства развития // Банковское право. — 2016. — № 5.
3. *Семилютина Н. Г.* Инвестиции и рынок финансовых услуг: проблемы законодательного регулирования // Журнал российского права. — 2003. — № 2.
4. *Тарасенко О. А.* Включение субъектов предпринимательской деятельности в банковскую систему России // Бизнес и право в России и за рубежом. — 2012. — № 2.

[2] Данная тенденция позволяет с большим вниманием рассматривать соответствующую ранее изложенную позицию отечественных ученых. См., например: *Тарасенко О. А.* Включение субъектов предпринимательской деятельности в банковскую систему России // Бизнес и право в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 56—58.

[3] Данное обстоятельство в дальнейшем с большой вероятностью повлечет возобновление рассмотрения в специальной литературе вопроса о соотношении банковской деятельности (или отдельных банковских операций) с иными видами деятельности финансовых организаций. См., например: *Семилютина Н. Г.* Инвестиции и рынок финансовых услуг: проблемы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2003. № 2 ; *Белицкая А. В.*, *Лаутс Е. Б.* Инвестирование и кредитование: сравнительно-правовой анализ // Законодательство. 2012. № 4. С. 43—53.

ОСТОРОЖНО — ОВЕРДРАФТ!

Татьяна Александровна АНДРОНОВА,
кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
andronova010581@mail.ru

Ольга Александровна ТАРАСЕНКО,
доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
olga201175@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© Т. А. Андронова, О. А. Тарасенко, 2018

Аннотация. *В фокусе настоящей статьи находятся интересные как с теоретической, так и с практической точки зрения вопросы о трактовке понятия «овердрафт» и правомерности предоставления кредитной организацией овердрафта клиенту для погашения обязательств по исполнительным документам.*
Указанная проблема возникла потому, что действующее законодательство не содержит прямого запрета на исполнение требования по исполнительному листу, в том числе за счет кредитных средств должника. Авторы рекомендуют предусматривать в соглашении о предоставлении овердрафта те платежи, которые могут осуществляться за счет предоставляемого овердрафта, а также запреты на овердрафты по расчетным документам третьих лиц и т.п. Именно по этому пути идет, в частности, европейский законодатель, когда в п. 5 ст. 10 Директивы № 2008/48/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О договорах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС» (принята в г. Страсбурге 23 апреля 2008 г.) закрепляет, что в случае заключения кредитного договора в форме овердрафта в нем (среди иных условий) должна быть установлена «информация о платежах, осуществляемых с момента заключения кредитного договора и, если это применимо, условия, при которых эти платежи могут быть осуществлены».
Ключевые слова: *банк, овердрафт, кредит, кредитный договор, исполнительный документ.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.140-146

T. A. ANDRONOVA,
PhD, Associate Professor of the Department of business and corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
andronova010581@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

O. A. TARASENKO,
Doctor of Law Sciences, Professor of the Department of business and corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
olga201175@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

CAUTION — OVERDRAFT!

Abstract. *In focus of the present article there are interesting both with theoretical, and from the practical point of view questions of interpretation of the concept «overdraft» and legitimacy of granting an overdraft by credit institution to the client for repayment of obligations under executive documents.*

The specified problem has arisen because the current legislation doesn't contain the direct ban on execution of the requirement for the court order, including at the expense of proceeds of credit of the debtor. Authors recommend to provide in the agreement on granting an overdraft those payments which can be made at the expense of the provided overdraft and also the bans on overdrafts according to settlement documents of the third parties, etc. On this way there is, in particular, the European legislator when in item 5. Art. 10 of the Directive No. 2008/48/EU of the European Parliament and the Council of the European Union «About contracts of consumer crediting and cancellation of the Directive of the EU Council 87/102/EEC» (it is accepted in Strasbourg on April 23, 2008) fixes that in a case in case of the conclusion of the credit agreement in the form of an overdraft in him (among other conditions) information on the payments made from the moment of the conclusion of the credit agreement has to be established «and if it is applicable, conditions under which these payments can be made».
Keywords: *bank, overdraft, credit, loan agreement, executive document.*

Регулирование овердрафта[1] в российском законодательстве лапидарно и отрывочно.

Основные правила устанавливаются следующими нормами:

— в случаях, когда в соответствии с договором банковского счета банк осуществляет платежи со счета, несмотря на отсутствие денежных средств (кредитование счета), банк считается предоставившим клиенту кредит на соответствующую сумму со дня осуществления такого платежа. При этом права и обязанности сторон, связанные с кредитованием счета, определяются правилами о займе и кредите, если договором банковского счета не предусмотрено иное (ст. 850 ГК РФ);

— если в установленных законодательством РФ случаях кредитная организация принимает распоряжения от клиентов для списания средств с их банковских счетов сверх имеющихся на них средств, то распоряжения оплачиваются с этих счетов. Поскольку в этом случае возникает операция кредитования счета клиента (далее — овердрафт), образовавшееся дебетовое сальдо в конце дня перечисляется с банковских счетов на счета по учету кредитов, предоставленных клиентам. Такие операции проводятся, если это предусматривается договором банковского счета (п. 14 Положения о Плане счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядке его применения, утвержденного Банком России 27.02.2017 № 579-П[2]);

— в случае отсутствия или недостаточности денежных средств на банковском счете при совершении клиентом операций с использованием расчетной (дебетовой) карты клиенту в пределах лимита, предусмотренного в договоре банковского счета, может быть предоставлен овердрафт для осуществления данной расчетной операции при наличии соответствующего условия в дого-

[1] От англ. *overdraft* — перерасход, превышение.

[2] Вестник Банка России. 2017. № 36—37.

воре банковского счета (п. 2.7 Положения об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием, утвержденного Банком России 24.12.2004 № 266-П[3]).

Исходя из процитированных норм, можно сделать вывод, что овердрафт представляет собой кредитование банком счета клиента. Однако существующие разночтения заставляют нас задуматься о следующем: на основании чьих распоряжений о списании денежных средств (клиента или третьих лиц) кредитная организация вправе предоставить овердрафт?

Буквальное толкование законодательства приводит нас к следующим выводам: в обоих актах Банка России речь идет лишь о распоряжениях самого клиента — владельца счета или держателя банковской карты, а норма ГК РФ оставляет этот вопрос открытым, вместе с тем отсылая нас либо к правилам о займе и кредите, либо к договору банковского счета, если им установлено иное. Таким образом, обнаруживается коллизия норм.

В учебной литературе мы можем прочитать: «кредитование счета заемщика (овердрафт) — зачисление кредитором на банковский счет заемщика денежных средств в случаях, когда собственных средств заемщика недостаточно для оплаты выставленных к счету расчетных документов (платежных и инкассовых поручений, платежных требований и т.д.)»[4]. Предлагается также такое определение: «1. Овердрафт представляет собой договор о предоставлении кредита для оплаты расчетных документов при недостаточности денежных средств на банковском счете. 2. Представление кредита осуществляется по мере надобности. Основанием для представления кредита в форме овердрафта является факт недостаточности денежных средств на банковском счете. Таким образом, кредит предоставляется автоматически, а не по заявлению клиента. 3. Оплата расчетных документов осуществляется в пределах оговоренной в договоре суммы (лимит задолженности… обязательство возникает с целью покрытия возможных кассовых разрывов в оборотах денежных средств с небольшим сроком оборачиваемости…»[5].

Представляется, что оба процитированных определения раскрывают понятие «овердрафт» в широком смысле, что, однако, не исключает возможности его сужения.

В связи с этим интересно обратиться к банковской практике, поскольку основные условия овердрафта (лимит средств, срок предоставления, процентная ставка и др.) регулируются договором заемщика с банком. Проведенный анализ показал, что в ней обнаруживаются два подхода, которые можно представить следующими выдержками:

— банк «ВТБ» осуществляет кредитование в форме овердрафта по расчетному счету в рублях РФ в случаях, когда *у клиента есть потребность* в денежных средствах при отсутствии их на расчетном (текущем) счете[6];

---

[3] Вестник Банка России. 2005. № 17.

[4] Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2016. Т. 2.

[5] Проблемы правового регулирования банковского кредита : учебник для студентов магистратуры, специалитета и аспирантуры юридических вузов / отв. ред. Л. Г. Ефимова. М. : Проспект, 2017. С. 84, 97.

[6] URL: https://www.vtb.ru/business/lending/lending_overdraft/ (дата обращения: 09.01.2017).

— в рамках овердрафта «РосЕвроБанк» производит оплату *платежных поручений заемщика и (или) иных требований,* предъявленных к заемщику за счет имеющихся в его распоряжении ресурсов[7];
— банк обязуется предоставить заемщику кредит для оплаты платежных документов при недостаточности или отсутствии на его счете денежных средств (овердрафт)[8].

Итак, кредитные организации либо обтекаемо описывают необходимость предоставления овердрафта (как потребность клиента в денежных средствах, оплату платежных документов), либо конкретно указывают, что посредством овердрафта возможно исполнение как распоряжений заемщика, так и иных требований. В принципе, учитывая конструкции процитированных выше правовых норм, оба подхода допустимы и до поры не вызывали практических проблем. «Гром грянул» недавно, когда отдельные банки посредством овердрафта погасили требования по исполнительным документам.

Например, в рамках одного из дел судом установлен факт перечисления банком денежных средств в пользу общества на основании поступившего в банк исполнительного документа со счета должника, на котором собственные денежные средства отсутствовали. Требования исполнительного документа исполнены банком за счет средств овердрафта в соответствии с условием договора о кредитовании счета. Отказывая клиенту в иске о признании недействительными соответствующих банковских операций, суд не принял ссылку на невозможность обращения взыскания на спорные денежные средства, находящиеся на счете, открытом с условием предоставления кредита в режиме «овердрафт», поскольку *действующее законодательство не содержит прямого запрета на исполнение требования по исполнительному листу, в том числе за счет кредитных средств должника*[9].

В другом деле суд кассационной инстанции указал, что банк не должен был получать согласия заемщика на списание денежных средств в счет погашения его обязательств по исполнительному листу при отсутствии или недостаточности денежных средств на счете в силу п. 2 ст. 854 ГК РФ, а также ст. 8 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[10].

Анализ данных судебных дел, привел некоторых экспертов к выводу, что «предъявление в банк взыскателем или судебным приставом-исполнителем исполнительного документа… является достаточным основанием для обращения взыскания на кредитные средства должника в пределах доступного лимита овердрафта по счету»[11].

Полагаем, что этот вывод не является универсальным правилом и нуждается в корректировке в силу нижеследующего.

---

[7] URL: https://www.rosevrobank.ru/corps/overdraft/ (дата обращения: 09.01.2017).

[8] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.04.2017 № Ф06-19088/2017 по делу № А65-10281/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

[9] См.: определение Верховного Суда РФ от 06.11.2015 № 305-ЭС15-10903 по делу № А40-61441/2014 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

[10] См., Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.04.2017 № Ф05-1577/2017 по делу № А40-5669/16.

[11] *Шайхутдинов Е. М.* Вопрос-ответ // СПС «КонсультантПлюс».

Прежде всего сто́ит обратить пристальное внимание на то, что действующее законодательство допускает либо *исполнение лишь распоряжений клиента по овердрафту,* либо отсылает нас *к общим правилам о кредите и займе, либо к договору банковского счета, если им установлено иное.* Исходя из п. 1 ст. 819 ГК РФ кредитная организация обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и *на условиях*, предусмотренных договором. Поскольку овердрафт всегда оформляется письменным соглашением (в виде отдельного документа, согласования соответствующих условий договора банковского счета, подачи заявления и т.п.), постольку определяющим фактом будут условия соглашения о предоставлении овердрафта, заключенного между банком и клиентом. Таким образом, допустимо заключить, что в тех случаях, когда условиями соглашения о предоставлении овердрафта предусматривается исполнение распоряжений как самого клиента, так и третьих лиц, банк будет обязан исполнять любые требования к счету клиентов. Кроме того, возможность банка действовать подобным образом возникает и при использовании расплывчатых формулировок, таких как «предоставление овердрафта в случаях, когда у клиента есть потребность в денежных средствах» и т.п.

Следует добавить, что в рассмотренных выше судебных актах судами исследовалось содержание подобных соглашений. Так, в первом случае суд обратил внимание, что «по условиям заключенного сторонами соглашения условием кредитования счета общества… являлось поступление надлежащим образом оформленных расчетных документов и отсутствие на расчетном счете клиента достаточных для их исполнения денежных средств». В другом случае соглашение о кредитовании в форме овердрафта позволяло заключить, что понятие «расчетный документ по обязательствам клиента» включает в себя понятие «расчетный документ взыскателя», касающееся исполнения обязательств клиента по исполнительному листу[12].

Таким образом, в обоих рассмотренных случаях заключенные клиентами с кредитными организациями соглашения о предоставлении овердрафта подразумевали полномочия банка на исполнение любых представленных к счету требований посредством кредитования расчетного счета.

В то же время условия о предоставлении овердрафта могут быть сформулированы и иным образом, позволяющим отсечь обязательность кредитования счета при поступлении отдельных требований. Например, можно указать, что «условием кредитования счета является предоставление клиентом платежного поручения при отсутствии либо недостаточности денежных средств на счете», либо закрепить формулировку, согласно которой в случае поступления требований третьих лиц банк осуществляет кредитование счета при условии получения от клиента согласия на предоставление овердрафта.

Действительно, согласно ст. 422 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами. При этом на основании ст. 814 ГК РФ кредитная организация и заемщик вправе указывать как условие

[12] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 23.05.2016 по делу № А40-5669/16-156-47 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

предоставления денежных средств их использование на определенные цели. Исходя из этого удачным видится закрепление условия договора об овердрафте следующим образом: «Банк осуществляет кредитование счета клиента в порядке овердрафта для оплаты за счет своих средств расчетных документов клиента (на финансирование текущей деятельности)».

Поскольку действующее законодательство *не закрепляет за кредитными организациями обязанности по предоставлению каких-либо кредитов*, постольку в этом случае при поступлении исполнительных документов банк будет руководствоваться нормами п. 8, 9 ст. 70 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[13]:

— не исполнить исполнительный документ или постановление судебного пристава-исполнителя полностью банк или иная кредитная организация может в случае *отсутствия на счетах должника денежных средств*;
— если *имеющихся на счетах должника денежных средств недостаточно* для исполнения содержащихся в исполнительном документе или постановлении судебного пристава-исполнителя требований, то банк или иная кредитная организация перечисляет имеющиеся средства и продолжает дальнейшее исполнение по мере поступления денежных средств на счет или счета должника до исполнения содержащихся в исполнительном документе или постановлении судебного пристава-исполнителя требований в полном объеме.

Таким образом, в обозначенном судебной практикой векторе исключительное значение приобретает содержание соглашения о предоставлении овердрафта. В нем ясно должны быть определены платежи, осуществляемые по заключенному кредитному договору, а возможно, и дополнительно условия, при которых указанные платежи могут быть совершены, запреты на овердрафты по расчетным документам третьих лиц и т.п. Именно по этому пути идет, в частности, европейский законодатель, когда в п. 5. ст. 10 Директивы № 2008/48/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О договорах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС» (принята в г. Страсбурге 23.04.2008) закрепляет, что в случае заключения кредитного договора в форме овердрафта в нем (среди иных условий) должна быть установлена «информация о платежах, осуществляемых с момента заключения кредитного договора и, если это применимо, условия, при которых эти платежи могут быть осуществлены»[14].

В заключение еще раз отметим, что действующее законодательство и банковская практика допускают определение овердрафта как в широком, так и узком смыслах этого слова, исходя из содержания кредитного договора в форме овердрафта. Определяющими обстоятельствами служат: круг субъектов, по требованиям которых предоставляется овердрафт, цели предоставления овердрафта, вид расчетного документа, принимаемого на исполнение банком посредством кредитования счета клиента.

[13] СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
[14] СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. — М. : Статут, 2016. — Т. 2.
2. Проблемы правового регулирования банковского кредита : учебник для студентов магистратуры, специалитета и аспирантуры юридических вузов / отв. ред. Л. Г. Ефимова. — М. : Проспект, 2017.
3. *Шайхутдинов Е. М.* Вопрос-ответ // СПС «КонсультантПлюс».

ВЗАИМНОЕ (P2P) КРЕДИТОВАНИЕ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ[1]

Олеся Павловна КАЗАЧЕНОК,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета
o.kazachenok@yandex.ru
400005, Россия, г. Волгоград, ул. Чуйкова, д. 5

Аннотация. *В статье рассмотрено взаимное (P2P) кредитование как одна из наиболее быстро развивающихся форм инвестирования без участия кредитных организаций, находящаяся в настоящее время в правовом вакууме из-за отсутствия специальных нормативных правовых актов, устанавливающих правовой статус, права, обязанности, ответственность и гарантии участников взаимного финансирования. Наряду с такими очевидными преимуществами P2P-кредитования, как формирование альтернативного рынка инвестирования, доступность, простота оформления, использование современных технологий, отмечены недостатки, заключающиеся в отсутствии профессиональных стандартов для P2P-площадок, контроля со стороны государства, наличии риска формирования финансовых пирамид. Повышению рисков кредиторов способствуют отсутствие объективных критериев оценки и сравнения платформ взаимного кредитования, невозможность проведения надлежащего скоринга заемщиков с использованием бюро кредитных историй и потенциальная возможность кибермошенничества, так как вся технология сосредоточена в сети Интернет, а минимальные требования по обеспечению безопасности отсутствуют. Отмечена очевидная необходимость принятия специального закона, учитывающего сложившуюся специфику рынка P2P-кредитования.*

Ключевые слова: *P2P-кредитование, взаимное кредитование, финансовый рынок, пиринговое кредитование, альтернативное финансирование, заемщик, кредитор.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.147-155

O. P. KAZACHENOK,
PhD, Associate Professor the Department of Civil and International Private Law of Volgograd State University
o.kazachenok@yandex.ru
400005, Russia, Volgograd, ul. Chuikova, d. 5

MUTUAL (P2P) LENDING AS A MODERN TOOL FOR ALTERNATIVE FINANCING

Abstract. *The article deals with P2P lending as one of the fastest growing forms of investment without the participation of credit institutions, which is currently in the legal vacuum due to the lack of special legal acts establishing the legal status, rights, obligations, responsibilities and guarantees of*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Приоритеты правового развития цифровых технологий внешнеторговой деятельности в условиях международной экономической интеграции» № 18-29-16132\18.

© О. П. Казаченок, 2018

the participants of mutual financing. Along with such obvious advantages of P2P lending as the forming of an alternative investment market, accessibility, easy registration, and the use of modern technologies, there are shortcomings in the absence of the professional standards of P2P websites, control and supervision by the state, the risk of forming the «financial pyramids». The increased risks of the lenders are due to the lack of the objective criteria for the evaluation and comparison of the platforms for mutual lending and the impossibility of proper scoring of the borrowers using the credit reference bureau and the potential of cybercrime, because all the technology is concentrated on the Internet, and the minimum requirements for security do not exist. The need to adopt the special law that takes into account the current specifics of the P2P lending market is obvious.
Keywords: *P2P lending, mutual lending, financial market, alternative financing, borrower, lender.*

Определяя Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016—2018 годов, Центральный банк РФ отметил особую важность возможности предоставления финансовых услуг посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, мобильных технологий и иных современных технологий во всех населенных пунктах Российской Федерации[2].

Одним из наиболее быстро развивающихся в Интернете инструментов альтернативного финансирования стали P2P-площадки, предлагающие кредитование «peer-to-peer» или «person-to-person», т.е. «от человека человеку»[3] или «взаимное кредитование», где пользователи — физические лица получают возможность размещать свои заявки на выдачу/получение займов под процент, что позволяет привлекать средства инвесторов и вовлекать в инвестиционно-кредитный процесс неограниченное число физических лиц.

P2P-платформа не принимает на себя кредитных рисков и обязательств — все займы выдаются за счет денежных средств кредиторов. Сервис проводит скоринг заемщиков, в ряде случаев оказывает услуги по сбору просроченной задолженности и удобной оплате по выданным кредитам.

Большинство выдаваемых в рамках подобных сервисов ссуд являются не обеспеченными частными займами, выдаваемыми и получаемыми физическими лицами, но в отдельных случаях возможно участие в данном процессе и компаний[4].

Организатором площадки P2P-кредитования выступает юридическое лицо, которое заключает с пользователями агентский договор. Никаких специальных требований к подобным юридическим лицам действующее законодательство не содержит, как и определения правового статуса данных субъектов.

---

[2] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016—2018 годов // Вестник Банка России. 2016. № 57.

[3] *Кострубина С. А.* Аббревиатуры английских и русских экономических терминов: контрастивный аспект // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 418.

[4] *Бычков А.* P2P-кредитование // ЭЖ-юрист. 2016. № 28. С. 12.

Рынок P2P-кредитования в сети Интернет, появившийся чуть более 10 лет назад, растет стремительными темпами. Созданная в 2005 г. компания «Zopa» (Великобритания), впервые предложившая пользователям данный продукт, превратилась в крупнейший в мире онлайн-сервис взаимного кредитования.

По прогнозам «Foundation Capital», к 2025 г. рынок P2P-кредитования в мире составит 1 трлн долл. США[5]. Некоторыми учеными-экономистами P2P-кредитование[6] рассматривается как часть микрофинансовой деятельности, что не соответствует действительности с точки зрения правового регулирования.

Микрофинансовая деятельность регулируется Федеральным законом от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», осуществляется специальными субъектами — микрофинансовыми или микрокредитными компаниями и подпадает под регулирование Центрального банка РФ, в то время как деятельность платформ P2P-кредитования пока находится в правовом вакууме и, соответственно, не содержит каких-либо специальных требований к субъектам и ограничений по предмету деятельности.

Что касается взаимоотношений с финансовым мегарегулятором, то деятельность P2P-площадок не входит в сферу его контроля и надзора. Тем не менее объемы и темпы роста рынка взаимного кредитования привлекают пристальное внимание Банка России, который начал с добровольного сбора информации от организаторов P2P-кредитования в форме анкетирования в 2015 г.

В настоящее время Банком России отобраны 20 организаций взаимного кредитования, которые на добровольной основе осуществляют сотрудничество с мегарегулятором по принципу «регулятивной песочницы». Этот метод предполагает не контроль и надзор, а наблюдение, взаимное сотрудничество и выработку предложений по продуманному конструированию правового регулирования новой сферы деятельности и разработке специального законопроекта, который должен учитывать специфику уже сложившихся отношений и их существенные отличия от классического банковского кредитования.

Некоторые площадки («Город денег», «Loanberry» и др.) предлагают услугу гарантии по займам, в погашении которых у кредитора есть определенные сомнения. Это оформляется дополнительным соглашением к агентскому договору между организатором кредитования и кредитором, по которому площадка в случае просрочки платежа должником на срок от 5 до 60 дней обязуется в будущем заключить с кредитором договор уступки прав требований по просроченному займу.

Юридическая квалификация данного соглашения до конца не определена. С учетом того, что площадка берет на себя обязательство заключить определенный договор в будущем, данное условие относится к предварительному договору, хотя конструкция поручительства здесь более применима, так как фактически соответствует существу рассматриваемых обязательств.

Проанализируем ситуацию, когда гарантия возврата платежа оформлена в форме предварительного договора, по которому одна из сторон, взявшая на себя обязательство выкупить просроченный долг у заемщика, уклоняется от исполнения своих обязательств. Кредитору — физическому лицу, согласно ч. 5

---

[5] URL: http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/351099-bitva-za-procent-kak-izmenitsya-rynok-p2p-kreditovaniya-v-rossii.

[6] *Конягина М. Н., Кириллова А. В.* Новые направления развития микрофинансирования в России // Проблемы современной экономики. 2016. № 3 (59).

ст. 429 ГК РФ, придется сначала идти в суд с иском о понуждении к заключению договора уступки права требования, а после этого обращаться в суд с другим иском о взыскании с организатора кредитования платежа, не исполненного уже по заключенному договору уступки права требования.

При той же ситуации, когда обязательства сторон оформлены поручительством, кредитор имеет право сразу предъявить к организатору кредитования как поручителю по кредиту требование о взыскании просроченной задолженности, после выплаты которой платформа P2P-кредитования приобретает право требования к должнику в порядке регресса.

В качестве альтернативы возможно также применение института независимой гарантии.

На отношения кредитора и заемщика не распространяется действие Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», так как последний не регулирует отношения между физическими лицами. Однако в п. 5 ч. 1 ст. 3 данного Закона содержится понятие профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов. Под ней понимается деятельность по предоставлению потребительских займов в денежной форме, осуществляемая за счет систематически привлекаемых на возвратной и платной основе денежных средств и (или) осуществляемая не менее четырех раз в течение одного года.

В совокупности с административной ответственностью, предусмотренной ст. 14.56 КоАП РФ, норма п. 5 ч. 1 ст. 3 Закона № 353-ФЗ является правовым ограничением рассматриваемой деятельности и свидетельствует о необходимости принятия специального закона, содержащего необходимую оговорку, позволяющую физическим лицам осуществлять систематическое кредитование в рамках специализированных интернет-платформ.

Предметом договора займа, заключаемого при помощи P2P-площадок, чаще всего выступают безналичные денежные средства, перечисляемые на пластиковую карту заемщика[7]. Данный факт снимает вопрос о безденежности договора займа (п. 1 ст. 812 ГК РФ), который нередко возникает при разрешении споров о взыскании задолженности по выданным займам, процентам за пользование деньгами, неустойки и положительно рассматривается судебной практикой.

Так, апелляционным определением от 26.03.2015 № 33-6772 Московский городской суд признал договор займа заключенным и взыскал сумму займа с ответчика. Суд указал, что между истцом и ответчиком с использованием системы «Без банка» (сайт www.bezbanka.ru) путем акцепта оферты был заключен договор займа, в соответствии с условиями которого истец передает ответчику денежные средства сроком на 3 месяца, а ответчик обязуется возвратить денежные средства в соответствии с графиком платежей. Обязательства по предоставлению денежных средств были выполнены через ОАО «Сбербанк России» по операции Сбербанк-онлайн перечислением денежных средств на банковскую карту.

Ряд платформ предлагает также займы электронных денежных средств или титульных знаков самой платформы (например, Webmoney[8]), которые не могут являться предметом подобных договоров.

---

[7] *Ефимова Л. Г.* Договор о выдаче и использовании банковской карты и договор эквайринга в системе договоров об организации безналичных расчетов. М. : Проспект, 2017. 232 с.

[8] Компания «Webmoney» указывает, что ее система не является эмитентом электронных денежных средств, а осуществляет выпуск так называемых титульных знаков. Как предусмо-

По договору займа займодавец передает заемщику в собственность деньги или родовые вещи, а заемщик обязуется вернуть такое же количество денег или вещей того же рода и качества (ст. 807 ГК РФ).

Как следует из законодательного определения договора займа, его предметом могут быть деньги или заменимые потребляемые родовые вещи.

Ключевым термином для определения предмета договора займа становится категория вещи, законодательно установленным и общепризнанным признаком которой является ее материальность[9]. Безналичные и электронные денежные средства по своей правовой природе являются правами (требованиями). Они не являются вещами, поэтому возникает закономерный вопрос о возможности их предоставления в заем.

М. И. Брагинский утверждал, что к понятию договора займа не следует подходить формально, с учетом того, что законодатель, употребляя во множестве норм ГК термины «деньги», «денежные средства» для обозначения соответствующего объекта гражданских прав, имеет в виду как наличные, так и безналичные денежные средства, и тем самым сознательно допускает применение норм о праве собственности и иных вещных правах не только к наличным, но и к безналичным денежным средствам (правам требования)[10].

Несмотря на то, что безналичные денежные средства являются обязательственными правами (требованиями), они могут также являться законным средством платежа. Такой вывод позволяет поддержать точку зрения М. И. Брагинского. Однако электронные денежные средства таким качеством не обладают[11].

В настоящее время Российская Федерация признает только фиатные денежные средства, которые должны быть обязательно выражены в одной из государственных валют и которые являются разновидностью денежных единиц платежной системы государства[12].

Согласно ст. 7 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» оператор электронных денежных средств не вправе предоставлять клиенту денежные средства для увеличения остатка электронных денежных средств клиента на основании договора потребительского кре-

---

трено в Соглашении о трансфере имущественных прав цифровыми титульными знаками, Webmoney — универсальный титульный знак (WM) в цифровом виде, единица исчисления количества (объема) имущественных прав. Цена титульного знака (условная сетевая стоимость) устанавливается его держателями, а порядок передачи и учета соответствует процедурам обращения сообщений формата «Титульные знаки» в Webmoney Transfer.

[9] *Синицын С. А.* Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7—17.

[10] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований : в 5 т. М. : Статут, 2006. Т. 1. С. 317.

[11] *Коростелев М. А.* Оборот электронных денежных средств: гражданско-правовые вопросы // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 130—135.

[12] *Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М.* Гражданское право : Объекты прав : учебное пособие / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. Серия «Гражданское право». М. : Проспект, 2017.

дита (займа), однако такого ограничения в займах между физическими лицами закон не содержит[13].

Совместное толкование новой редакции п. 1 ст. 807 ГК РФ и Закона «О национальной платежной системе» не позволяет прийти к однозначному выводу о том, могут ли электронные денежные средства являться предметом займа[14].

Помимо электронных денежных средств, правовой режим которых определен Законом «О национальной платежной системе», следует уделить внимание титульным знакам, используемым в сети Интернет в качестве платежного средства в отдельных системах расчетов, таких как Webmoney[15].

Судебная практика исходит из того, что титульные знаки не могут являться предметом договора займа, а в случае обращения несостоявшихся займодавцев с требованиями о возврате подобных средств, предоставленных на время другим лицам под проценты, суды отказывают во взыскании.

Например, апелляционным определением Московского городского суда от 28.03.2014 № 33-7246 отказано в удовлетворении исковых требований о взыскании задолженности по договору займа титульных знаков Webmoney, поскольку предмет договора отличается от предмета договора займа, в связи с чем требования истца о возвращении ему денежных средств на основании норм законодательства, регулирующих заем, удовлетворению не подлежат.

Интернет-площадки P2P-кредитования используют различные схемы осуществления расчетов — как напрямую между физическими лицами с использованием пластиковых карт и систем онлайн-банкинга, так и через электронные кошельки самих платформ. Это предполагает аккумулирование денежных средств у одного юридического лица — организатора платформы (например, компании «Webtransfer Finance»).

Данный способ в России имеет высокие потенциальные риски создания компаний по принципу «финансовой пирамиды», когда выплаты кредиторам будут осуществляться за счет не реально выдаваемых займов, а привлечения все большего количества инвесторов, вкладывающих собственные денежные средства в систему на фоне введения ограничений на «вывод» денег кредиторов. Последним предлагают «обналичивать» имеющиеся средства, а затем вкладывать их в новые займы, параллельно привлекая в систему все новых и новых лиц, за регистрацию которых начисляются дополнительные бонусы.

Наличие указанных рисков еще раз подтверждает необходимость введения законодателем единых правил игры для всех участников рынка взаимного кредитования.

Несмотря на активное развитие, P2P-кредитование демонстрирует множество нерешенных правовых проблем, среди которых отсутствие обязательных требований по обеспечению минимально необходимого уровня информирования заемщика.

---

[13] *Хоменко Е. Г., Тарасенко О. А.* Национальная платежная система Российской Федерации и ее элементы : монография. М. : Проспект, 2017. С. 29.

[14] *Казаченок О. П.* Несоответствие действующего законодательства потребностям информационного общества на примере договора займа электронных денежных средств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 47—50.

[15] *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М. : Статут, 2016. С. 248.

Как уже отмечалось, взаимное кредитование не подпадает под действие Закона «О потребительском кредите (займе)», следовательно, ни P2P-площадка, ни кредитор — физическое лицо не обязаны представлять заемщику полную и объективную информацию о получаемом займе. На фоне низкой финансовой грамотности населения это может привести к негативным последствиям.

Известно, что не на всех P2P-площадках проводится надлежащая идентификация сторон кредитного договора. Для участия в программе взаимного кредитования иногда достаточно регистрации, включающей авторизацию через номер мобильного телефона или аккаунт в социальных сетях. Многие площадки принимают простую электронную подпись, являющуюся наименее защищенной и на практике позволяющую использовать данные другого лица, так как для ее формирования и получения не нужно посещать специализированные центры, проводящие идентификацию личности.

Существенным пробелом в организации P2P-кредитования является отсутствие объективных критериев оценки и сравнения платформ взаимного кредитования и единых профессиональных стандартов деятельности, что не позволяет инвесторам объективно оценить потенциальные риски и в конечном итоге может отрицательно сказаться на зарождающемся рынке в целом. На необходимость введения критериев оценки платформ указывает, в частности, Управление по финансовому регулированию и контролю (FCA) — центральный орган надзора за рынком финансовых услуг Великобритании[16].

Важно подчеркнуть, что с развитием цифровых технологий возникают и риски, связанные с ростом киберугроз, требующих оперативного и своевременного мониторинга, обнаружения, оценки и разработки соответствующих мер по их предотвращению либо минимизации возможных последствий.

Пока нереализованной необходимостью является организация эффективного сотрудничества площадок взаимного кредитования с бюро кредитных историй для полноценной проверки заемщиков.

Кредитор должен оценивать повышенный уровень риска выдаваемых займов, так как в большинстве случаев невозможно проверить кредитную историю заемщика и провести качественный скоринг (оценку основных показателей, позволяющих принять решение о выдаче кредита), являющийся важным этапом классического банковского кредитования. P2P-площадки используют новые сферы получения информации, ранее не участвовавшие в процессе выдачи кредитов.

Компания ООО «Вебтрансфер финанс», вышедшая на российский рынок в 2014 г. и являющаяся дочерней компанией американской «Webtransfer World Wide Group», в качестве одного из основных источников получения информации о заемщике использует аккаунты в социальных сетях. Регистрация на платформе осуществляется через одну из социальных сетей, что позволяет компании получить доступ к необходимым данным.

Преимуществом технологии P2P-кредитования является формирование консолидированного рынка частного заемного капитала, отличающегося простотой и удобством в использовании предлагаемого сервиса, сокращенными сроками заключения сделок, возможностью самостоятельного выбора комфортных для

[16] URL: https://www.theguardian.com/business/2016/dec/09/fca-crowdfunding-peer-to-peer-lending (дата обращения: 19.03.2018).

заемщика и допустимых для кредитора сроков кредита, графика погашения и процентных ставок. Кроме того, использование интернет-платформ позволяет существенно снизить операционные издержки по аккумулированию и выдаче заемных средств, характерные для банковской отрасли.

Известно, что новых участников привлекает также наличие стандартизированной документации, подписание которой происходит одним кликом компьютерной мыши.

Необходимость установления максимального размера ставок по аналогии с предельными значениями полной стоимости потребительских кредитов для рынка взаимного кредитования отсутствует, так как они регулируются рыночными механизмами. На большинстве площадок выбор кредитора осуществляется на основе аукциона, когда заемщик указывает максимальную ставку по кредиту, а кредиторы направляют встречные предложения, выигрывает предложивший наименьшую ставку. Данный механизм обеспечивает относительно низкий средний размер ставок по выданным займам по сравнению, например, с микрофинансовыми организациями.

Работа на P2P-площадке позволяет дисциплинировать заемщиков, поскольку ее правилами могут быть предусмотрены блокирование их аккаунтов за дефолты по полученным займам и невозможность получения новых займов, а кредитор может диверсифицировать свои риски, выдавая кредиты небольшими суммами многим людям. Вовлечению большого числа потенциальных инвесторов способствует низкий порог входа, так как для того, чтобы начать выдавать кредиты, нужно не так много денег, как в других видах инвестирования, недоступных для большинства населения страны.

Наличие потенциального риска создания финансовых пирамид и массового нарушения интересов физических лиц — как заемщиков, так и кредиторов, свидетельствует о необходимости регулирования данного сегмента рынка финансовых услуг со стороны Банка России, которое с учетом специфики рассматриваемых отношений не должно привести к созданию чрезмерных барьеров для доступа на него участников гражданского оборота и неоправданных усложнений правил работы, тем более что Банку России остается только ввести в правовое поле уже сложившийся рынок со своими правилами и обычаями делового оборота.

В качестве вывода можно отметить, что в России появление параллельной системы финансового (небанковского) посредничества, в том числе в сфере кредитования[17], становится фактором объективной экономической реальности, пока не урегулированной правом и не поднадзорной государству в лице Центрального банка РФ.

P2P-кредитование в настоящий момент не конкурирует в полной мере с банковскими продуктами, но с учетом значительных темпов развития по всему миру в перспективе может занять значительную долю рынка кредитования физических лиц.

Очевидна необходимость принятия специального закона, направленного на регулирование рассматриваемых отношений, с учетом соблюдения баланса интересов P2P-площадок, заемщиков и кредиторов, а также сохранения таких пре-

[17] *Абрамова М. А., Мамута М. В.* Shadow Banking в России: факторы распространения, возможности регулирования // Финансы: теория и практика. 2014. № 5.

имуществ взаимного кредитования, как доступность широкому кругу физических лиц, удобство, простота и скорость оформления займов с использованием современных информационных технологий и стандартизированной документации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова М. А., Мамута М. В.* Shadow Banking в России: факторы распространения, возможности регулирования // Финансы: теория и практика. — 2014. — № 5.
2. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований : в 5 т. — М. : Статут, 2006. — Т. 1. — 517 с.
3. *Бычков А.* P2P-кредитование // ЭЖ-юрист. — 2016. — № 28. — С. 12—14.
4. *Долинская В. В., Моргунова Е. А.*, *Шевченко О. М.* Гражданское право : Объекты прав : учебное пособие / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — Серия «Гражданское право». — М. : Проспект, 2017. — 450 с.
5. *Ефимова Л. Г.* Договор о выдаче и использовании банковской карты и договор эквайринга в системе договоров об организации безналичных расчетов. — М. : Проспект, 2017. — 232 с.
6. *Казаченок О. П.* Несоответствие действующего законодательства потребностям информационного общества на примере договора займа электронных денежных средств // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — № 10. — С. 47—50.
7. *Конягина М. Н., Кириллова А. В.* Новые направления развития микрофинансирования в России // Проблемы современной экономики. — 2016. — № 3 (59).
8. *Коростелев М. А.* Оборот электронных денежных средств: гражданско-правовые вопросы // Журнал российского права. — 2013. — № 12. — С. 130—135.
9. *Кострубина С. А.* Аббревиатуры английских и русских экономических терминов : контрастивный аспект // Вестник Томского гос. ун-та. — 2017. — № 418.
10. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016—2018 годов // Вестник Банка России. — 2016. — № 57. — С. 52—79.
11. *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 2-е изд. — М. : Статут, 2016. — 345 с.
12. *Синицын С. А.* Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. — 2016. — № 11. — С. 7—17.
13. *Хоменко Е. Г., Тарасенко О. А.* Национальная платежная система Российской Федерации и ее элементы : монография. — М. : Проспект, 2017. — 370 с.

Дмитрий Валериевич ЧУБ,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
dchub1991@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАСЧЕТОВ ПО ПЕРЕВОДНОМУ (ТРАНСФЕРАБЕЛЬНОМУ) АККРЕДИТИВУ ПО РОССИЙСКОМУ ПРАВУ

Аннотация. *В настоящей статье автор рассматривает вопросы, связанные с осуществлением расчетов по переводному (трансферабельному) аккредитиву в российском праве. Проводится сравнение норм ст. 870.1 Гражданского кодекса РФ и ст. 38 Унифицированных правил и обычаев для документарных аккредитивов 2007 г. Рассматривается вопрос о порядке применения Унифицированных правил и обычаев для документарных аккредитивов 2007 г. во внутренних расчетах по трансферабельным аккредитивам на территории России. Уделено особое внимание точкам зрения о правовых последствиях трансферации аккредитива.*
Ключевые слова: *переводной аккредитив, трансферация, UCP 600, плательщик, бенефициар.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.156-163

D. V. CHUB,
PhD, Associate Professor, the Lecturer of the Chair of banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
dchub1991@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

SELECTED ISSUES ON PAYMENTS SETTLEMENT ON THE TRANSFERABLE CREDITS UNDER RUSSIAN LAW

Abstract. *In this article the author proves the questions on payments settlement on the transferable credits. It sets against provisions of the article 870.1 of the Civil Code and article 38 of the Uniform Customs and Practice for Documentary Credits 2007. This article discusses the question of the procedure of application of the Uniform Customs and Practice for Documentary Credits 2007 in internal payments on the territory of Russia. Special attention is paid to points of view on the legal effects of the transfer the documentary credit.*
Keywords: *transferable credit, transfer, UCP 600, applicant, beneficiary.*

В настоящее время российская правовая система переживает важный период в своем становлении и развитии. Последние существенные изменения в Гражданский кодекс РФ (ГК РФ), в том числе в части расчетов по аккредитиву, были внесены Федеральным законом от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации

© Д. В. Чуб, 2018

и отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившим в силу с 01.06.2018 (далее — Закон № 212).

Необходимость внесения существенных изменений в § 3 гл. 46 ГК РФ была связана с тем, что нормы указанного параграфа не соответствуют актуальным правилам проведения аккредитивных расчетов, выработанным международной практикой. Речь идет прежде всего об Унифицированных правилах и обычаях для документарных аккредитивов 2007 г. (UCP 600), принятых Международной торговой палатой[1].

Таким образом, внесение изменений в ГК РФ связано с желанием законодателя привести российское законодательство о расчетах аккредитивами в соответствие с правилами международной практики.

Одной из важных новелл в области аккредитивных расчетов стало появление в ГК РФ ст. 870.1 «Переводной (трансферабельный) аккредитив». Эта норма, как видно уже из названия статьи, устанавливает особенности осуществления расчетов по переводному аккредитиву. Однако, несмотря на появление в ГК РФ статьи о переводных аккредитивах только сейчас, расчеты посредством переводных аккредитивов осуществляются на российском банковском рынке довольно давно[2].

Наибольшее применение трансферабельный аккредитив получил во внешнеторговых сделках между экспортерами и импортерами, зарегистрированными на территориях различных государств[3]. Как показывает практика, переводной аккредитив используется и во внутрироссийских расчетах между резидентами.

---

[1] Как было отмечено в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 (см.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11), нормы § 3 гл. 46 ГК РФ, регулирующие расчеты по аккредитиву, были сформулированы с учетом Унифицированных правил и обычаев для документарных аккредитивов Международной торговой палаты в редакции 1993 г. (UCP 500).

[2] Подтверждением тому служат судебные акты, в которых среди обстоятельств дела указывается, что стороны в качестве способа расчетов договорились о выставлении переводного аккредитива. См. о переводном аккредитиве в расчетах между резидентами — постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26.11.2003 № Ф04/5918-1147/А70-2003 по делу № А70-2336/9-2003; постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.08.2017 № Ф05-10723/2017 по делу № А40-204460/2016; между резидентом и нерезидентом — постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 27.02.2007 № А33-17386/06-Ф02-585/07-С1 по делу № А33-17386/06); а также перечни услуг банков, в которых клиентам предлагается возможность открыть трансферабельный аккредитив (например, с информацией о документарных аккредитивах, открываемых ПАО «Росбанк», можно ознакомиться на сайте Банка: URL: https://www.rosbank.ru/ru/corp/fbiz/doc_oper/dok_ak.php).

[3] Как отметил В. И. Путилин, «если очень коротко сформулировать назначение этих платежных инструментов, то они применяются для осуществления платежей импортерами-покупателями в пользу поставщиков продавца (экспортера-бенефициара)» (*Путилин В. И.* Трансферабельные аккредитивы в международной банковской практике // Международные банковские операции. 2010. № 2).

Переводной аккредитив имеет ряд преимуществ. С одной сторон, он позволяет получателю средств (бенефициару) использовать денежные средства аккредитива для осуществления расчетов уже со своими кредиторами[4]. С другой стороны, переводной аккредитив позволяет получателю средств, ходатайствуя перед исполняющим банком о переводе аккредитива в пользу своих кредиторов, не сообщать плательщику аккредитива личность своих кредиторов, а также условия заключенных с ними сделок. И, наконец, направляя исполняющему банку инструкции о переводе аккредитива, получатель средств не обязан извещать своих кредиторов о плательщике по аккредитиву и изначальных условиях аккредитива.

Несмотря на стремление законодателя унифицировать расчеты по трансферабельным аккредитивам с нормами UCP600, содержательно ст. 870.1 ГК РФ имеет существенные отличия от ст. 38 UCP 600. Так, например, Л. Г. Ефимова отмечает, что согласно UCP 600 аккредитив переводится на вторых бенефициаров по волеизъявлению переводящего банка. Бенефициар может только попросить его об этом. Однако, согласно ст. 870.1 ГК РФ, перевод аккредитива на вторых бенефициаров осуществляется с согласия переводящего банка, что не одно и то же, так как получается, что право волеизъявления на перевод аккредитива должно принадлежать бенефициару[5].

UCP 600 более подробно регулирует вопросы осуществления расчетов по переводному аккредитиву. Так, UCP 600 определяет условия перевода аккредитива; устанавливает общие правила возложения расходов по переводу аккредитива и проч.

Следует отметить, что согласно п. 4 ст. 870.1 ГК РФ порядок и условия исполнения переводного (трансферабельного) аккредитива должны определяться законом, банковскими правилами и условиями аккредитива. Однако в настоящее время действующие банковские правила, к которым относится, в частности, Положение Банка России от 19.06.2012 № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств», не регулируют вопросы, связанные с осуществлением расчетов по трансферабельному аккредитиву. Таким образом, следует ожидать, что в ближайшее время будут внесены изменения в банковские правила, регулирующие расчеты по аккредитиву. Однако до указанного момента практика может столкнуться с рядом трудностей при осуществлении расчетов по переводному аккредитиву.

Казалось бы, в такой ситуации наиболее удобным выходом было бы применение правил UCP 600 в части, не урегулированной ГК РФ. Однако в данной ситуации сразу следует обратить внимание на факт того, как суды относятся к применению UCP 600 на территории Российской Федерации. По данному вопросу сложилось две позиции.

---

[4] Как указывает Л. Г. Ефимова, переводной аккредитив позволяет бенефициару, не являющемуся изготовителем товара, передать свое право на получение аккредитива одному или нескольким своим поставщикам или субпоставщикам (см.: *Ефимова Л. Г.* Трансферабельный аккредитив в российском законодательстве и в международной банковской практике // Закон. 2006. № 1. С. 10).

[5] *Ефимова Л. Г.* Проблема сближения конструкций аккредитива по российскому и международному праву // Хозяйство и право. 2016. № 5. С. 37.

С одной стороны, в тех случаях, когда аккредитивы используются для международных расчетов, и участниками аккредитивных отношений являются юридические лица, зарегистрированные на территории разных государств, применение UCP 600 к указанным отношениям допустимо при условии наличия соответствующей ссылки в самом аккредитиве[6].

С другой стороны, в тех случаях, когда аккредитивы используются во внутренних расчетах на территории Российской Федерации, т.е. в расчетах между юридическими лицами, зарегистрированными и действующими в соответствии с российским законодательством, UCP 600 применению не подлежит. Данная позиция подтверждается постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31.05.2005 № 15479/04 по делу № А65-16139/2003-СГ1-5, в котором суд указал на то, что Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов во внутренних расчетах на территории Российской Федерации не применяются[7].

Таким образом, для разрешения споров, возникающих при осуществлении расчетов по трансферабельным аккредитивам, применяемых во внутренних расчетах на территории Российской Федерации, суды не смогут применить нормы UCP 600. Остается надеяться, что необходимые изменения будут включены в ближайшее и нормативные акты Банка России, регулирующие расчеты по аккредитиву.

Как указано в п. 1 ст. 870.1 ГК РФ, исполнение аккредитива может осуществляться лицу, указанному получателем средств, если возможность такого исполнения предусмотрена условиями аккредитива и исполняющий банк выразил свое согласие на такое исполнение (далее — переводной (трансферабельный) аккредитив).

Из приведенной нормы следует, что аккредитив может быть исполнен не получателю средств, первоначальному бенефициару, а третьему лицу, указанному получателем средств, если условиями самого аккредитива предусмотрена такая возможность, и на такое исполнение дал согласие исполняющий банк. В результате перевода аккредитива у третьего лица, второго получателя средств, пользуясь терминологией ст. 870.1 ГК РФ, возникает право на получение исполнения, а у банка — обязанность исполнить аккредитив именно второму получателю средств.

---

[6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2015 № Ф05-12802/2013 по делу № А40-120835/2011 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.09.2014 № Ф05-15003/2012 по делу № А40-120715/2011 ; постановление ФАС Северо-Западного округа от 07.05.2013 по делу № А56-70299/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31.05.2005 № 15479/04 по делу № А65-16139/2003-СГ1-5 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 10. Более подробный комментарий к указанному постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ см.: Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации : Избранные постановления за 2005 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. М. : Статут, 2010. С. 583.
Следует отметить, что в некоторых европейских правопорядках нормы UCP 600 применяются наравне с национальным законодательством. Например, таким образом ситуация складывается во Франции (см.: *Decocq G.*, *Gérard E.*, *Morel-Maroger J.* Droit bancaire. Paris, 2014. P. 286).

Аккредитив может быть переведен либо на одного получателя средств, либо на несколько получателей средств. На данную возможность прямо указывает п. 2 ст. 870.1 ГК РФ. Таким образом, на вторых получателей средств может быть переведена как вся сумма аккредитива, так и какая-то ее часть.

В отличие от ГК РФ, ст. 38 (d) UCP 600 прямо указывает на то, что аккредитив может быть переведен частями в пользу нескольких вторых бенефициаров при условии, что частичные использования или отгрузки разрешены.

Вместе с тем перевод аккредитива имеет свои границы. Согласно п. 3 ст. 870.1 ГК РФ второй получатель не вправе указывать иное лицо, которому должен быть исполнен переводной (трансферабельный) аккредитив, за исключением получателя средств. Иначе говоря, допускается трансферация аккредитива только одной «ступени»: первый получатель средств (первый бенефициар) — второй получатель средств (второй бенефициар). Однако также устанавливается, что перевод аккредитива вторым получателем средств в пользу первого получателя средств, т.е. обратный перевод, не запрещен.

Аналогичное правило содержится и в UCP 600. Статья 38 (d) UCP 600 устанавливает, что переведенный аккредитив не может быть переведен по просьбе второго бенефициара в пользу последующего бенефициара. Первый бенефициар не считается последующим бенефициаром.

Следует отметить одно важное обстоятельство: перевод аккредитива на второго получателя средств не избавляет первого получателя средств от обязанности по исполнению своих обязательств перед плательщиком по заключенному между ними договору и предъявлению документов, подтверждающих такое исполнение банку-эмитенту. В результате перевода аккредитива у исполняющего банка возникает новая обязанность перед вторым получателем средств по исполнению аккредитива.

В юридической доктрине существует две точки зрения, объясняющие правовую природу переводного аккредитива.

Первая точка зрения основывается на том, что в результате трансферации банк по просьбе первого получателя средств открывает второму получателю средств новый аккредитив, никак не связанный с первоначальным аккредитивом, открытым в пользу первого получателя средств по просьбе плательщика. При этом обязательство исполняющего банка в пользу второго получателя средств также никак не связано с первоначальным обязательством банка в пользу первого получателя средств. Следовательно, никакие возражения, вытекающие из отношений по открытию банком аккредитива в пользу первого получателя средств по просьбе плательщика, не могут быть противопоставлены второму получателю средств и его праву требования исполнения по аккредитиву[8].

---

[8] Во французской правовой доктрине такой точки зрения придерживается, например, J. Stoufflet (см.: *Stoufflet J.* Crédit documentaire. Répertoire de droit commerciale, Mai 2004 // https://www.dalloz.fr/documentation/Document?id=ENCY/COMR/RUB000071/2004-05/PLAN 041&ctxt=0_YSR0MT1sZXR0cmUgZGUgY3LDqWRpdCB0cmFuc2ZlcnTCp3gkc2Y-9c2ltcGxlLXNlYXJjaA==&ctxtl=0_cyRwYWdlTnVtPTHCp3MkdHJpZGF0ZT1GYWxzZcKncyRzb3J0PcKncyRzbE5iUGFnPTIwwqdzJGlzYWJvPVRydWXCp3MkcGFnaW5nPVRydWXCp3Mkb25nbGV0PcKncyRmcmVlc2NvcGU9RmFsc2XCp3Mkd29JUz1GYWxzZcKncyRicT0=&nrf=0_TGlzdGU= (дата обращения: 09.03.2018)).

Согласно второй точке зрения перевод аккредитива предоставляет второму получателю средств получить исполнение по аккредитиву, изначально открытому на условиях между плательщиком и первым получателем средств. В такой ситуации банк, переводящий аккредитив, не открывает в пользу второго получателя средств новый аккредитив, а лишь предоставляет второму получателю средств право получить исполнение по первоначальному аккредитиву[9].

В российской юридической доктрине второй точки зрения придерживается Л. Г. Ефимова. Она пишет, что в результате трансферации аккредитива происходит изменение субъектного состава обязательства на стороне кредитора при сохранении самого обязательства[10]. Думается, что данная точка зрения является верной.

Решение данного вопроса имеет весьма важное практическое значение. Оно связано с наступлением различных правовых последствий, возникающих в случае, если со стороны первого получателя средств были совершены недобросовестные и мошеннические действия, направленные на создание у плательщика и банка видимости того, что первый получатель средств исполнил свои обязательства перед плательщиком по договору, заключенному между ними. Например, может ли исполняющий банк приостановить исполнение по переводному аккредитиву второму получателю средств, если будет установлено, что документы, предоставленные первым получателем средств банку, содержат недостоверные данные о произведенном первым получателем средств исполнении в пользу плательщика по заключенному между ними договору (например, стоимость одной единицы поставленного товара, указанная в транспортных документах, отличается от той, которая указана в условиях открытого аккредитива)?

Если считать, что переведенный аккредитив является новым аккредитивом, открытым банком в пользу второго получателя средств, то следует признать, что у банка в таком случае возникает новое самостоятельное обязательство перед вторым получателем средств, которое никак не зависит от первоначального обязательства банка перед первым получателем средств. Следовательно, если получатель средств совершит обманные действия, выразившиеся в представлении банку и плательщику аккредитива сфальсифицированных транспортных документов, и плательщик заявит об указанных обманных действиях, то правовые последствия такого заявления будут касаться только отношений между плательщиком аккредитива и первым получателем средств. На второго получателя

---

[9] Во французской правовой доктрине такой точки зрения придерживается D. Legeais (см.: *Legeais D.* Crédit documentaire. JurisClasseur Commercial, Octobre 2015 // URL: https://www.lexis360.fr/Document/fasc_366_credit_documentaire/sFks7yNqPpIZfOGqLheUazf0zg-yJymuvF6dsCU3lv41?data=c0luZGV4PTImckNvdW50PTQwNTEm&rndNum=362825899&tsid=-search2_(дата обращения: 09.03.2018)).

Аналогичную точку зрения высказывал и Reinhard Längerich, указывающий, что в случае с трансферацией речь идет об одном аккредитиве, хотя может показаться, что возникает два самостоятельных аккредитивных инструмента (см.: *Längerich R.* Documentary credits in practice. Copenhagen, 2009. P. 256).

[10] *Ефимова Л. Г.* Трансферабельный аккредитив в российском законодательстве и в международной банковской практике. С. 12.

средств правовые последствия недобросовестных действий получателя средств распроняться не будут и банк не сможет приостановить исполнение аккредитива второму получателю средств в случае выполнения последним всех условий аккредитива. Видно, что такой подход является прокредиторским и направлен на защиту прав и законных интересов второго получателя средств.

Если же считать, что переведенный аккредитив не является новым открытым банком аккредитивом в пользу второго получателя средств, то следует заключить, что в результате трансферации второй получатель средств получает исполнение по аккредитиву, первоначально открытому в пользу первого получателя средств, и никакой новый аккредитив не открывается. Следовательно, в случае совершения первым получателем средств обманных и недобросовестных действий заявление плательщика о таких действиях может быть использовано исполняющим банком для приостановления исполнения второму получателю средств.

В российской судебной практике данный вопрос решен не был[11]. В иностранных правопорядках этот вопрос получил свое решение. Так, французские суды, опираясь на положения ст. 38 UCP 600, указали, что перевод аккредитива имеет своей целью именно первоначально открытый аккредитив. Следовательно, открытия нового аккредитива не происходит.

Такой же вывод вытекает из содержания п. (b) и (g) ст. 38 UCP 600, которые устанавливают следующее:

— «переводный аккредитив означает аккредитив, который прямо указывает, что он является переводным» (ст. 38 (b) UCP 600);
— «переведенный аккредитив должен точно воспроизводить условия аккредитива» (ст. 38 (g) UCP 600)[12].

Таким образом, французская судебная практика придерживается подхода, согласно которому переведенный аккредитив является первоначально открытым аккредитивом, а не новым. Сто́ит надеется, что и российской судебной практике будет предоставлена возможность решить вышеуказанный вопрос.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ефимова Л. Г.* Проблема сближения конструкций аккредитива по российскому и международному праву // Хозяйство и право. — 2016. — № 5.
2. *Ефимова Л. Г.* Трансферабельный аккредитив в российском законодательстве и в международной банковской практике // Закон. — 2006. — № 1.
3. Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации : Избранные постановления за 2005 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. — М. : Статут, 2010.

[11] Во всяком случае, нам не удалось найти судебные акты, содержащие решение поставленного вопроса.

[12] Cour d'appel de Metz, Chambre des urgences, 29 mars 2011, №° 09/02689 // URL: https://www.doctrine.fr/?q=Cour%20d%27appel%20de%20Metz,%20Chambre%20des%20urgences%2029 %20mars%202011&only_top_results=true.

4. *Путилин В. И.* Трансферабельные аккредитивы в международной банковской практике // Международные банковские операции. — 2010. — № 2.
5. *Decocq G., Gérard E.*, Morel-Maroger J. Droit bancaire. — Paris, 2014.
6. *Längerich R.* Documentary credits in practice. — Copenhagen, 2009.
7. *Legeais D.* Crédit documentaire. JurisClasseur Commercial, Octobre 2015 // URL: https://www.lexis360.fr/Document/fasc_366_credit_documentaire/sFks7yNqPpIZfOGqLheUazf0zg-yJymuvF6dsCU3lv41?data=c0luZGV4PTImckNvdW50PTQwNTEm&rndNum=362825899&tsid=search2_
8. *Stoufflet J.* Crédit documentaire. Répertoire de droit commerciale, Mai 2004 // URL: https://www.dalloz.fr/documentation/Document?id=ENCY/COMR/RUB000071/2004—05/PLAN 041&ctxt=0_YSR0MT1sZXR0cmUgZGUgY3LDqWRpdCB0cmFuc2ZlcnTCp3gkc2Y9c2ltcGxlLXNlYXJjaA==&ctxtl=0_cyRwYWdlTnVtPTHCp3MkdHJpZGF0ZT1GYWxzZcKncyRzb3J0PcKncyRzbE5iUGFnPTIwwqdzJGlzYWJvPVRydWXCp3MkcGFnaW5nPVRydWXCp3Mkb25nbGV0PcKncyRmcmVlc2NvcGU9RmFsc2XCp3Mkd29JUz1GYWxzZcKncyRicT0=&nrf=0_TGlzdGU=.

Елена Викторовна КУЛИЧЕВА,
Департамент розничных продуктов ПАО «Банк Уралсиб», председатель Комитета АРБ по банковскому законодательству и правоприменительной практике
KulichevaEV@uralsib.ru
119048, Россия, г. Москва, ул. Ефремова, д. 8

ВПРАВЕ ЛИ БАНК В ОДНОСТОРОННЕМ ПОРЯДКЕ ИЗМЕНЯТЬ РАЗМЕР ТАРИФОВ ПО СОВЕРШЕНИЮ РАСЧЕТНЫХ ОПЕРАЦИЙ?

Аннотация. *Статья посвящена анализу природы банковского тарифа, взимания тарифа за ведение и обслуживание банковского (текущего) счета, а также возможности одностороннего изменения размера тарифа за совершение банковских операций по счету. Тариф на услуги — это ставочная система, в соответствии с которой различные предприятия, действующие в сфере предоставления и осуществления услуг, выполняют заказы потребителей (заказчиков), т.е. тариф — это система расценок. Органы Роспотребнадзора оспаривают право банков в одностороннем порядке изменять размер тарифа на совершение расчетных операций. Позиция основана на том, что тарифы являются неотъемлемой часть договора на расчетно-кассовое обслуживание / Правил комплексного банковского обслуживания (далее — РКО/КБО) физических лиц, и одностороннее изменение указанных тарифов не соотносится с положениями ст. 310, 450 и 452 ГК РФ. Автор доказывает, что размер тарифа не является существенным условием договора банковского счета, поскольку это не предусмотрено законом. За открытие счета тариф может быть взят только единовременно, при открытии счета. Автор критикует позицию некоторых судов, которые полагает, что комиссия по договору банковского счета является платой за ведение расчетного счета. Представляется, однако, что такая плата не идентична комиссии за выполнение поручений клиента и является самостоятельной банковской операцией, за выполнение которой предполагается отдельное взимание платы в соответствии с установленными тарифами. Таким образом, необходимо разделять тарифы за открытие счета, за ведение банковского счета и за совершение операций по счету. Подход к установлению и взиманию каждого из указанных тарифов должен быть индивидуален и продуман, в том числе с учетом статуса клиента: физическое либо юридическое лицо.*

Ключевые слова: *безналичные расчеты, договор банковского счета, стоимость расчетных операций, тариф за совершение расчетных операций и порядок его изменения.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.164-176

© Е. В. Куличева, 2018

E. V. KULICHEVA ,
Department of retail products public joint stock company «Uralsib Bank», the Chairman of the Committee of ARB on to the banking legislation and to law-enforcement practice
KulichevaEV@uralsib.ru
119048, Russia, Moscow, ul. Efremova, d. 8

HAS THE RIGHT TO CHANGE UNILATERALLY LI BANK THE SIZE OF TARIFFS ON COMMISSION OF SETTLEMENT OPERATIONS?

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the nature of the Bank Tariff, charging the Tariff for maintaining and servicing the Bank (current) account, as well as the possibility of unilateral changes in the size of the Tariff for banking operations on the account.*
Keywords: *non-cash payments, the contract of the bank account, cost of settlement operations, a tariff for commission of settlement operations and an order of his change.*

К банковским операциям относятся, в частности[1]:
— открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц;
— осуществление переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам.

Именно об оплате данных банковских операций мы и поговорим.

Тари́ф (от араб. فيرعت — определение) или та́кса (от нем. Taxe, лат. — taxare — оценивать) — ставка или система ставок оплаты (платеж) за различные производственные и непроизводственные услуги, предоставляемые компаниями, организациями, фирмами и учреждениями. К категории тарифов относят также системы ставок оплаты труда, тариф на импорт и экспорт в международной торговле называется таможенным тарифом[2].

Происхождение термина. Слово «тариф» происходит от названия небольшого города Тарифа близ Гибралтарского пролива. Во время владычества над обоими берегами пролива арабы взимали в Тарифе по особой таблице сбор со всех судов, проходивших через пролив, в зависимости от качества и количества груза. Впоследствии таблицы для взимания разного рода сборов, в том числе и таможенных, стали применяться и в других странах. Так слово «тариф» вошло во всеобщее употребление.

В русском языке слово «тариф» впервые встречается в Морском уставе 1724 г. Оно пришло через немецкое слово «Tarif» или французское слово «tarif». Аналогичные слова встречаются также в других языках. Например, в итальянском

[1] Статья 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».

[2] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/.

языке — tariffa, в арабском языке — تعريفة (ta'rîf) — объявление о пошлинных сборах, сообщение, объявление, таблица.

Тариф (в переводе с французского «система ставок, по которым взимается плата за услуги») — понятие специальное, сфера применения тарифа — область работ и услуг.

Тариф на услуги — это ставочная система, в соответствие с которой различные предприятия, действующие в сфере предоставления и осуществления услуг, выполняют заказы потребителей (заказчиков), т.е. тариф — это система расценок.

Конституция РФ относит законодательство о ценах и ценообразовании к ве́дению Российской Федерации (п. «ж» ст. 71). Органы исполнительной власти отвечают за регулирование величины стоимости на осуществление различных услуг, которые оказываются населению. Законодательство о ценах включает нормативные правовые акты, регулирующие частные и публичные отношения по установлению и применению цен.

Законодательству о ценах и ценообразовании корреспондирует законодательство о защите конкуренции, направленное, по существу, на контроль над ценообразованием и применением цен со стороны антимонопольных органов[3]. В целях развития товарного рынка и конкуренции ФАС России вправе направлять рекомендации, в том числе об изменении сфер применения свободных, регулируемых и фиксированных цен.

В определенных законом случаях применяются цены (тарифы, расценки, ставки), устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то государственными органами. Например, осуществляется государственное регулирование тарифов на электрическую энергию[4], тарифов организаций коммунального комплекса, обеспечивающих электро-, тепло-, водоснабжение, водоотведение и очистку сточных вод, утилизацию (захоронение) твердых бытовых отходов, а также надбавок к ценам (тарифам) для потребителей и надбавок к тарифам на товары и услуги организаций коммунального комплекса[5].

Анализ норм Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», ГК РФ, Инструкции Банка России от 30.05.2014 № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» (далее — Инструкции Банка России № 153-И) позволяет сделать вывод, что стороны договора банковского счета самостоятельно определяют свои права и обязанности.

При этом законодательство, регулирующее правоотношения в сфере банковской деятельности, не предусматривает возможности вмешательства органа государственной власти или иного учреждения, осуществляющего функции органа власти, в указанные правоотношения путем определения прав и обязанностей сторон и установления тарифа.

---

[3] См., например, ст. 6, 7 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

[4] Федеральный закон от 14.04.1995 № 41-ФЗ «О государственном регулировании тарифов на электрическую энергию в Российской Федерации».

[5] Федеральный закон от 30.12.2004 № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса»

Нормы ценового регулирования установлены в антимонопольном законодательстве[6], содержащем определение необоснованно высокой цены финансовой услуги, необоснованно низкой цены финансовой услуги — цена финансовой услуги или финансовых услуг, которая установлена занимающей доминирующее положение финансовой организацией, существенно отличается от конкурентной цены финансовой услуги, и (или) затрудняет доступ на товарный рынок другим финансовым организациям, и (или) оказывает негативное влияние на конкуренцию.

Цена как *экономическая категория* формируется с учетом:
— уровня потребительского спроса;
— спроса, сложившегося на рынке этой продукции/услуги;
— возможности реакции рынка на изменение продукции/услуг;
— мер государственного ценообразования;
— уровня цен на аналогичную продукцию/услугу конкурентов и других факторов.

В качестве *юридической категории* цена выступает существенным условием ряда договоров, базой для формирования НДС, акцизов, иных надбавок.

Гражданский кодекс РФ закрепляет принцип свободы ценообразования в условиях рыночной экономики с изъятиями, предусмотренными законом. В соответствии с п. 1 ст. 424 ГК РФ исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон. Регламентируя отдельные виды договоров, ГК РФ последовательно проводит принцип свободы ценообразования (например, в договоре купли-продажи (ст. 485 ГК РФ), договоре подряда (п. 1 ст. 709 ГК РФ)).

Отсутствие в договоре условия о цене не влечет его недействительности. В случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги (п. 3 ст. 424 ГК РФ).

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» наличие сравнимых обстоятельств, позволяющих однозначно определить, какой ценой необходимо руководствоваться, должно быть доказано заинтересованной стороной. При наличии разногласий по условию о цене и недостижении сторонами соответствующего соглашения договор считается незаключенным.

В отдельных случаях, предусмотренных законом, цена является существенным условием договора, например цена в договоре продажи недвижимости (п. 1 ст. 555 ГК РФ). При отсутствии в договоре согласованного сторонами в письменной форме условия о цене недвижимости договор о ее продаже считается незаключенным.

Вывод: если иное не предусмотрено законом, цена не является существенным условием договора.

При проведении операций по счету клиента, открытому во исполнение договора банковского счета, банк вправе получить плату за проведение операций по счету. Данная плата, как правило, устанавливается в форме тарифа. Тарифы на

[6] Статья 4 Федерального закона «О защите конкуренции».

услуги, оказываемые банками своим клиентам, регламентируют величину платы, взимаемой банком с клиентов за оказание им услуг.

Банк самостоятельно определяет тариф и устанавливает его размер. Именно тариф позволяет банку оптимизировать свою операционную деятельность и стимулировать клиентов использовать наименее затратный для банка канал совершения расчетных операций. Данный подход к установлению тарифов очевиден, например, при анализе тарифов ПАО «Сбербанк России» и Банка ВТБ (ПАО), размещенных на официальных сайтах банков.

Утверждение и взимание банком тарифа вызывает различные вопросы, начиная от возможности его установления и правомерности взимания до правомерности установления различных тарифов в отношении разных клиентов по аналогичным операциям и правомерности одностороннего изменения размера тарифа.

Изменение банком в одностороннем порядке размера тарифа. Органы Роспотребнадзора оспаривают право банков в одностороннем порядке изменять размер тарифа на совершение расчетных операций. Позиция основана на том, что тарифы являются неотъемлемой частью договора на расчетно-кассовое обслуживание / Правил комплексного банковского обслуживания (далее — РКО/КБО) физических лиц, и одностороннее изменение указанных тарифов не соотносится с положениями ст. 310, 450 и 452 ГК РФ.

Роспотребнадзор рассматривает условие договора на РКО/КБО о размере тарифа как существенное условие, при изменении которого в одностороннем порядке меняется содержание самого обязательства и порядка пользования услугами банка.

Отдельные суды позицию Роспотребнадзора поддерживают. В настоящее время судебная практика исходит из того, что когда в договоре установлено право банка получать комиссии в соответствии с тарифами, без конкретизации порядка их применения, то применяются тарифы, действующие на момент заключения данного договора[7]. Однако, когда банку необходимо применять тарифы, действующие на момент совершения клиентом соответствующих операций, то об этом должно быть прямо указано в договоре с клиентом.

С учетом анализа норм законодательства данная позиция представляется спорной.

По договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту, денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету (ст. 845 ГК РФ). При этом нормы закона не разделяют клиентов на юридических и физических лиц.

Банк осуществляет расчеты по правилам, формам и стандартам, установленным Банком России. Банк обязан осуществить перечисление средств клиента и зачисление средств на его счет не позднее следующего операционного дня после получения соответствующего платежного документа, если иное не установлено федеральным законом, договором или платежным документом (ст. 31 Федерального закона «О банках и банковской детельности»).

---

[7] См., например, постановление Президиума Московского городского суда от 01.04.2011 по делу № 44г-48/11.

При заключении договора банковского счета клиенту или указанному им лицу открывается счет в банке на условиях, согласованных сторонами (п.1 ст. 846 ГК РФ). При этом банк обязан заключить договор банковского счета с клиентом, обратившимся с предложением открыть счет на объявленных банком для открытия счетов данного вида условиях, соответствующих требованиям, предусмотренным законом и установленными в соответствии с ним банковскими правилами (п. 2 ст. 846 ГК РФ).

Банк обязан совершать для клиента операции, предусмотренные для счетов данного вида законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота, если договором банковского счета не предусмотрено иное (ст. 848 ГК РФ).

Предмет договора банковского счета. Существенными условиями договора являются условие о его предмете, условия, существенные для договоров данного вида в силу закона или иных правовых актов, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Исходя из п. 1 ст. 845 ГК РФ, предмет договора банковского счета включает обязанности банка по принятию и зачислению денежных средств, которые поступают на счет, открытый клиенту (владельцу счета), выполнению распоряжений клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведению других операций по счету.

Судебная практика исходит из того, что предметом договора банковского счета являются действия банка, направленные как на открытие и ведение счета, так и на выполнение поручений владельца счета о перечислении и выдаче денежных средств, проведении иных банковских операций, включая расчетные операции[8].

Таким образом, *размер тарифа не является существенным условием договора.* При заключении договора стороны согласовывают условия открытия счета, перечень операций по счету, порядок проведения операций по счету, а также порядок оплаты услуг по совершению операций и проч.

Следует также отметить, что, учитывая потребности рынка и клиентов, банк постоянно совершенствует программное обеспечение и оптимизирует операционную работу. Предлагая клиенту новые услуги по обслуживанию и управлению своим счетом, банк вводит новые тарифы и изменяет действующие.

Клиент оплачивает услуги банка по совершению операций с денежными средствами, находящимися на счете, в соответствии с устанавливаемыми банком тарифами (ст. 851 ГК РФ).

Как правило, тариф взимается одновременно с совершением операции по счету путем списания суммы вознаграждения со счета клиента либо путем внесения клиентом наличных денежных средств в кассу банка, если иное не установлено тарифами или договором между банком и клиентом.

Информация о стоимости услуг общедоступна, что позволяет клиенту принять решение о предоставлении банку распоряжения о перечислении средств со счета и проведении других операций по счету. В соответствии с п. 1 ст. 851 ГК РФ

[8] См., например, постановление ФАС Московского округа от 05.08.2009 № КГ-А41/6721-09 по делу № А41-1598/09.

в случаях, предусмотренных договором банковского счета, *клиент оплачивает услуги банка по совершению операций* с денежными средствами, находящимися на счете. Вопрос определения стоимости услуг банка (тариф) на законодательном уровне не урегулирован.

Не столь удачна в этом плане редакция ст. 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». В ней идет речь о комиссионном вознаграждении по операциям, которое устанавливается банком по соглашению с клиентом. Однако ч. 2 указанной статьи регулирует вопросы одностороннего изменения комиссионного вознаграждения *только по кредитам и вкладам (депозитам).* Соответственно, к одностороннему изменению тарифов по договору банковского счета должны применяться общие нормы ст. 310 ГК РФ, допускающие одностороннее изменение обязательств в случаях, предусмотренных договором. Более того, ст. 31 указанного Закона, регламентирующая осуществление расчетов, не содержит какой-либо информации о плате как за открытие и ведение счета, так и за операции по счету.

В связи с применением указанных выше норм в судебной практике возникают споры о возможности внесения изменений в тарифы на банковское обслуживание такими закрепленными в договоре способами, как, например, размещение на информационном стенде, определенном сайте в сети Интернет и др.

В случаях, предусмотренных договором банковского счета, *клиент оплачивает услуги банка по совершению операций с денежными средствами, находящимися на счете*. Плата за услуги банка может взиматься банком по истечении каждого квартала из денежных средств клиента, находящихся на счете, если иное не предусмотрено договором банковского счета (ст. 851 ГК РФ).

Таким образом, закон предусматривает оплату расходов банка *за совершение операций* по счету.

Кредитная организация вправе самостоятельно определять стоимость своих услуг. Клиент не участвует в определении стоимости услуг и установлении тарифов. Тарифы устанавливаются по операциям для всех клиентов, размер тарифа зависит от вида операции или совокупности взаимодействия с банком, использования иных предлагаемых банком услуг, а не от личности клиента.

Соответственно, в целях недопущения ущемления прав одних клиентов перед другими тарифы должны быть одинаковы для клиентов, что полностью обеспечивается при применении тарифов, действующих на дату проведения операции, а не на дату заключения договора с клиентом.

Снижение тарифа для отдельных клиентов должно быть мотивировано, в том числе и с точки зрения «недополученных» доходов банка. Как правило, снижение размера тарифа обосновано либо социально значимым аспектом, либо экономическим эффектом от всех используемых клиентом услуг банка.

Именно поэтому банки предлагают пакет услуг, который, например, тем или иным образом может влиять как на стоимость проводимых операций по счету, так и на доходность по вкладам.

Под пакетом услуг понимается комплекс (пакет) продуктов и услуг, предоставляемых клиентам, заключившим договор об обслуживании пакета услуг.

Тарифы по обслуживанию пакета услуг — установленный банком размер платы, взимаемой с клиента за обслуживание пакета услуг и совершение операций,

предусмотренных этим пакетом услуг. В рамках пакета услуг клиент имеет право пользоваться продуктами и получать услуги, входящие в состав пакета услуг на специальных условиях. За обслуживание пакета услуг банком взимается плата в соответствии с тарифами. Так, например, ПАО «Сбербанк России» предлагает пакет услуг «Сбербанк Премьер», в рамках которого предоставляются следующие виды продуктов и услуг по специальной цене:

— банковские карты с ограниченным их максимальным количеством;
— «сберегательный счет»;
— аренда индивидуального сейфа;
— специальные курсы для проведения конверсионных операций покупки/продажи иностранной валюты и операций покупки/продажи драгоценного металла в обезличенном виде для зачисления/списания с обезличенного металлического счета;
— вклады «Особый управляй», «Особый пополняй», «Особый сохраняй»;
— сервис страхования по программе «Второе экспертное медицинское мнение»;
— страхование по программе «Страхование на время путешествий»;
— сервисы по выбору клиента «Оказание помощи для получения налоговых вычетов», «Оказание помощи для заполнения справки о доходах и расходах государственных служащих».

Именно за этот пакет услуг установлен тариф. Цена пакета услуг (тариф) влияет на увеличение ставки по вкладам клиента, на снижение стоимости аренды индивидуального сейфа, позволяет клиенту получить дополнительные услуги, не относящиеся к банковским операциям, но представляющие для клиентов банка интерес.

Предлагаемый подход к формированию пакета услуг отвечает нормам законодательства, не содержит навязанных услуг, позволяет клиенту самостоятельно принять решение и, главное, содержит четкий перечень услуг, которыми может воспользоваться клиент и за которые взимается плата.

В отдельных случаях деятельность некоторых банков подлежит регулированию законодательством о защите конкуренции. При установлении доминирующего положения отдельные банки подпадают под регулирование Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ст. 5). Это также влияет на определение платы за совершение операций по счету клиента. Установление банком, занимающим доминирующее положение, различных тарифов за одни и те же услуги произвольным образом, без экономического обоснования, является нарушением (ст. 10 Закона «О защите конкуренции»). На основании п. 6 ч. 1 ст. 10 Закона «О защите конкуренции» запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта. Результатом указанных действий являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц, в том числе экономически, технологически и иным образом не обоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар, если иное не установлено федеральным законом.

Как правило, договоры на открытие и обслуживание счета предусматривают право банка в одностороннем порядке вводить новые тарифы и вносить изменения в действующие тарифы банка.

Установление банком различных тарифов на одни и те же услуги без доказательств, экономически обосновывающих установление различных тарифов, является нарушением закона[9].

Банк не вправе в индивидуальном порядке повысить тариф, так как законодательством установление индивидуального тарифа в отношении клиентов банка не предусматривается. Повышенные тарифы могут быть введены банком в отношении конкретной категории клиентов, при условии установления единых критериев отнесения клиентов к указанной категории[10].

Тариф за открытие и ведение банковских счетов. Открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц является одной из банковских операций (ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»). При заключении договора банковского счета клиенту открывается счет в банке на условиях, согласованных сторонами. Таким образом, данная банковская операция как бы обусловливает заключение договора банковского счета, регламентируемого положениями гл. 45 ГК РФ.

Законодательством (п. 2 ст. 846, п. 1 ст. 847 ГК РФ) установлено, что отношения по поводу открытия и ведения банковских счетов урегулированы, наряду с законом, банковскими правилами, которые в силу ст. 3 ГК РФ не относятся к гражданскому законодательству. В частности, банковские правила, регулирующие открытие и ведение банковских счетов, устанавливаются Инструкцией Банка России № 153-И.

При открытии счета как минимум банком предоставляются услуги по открытию счета и по ведению счета. На услуги «открытие счета» и «ведение счета», как правило, банком устанавливаются тарифы. Возможность взимания тарифа при открытии счета обоснована проводимой банком работой, а именно проверкой документов клиента, формированием юридического досье, информированием налоговых органов об открытии счета и пр.[11]

Порядок открытия и закрытия банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов регламентирован Инструкцией Банка России № 153-И. Так, при открытии счета уполномоченные лица банка осуществляют прием документов, необходимых для открытия счета соответствующего вида, проверку их надлежащего оформления, полноты представленных сведений и их достоверности, правоспособности (дееспособности) клиента, а также выполняют другие функции (п. 1.2, 1.5 Инструкции Банка России № 153-И). Одновременно осуществляется идентификация клиента, его представителя, выгодоприобретателя или бенефициарного владельца.

При открытии счета оформляется карточка с образцами подписей и оттиска печати клиента. По каждому счету клиента формируется юридическое дело.

---

[9] См., например: постановление ФАС Уральского округа от 01.12.2010 № Ф09-9856/10-С1 по делу № А50-5949/2010.

[10] См., например: постановления ФАС Центрального округа от 23.07.2010 по делу № А64-3256/09 ; от 23.08.2010 по делу № А64-3257/09 ; от 07.07.2010 по делу № А64-3464/09 ; от 06.07.2010 по делу № А64-3462/09 ; от 06.07.2010 по делу № А64-3461/09.

[11] Положение о порядке сообщения банком в электронном виде налоговому органу об открытии или о закрытии счета, вклада (депозита), об изменении реквизитов счета, вклада (депозита), утвержденное Банком России 07.09.2007 № 311-П.

В настоящее время многие банки открывают счета бесплатно.

Вывод: за открытие счета тариф может быть взят только единовременно, при открытии счета.

Тариф «ведение счета» требует дополнительного анализа с точки зрения понимания, что за услугу оказывает банк в рамках данного тарифа.

Судебная практика исходит из того, что комплексное обслуживание банком банковского счета клиента не равнозначно совершению каких-либо отдельных расчетных операций по счету и установление отдельной платы за ведение счета действующему гражданскому законодательству не противоречит[12]. Суды полагают, что услуга «ведение счета клиента» банком оказывается в течение всего срока действия договора и включает в себя в том числе действия банка по зачислению денежных средств на счет клиента и их списанию[13].

В рамках РКО/ДБО банк, согласно Инструкции Банка России № 153-И, обязан систематически обновлять информацию о клиентах, подлежащую установлению при открытии счета, а также о лицах, личности которых было необходимо установить при открытии счета, представителей клиентов, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев (п. 1.6., 1.10).

Банк обязан хранить юридические дела в течение всего срока действия договора банковского счета, а после прекращения отношений с клиентом — в течение срока, установленного законодательством РФ (п. 10.6 Инструкции Банка России № 153-И).

Анализ указанных норм позволяет сделать вывод, что под «ведением счета» может пониматься определенная (единая) совокупность действий банка, которую последний *обязан* совершать при ведении счета. Разница в размере тарифа за ведение счета может быть обусловлена именно этими критериями, что, однако, не соответствует подходам банков при установлении тарифа на указанную услугу на сегодняшний день.

Например, тарифы ПАО «Сбербанк России» для физических лиц разделяют операции по обслуживанию счета, денежные переводы на счета юридических лиц и переводы в пользу физических лиц. При этом в рамках операций по обслуживанию счета платными являются только конкретные действия банка: оформление карточки с образцами подписи, составление инкассового или платежного поручения, выдача справки о наличии счета.

Многие банки используют тариф «за обслуживание счета», как правило, взимаемый со счета клиента ежемесячно, без конкретизации услуг, которые предоставляются банком в рамках данного тарифа. Так, за обслуживание банковского счета Банком ВТБ (ПАО) взимается тариф (комиссия) при отсутствии клиентских операций по счету в течение 180 дней. Если же «остаток денежных средств на счете меньше размера установленной комиссии, то комиссия устанавливается в размере остатка на счете».

---

[12] См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2005, 16.03.2005 по делу № 09АП-487/05-ГК.

[13] См., например: определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.01.2007 № 16370/06 по делу № А40-70607/05-97-466.

Нельзя не отметить спорность такого подхода, так как в этом случае банк не оказывает клиенту никакой услуги, соответственно, вызывает сомнение наличие оснований для взимания платы.

Для отражения банковских операций банк открывает счета. При этом текущие счета открываются физическим лицам для совершения расчетных операций, не связанных с предпринимательской деятельностью или частной практикой.

Статья 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» устанавливает право клиентов открывать необходимое им количество расчетных, депозитных и иных счетов в любой валюте в банках с их согласия, если иное не установлено федеральным законом.

Как правило, из договора банковского счета не следует, что расчетное и кассовое обслуживание банком счета осуществляется бесплатно. Комиссия за ведение расчетного счета предусмотрена тарифами, действующими в момент заключения договора банковского счета. Добровольно заключив с банком договор банковского счета, клиент принимает на себя обязательства по указанному договору в полном объеме, включая обязательство по уплате комиссии за ведение текущего счета.

Отдельные суды отмечают, что условие договора банковского счета об оплате услуг банка в соответствии с установленными ставками на условиях и в сроки, предусмотренные тарифами банка, в том числе и по ежемесячной оплате услуг по ведению банковского счета, не противоречит действующему законодательству и банковским правилам.

Действующим гражданским законодательством не предусмотрено, что отсутствие операций по счету влечет автоматическое прекращение договора банковского счета, напротив, даже в случае отсутствия движения средств по счету договор продолжает действовать и, следовательно, стороны продолжают пользоваться своими правами и должны исполнять обязанности по договору.

Арбитражные суды, руководствуясь ст. 309, 310, 395, 779, 845, 848, 851, 859 ГК РФ, положениями ст. 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», исходят из того, что данная комиссия взыскивается банком не за выполнение поручений клиента по счету. По их мнению, она является *платой за ведение расчетного счета*. Представляется, однако, что такая плата не идентична комиссии за выполнение поручений клиента и является *самостоятельной банковской операцией*, за выполнение которой предполагается отдельное взимание платы в соответствии с установленными тарифами.

Позицию об отсутствии какого-либо блага или положительного эффекта для клиента от услуги по ведению расчетного счета, суды не принимают, полагая, что к подобному положительному эффекту следует отнести сам факт поддержания банком технической и операционной возможности доступа клиента к своему расчетному счету и проведению операций по нему в любой момент на протяжении всего срока действия договора банковского счета либо до его расторжения в установленном законом или договором порядке.

Отсутствие денежных средств на счете клиента также не свидетельствует о неоказании банком *услуг по ведению счета* и не освобождает от их оплаты[14].

---

[14] См. например: постановление ФАС Поволжского округа от 01.06.2009 по делу № А55-11300/2008 ; определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.12.2013 № ВАС-17940/13

Указанный подход вызывает вопросы.

Оплата расходов банка на совершение операций по счету подлежит договорному регулированию (п. 1 ст. 851 ГК РФ). Таким образом, банк получает доход от операционной деятельности и не готов отказаться от компенсации своих расходов.

Оплата за пользование банком денежными средствами, находящимися на счете, также подлежит договорному регулированию (п. 1 ст. 852 ГК РФ). Если иное не предусмотрено договором банковского счета, за пользование денежными средствами, находящимися на счете клиента, банк уплачивает проценты, сумма которых зачисляется на счет. Однако на сегодняшний день банки почти не начисляют проценты на остаток денежных средств на счете либо размер данного процента невелик, как правило, аналогичен, размеру процента по вкладу «до востребования». Данный подход не мешает банку взимать тариф за ведение счета, фактически бесплатно используя остатки по счету клиента в качестве ресурсов. То есть появляется так называемый отрицательный тариф, который при отсутствии операций по счету и (или) денежных средств на счету клиент обязан оплатить.

Данный подход при отсутствии у клиента необходимости регулярных расчетных операций по счету стимулирует к закрытию счета и самостоятельному хранению остатка денежных средств (для физических лиц) либо хранению средств во вкладе либо ином варианте (покупка ценных бумаг и пр.) с постоянным открытием/закрытием текущего счета, что явно не на пользу всем участникам хозяйственного оборота.

При этом банки, как правило, не спешат закрывать счета даже при отсутствии остатка на счете. Предоставленное клиентом при открытии счета согласие на обработку персональных данных, зачастую сопровождающееся согласием на получение предложений от банка, позволяет мотивировать «спящего» клиента активизировать работу с банком, а снятие комиссии, как правило, осуществляется до обнуления счета.

Вывод: тариф за ведение (обслуживание) счета фактически компенсирует затраты банка на выполнение его собственных, установленных законодательными актами функций, что позволяет говорить о целесообразности минимального размера тарифа либо отказа от него.

Хотелось бы обратить внимание на ведение текущего счета клиента в рамках кредитования клиента.

В силу положений ст. 845, 851 ГК РФ, ст. 29 Закона «О банках и банковской деятельности» взимание комиссии является правомерным в том случае, если она взимается за совершение банком действий, которые являются самостоятельной услугой[15].

по делу № А82-13020/2012 ; от 12.12.2013 № ВАС-18013/13 по делу № А82-10048/2012 ; постановление ФАС Волго-Вятского округа от 11.11.2013 по делу № А82-10048/2012 ; постановление ФАС Московского округа от 24.12.2013 № Ф05-14636/2013 по делу № А40-133228/2012.

[15] Пункт 7 Бюллетеня судебной практики Московского областного суда за четвертый квартал 2016 г., утвержденного Президиумом Мособлсуда 09.03.2017.

Открытый клиенту по правилам гл. 45 ГК РФ банковский (текущий) счет призван обслуживать потребности самого клиента, в отличие от ссудного счета, призванного обслуживать внутренние потребности банка по учету выданных кредитов.

В случае, если условиями договора потребительского кредита (займа) предусмотрено открытие кредитором заемщику банковского счета, все операции по такому счету, *связанные с исполнением обязательств по договору потребительского кредита (займа),* включая открытие счета, выдачу заемщику и зачисление на счет заемщика потребительского кредита (займа), должны осуществляться кредитором *бесплатно* (ст. 5 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)».

В целях формирования непротиворечивой правоприменительной практики Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013 был утвержден Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств.

При рассмотрении дел, связанных с взиманием банками дополнительных платежей с заемщиков-граждан при предоставлении им кредитов, судам в каждом конкретном деле следует выяснять, являются ли эти суммы платой за оказание *самостоятельной* финансовой услуги либо они предусмотрены за стандартные действия, без совершения которых банк не смог бы заключить и исполнить кредитный договор. В последнем случае такие условия кредитного договора не соответствуют взаимосвязанным положениям ст. 819 и 845 ГК РФ, ст. 5 и 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», ст. 57 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации», ст. 166 и 167 ГК РФ и п. 1 ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей». Уплаченные денежные суммы подлежат возврату.

Вывод: при установлении, что открытие и обслуживание текущего счета осуществлено банком только в рамках отношений по предоставлению кредита, взимание тарифа по обслуживанию счета ущемляет права потребителя (Закон РФ «О защите прав потребителей»)[16].

Таким образом, необходимо разделять тарифы за открытие счета, за ведение банковского счета и за совершение операций по счету. Подход к установлению и взиманию каждого из указанных тарифов должен быть индивидуален и продуман, в том числе с учетом статуса клиента: физическое либо юридическое лицо.

Нормы закона, определяющие платность банковских услуг должны быть конкретизированы, в том числе с учетом того, что клиенту должна предоставляться именно *услуга*, представляющая для него интерес.

[16] См.: постановление Президиума Московского областного суда от 30.11.2016 № 545 по делу № 44г-228/2016.

ОТКАЗ ОТ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ КРЕДИТА: ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Мария Викторовна ХАДЕЕВА,
руководитель направления Правовой дирекции Публичного акционерного общества «Росгосстрах Банк», аспирант кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
hadeeva_mariya@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье анализируются основания для отказа в предоставлении кредита, а также его последствия. Действия банка по отказу предоставления кредита в целом следует классифицировать как одностороннее расторжение кредитного договора, в то время как непредоставление части кредита в рамках кредитного договора — в качестве одностороннего изменения его условий. Иной вывод может быть сделан в случае отказа банка в предоставлении транша в рамках договора об открытии кредитной линии. Генеральное соглашение об открытии кредитной линии может быть построено по двум моделям. Первая предполагает закрепление у банка обязанности выдавать кредиты по первому требованию заемщика. В этом случае заемщик обладает секундарным правом потребовать предоставления денежных средств в необходимом ему размере (в установленных в рамочном договоре пределах). Вторая модель характеризуется тем, что кредитные линии, по сути, являются «мягкими» рамочными договорами, в которых фиксируется кредитный лимит, но выделение конкретных траншей производится по заявке заемщика, при условии, что банк выражает свое согласие (т.е., по сути, составляется соглашение о выделении очередного кредита). В таких договорах и заемщик не обязан брать кредит, и банк не обязан его выдавать, пока не будет достигнуто согласие о выделении кредита. Однако даже при наличии в договоре формальных оснований для отказа в предоставлении кредита (очередного транша), суд будет оценивать поведение кредитной организации по существу в каждом конкретном случае. Таким образом, можно утверждать, что свобода в реализации права банка на отказ от кредитного договора или на одностороннее изменение его условий ограничивается требованиями разумности и добросовестности.*

В результате проведенного исследования сделан вывод, что кредитные организации в рамках уже заключенного кредитного договора могут отказаться от выдачи кредита (транша) только при наличии обстоятельств, предусмотренных законом, а с заемщиками — юридическими лицами — также договором. При реализации своего права на односторонний отказ они должны руководствоваться требованиями разумности и добросовестности. Если право заемщика на получение кредита было нарушено, он может требовать от банка компенсации убытков. Удовлетворение иных требований, направленных на защиту нарушенных прав, представляется менее перспективным.

Ключевые слова: *кредит, кредитные договор, договор об открытии кредитной линии, отказ в предоставлении кредита, банк, заемщик.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.177-185

© М. В. Хадеева, 2018

M. V. HADEEVA,
area manager of Legal directorate «Rosgosstrakh Bank» public joint stock company, graduate student of Department of the bank right of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
hadeeva_mariya@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

DENIAL OF CREDIT: BASES AND IMPLICATIONS

Abstract. *In article the bases for refusal in granting the credit and also his consequence are analyzed. Actions of bank for refusal of granting the credit in general should be classified as unilateral cancellation of the credit agreement while failure to provide a part of the credit within the credit agreement — as unilateral change of his conditions. Other conclusion can be drawn in case of refusal bank in granting a tranche within the contract on opening of a credit line. The general agreement on opening of a credit line can be constructed on two models. The first assumes fixing at bank of a duty to issue the credits according to the first requirement of the borrower. In this case the borrower has sekundarny rights to demand granting money in a size necessary for him (in the limits set in the frame contract). The second model is characterized by the fact that credit lines, in fact, are «soft» frame contracts in which the credit limit is fixed, but allocation of concrete trenches is made according to the application of the borrower provided that the bank expresses the consent (that is, in fact, the agreement on allocation of the next credit is formed). In such contracts neither the borrower is obliged to take the credit, nor the bank is obliged to give him, consent on allocation of the credit won't be reached yet. However even in the presence in the contract of the formal bases for refusal in granting the credit (the next tranche), the court will estimate behavior of credit institution in essence in each case. Thus, it is possible to claim that freedom in realization of the right of bank for refusal of the credit agreement or on unilateral change of his conditions, is limited to requirements of rationality and conscientiousness.*

As a result of the conducted research the author has come to a conclusion that credit institutions within already signed credit agreement can refuse issuance of credit (tranche) only in the presence of the circumstances provided by the law, and with borrowers legal entities — also the contract. At realization of the right for unilateral refusal they have to be guided by requirements of rationality and conscientiousness. If the right of the borrower for receiving the credit has been violated, he can demand from bank of compensation of losses. The satisfaction of other requirements directed to protection of the violated rights is represented to less perspective.

Keywords: *the credit, the credit contract, the contract on opening of a credit line, refusal in granting the credit, bank, the borrower.*

В сфере договорных отношений существует принцип, который можно обозначить знаменитой латинской фразой «pacta sunt servanda», что означает «договор должен исполняться»[1]. Этот принцип можно назвать краеугольном в сфере договорного права, который гарантирует участникам договорных отношений защиту их прав и законных интересов. Такие гарантии во многом и обусловливают решение участников гражданского оборота по вступлению в договорные отношения с контрагентами.

В современных реалиях развития экономики домохозяйства и субъекты предпринимательской деятельности ввиду нехватки собственных средств остро нуждаются в заемных деньгах. В этой связи приобретает особую актуальность вопрос, связанный с исполнением кредитором обязанности по предоставлению финансирования в рамках заключенного кредитного договора (договора об открытии кредитной линии).

Ситуация, при которой кредитная организация отказывает заемщику в предоставлении кредита в целом или его части (очередного транша) в нарушение принципа «pacta sunt servanda» нельзя назвать уникальной. Отказ в предоставлении финансирования не лучшим образом сказывается как на стабильности гражданского оборота в целом, так и на отдельно взятом заемщике и может повлечь, к примеру, нарушение платежных обязательств перед контрагентами, срыв инвестиционного цикла и другие неблагоприятные последствия.

При таких обстоятельствах возникает закономерный вопрос о правомерности отказа в кредитовании и о его последствиях.

Согласно п. 1 ст. 310 Гражданского кодека РФ односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами.

Гражданское законодательство предусматривает следующие основания для отказа в предоставлении кредитных средств (полностью или частично):

— наличие обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок (п. 1 ст. 821 ГК РФ);
— нарушение заемщиком предусмотренной кредитным договором обязанности целевого использования кредита (п. 3 ст. 821 ГК РФ).

Кроме того, ч. 13 ст. 7 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» содержит норму, тождественную п. 3 ст. 821 ГК РФ. В ней указано, что в случае нарушения заемщиком предусмотренной договором обязанности целевого использования потребительского кредита кредитор также вправе отказаться от дальнейшего кредитования заемщика по договору потребительского кредита.

Если контрагентом банка является субъект предпринимательской деятельности, то применяется п. 2 ст. 310 ГК РФ. В нем указано, что договором могут быть предусмотрены иные основания, предоставляющие кредитной организации право на отказ в предоставлении кредита как в целом, так и в части. На практике кредитные договоры (договоры об открытии кредитной линии) предусматривают

[1] Подробнее см.: *Карапетов А. Г.*, *Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы. М. : Статут, 2012. Т. 1.

внушительный перечень обстоятельств, на основании которых банк вправе отказать в финансировании.

При этом необходимо отметить, что существуют определенные различия в правовой оценке действий банка в зависимости от того, отказано ли в предоставлении всего кредита в целом или отказ в финансировании последовал на очередном этапе исполнения кредитного договора (договора об открытии кредитной линии), но при этом часть денежных средств все-таки была предоставлена.

Согласно п. 2 ст. 450.1 ГК РФ в случае одностороннего отказа от договора (исполнения договора) полностью или частично, если такой отказ допускается, договор считается расторгнутым или измененным. Следуя этой логике, полагаем, что действия банка по отказу предоставления кредита в целом следует классифицировать как одностороннее расторжение кредитного договора, в то время как непредоставление части кредита в рамках кредитного договора — в качестве одностороннего изменения его условий (в данном случае о размере кредита).

Что касается отказа в предоставлении транша в рамках договора об открытии кредитной линии, то здесь необходимо отметить следующее.

Договор об открытии кредитной линии может быть сформулирован по типу рамочного договора (ст. 429.1 ГК РФ). При этом Л. Г. Ефимова отмечает, что «ответ на вопрос, обязаны или нет стороны рамочного договора заключать договоры-приложения, зависит во многом от конкретных условий базового договора»[2]. Генеральное соглашение об открытии кредитной линии может быть построено по двум моделям. Первая предполагает закрепление у банка обязанности выдавать кредиты по первому требованию заемщика. То есть банк берет на себя своего рода обязательство по кредитованию в пределах срока, установленного соглашением об открытии кредитной линии, а окончательное формирование обязательства по конкретному кредиту происходит по односторонней заявке заемщика, в свою очередь, заемщик обладает секундарным правом потребовать предоставления денежных средств в необходимом ему размере (в установленных в рамочном договоре пределах).

Вторая модель характеризуется тем, что кредитные линии, по сути, являются «мягкими» рамочными договорами, в которых фиксируется кредитный лимит, но выделение конкретных траншей производится по заявке заемщика, при условии, что банк выражает свое согласие (т.е., по сути, составляется соглашение о выделении очередного кредита). В таких договорах и заемщик не обязан брать кредит, и банк не обязан его выдавать, пока не будет достигнуто согласие о выделении кредита[3].

Соответственно, лишь при формулировании соглашения кредитной линии по первой модели, где закреплена обязанность по выдаче кредитов, отказ банка можно рассматривать на предмет его несоответствия гражданскому законодательству. В рамках второй модели этот вопрос не стоит, так как у банка вовсе отсутствует обязанность по предоставлению финансирования (нет обязанности — нет нарушения).

---

[2] *Ефимова Л. Г.* Рамочные договоры на внебиржевом межбанковском рынке ценных бумаг // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 7. С. 50.

[3] *Маилян Г. Э.* Генеральное соглашение об открытии кредитной линии как рамочный (организационный) договор // Юрист. 2015. № 13.

Также отметим, что на договор об открытии кредитной линии по «первой модели» можно наложить еще одну договорную конструкцию. Учитывая, что конкретизация параметров каждого конкретного транша определяется заемщиком, можно констатировать, что договор об открытии кредитной линии отвечает признакам и опционного (ст. 429.3 ГК РФ), и рамочного договора (ст. 429.1 ГК РФ) одновременно. Этот договор рамочный в том смысле, что существенные условия в нем прямо не согласованы и подлежат конкретизации в дальнейшем, но он одновременно и опционный, поскольку определение таких условий — в полной власти одной из сторон[4]. При отнесении договора об открытии кредитной линии к опционному договору банк (как должник) не может беспричинно отказаться от выполнения требования управомоченной стороны (заемщика) при реализации последним своего секундарного права.

При отсутствии обстоятельств, позволяющих кредитной организации отказать в предоставлении кредита (транша), указанных в договоре или законе, можно утверждать, что отказ в предоставлении финансирования не правомерен. А если такие основания формально имеются, всегда ли отказ можно признать обоснованным?

Сторона, которой предоставлено право на одностороннее изменение договора (п. 4 ст. 450 ГК РФ) или отказ от него (п. 4 ст. 450.1 ГК РФ), должна при осуществлении этого права действовать добросовестно.

В пункте 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» было отмечено, что при реализации прав на изменение условий кредитного договора банк должен действовать, исходя из принципов разумности и добросовестности.

Аналогичная позиция была зафиксирована в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». В нем предусмотрено, что при осуществлении стороной права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения она должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны. Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Вышеизложенное свидетельствует, что даже при наличии в договоре формальных оснований для отказа в предоставлении кредита (очередного транша) суд будет оценивать поведение кредитной организации по существу в каждом конкретном случае. Таким образом, можно утверждать, что свобода в реализации права банка на отказ от кредитного договора или на одностороннее изменение его условий ограничивается требованиями разумности и добросовестности.

Так или иначе возникает закономерный вопрос: какие последствия влечет необоснованный отказ в предоставлении финансирования?

[4] *Карапетов А. Г.* Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3.

Возмещение убытков. Так, на основании п. 1 ст. 393.1 ГК РФ в связи с тем, что ненадлежащее исполнение банком своего обязательства повлекло досрочное прекращение кредитного договора, заемщик может потребовать компенсировать убытки в виде разницы между процентной ставкой, установленной в ранее заключенном кредитном договоре, и ставкой кредитного договора, который был заключен взамен прекращенного. Согласно п. 2 ст. 393.1 ГК РФ, если заемщик не заключил аналогичный договор взамен прекращенного договора, то он вправе потребовать от должника (кредитной организации) возмещения убытков. Размер убытков определяется в виде разницы между процентной ставкой, установленной в прекращенном договоре, и текущей процентной ставкой, которая сопоставима с процентной ставкой, установленной на момент прекращения договора.

Требование о компенсации в виде разницы процентных ставок со ссылкой на ст. 393.1 ГК РФ может быть направлено при условии прекращении кредитного договора, т.е. в ситуации, когда банк отказал заемщику в предоставлении кредита в целом[5].

Необходимо отметить, что ст. 393.1 ГК РФ «Возмещение убытков при прекращении договора» вступила в силу с 01.06.2015, и практика по ее применению пока только формируется. При этом и ранее суды признавали надлежащим способом защиты прав заемщика заявление требования о возмещении убытков, под которыми, в частности, можно понимать разницу в процентных ставках, при условии, что остальные условия кредитования (сумма кредита и срок возврата) не отличаются значительно от первоначального спорного договора[6].

Если банк отказал в части финансирования, что не повлекло прекращения кредитного договора или договора об открытии кредитной линии, заемщик также может требовать компенсации убытков, но со ссылкой на ст. 15 ГК РФ. При этом, как мы уже отметили ранее, судебная практика подтверждает, что заемщик при заявлении требования о компенсации убытков также вправе потребовать разницу между процентными ставками по договору, по которому был получен отказ кредитором в финансировании, и тем договором, который ему пришлось заключить, чтобы получить «невыбранные» денежные средства.

Требование об исполнении обязательства по выдаче кредита. В доктрине нет единства мнений относительно права заемщика воспользоваться таким способом защиты своего права, как присуждение к исполнению обязанности в натуре (ст. 12 ГК РФ). Ряд ученых исключают возможность истребования суммы кредита, другие наоборот — допускают, что заемщик вправе потребовать от банка перечисления денежных средств.

В защиту точки зрения о недопустимости требовать предоставления суммы кредита указывается на то, что обязательство по предоставлению кредита носит неденежный характер[7].

---

[5] *Сиземова О. Б.* О наиболее актуальных проблемах банковского кредитования // Банковское право. 2017. № 2.

[6] См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 марта 2015 г. № Ф05-17201/2014 по делу № А40-85324/14, определение Верховного Суда РФ от 29.06.2015 № 305-ЭС15-6670 по делу № А40-85324/2014.

[7] *Новоселова Л. А.* Проценты по денежным обязательствам. М. : Статут, 2003. С. 26.

В. В. Витрянский в обоснование позиции о невозможности заемщику настаивать на принудительной реализации принадлежащего ему права на получение кредита предлагает аргументы, основанные именно на неденежном характере обязательства. Так, он отмечает, что предмет обязательства кредитной организации «состоит в совершении банком-кредитором действий по передаче заемщику денежных средств... представляющих собой абсолютно заменимые вещи, определенные родовыми признаками (наличные деньги), или права требования к соответствующему банку (безналичные денежные средства)»[8].

Также ученый уточняет, что в российском законодательстве существует лишь одно исключение, когда обязательство по передаче имущества может быть исполнено принудительно — ст. 398 «Последствия неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь» ГК РФ. Под это исключение, как указывает В. В. Витрянский, обязательство по предоставлению кредита не подпадает.

Несмотря на то, что среди научного сообщества преобладает мнение о недопустимости понуждения кредитной организации к выдаче кредита[9], с такой позицией согласны не все. Так, П. Малахов отмечает, что «право требовать предоставления суммы кредита является субъективным правом, обладающим, в частности, и таким свойством, как обеспеченность принудительной силой государства»[10]. С. К. Соломин считает, что «кредитный договор порождает обязательства, одним из которых выступает обязательство по предоставлению кредита, право требовать выдачи которого не может быть умалено ни принадлежностью кредита к родовым вещам, ни принадлежностью данного обязательства к неденежным». Он полагает, что консенсуальная конструкция кредитного договора предполагает право заемщика требовать предоставления суммы кредита при его нарушении, и это может быть исполнено принудительно[11].

А что же на этот счет говорит судебная практика? Так, позиция, сформулированная в п. 11 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований», согласно которой понуждение к исполнению обязанности выдать кредит в натуре не допускается, устойчиво поддерживается судами[12]. Но при этом есть ряд судебных решений, которые идут вразрез с устоявшейся судебной практикой

---

[8] *Витрянский В. В.* Проблемы заключения и исполнения кредитного договора // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2004. № 11. С. 58.

[9] См., например: *Михеева И. Е.* Исполнение обязательств по кредитному договору в свете судебной практики // Предпринимательское право. 2017. С. 26—30.

[10] *Малахов П.* Уступка права требования по кредитному договору // ЭЖ-юрист. 2005. № 39.

[11] *Соломин С. К.* Банковский кредит: проблемы теории и практики. М., 2009.

[12] См.: постановление ФАС Московского округа от 25.03.2011 № КГ-А40/1415-11 по делу № А40-42333/10-97-359 ; информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.09.2011 № 147 ; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 19.04.2013 № ВАС-1690/13 по делу № А56-56851/2011 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.03.2015 № Ф05-17201/2014 по делу № А40-85324/14.

и обязывают кредитные организации выдать денежные средства в принудительном порядке[13].

Требование о расторжении кредитного договора. Согласно п. 2 ст. 450 ГК РФ, если кредитная организация необоснованно отказывает в предоставлении части финансирования, заемщик вправе поставить вопрос о досрочном расторжении кредитного договора в судебном порядке (в связи с существенным нарушением банком условий кредитного договора). Однако на практике заемщики не спешат расторгать кредитные договоры. Расторжение договора повлечет необходимость досрочного возврата уже полученных денежных средств, что может негативно сказаться на платежеспособности заемщика. Представляется более вероятным, что заемщик будет заинтересован в исполнении договора на прежних условиях, в том числе в части сроков и порядка возврата кредита.

Возможность досрочно расторгнуть договор на основании п. 2 ст. 450 ГК РФ будет представлять интерес лишь для ограниченного круга заемщиков. Речь может идти, например, о заемщиках, которые получили небольшой кредит. Они имеют возможность его вернуть, не претерпевая негативных последствий. Также в реализации права на досрочное расторжение будут заинтересованы те заемщики, которые хотят прекратить договорные отношения с банком, но право на досрочный возврат уже полученного кредита ограничено (кредитным договором или договором об открытии кредитной линии).

Таким образом, кредитные организации в рамках уже заключенного кредитного договора могут отказаться от выдачи кредита (транша) только при наличии обстоятельств, предусмотренных законом, а с заемщиками юридическими лицами — также договором. При реализации своего права на односторонний отказ они должны руководствоваться требованиями разумности и добросовестности. Если право заемщика на получение кредита было нарушено, он может требовать от банка компенсации убытков. Удовлетворение иных требований, направленных на защиту нарушенных прав, представляется менее перспективным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Витрянский В. В.* Проблемы заключения и исполнения кредитного договора // Приложение к журналу «Хозяйство и право». — 2004. — № 11.
2. *Ефимова Л. Г.* Рамочные договоры на внебиржевом межбанковском рынке ценных бумаг // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2006. — № 7.
3. *Карапетов А. Г.* Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2016. — № 3.
4. *Карапетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы. — М. : Статут, 2012. — Т. 1.

[13] См.: постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 02.07.2007 по делу № А69-24/07-Ф02-3869/07 ; апелляционное определение Курганского областного суда от 28.05.2015 по делу № 33-1544/2015.

5. *Маилян Г. Э.* Генеральное соглашение об открытии кредитной линии как рамочный (организационный) договор // Юрист. — 2015. — № 13.
6. *Малахов П.* Уступка права требования по кредитному договору // ЭЖ-юрист. — 2005. — № 39.
7. *Михеева И. Е.* Исполнение обязательств по кредитному договору в свете судебной практики // Предпринимательское право. — 2017. — № 2.
8. *Новоселова Л. А.* Проценты по денежным обязательствам. — М. : Статут, 2003.
9. *Сиземова О. Б.* О наиболее актуальных проблемах банковского кредитования // Банковское право. — 2017. — № 2.
10. *Соломин С. К.* Банковский кредит: проблемы теории и практики. — М., 2009.

Владимир Олегович МАКУШКИН,
аспирант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), начальник Юридического управления АО «Генбанк»
vladimir-makushkin@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СПЕЦИАЛЬНЫХ БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ: ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ

Аннотация. *Статья посвящена формированию подходов к изучению правового режима специальных банковских счетов, выявлению его ключевых свойств и элементов. Сделан вывод о том, что целями формирования правового режима специального банковского счета является защита граждан и организаций, не являющихся владельцами счетов, но имеющих субъективное право или законный интерес в сохранности денежных средств на счетах, их целевом расходовании; а также обеспечение контроля указанными лицами, кредитными организациями или государством за расходованием денежных средств с таких счетов. Предложено понятие правового режима специальных банковских счетов. Выявлены ключевые элементы правового режима специальных банковских счетов.*

Ключевые слова: *банковский счет, специальный банковский счет, правовой режим, правовой режим специальных банковских счетов.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.186-196

V. O. MAKUSHKIN,
graduate student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), chief of Legal management JSC «Genbank»
vladimir-makushkin@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

LEGAL REGIME OF SPECIAL BANK ACCOUNTS: CONCEPT AND ELEMENTS

Abstract. *The article deals with the development of approaches to studying the legal regime of special bank accounts, identifying its key features and elements. It was considered that the development of legal regime of special bank accounts aims at protecting citizens and entities which are not account holders but have a subjective right or legitimate interest in security of funds in the accounts and their targeted spending, as well as monitoring by mentioned persons, credit organizations and the state of spending of money from such accounts. The key elements of the legal regime of special bank accounts have been identified. The notion of the legal regime of special bank accounts has been proposed.*

Keywords: *bank account; special bank account; legal regime; legal regime of special bank accounts.*

© В. О. Макушкин, 2018

Определение термина «правовой режим» и его использование применительно к специальным банковским счетам

Термин «правовой режим»[1] активно используется как в юридической науке, так и в нормативных правовых актах, и применяется в отношении разнообразных объектов права, видов деятельности, субъектов права.

С. С. Алексеев охарактеризовал правовой режим как «порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования»[2].

Л. А. Морозова предлагает рассматривать правовой режим как «результат регулятивного воздействия на общественные отношения системы (определенного набора) юридических средств, присущих конкретной отрасли права и обеспечивающих нормальное функционирование данного комплекса общественных отношений»[3].

Посвятившая отдельное исследование вопросу правовых режимов Г. С. Беляева предлагает следующее понятие правового режима: «Правовой режим — это особый порядок правового регулирования, который вводится в действие по специфическим мотивам, с учетом самобытности социальной ситуации и не применим в том же виде в каких-либо других сферах»[4].

Н. И. Матузов и А. В. Малько определяют правовой режим как «особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права»[5]. Как отмечают в своем исследовании авторы, «неточно определенный режим заставляет функционировать всю систему юридических средств ниже оптимума, вызывает падение количественных и особенно качественных показателей деятельности»[6].

Из многообразия сложившихся в юридической науке подходов к определению правового режима последний подход видится наиболее предметным и содержательным: указанное определение правового режима сочетает в себе как формальные свойства правового режима — правовые средства, так и функциональные — желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права, а также связь между ними.

---

[1] Значение термина «режим», которое произошло от французского «régime» (порядок, уклад, распорядок), определяется в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова как «совокупность правил, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели», «распорядок дел, действий, условия деятельности, работы, существования чего-нибудь».

[2] *Алексеев С. С.* Теория права. М., 1995. С. 23.

[3] *Морозова Л. А.* Конституционное регулирование в СССР. М., 1985. С. 123.

[4] *Беляева Г. С.* Правовой режим: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Курск, 2013. С. 12.

[5] *Матузов Н. И., Малько А. В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 18.

[6] *Матузов Н. И., Малько А. В.* Указ. соч. С. 20.

Необходимо отметить, что определение «правового режима», предложенное Г. С. Беляевой, включает в себя также существенные признаки правового режима: цель и специфический мотив, которые, как представляется, по своему содержанию тождественны признаку «желаемого социального состояния» у Н. И. Матузова и А. В. Малько. В свою очередь, С. С. Алексеев указывает на похожий, по существу, признак правового режима — «особую направленность регулирования».

Действительно, нельзя пренебречь целью правового режима, так как правовые средства как механизм обеспечивают функционирование определенного правового явления, но его сущность нельзя выявить, не выявив целей и мотивов законодателя, которыми он руководствовался при регулировании общественных отношений.

Таким образом, к значимым элементам правового режима в юридической науке принято относить:

1) специфическую цель (мотив) регулирования общественных отношений;
2) формальную составляющую, которая заключается в использовании правового «инструментария» — правовых средств;
3) диалектику, связь цели и формальной составляющей, которая выражается в их оптимальном сочетании для достижения наиболее благоприятного эффекта для удовлетворения интересов субъекта права.

Определение правового режима банковского счета было предложено А. А. Кальгиной, которая указывает, что «правовой режим банковского счета — это урегулированный нормами права порядок осуществления кредитными организациями операций по зачислению и списанию денежных средств, а также проведению иных операций по счету, выражающийся в определенном сочетании правовых средств, отражающих специфику соответствующего вида банковского счета»[7].

С. П. Карчевский определяет режим счета как перечень операций, предусмотренных законодательством и нормативными актами Банка России в отношении счетов определенного вида, и (или) договором банковского счета в отношении конкретного счета, открываемого клиентом в банке[8].

Как видно, исследователи института банковского счета частично или полностью отождествляют правовой режим счета с режимом осуществления операций по счету, который установлен нормативными правовыми актами. Представляется, что исследователи делают акцент на ключевое свойство банковского счета — возможность осуществления операций с безналичными денежными средствами.

В то же время анализ трех составляющих правового режима специальных банковских счетов показывает, что не только регулирование операций по счету позволяет достичь благоприятного состояния для защиты интересов субъекта права.

---

[7] *Кальгина А. А.,* Правовой режим банковского счета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2006. С. 9.

[8] *Карчевский С. П.* Банковские счета. Законодательство и практика. М. : КноРус, ЦИПСиР, 2012. С. 71.

«Цель (назначение счета)» как основополагающий элемент правового режима специальных банковских счетов

Как указывал исследователь теории государства и права Н. И. Матузов, «теоретическое и практическое значение цели в праве (вообще) состоит в том, что она связана с выявлением самого социального назначения и служебной роли права в жизни общества, эффективности его функционирования, с разработкой и изучением наиболее оптимальных путей, форм, методов правового воздействия на… общественные отношения»[9].

Указанное утверждение справедливо и для частных случаев в праве, в том числе применительно к отдельным институтам, нормам права, эффективность которых напрямую зависит от того, насколько точно их характер и свойства соответствуют общественным интересам, интересам государства и отдельных участников гражданского оборота.

Цель открытия и использования специального банковского счета, или, как принято говорить, «назначение счета», может отличаться в зависимости от вида специального банковского счета.

Ряд специальных банковских счетов используется для защиты прав граждан и организаций, которым принадлежат денежные средства (или будут принадлежать при наступлении определенных обстоятельств) на специальном счете, но которые владельцами таких счетов не являются. Сто́ит отметить, что когда мы говорим о принадлежности денежных средств на банковском счете, то имеем в виду наличие у лица субъективного права — права требовать от банка выдачи остатка на счете или его перечисления на другой банковский счет, что предопределено обязательственной природой безналичных денежных средств. Характерным примером специального счета данного вида является номинальный банковский счет. В рамках реализации Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации Федеральным законом от 21.12.2013 № 379-ФЗ[10] гл. 45 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) была дополнена положениями о номинальном банковском счете, основное отличие которого от универсального банковского счета состоит в том, что владелец счета распоряжается денежными средствами, права на которые принадлежат третьему лицу (бенефициару) (ст. 860.1. ГК РФ).

Номинальный банковский счет может использоваться как для осуществления предпринимательской деятельности, связанной с привлечением профессиональным участником определенного рынка фондов граждан и организаций, так и для обеспечения финансирования социально значимых отношений, к примеру, для расходования опекуном (попечителем) средств опекаемого (подопечного) в упрощенному порядке (без согласия органов опеки).

В отдельных случаях право третьего лица на денежные средства на специальном счете может не существовать на момент открытия специального счета, но в силу возникновения определенных оснований (совершения действий или

[9] *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия : теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 31.

[10] Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6699.

наступления событий) может к нему перейти. Одним из примеров такого счета является счет эскроу, который используется для учета и блокирования определенной суммы денежных средств, полученных банком (эскроу агентом) от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором между банком, депонентом и бенефициаром.

Также к специальным банковским счетам, денежные средства на которых принадлежат гражданам и организациям, не являющимся владельцами таких счетов, можно отнести специальные банковские счета товариществ собственников жилья, жилищных кооперативов и иных специализированных потребительских кооперативов, управляющих организаций, специальный счет регионального оператора, брокерский счет.

В ином случае специальные банковские счета служат для защиты законных интересов третьих лиц в обеспечении сохранности и целевом расходовании денежных средств на специальном счете. Характерным примером является отдельный счет головного исполнителя, исполнителя государственного оборонного заказа. Отношения, складывающиеся по поводу выполнения государственного оборонного заказа, имеют особую значимость для обеспечения обороноспособности государства. В связи с этим государственный заказчик государственного оборонного заказа как участник соответствующих общественных отношений имеет охраняемый законом интерес в надлежащем исполнении головным исполнителем договорных обязательств, а равно интерес в сохранности аванса, перечисленного на отдельный счет головного исполнителя, и его целевом расходовании.

Также следует отметить, что использование отдельных видов специальных счетов прямо не связано с защитой прав или законных интересов граждан и организаций, однако служит этой цели опосредованно. Это характерно, к примеру, для специальных банковских счетов, открываемых в соответствии с законодательством РФ о выборах и референдуме. Специальный избирательный счет, в соответствии со ст. 60 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»[11], открывается кандидату в Президенты РФ для формирования и использования избирательного фонда. При этом цели использования избирательного фонда непосредственно связаны с проведением кандидатами своей избирательной кампании. Формирование избирательного фонда допускается из трех источников: за счет средств кандидата, средств, которые выделены кандидату выдвинувшей его политической партией, добровольных пожертвований граждан и юридических лиц. Специальный избирательный счет служит для целей контроля со стороны Центральной избирательной комиссии РФ и общественности за соблюдением кандидатом установленных законодательством ограничений в части, касающейся источников финансирования кандидата, предельных величин финансирования и использования по назначению избирательного фонда.

Таким образом, назначение специальных банковских счетов (цель открытия и использования) заключается в защите граждан и организаций, не являющихся владельцами счетов, но имеющих субъективное право или законный интерес

[11] СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

в сохранности денежных средств на счетах, их целевом расходовании, а также обеспечении контроля указанными лицами, кредитными организациями или государством за расходованием денежных средств таких счетов.

Формальная составляющая правового режима специальных банковских счетов (правовые средства)

Правовые средства рассматриваются в качестве сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества[12].

По мнению А. В. Малько, «правовые средства — это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»[13].

Справедливо утверждение В. А. Сапуна о том, что «правовые средства относятся к правовым установлениям, составляющим субстанцию права, т.е. явления — регуляторы, образующие вещество, узловые пункты права, первичные центры правовой действительности, вокруг которых группируются иные правовые явления: нормы права, правоотношения, правоспособность, правомочия и компетенция, субъективные права и обязанности, договоры, юридическая ответственность и меры защиты и др.»[14].

Применительно к банковским счетам правовые средства традиционно рассматриваются через призму устойчивых групп отношений, складывающихся в связи с открытием и закрытием счета, заключением, исполнением и расторжением договора банковского счета, осуществлением операций по счету, предоставлением сведений о счетах, составляющих банковскую тайну, а также в связи с обеспечением сохранности денежных средств на счетах[15].

Использование указанного подхода к рассмотрению элементов правового режима специальных банковских счетов основано на выводе о том, что специальный банковский счет является разновидностью банковского счета. При этом

---

[12] *Пугинский Б. И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 87.

[13] *Малько А. В.* Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999. С. 65.

[14] *Сапун В. А.* Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2002. С. 52.

[15] См., например: *Брагинский М. И.*, *Витрянский В. В.* Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований : в 5 т. М. : Статут, 2006. Т. 1. 736 с. ; *Карчевский С. П.* Банковские счета. Законодательство и практика. М. : КноРус, ЦИПСиР, 2012. 280 с. ; *Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В., Загиров Р. З.* Банковский вклад и банковский счет. Расчеты : учебник для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. Д. Г. Алексеева, С. В. Пыхтин. М. : Юрайт, 2017. 243 с.

элементы правового режима специальных банковских счетов имеют свои специфические особенности, которые можно охарактеризовать следующим образом.

Порядок открытия и закрытия специальных банковских счетов должен обеспечивать соблюдение прав и интересов лиц, которым принадлежит право на денежные средства или законный интерес в их сохранности и целевом расходовании. При открытии специального счета банк должен располагать сведениями об основаниях, по которым владелец счета действует от имени третьего лица, сведениями об осуществлении владельцем специального счета деятельности, которая предполагает необходимость повышенной (по сравнению с обычными условиями гражданского оборота) защиты лиц, заинтересованных в целевом расходовании клиентом денежных средств на счете (п. 4.13, 4.14 Инструкции Банка России № 153-И, ст. 176 ЖК РФ[16]). Процедура закрытия специальных банковских счетов должна исключать распоряжение денежными средствами без учета интересов лица, которому они принадлежат, для чего расторжение договора банковского счета и, соответственно, закрытие специального счета может быть обусловлено получением кредитной организацией согласия, решения правомочного лица либо обязанностью его уведомления (ст. 358.13, 860.6., 860.10 ГК РФ, ст. 176 ЖК РФ, ст. 8.3. Федерального закона «О государственном оборонном заказе»[17]).

Порядок совершения операций по специальным банковским счетам должен исключать нецелевое расходование денежных средств. Достигается это посредством определения в законе или договоре банковского счета круга операций, которые банк вправе совершать по специальному счету, путем запрета на совершение отдельных видов операций (к примеру, п. 3 ст. 3 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»[18]) или путем установления закрытого перечня операций по такому счету (к примеру, п. 16 ст. 4 Федерального закона «О национальной платежной системе»[19]).

Порядок и основания ограничения прав владельца счета на распоряжение средствами на специальных банковских счетах не должны нарушать права лиц, которым принадлежат денежные средства на специальном счете, или лиц, которые имеют законный интерес в их сохранности и целевом расходовании. Указанное условие достигается путем закрепления в законе запрета на арест, списание денежных средств со специальных счетов или приостановление операций по таким счетам. В большей степени это характерно для специальных счетов, на которых учитываются денежные средства третьих лиц.

Особенность отношений, складывающихся по поводу предоставления информации об операциях по специальным банковским счетам, заключается в том,

---

[16] Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» // Вестник Банка России. 2014. № 60 ; Жилищный кодекс РФ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

[17] Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7600.

[18] Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. № 17. 1996. Ст. 1918.

[19] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

что, вопреки требованию ст. 857 ГК РФ, банковская тайна может быть раскрыта третьим лицам. Лица, которым принадлежат денежные средства на специальных счетах, должны иметь возможность осуществлять контроль за целевым расходованием средств, что достигается в том числе путем информирования указанных лиц о совершенных по счетам операциях.

Обеспечение сохранности денежных средств на специальных счетах достигается следующими специфическими средствами:

1) путем установления повышенных требований к финансовой устойчивости кредитных организаций, которые включают минимальную величину собственных средств кредитной организации, наличие кредитного рейтинга определенного уровня и (или) наличие контроля Банка России или Российской Федерации (в значении этого термина, предусмотренного «Международным стандартом финансовой отчетности (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность»);
2) путем страхования денежных средств на специальных банковских счетах на особых условиях, что может выражаться в установлении повышенных сумм страхового возмещения или периода, в течение которого средства подлежат страхованию;
3) путем исключения из конкурсной массы должника (владельца счета) остатка на специальном банковском счете;
4) путем предоставления лицам, которым принадлежат денежные средства на специальном счете, дополнительных прав в отношении выбора кредитной организации, возможности смены кредитной организации или владельца счета без закрытия счета;
5) путем информирования лиц, которым принадлежат денежные средства на специальном счете, о возникновении оснований, при наступлении которых денежные средства на специальных счетах не подлежат страхованию.

Особенности также имеет и договор банковского счета, который служит средством оформления отношений между банком и клиентом (владельцем счета) с учетом законных интересов третьих лиц. Особенности договора специального банковского счета могут заключаться как в составе сторон договора (ст. 860.1, 860.7 ГК РФ), так и в требованиях к форме договора (п. 2, 3 ст. 860.2 ГК РФ), к порядку его заключения (п. 1 ст. 860.1 ГК РФ), к содержанию прав и обязанностей сторон такого договора (860.3, 860.4, 860.10, 860.11—860.13 ГК РФ, 175, 176 ЖК РФ).

Соответственно, система правовых средств, составляющих правовой режим специальных банковских счетов, имеет свои специфические черты: наличие повышенных требований к владельцам счетов на стадии открытия специальных счетов, процедур контроля за целевым расходованием средств со счета при его использовании и закрытии; особенности ограничения прав владельца специального счета на распоряжение средствами; обязанности банка по предоставлению сведений о специальных счетах третьим лицам; требования к обеспечению сохранности денежных средств на специальных счетах; а также наличие специфических признаков договора специального банковского счета.

Сочетание элементов правового режима специального банковского счета для достижения целей его формирования

Применение правовых средств для связи идеального (цель, мотив) и реального (благоприятный эффект для удовлетворения интересов субъекта права) носит комплексный характер, что особенно характерно для института банковского счета, который сочетает в себе многообразие отношений, складывающихся по поводу открытия, ведения, закрытия счета, обеспечения сохранности денежных средств на счетах, исполнения обязательств из договора банковского счета и применения мер ответственности.

Г. С. Беляева отмечает, что существенными признаками правового режима также являются: системный характер, комплексный характер и особая структура[20]. В полной мере данное утверждение характерно и для правового режима специальных банковских счетов.

Правовые средства образуют логичную, целостную и уникальную систему, каждый из элементов которой служит достижению цели формирования правового режима специальных банковских счетов. В зависимости от цели формирования того или иного правового режима может существенно различаться его содержание, элементы, а также может изменяться их сочетание.

По общему правилу владелец универсального банковского счета вправе свободно распоряжаться денежными средствами на банковском счете (п. 3 ст. 845 ГК РФ), при необходимости может закрыть счет и перевести остаток средств на другой счет (п. 1 ст. 859 ГК РФ), распоряжение счетом может быть ограничено только в связи с арестом или приостановлением операций в случаях, предусмотренных законом (ст. 858 ГК РФ).

Операции по специальным банковским счетам могут быть ограничены установленным законом или договором банковского счета кругом операций, при этом банк становится обязанным контролировать расходование средств со счета, волеизъявление владельца счета на расторжение договора банковского счета может быть ограничено или согласовываться с волей третьего лица.

Например, денежные средства на специальных счетах, открываемых для формирования фонда капитального ремонта многоквартирного дома, принадлежат собственникам помещений в таком многоквартирном доме, но счет открывается и используется уполномоченным лицом (товариществом собственников жилья, жилищным кооперативом, управляющей организацией или региональным оператором). Правовой режим рассматриваемых счетов состоит из совокупности правовых средств, общее назначение которых сводится к следующему:

1) установленный законом круг операций по счету не допускает использования денежных средств не по целевому назначению, в том числе не допускается обращение взыскания на денежные средства по обязательствам владельца счета;
2) лица, которым принадлежит право на денежные средства на счете, вправе получить информацию об операциях и осуществлять контроль за использованием счета, при необходимости сменить владельца счета или кредитную организацию.

---

[20] *Беляева Г. С.* Указ. соч. С. 12.

В то же время указанные ограничения не характерны для специальных банковских счетов, средства на которых принадлежат владельцу счета, но имеется законный интерес третьих лиц в их целевом расходовании. К примеру, по счетам банковского платежного агента (субагента) обеспечение интересов плательщиков осуществляется посредством определения перечня операций по счету, а также фиксации специального характера деятельности владельца счета (прием платежей физических лиц).

Таким образом, правовые средства, составляющие правовой режим специальных банковских счетов, и их сочетание в зависимости от вида специального банковского счета можно представить в виде уникальной, последовательной и целостной системы, элементы которой служат достижению целей правового режима.

Выводы

Анализ элементов существующего правового режима специальных банковских счетов, целей его формирования, а также сочетания правовых средств для достижения таких целей показывает, что правовой режим специальных банковских счетов имеет существенные отличия от правового режима универсальных банковских счетов.

Основные особенности правового режима специальных банковских счетов могут быть отражены в следующем определении.

Правовой режим специального банковского счета — это совокупность правовых средств, устанавливающих особенности порядка открытия и закрытия специальных банковских счетов, совершения по ним операций и применения ограничений, а также определяющих специфику отношений, складывающихся по поводу предоставления банковской тайны, обеспечения сохранности денежных средств на счете, с целью защиты граждан и организаций, не являющихся владельцами счетов, но имеющих субъективное право или законный интерес в сохранности денежных средств на счетах, их целевом расходовании, а также с целью обеспечения контроля указанными лицами, кредитными организациями или государственными органами за расходованием денежных средств с таких счетов.

Отличия правового режима специальных банковских счетов от правового режима универсальных банковских счетов заключаются в наличии особой цели формирования правового режима (защита граждан и организаций, не являющихся владельцами счетов, но имеющих субъективное право или законный интерес в сохранности денежных средств на счетах, их целевом расходовании, а также обеспечение контроля указанными лицами, кредитными организациями или государством за расходованием денежных средств с таких счетов), специфических характеристик элементов правового режима и их сочетании для достижения установленной цели, которые можно охарактеризовать следующим образом:

1) порядок открытия и закрытия специальных банковских счетов, обеспечивающий соблюдение прав и интересов лиц, которым принадлежит право на денежные средства или законный интерес в их сохранности и целевом расходовании;

2) порядок совершения операций по специальным банковским счетам, препятствующий нецелевому расходованию денежных средств;
3) порядок ограничения прав владельца счета на распоряжение средствами на специальных банковских счетах, препятствующий нарушению целевого расходования денежных средств;
4) отношения по предоставлению информации об операциях по специальным банковским счетам лицам, не являющимся владельцами счетов, но имеющим субъективное право или законный интерес в сохранности или целевом расходовании денежных средств, а также лицам, наделенным полномочиями по контролю за использованием таких счетов;
5) требования к обеспечению сохранности денежных средств на специальном счете (повышенные требования к финансовой устойчивости кредитных организаций, возможность замены кредитной организации, повышенные гарантии при страховании вкладов, исключение средств на специальных счетах из конкурсной массы в случае банкротства владельца счета);
6) договор специального банковского счета как средство оформления отношений, складывающихся между банком и владельцем счета по поводу распоряжения денежными средствами, которые принадлежат третьим лицам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Теория права. — М., 1995.
2. *Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В.*, *Загиров Р. З.* Банковский вклад и банковский счет. Расчеты : учебник для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. Д. Г. Алексеева, С. В. Пыхтин. — М. : Юрайт, 2017.
3. *Беляева Г. С.* Правовой режим: общетеоретическое исследование : автореф. : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. — Курск., 2013.
4. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований : в 5 т. — М. : Статут, 2006. — Т. 1.
5. *Кальгина А.*А, Правовой режим банковского счета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2006.
6. *Карчевский С. П.* Банковские счета. Законодательство и практика. — М. : КноРус, ЦИПСиР, 2012.
7. *Малько А. В.* Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. — Тольятти, 1999.
8. *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. — Саратов, 1972.
9. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. — 1996. — № 1.
10. *Морозова Л. А.* Конституционное регулирование в СССР. — М., 1985.
11. *Пугинский Б. И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. — М., 1984.
12. *Сапун В. А.* Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. — Н. Новгород, 2002.

ПРОБЛЕМЫ СУБОРДИНАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ АФФИЛИРОВАННЫХ КРЕДИТОРОВ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ЗАЕМЩИКОВ

Андрей Сергеевич МАЗУР,
аспирант кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Mazur.andrey.serg@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье рассмотрена новейшая практика Верховного Суда РФ по вопросу субординации (понижения в очередности) займов участников (акционеров) должника в деле о банкротстве данного должника. Одним из принципов в процедурах банкротства является принцип равенства кредиторов. Однако данный принцип не является абсолютным, и Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит ряд правил для определения очередности кредиторов в рамках дела о банкротстве. Например, Законом закреплена очередность погашения требований кредиторов (ст. 134). Также привилегированное положение при погашении требований отводится залоговым кредиторам (ст. 138 Закона о банкротстве). Отдельное место занимают требования участников (акционеров) юридического лица, вытекающие не из гражданско-правовых сделок, а связанные с самим фактом участия в юридическом лице, т.е. корпоративные требования. В соответствии с абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве конкурсными кредиторами должника не признаются учредители (участники) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия. В данном случае как раз и возникает проблема квалификации судом требований о включении в реестр требований кредиторов, поступающих от участников должника и их аффилированных лиц и внешне выглядящих как обычная гражданско-правовая сделка, как корпоративных и вытекающих исключительно из факта участия в организации-банкроте. Так, Верховным Судом РФ в ряде судебных актов, которые проанализированы в настоящей статье, был сделан вывод о том, что по смыслу данной нормы в реестр не включаются как требования участников по корпоративным обязательствам (выплата дивидендов и пр.), так и требования, лишь формально имеющие гражданско-правовую природу, но, по сути, таковыми не являющиеся. Автор приходит к выводу о том, что правовые подходы, выработанные Верховным Судом РФ, необходимо распространить и на займы, выданные аффилированными лицами должника в преддверии его банкротства.*

Ключевые слова: *банкротство банков, субординированные кредиты.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.197-202

© А. С. Мазур, 2018

A. S. MASUR,
Graduate student of Department of the bank right
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
mazur.andrey.serg@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

PROBLEMS OF SUBORDINATION OF REQUIREMENTS OF AFFILIATED CREDITORS IN CASES OF BANKRUPTCY OF BORROWERS

Abstract. *In article the newest practice of the Supreme Court of the Russian Federation concerning subordination (decrease in sequence) loans of participants (shareholders) of the debtor in the case of bankruptcy of this debtor is considered. One of the principles in procedures of bankruptcy is the principle of equality of creditors. However this principle isn't absolute, and the Federal law from 10/26/2002 No. 127-FZ «About insolvency (bankruptcy)» contains a number of rules for determination of sequence of creditors within case of bankruptcy. For example, the law has set sequence of repayment of requirements of creditors (Art. 134 of the Law on bankruptcy). Also privileged position at repayment of requirements is allocated for mortgage creditors (Art. 138 of the Law on bankruptcy). The certain place is taken by the requirements of participants (shareholders) of the legal entity following not from civil transactions, and connected with the fact of participation in the legal entity that is corporate requirements. According to paragraph 8 of Art. 2 of the Law on bankruptcy competitive creditors of the debtor founders (participants) of the debtor according to the obligations following from such participation don't admit. In this case just there is also a qualification problem court of requirements about inclusion in the register of requirements of the creditors who are arriving from participants of the debtor and their affiliates and externally looking as the usual civil transaction as corporate and following only from the fact of participation in the bankrupt organization. So, the Supreme Court of the Russian Federation in a number of judicial acts which are analysed in the present article has drawn a conclusion that on sense of this norm don't join in the register as the requirement of participants for corporate obligations (payment of dividends and so forth), and the requirements which only formally have the civil nature, but in fact by those not being. The author comes to a conclusion that the legal approaches developed by the Supreme Court of the Russian Federation need to be extended also to the loans issued by affiliates of the debtor in anticipation of his bankruptcy.*
Keywords: *bankruptcy of banks, the subordinated credits.*

Российские банки в своей деятельности неизбежно сталкиваются с банкротством недобросовестных заемщиков и, как правило, в рамках данных дел вынуждены противостоять включению в реестр требований кредиторов должника требований «дружественных» по отношению к должнику кредиторов, зачастую с очевидно искусственно созданной задолженностью. При этом в ситуациях, когда банки являются мажоритарными кредиторами, включение в реестр

требований такого недобросовестного кредитора может изменить баланс сил в деле о банкротстве.

Одной из наиболее дискуссионных проблем в данной сфере является возможность понижения в очередности (т.е. субординация) в реестре требований кредиторов должника требований участников (акционеров) должника и их аффилированных лиц, основанных на займах, выданных такими лицами должнику в предбанкротный период.

Российское банкротное право активно развивается, отражая наиболее актуальные тенденции, позволяющие добросовестным независимым кредиторам защищать свои права и интересы в рамках дел о банкротстве, в первую очередь от злоупотреблений со стороны должников.

Тем не менее в Российской Федерации обозначенная проблема до настоящего времени не разрешена на законодательном уровне, но нашла свое отражение в практике Верховного Суда РФ в 2017—2018 гг.

Как известно, одним из принципов в процедурах банкротства является принцип равенства кредиторов. Однако данный принцип не является абсолютным, и Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) содержит ряд правил для определения очередности кредиторов в рамках дела о банкротстве. Например, Законом закреплена очередность погашения требований кредиторов (ст. 134 Закона о банкротстве). Также привилегированное положение при погашении требований отводится залоговым кредиторам (ст. 138 Закона о банкротстве).

Отдельное место занимают требования участников (акционеров) юридического лица, вытекающие не из гражданско-правовых сделок, а связанные с самим фактом участия в юридическом лице, т.е. корпоративные требования.

В соответствии с абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве конкурсными кредиторами должника не признаются учредители (участники) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия. В данном случае как раз и возникает проблема квалификации судом требований о включении в реестр требований кредиторов, поступающих от участников должника и их аффилированных лиц и внешне выглядящих как обычная гражданско-правовая сделка, как корпоративных и вытекающих исключительно из факта участия в организации-банкроте.

Так, Верховным Судом РФ в ряде судебных актов, которые будут проанализированы в настоящей статье, был сделан вывод о том, что по смыслу данной нормы в реестр не включаются как требования участников по корпоративным обязательствам (выплата дивидендов и пр.), так и требования, лишь формально имеющие гражданско-правовую природу, но, по сути, таковыми не являющиеся.

Ранее Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении по конкретному делу указал, что именно участники (акционеры) хозяйственного общества — должника, составляющие в совокупности высший орган управления обществом (общее собрание участников (акционеров)), ответственны за эффективную деятельность самого общества, а значит, несут определенный риск наступления негативных последствий своего управления им[1].

[1] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.11.2010 № 10254/10 по делу № А45-808/2009.

До 2017 г. суды придерживались позиции, согласно которой предоставление участником денежных средств на финансирование хозяйственной деятельности общества не свидетельствует о корпоративном характере спорных отношений[2]. На практике исключение участников должника из числа лиц, претендующих на удовлетворение требований в рамках банкротства, означает, во-первых, отсутствие у них возможности влиять на процедуру банкротства, а во-вторых, невозможность получения какого-либо удовлетворения по итогам процедуры.

Поэтому установление судом обстоятельств, вытекает ли требование участника либо его аффилированного лица из факта участия в юридическом лице (т.е. является ли оно корпоративным), имеет принципиальное практическое значение.

Ситуация в данной сфере изменилась в связи с вынесением двух определений Верховного Суда РФ в деле о банкротстве ООО «Нефтегазмаш-Технологии»[3]. Именно в этих судебных актах относительно подробно изложена позиция о возможности субординации займов участников должника.

Верховным Судом РФ, в частности, был сделан вывод, что поскольку в силу абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве к числу конкурсных кредиторов не могут быть отнесены участники, предъявляющие к должнику требования из обязательств, вытекающих из факта участия, к подобного рода обязательствам относятся не только такие, существование которых прямо предусмотрено корпоративным законодательством (выплата дивидендов, действительной стоимости доли и т.д.), но также и обязательства, которые, хотя формально и имеют гражданско-правовую природу, в действительности таковыми не являются (в том числе по причине того, что их возникновение и существование было бы невозможно, если бы заимодавец не участвовал в капитале должника).

В случае последующей неплатежеспособности либо недостаточности имущества должника, исходя из требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ) на такого участника подлежит распределению риск банкротства контролируемого им лица, вызванного косвенным влиянием на неэффективное управление последним, посредством запрета в деле о несостоятельности противопоставлять свои требования требованиям иных (независимых) кредиторов.

При этом Верховный Суд РФ отдельно отметил необходимость учитывать конкретные обстоятельства дела в каждом случае, т.е. не выработал универсальных правил по субординации требований кредиторов. И только с учетом конкретных обстоятельств дела суд вправе переквалифицировать заемные отношения в отношения по поводу увеличения уставного капитала по правилам п. 2 ст. 170 ГК РФ либо при установлении противоправной цели — по правилам об обходе закона (п. 1 ст. 10 ГК РФ, абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве), признав за прикрываемым требованием статус корпоративного, что и будет являться основанием для отказа во включении его в реестр.

То есть один лишь факт корпоративной или иной связи кредитора и должника не свидетельствует о корпоративном характере договора займа и возникающего

---

[2] Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2015 № 302-ЭС15-3973 по делу № А33-16866/2013.

[3] Определения Верховного Суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(1) ; № 308-ЭС17-1556(2) по делу № А32-19056/2014.

из него обязательства. Тем не менее Верховный Суд РФ обозначил, что при определенных обстоятельствах предоставление финансирования может рассматриваться как деятельность, вытекающая из участия в капитале организации-банкрота. При этом в данных определениях Верховный Суд РФ не стал перечислять критерии такой корпоративности.

По мнению Верховного Суда РФ, правовым последствием использования конструкции займа вместо увеличения уставного капитала (т.е. увеличения стоимости чистых активов в целом) является переквалификация заемных отношений в отношения по поводу увеличения уставного капитала.

Данная позиция позднее была закреплена в п. 18 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017), в котором было разъяснено, что не подлежит включению в реестр требований кредиторов должника требование участника должника, основанное на притворной сделке, прикрывающей обязательства, вытекающие из факта участия заявителя в хозяйственном обществе, признанном банкротом.

В 2018 г. Верховный Суд РФ развил свою позицию сразу по нескольким делам[4]. Суд указал, что поскольку участники (учредители) должника де-факто принимают управленческие решения о судьбе должника — о даче согласия на реализацию выработанной руководителем стратегии выхода из кризиса и об оказании содействия в ее реализации либо об обращении в суд с заявлением о банкротстве должника, то именно они должны нести риски, связанные с неудачей в реализации плана выхода из кризиса.

Когда мажоритарный участник осуществляет вложение средств с использованием заемного механизма, финансирование публично не раскрывается. При этом оно позволяет завуалировать кризисную ситуацию, создать перед кредиторами и иными третьими лицами иллюзию благополучного положения дел в хозяйственном обществе.

В связи с изложенным Верховным Судом РФ был сделан следующий вывод: «В ситуации, когда одобренный мажоритарным участником план выхода из кризиса, не раскрытый публично, не удалось реализовать, на таких участников относятся убытки, связанные с санационной деятельностью в отношении контролируемого хозяйственного общества, в пределах капиталозамещающего финансирования, внесенного ими при исполнении упомянутого плана. Именно эти участники (акционеры), чьи голоса формировали решения высшего органа управления хозяйственным обществом (общего собрания участников (акционеров)), под контролем которых находился и единоличный исполнительный орган, ответственны за деятельность самого общества в кризисной ситуации и, соответственно, несут риск неэффективности избранного плана непубличного дофинансирования».

Таким образом, изъятие сделанного таким участником вложения не может быть приравнено к исполнению обязательств перед независимыми кредиторами (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Соответствующие действия, оформленные в качестве возврата займов, подлежат признанию недействительными по правилам ст. 10 и 168 ГК РФ как совершенные со злоупотреблением правом.

[4] Определения Верховного суда РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС15-5734 (4, 5) по делу № А40-140479/2014 ; от 21.02.2018 № 310-ЭС17-17994 (1, 2) по делу № А68-10446/2015.

Особняком при этом стоит случай реструктуризации обязательств должника с участием третьего лица, когда сторонний инвестор одновременно с получением доли в уставном капитале должника предоставляет последнему заемное финансирование. Субординация в этой ситуации представляется несправедливой, поскольку такой инвестор не участвовал в доведении компании-должника до банкротства и не может нести соответствующих рисков.

Например, в результате санации АКБ «Пересвет» (АО) летом 2017 г. перешел под контроль акционерного общества «Всероссийский банк развития регионов». Последний получил контрольный пакет акций в санируемом банке. Несправедливо было бы в данном случае возлагать риски субординации требования на банка-санатора. Более того, это снизило бы эффективность и привлекательность процедур финансового оздоровления банков.

Также крайне существенной проблемой является отсутствие на данный момент какой-либо позиции Верховного Суда РФ в отношении субординации требований аффилированных к участникам организации-банкрота кредиторов. Все вынесенные на данный момент судебные акты касаются только требований непосредственно участников организации-банкрота, при этом суды нижестоящих инстанций опасаются применять правила о субординации требований не самих участников лично, а их аффилированных лиц.

Представляется, что правила о субординации должны применяться также и к требованиям аффилированных к участникам организации-банкрота лиц. В противном случае недобросовестным должникам будет достаточно лишь использовать еще одно звено в виде аффилированного лица при выдаче займа для получения контроля над процедурой банкротства.

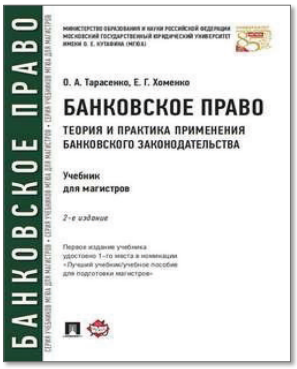
В заключение необходимо отметить, что на данный момент правила, предписывающие субординацию требований аффилированных (связанных) кредиторов, являются относительно новыми для российского права. Данная позиция сейчас закреплена только на уровне судебной практики Верховного Суда РФ, что крайне ограничивает ее применение судами нижестоящих инстанций и влечет необходимость тщательного обоснования независимыми кредиторами, например, банками, своей позиции с учетом конкретных обстоятельств каждого дела.

Не вызывает сомнения, что рано или поздно данные правила необходимо закрепить также и на законодательном уровне. При этом перед законодателем встанут также проблемы определения правил субординации, например, срок выдачи займа относительно даты возбуждения дела о банкротстве, установления критериев для субординации, определения круга лиц (кредиторов), требования которых могут быть субординированы, и т.д.

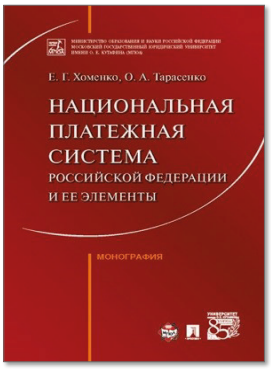
КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ

Банковское право : учебник для бакалавров / Д. Г. Алексеева, Л. Г. Ефимова [и др.] ; под ред. Л. Г. Ефимовой, Д. Г. Алексеевой. — М. : Проспект, 2014. — 320 с.

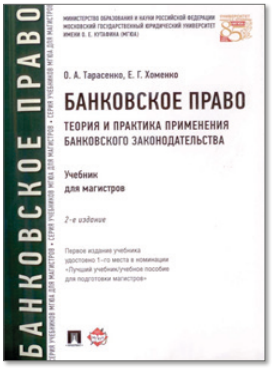
Тарасенко О. А., Хоменко Е. Г. Банковское право. Теория и практика применения банковского законодательства : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2016. — 368 с.



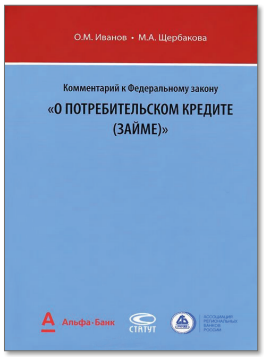
Хоменко Е. Г., Тарасенко О. А. Национальная платежная система Российской Федерации и ее элементы. — М. : Проспект, 2016. — 176 с.



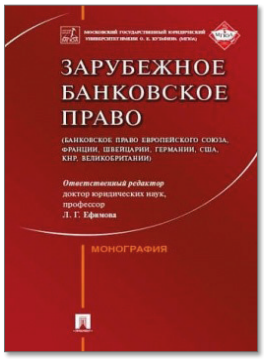
Тарасенко О. А., Хоменко Е. Г. Банковское право : Теория и практика применения банковского законодательства : учебник для магистров. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2016.



Банковское право: субъекты банковской системы и требования к их деятельности : учебник и практикум для бакалавров и магистратуры / под ред. Алексеевой Д. Г., Пыхтина С. В. — 4-е изд. — М. : Юрайт, 2016.



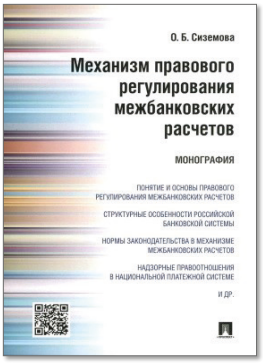
Иванов О. М., Щербакова М. А. «О потребительском кредите (займе)» : комментарий к Федеральному закону. — М. : Статут, 2014.



Зарубежное банковское право (банковское право Европейского Союза, Франции, Швейцарии, Германии, США, КНР, Великобритании) : учебное пособие / отв. ред. Л. Г. Ефимова. — М. : Проспект, 2016. — 655 с.

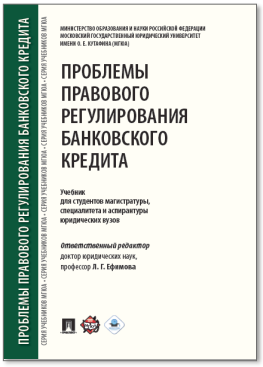
Лауе К. Гражданско-правовая ответственность банков в расчетных правоотношениях по законодательству Германии и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект : монография. — М. : Проспект, 2016.

Сиземова О. Б. Механизм правового регулирования межбанковских расчетов : монография. — М. : Проспект, 2016. — 240 с.

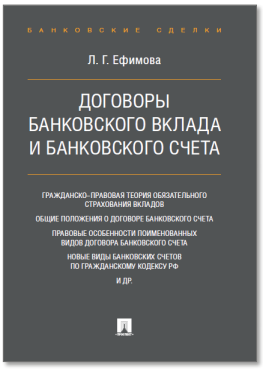


Ефимова Л. Г. Договор о выдаче и использовании банковской карты и договор эквайринга в системе договоров об организации безналичных расчетов. — М. : Проспект, 2017. — 232 с.

Проблемы правового регулирования банковского кредита : учебник для студентов магистратуры, специалитета и аспирантуры юридических вузов / отв. ред. Ефимова Л. Г. — М. : Проспект, 2017.

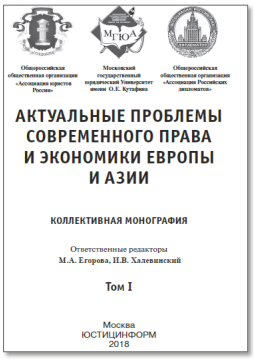


Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета : монография. — М. : Проспект, 2018. — 432 с.

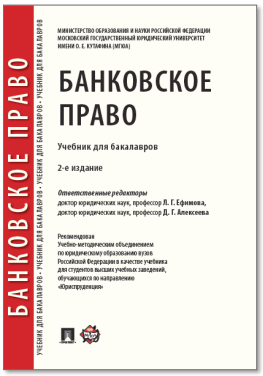


Чирков А. В. Особенности правового регулирования микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций : монография. — М. : Проспект, 2018. — 176 с.

Чуб Д. В. Посредничество в вексельном праве : монография / под ред. Ефимовой Л. Г. — М. : Проспект, 2018. — 128 с.

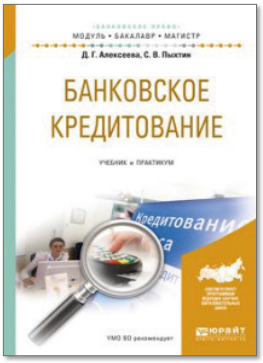


Ефимова Л. Г. Технический прогресс и кризис цивилистики // Актуальные проблемы современного права и экономики Европы и Азии : колл. монография / отв. ред Егорова М. А., Халевинский И. В. — М. : Юстицинформ, 2018. — Т. 1. — С. 55—77.

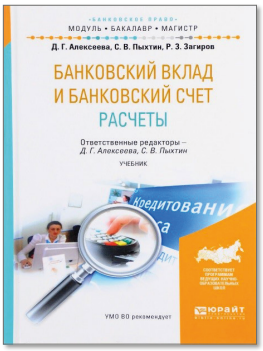


Банковское право : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2019. — 608 с.

Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В. Банковское кредитование : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. — М. : Юрайт, 2018. — 128 с.



Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В., Загиров Р. З. Банковский вклад и банковский счет. Расчеты : учебник для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. Д. Г. Алексеева, С. В. Пыхтин. — М. : Юрайт, 2018. — 243 с.



4 декабря 2017 г.

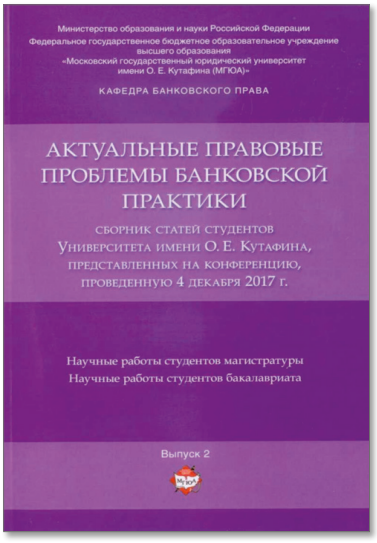
В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), зале № 2, была проведена научно-практическая студенческая конференция «Доверие к банковской системе — путь к решению глобальных проблем».

Организатором студенческой конференции является кафедра банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

От Ассоциации российских банков в работе конференции участвовала ведущий консультант Правового департамента, кандидат юридических наук В. А. Кинсбургская , которая в качестве члена жюри оценила доклады студентов по заявленным темам.

По итогам конференции был опубликован сборник научных студенческих работ:

— Актуальные правовые проблемы банковской практики : сборник статей студентов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), представленных на конференцию, проведенную 4 декабря 2017 г. Научные работы студентов магистратуры, научные работы студентов бакалавриата. Вып. 2. М. : Проспект, 2018.



6 апреля 2018 г.

В стенах Московского государственного университета состоялась конференция «Новеллы законодательства о деятельности кредитных организаций». Данное мероприятие было организовано кафедрой предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Соорганизаторами выступили: кафедра банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедра банковского права и финансово-правовых дисциплин юридического факультета имени М. М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС и департамент правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ.

7 апреля 2018 г.

В Финансовом университете при Правительстве РФ состоялась Международная научно-практическая конференция «Новые банковские технологии — сценарий трансформации банковской системы». Мероприятие организовано при участии четырех ведущих образовательных организаций — Финансового университета при Правительстве РФ, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Юридическое наследие

«Сочинитель, принимая на себя все издержки печатания сей книги, предоставляет деньги, которые будут выручаться от продажи оной, в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платеже налогов», — такое заявление Николая Ивановича Тургенева, напечатано на обороте титула его сочинения «Опыт теории налогов», которое заложило начало российской налоговой науки. В предыдущем номере «Вестника» (вып. «Финансовое право») публиковался фрагмент из указанного сочинения, в котором Н. И. Тургенев раскрывает смысл теории налогов. В данном выпуске речь пойдет о бумажных деньгах как о налоге. Сам автор так определил круг вопросов, которые он раскрывает в данной главе своего сочинения: «Влияние крестовых походов на изобретение бумажных денег. О сохранном банке в Венеции. Заемные дела сохранных банков. О Генуэзском ассигнационном банке. О соразмерности выдачи ассигнаций с потребностью обращения. О дисконтировании или учете, покупке имений и ссудах сих банков. Ссуды Генуэзского, Английского, Шведского. О банке Ло. О провинциальных банках. О выходе чистых денег за границу вследствие введения бумажных денег. О вредных следствиях введения бумажных денег. О расточительности. О торге бумажными деньгам. Примеры уничтожения кредита бумажных денег: во Франции, в Америке, в Австрии и Дании. О русских ассигнациях. Средства поправления кредита бумажных денег. Выдача новых бумажных денег в замену существующих: во Франции, в Австрии. Единственно успешное средство. Справедливость покупки ассигнаций правительством по курсу. О пользе, для кредита, определения уменьшенной ценности бумажных денег по курсу. Определение содержания бумажных денег к чистым во все времена упадка сих первых. О вступлении чистых денег в обращение по уничтожении бумажных денег. Заключение о бумажных деньгах».

О БУМАЖНЫХ ДЕНЬГАХ КАК О НАЛОГЕ[1]

Если сумма бумажных денег, находящихся в обращении, соразмерна требованию; если ассигнации равны в ценности своей чистым деньгам; то в таком случае бумажные деньги суть не что иное как средство обращения, равное в действии своем металлической монете.

[1] *Тургенев Н. Опыт теории налогов. СПб. : Типография Н. Греча, 1818. С. 318—367.*

Если же бумажные деньги, несоответственно первоначальной цене оных, будут умножены свыше потребности обращения и если вследствие сего ценность оных унизится против ценности чистых денег; то в таком случае убыток, претерпеваемый чрез то народом и равняющийся потере ассигнаций против чистых денег, есть не что иное как налог, и притом налог, весьма неравно разделенный между гражданами. Каждый из сих последних несет оный соразмерно сумме бумажных денег, ему принадлежащих или им употребляемых.

Для исследования свойств бумажных денег нужно войти в некоторые подробности и означить первоначальное происхождение и усовершенствование сего способа, служащего к обращению товарами, вместе с сим к удовлетворению потребностей государственных.

Когда крестовые походы пробудили Европу от мрачного варварства, в коем она была погружена дотоле, все между европейскими народами приняло тогда новый вид. Несправедливо, если только с худой стороны будут смотреть на сие явление, единственное в истории; благодетельные следствия крестовых походов едва ли не превышают вред, причиненный ими. Крестовые походы были одной из главнейших причин истребления рабства в тогдашней Европе, они дали новую важность среднему состоянию граждан в государствах европейских; новые понятия, новые идеи родились в народах. Крестовые походы возвысили торговлю до такой степени, на какой новая Европа еще никогда оной не видала. Тогда в первый раз увидели народы, сколь важный перевес имеют морские державы в политическом свете. Слава венецианцев и генуэзцев по большой части была основана на крестовых походах. Средиземное море, сия колыбель образованности рода человеческого, снова вступило тогда в права свои и гордилось исполинскими успехами своих республик, овладевших торговлей мира.

Сильное распространение торговли заставляет почувствовать затруднения, сопряженные в делах коммерческих с употреблением драгоценных металлов: серебра и золота.

Сии затруднения состоят в том, что деньги от перехода из одних рук в другие теряют часть своей внутренней ценности; плата чистыми деньгами требует иного труда и издержек; сохранение наличных денег соединено с неудобствами всякого рода.

О банках

Для отвращения сих затруднений были учреждены прежде в Генуе (в 1407 году), а потом в Венеции (в 1582) два различные заведения под названием банки.

Учреждение Венецианского банка было в главных частях своих следующее: купцы, для отвращения упомянутых затруднений, отдавали свои чистые деньги в особое, для того определенное место; суммы, вносимые каждым, были записываемы в общую книгу; для каждого вносившего деньги был определяем особенный лист. Вследствие сего взаимные платы между купцами производились переписью сумм с одного листа на другой. Такие заведения воспоследовали в 1609 году в Амстердаме, в 1619 году в Гамбурге и называются *Сохранными банками.* Сии банки, кроме всех других выгод, предоставляют и ту, что вносимые в оные

деньги, оставаясь непременными в своей внутренней ценности, служат мерой, по коей определяется ценность всех находящихся в обращении денег, как своих, так и иностранных. Сохраняемые в банках деньги бывают всегда несколькими процентами дороже денег, находящихся в обращении.

Заемные дела, не быв вначале предметом заведения сохранных банков, сделались мало-помалу одним из их важнейших занятий. Правительства не преминули воспользоваться представлявшимися случаями делать займы, которые вредили сохранным банкам и часто были причиной их падения. Ссуды частным людям делаются под залог; следственно, не могут иметь вредных последствий для банков.

Учреждение Генуэзского банка было следующее: купцы, вносившие деньги в банк, получали от оного взамен денег обязательства или расписки. Вносимые деньги были предоставляемы банку; обязательства же вступали в обращение, подобно чистым деньгам. Таким образом были введены в употребление настоящие бумажные деньги [1].

Мало-помалу ассигнационные банки начали быть учреждаемы во многих государствах, в особенности по открытии Америки и пути в Восточную Индию чрез мыс Доброй Надежды, когда торговля столь сильно распространилась. Все сии банки были основаны по примеру Генуэзского и принадлежали вначале частным людям, кои, соединяясь в общества, составляли известный капитал и выдавали в обращение, на место внесенных в банк чистых денег, обязательства банковые различных ценностей.

Составляемый таким образом капитал бывает употребляем в торговле, и барыш разделяется между теми, кои участвовали в составлении. Выдаваемые же ассигнации банк обязывается платить чистыми деньгами, по представлении сих первых.

При учреждении ассигнационного банка правительством оно, выпуская в обращение ассигнации, обыкновенно также обязывается платить по оным чистыми деньгами.

Соразмерность выдачи ассигнаций с требованием

Дабы всегда быть в состоянии платить по представляемым ассигнациям, банк должен соразмерять выдачи с требованием ассигнаций. О сем требовании банк может судить как по тому, в каком количестве и как скоро выданные ассигнации возвращаются назад в банк для заплаты по оным, так и по тому, сколь свободно ассигнации обращаются, т.е. с охотою ли их принимают или нет. Если ассигнации превосходят потребность обращения, следственно, возвращаются в банк вскоре после выпуска, то в таком случае банк должен для поддержания кредита немедленно уничтожать вступающие ассигнации, дабы через то уменьшить сумму всех выданных им бумажных денег и привести оные в соразмерность требованию [2]. Если, напротив того, выпущенные ассигнации не удовлетворяют в полной мере требования и ценность бумажных денег начинает превышать ценность металлических, то банк может тогда усилить выпуск ассигнаций, дабы сделать сумму оных соразмерною потребностям обращения. Величина суммы чистых денег,

которую банк должен всегда иметь в готовности для платы по представляемым ассигнациям и которая должна быть вновь дополняема по мере уменьшения, не может быть определена и зависеть совершенно от обстоятельств и доверенности, которою банк пользуется. Иногда кредит ассигнационного банка может возвыситься до такой степени, что весьма маловажная, незначащая сумма чистых денег может служить основой выдачи величайших сумм ассигнациями. Конечно, непредвидимые обстоятельства, без всякой вины со стороны банка, могут иногда уничтожить кредит его, как, например, случилось в Пруссии в 1806 г., когда вследствие Йенского сражения так называемые казенные свидетельства вдруг потеряли три четверти прежней своей ценности. Против такого рода случаев необыкновенных, приводящих в замешательство все дела государственные, никакая осторожность, никакая сила человеческая вообще не может предохранить кредита бумажных денег [3].

Общая польза государства требует, чтобы банки не выдавали ассигнаций на слишком мелкие суммы. При наблюдении сего правила употребления ассигнаций не распространится между людьми бедными, и в маловажных торгах чистые деньги останутся в употреблении.

Учет, покупка имений, ссуды ассигнационных банков

Частные банки обыкновенно занимаются учетом или дисконтированием векселей; иногда они употребляют капиталы свои даже на покупку недвижимых имений, как, например, ассигнационному банку принадлежали железные заводы. Частные ассигнационные банки делают также ссуды под залоги частным людям. Ссуды, делаемые сими банками правительству, несравненно опаснее в своих последствиях, нежели ссуды сохранных банков. В сем последнем случае вред ограничивается разорением сохранного банка; между тем как в первом случае, соединив выгоды ассигнационного банка посредством займа с системой управления государственного, правительство принимает более и более участие в делах банка и, употребляя во зло власть свою, причиняет вред кредиту выпущенных в обращение банковых ассигнаций. Монархические и республиканские правительства поступали в семи случаях одинаковым образом. Генуэзский банк делал важнейшие ссуды правительству под залог государственных доходов, так что впоследствии большая часть оных принадлежала банку. Сии ссуды были одной из главнейших причин падения Генуэзского банка. Английский банк при самом учреждении своем отдал правительству почти весь первобытный капитал свой [4]. Ссуды Английского банка правительству привели оный в невозможность променивать представляемые банковые ассигнации на чистые деньги; и правительство, не будучи со своей стороны в состоянии платить банку, дало ему в 1797 году позволение оставить плату чистыми деньгами по представляемым ассигнациям. Сие позволение было впоследствии несколько раз возобновляемо, и таким образом банковые ассигнации в сущности своей сделались государственными. Сверх сего, Английский банк, по поручению правительства и за известное вознаграждение, производит уплату процентов заимодавцам государственным. В Швеции ассигнационный банк ссужал также важными суммами правительство. Вследствие таких

ссуд частные банки не могут существовать без помощи и влияния правительства, приходят обыкновенно в расстройство, и тогда правительство переименовывает частные банки в государственные [5].

Кроме главных ассигнационных банков, существуют во многих государствах так называемые провинциальные банки. В Англии и Северной Америке сии последние находятся в большом количестве. Кредит провинциальных банков зависит частью от кредита главного банка. Все честолюбие сих первых стремится к тому, чтобы увеличить кредит свой в главном банке. Провинциальные банки, коих выигрыш ограничивается вследствие увеличения их совместничества, частью стараются вредить один другому.

Сумма ассигнаций, выпущенных в обращение провинциальными банками в Англии, почитается равною сумме ассигнаций главного банка. Все же количество бумажных денег в Англии составляет более 60 миллионов фунтов стерлингов.

Вследствие введения бумажных денег в государстве сумма всех денег будет превосходить потребность внутреннего обращения. Для восстановления соразмерности между количеством всех денег и потребностью внутреннего обращения чистые деньги будут выходить за границу до тех пор, пока сия соразмерность восстановится. Не надобно думать, чтобы из сего выхода монеты происходило для государства что-либо другое, как польза: никто не посылает своих денег в чужие края даром; и государство получает за выходящие чистые деньги равное ценности оных количество товаров различного рода. В сем только отношении бумажные деньги подлинно умножают богатство народное; сами же по себе они сего богатства увеличить не могут.

Причина выхода чистых денег состоит в том, что деньги стремятся туда, где они дороже. Введение бумажных денег, делая чистые деньги внутри государства дешевле, представляет удобность за равное количество чистых денег покупать в чужих краях более товаров, нежели внутри государства.

Не надобно также думать, чтобы посредством беспрестанного умножения бумажных денег можно было наличные деньги совершенно выгнать из государства; чистые деньги тогда только выходят за границу, когда количество их превышает потребность внутреннего обращения, т.е. когда они делаются дешевле своей обыкновенной ценности, которую имеют почти во всем свете. Коль скоро сумма бумажных денег достигнет до той известной точки, когда оные будут, не теряя своей ценности, заступать место чистых денег, то сии, уменьшившись, посредством выхода за границу, до известного количества, нужного для сравнения их с ценностью чистых денег во всем свете, будут оставаться внутри государства; если же выпуск в обращение бумажных денег будет продолжаться и после достижения вышеупомянутой известной точки, то сие несоразмерное умножение бумажных денег не будет действовать на уменьшение ценности самих бумажных денег. Когда ценность чистых денег внутри государства сделается равною с ценностью чистых денег во всем свете, тогда не будет никакой особенной прибыли посылать за границу. И так чистые деньги вследствие введения бумажных могут только до тех пор выходить за границу, пока действительная ценность звонкой монеты, уменьшенная введением бумажных денег, сравняется с действительной ценностью чистых денег в других государствах; и если после сего сравнения выпуск не прекратится, то тогда он будет уменьшаться в своей ценности без всякого

влияния ни на количество, ни на ценность чистых денег. Если же в государствах, имеющих пагубное изобилие в бумажных деньгах, чувствуется недостаток звонкой монеты, то сие происходит как от того, что народ от других причин сделался подлинно беднее, т.е. имеет менее товаров всякого рода, и, следственно, менее средств промена и обращения оных; так и от того, что люди, видя беспрестанное понижение курса бумажных денег, происходящее от беспрестанного умножения количества оных, неохотнее отдают за оные свои чистые деньги и стараются хранить сии последние у себя, не выпуская в обращение.

Многие[2], однако же, утверждают, что посредством беспрестанного умножения бумажных денег можно, наконец, выгнать все чистые деньги из государства. Мы повторяем, что чрезмерное умножение бумажных денег может только иметь влияние на уменьшение их ценности, может даже совершенно уничтожить сию ценность; но тогда-то и появляются чистые деньги; ибо известно, что если где бумажные деньги вследствие уничтожения кредита оных или от других причин выйдут из употребления, то немедленно появляются в обращении чистые деньги. Никогда нельзя опасаться недостатка в чистых деньгах там, где обращение имеет в оных нужду. Где есть товары, там всегда должны существовать и существуют знаки, могущие служить для обращения оных. Каждый народ, имеющий товары, всегда может получить за оные посредством промена или торговли чистые деньги. Чрезмерное умножение бумажных денег, конечно, вредно для государства, но совсем в других отношениях, не зависимых от количества чистых денег.

Вредные следствия бумажных денег

Когда по введении бумажных денег чистые деньги должны выходить за границу, то тщетны будут все старания правительства удержать серебро и золото внутри государства: от умножения знаков, представляющих товары всякого рода, не увеличится требование сих товаров; излишние знаки, не нужные для представления товаров, должны исчезнуть из обращения или сделаться дешевле. Так как чистые деньги могут исчезнуть из внутреннего обращения употреблением оных в чужих краях, то оные и исчезают таким образом. Так как бумажные деньги не могут исчезнуть из внутреннего обращения с прибылью, потому что они не имеют никакой действительной ценности и не могут быть употребляемы в чужих краях и там оставаться, то посему бумажные деньги от чрезмерного умножения оных делаются дешевле.

Следствия чрезмерного выпуска в обращение ассигнаций различны относительно к частным и государственным банкам. Если ассигнации частного банка начнут приходить в упадок, то и кредит его поколеблется, и банк должен при продолжении сих обстоятельств, наконец, рушиться, и таким образом вредные последствия чрезмерного количества бумажных денег прекращаются, хотя с разорением многих людей.

---

[2] В числе коих Бюш, сделавшийся известным в Германии своими сочинениями о торговле и подлинно заслуживающий уважение за свои большие, не скажу исполненные ума и приятности, творения.

Но что может удержать правительство от беспрестанного выпуска в обращение ассигнаций, даже и тогда, когда они теряют часть своей ценности? Сколько каналов имеет правительство, посредством коих оно может, так сказать, наводнить государство своими банковыми ассигнациями? Оно может, например, выдавать чиновникам жалованье своими ассигнациями, может платить налоги не иначе как ассигнациями. Мы видели даже, что правительство может запретить частным людям иметь у себя более известной суммы чистых денег. Французская революция показывает, что правительство может даже угрозами смертной казни способствовать распространению ассигнаций [6].

Следствия чрезмерно великого количества бумажных денег, выданных в обращение, пагубны и ужасны. Беспрестанный упадок курса ассигнаций производит в каждом неуверенность в истинном состоянии своего имения. Между тем как бóльшая часть граждан от упадка ассигнаций разоряется, некоторые из них, например должники, выигрывают. Неуверенность в имении, случающиеся убытки в оном и незаслуженные прибыли — все сие побуждает к расточительности; благоразумное хозяйство, сей важный источник благосостояния народного, делается трудным или же невозможным.

Сверх сего перемены в ценности бумажных денег рождают известный торг оными. Сей торг имеет весьма вредное влияние на нравственность, представляя людям способ получать выигрыш вредным образом для государства, поощряя их употреблять непозволительные средства, дабы подействовать на перемену курса бумажных денег, как то распространение ложных слухов, известий и проч.[3]

Примеры совершенного уничтожения кредита государственных ассигнаций столь же часты, как и ужасны следствия оного. Франция, кроме вышеупомянутого, претерпела несколько подобных банкротств. В начале республиканского правления в сем государстве были введены ассигнации единственно для вспомоществования потребностям государственным; кредит не сопровождал сей меры, и ассигнации спустя около двух лет упали почти до половины своей ценности и произвели великие замешательства во всех отраслях промышленности, несмотря на то, что правительство, ручаясь за кредит ассигнаций, продажу национальных имений (принадлежащих прежде дворянству и духовенству) обещало (чего никогда не случилось ни с какими банковыми ассигнациями) уничтожать немедленно по возвращению оных в государственную казну и, что всего важнее, сдержало сие обещание. Главные причины сей неудачи состояли в том, что не было учреждено никой казны, которая бы хотя сначала платила по представленным ассигнациям; в том, что платеж за покупаемые имения был разделен на 12 лет и потому в начале только двенадцатая часть ассигнаций, следующих на проданные имения, могла быть уничтожена. Правительство старалось всеми способами распространить обращение ассигнаций не только внутри Франции, но даже и в завоеванных ее тогда государствах, но при всем том за один луидор платили наконец 20 000 ливров ассигнаций[4].

[3] В 1814 году в Англии даже один из знатнейших лордов (Кохран) не постыдился заниматься сим неблагородным ремеслом, и был за то осужден к постыдному наказанию.

[4] Полагают, что количество всех денег во Франции простиралось до 45 миллиардов.

Средства поправления кредита бумажных денег

Во время войны Северной Америки с Англией, в американских областях были выпущены в обращение бумажные деньги, которые вскоре начали упадать по той причине, что не могли быть промениваемы на частные деньги. В 1775 году американский Конгресс определил выпуск ассигнаций на два миллиона долларов, которые долженствовали постепенно быть изъемлемы из обращения, всего 90 миллионов долларов ассигнациями; в сие время они состояли в равном курсе с чистыми деньгами. Но Конгресс продолжал делать новые выпуски, и вскоре вся сумма ассигнаций составляла 900 миллионов долларов. Кроме сих ассигнаций, общих всему государству, различные области выдавали свои особенные. В 1779 году ассигнации теряли около 30 со ста. Тогда Конгресс вознамерился выпустить новые ассигнации вместо старых. Сии последние долженствовали быть уничтожаемы; новые же выдаваемы в содержании к старым как 1 : 20; так что 200 миллионов старых были бы выкуплены 10 миллионами новых ассигнаций. Сие средство осталось без успеха. Тогда Конгресс начал употреблять для поддержания кредита ассигнаций революционные средства, как-то: он определил цены всех товаров и цену работной платы; долги, сделанные займами в звонкой монете, долженствовали быть платимы ассигнациями. Вредные последствия таких мер были ощутительны, и Конгресс нашел необходимость уничтожить сии постановления; ассигнации же, теряя 400 против 1, в 1781 году вышли совершенно из обращения.

В последние годы примеры сильного упадка ассигнаций представлялись и теперь еще представляются в Австрии и Дании, из коих в первой в 1811 году за сто гульденов серебром платили более тысячи ассигнациями; в Дании же один серебряный талер стоил в 1812 году двенадцать бумажных.

О русских ассигнациях

Российские государственные ассигнации имеют некоторое различие с иностранными, состоящее в том, что наши могут без потери быть промениваемы на медные деньги.

Состояние курса российских ассигнаций в одинаковом виде в течение последних годов и при весьма трудных обстоятельствах весьма замечательно. Так как нет действия без причины, то и сие явление должно на чем-либо основываться. Главною причиною оного можно почитать то, что ассигнации, сделавшись равными в ценности своей четвертой части ценности серебряной монеты, упали более, нежели сколько должно им упасть было, вследствие тогдашней соразмерности между звонкою монетою и бумажными деньгами, которая всегда определяет ценность сих последних. Таким образом, причина, вследствие коей бумажные деньги долженствовали бы неотменно упасть в последующих годах, не имела сего действия, потому что упадок бумажных денег предшествовал сей причине; действие сей причины ограничилось только тем, что предшествовавший ей упадок бумажных денег, происходивший не столько от перемены соразмерности бумажных денег к чистым, т.е. от умножения сих первых, сколько от принятых

финансовых мер, — что сей упадок был, так сказать, утвержден, консолидирован, и основывается теперь на сих обеих причинах.

Происходящий от чрезмерного умножения государственных ассигнаций упадок курса оных заставляет правительства думать о возвышении сего курса. Но средства, в сем случае употребляемые, состоят обыкновенно в единовременных пособиях, кои не только что зла не искореняют, но делают оное даже более чувствительным впоследствии. Должно, наконец, согласиться, что все такие единовременные вспоможения совершенно бесполезны, чему опыт непрестанно представляет доказательства.

К числу вспомогательных средств сего рода принадлежит в особенности то, что правительства, при великом упадке банковых ассигнаций, выдают новые бумажные деньги, кои должны быть употребляемы на выкуп старых. Свойство сих новых бумажных денег бывает различно, смотря по обстоятельствам. Во Франции в конце 1796 года при великом упадке курса ассигнаций были введены новые бумажные деньги под названием *мандатов*. Сии мандаты, подобно ассигнациям, долженствовали быть употребляемы в заплате налогов и в покупке национальных имений; и в сем последнем случае с тою только разницей, что, имея мандаты, можно было выбрать какое-либо из национальных имений, заплатить ценность оного мандатами и вступить во владение без дальнейших околичностей. Цена каждого имения долженствовала равняться двадцати- или двадцатидвухлетней сложности дохода. Содержание ассигнаций к мандатам было сначала определено как 30 : 1; потом — как 100 : 1. Невзирая на все старания правительства поддержать курс мандатов, он беспрестанно падал более и более[5].

Средства, кои по сие время были употребляемы в Австрии для поправления кредита бумажных денег, состояли также в единовременных пособиях, а именно: в уничтожении старых бумажных денег посредством новых. При обнародовании Манифеста австрийским правительством, вследствие коего так называемые погашающие свидетельства долженствовали заступить место банковых ассигнаций, все сведущие по сей части люди предвидели, что сей способ поправить кредит бумажных денег останется безуспешным, и опыт оправдал сие мнение. Последняя финансовая операция в Австрии, обнародованная в 1816 году, могла бы принести существенную пользу, если бы правительство точнее определило сумму чистых денег, посредством коих оно намерено выводить из обращения ассигнации, и если бы оно ограничило свои действия выкупом ассигнаций посредством получаемых им контрибуционных денег из Франции и Италии; с сею операциею могло бы быть соединено и учреждение банка, но на лучшем основании, нежели то, которое принято австрийским правительством. Судя по обнародованному о сей операции Манифесту, никак нельзя ручаться за успех принимаемых мер, и вероятно, что добрая воля правительства не увенчается удачей[6].

Средство уменьшить сумму бумажных денег посредством возвышения нарицательной ценности чистых денег равно бесполезно и несправедливо [7].

---

[5] Правительство платило тогда чиновникам жалованье отчасти хлебом, мясом, свечами и даже лесом.

[6] Сделанные австрийским правительством перемены в погашении долгов по изданию сего Манифеста нам известны.

Единственное средство для поправления курса государственных ассигнаций состоит в уменьшении количество денег.

Такое уменьшение всего лучше и выгоднее может быть произведено посредством продажи за ассигнации недвижимых имений государственных, если таковые существуют. Получаемые за имения ассигнации должны быть немедленно уничтожаемы. Система погашения может быть и в сем случае употреблена с великою пользою. При продаже государственных имуществ вместе с крестьянами в тех землях, где сии последние не пользуются еще совершенною свободою, правительство может законом определить право и обязанности как сих крестьян, так и новых их помещиков. Сим даст оно прекрасный и благодетельный пример всем помещикам вообще, сотворив новый класс граждан в государстве, класс, в состав коего со временем вошли бы все крестьяне, принадлежащие помещикам, и который рано или поздно должен произойти вследствие успеха образованности и просвещения.

При продаже имений правительство не должно определять сроков, в течение коих известная часть имений должна необходимо быть продана; дабы при конце сих сроков не быть принужденным отдавать имения ниже действительной ценности оных.

Если правительство не имеет ни таких имений, ни чистых денег для выкупа ассигнаций по курсу, ни кредита, то в сем случае нет другого способа к поправлению государственных финансов, как оставляя все количество ассигнаций в обращении, определить нарицательную ценность оных по курсу и заставить поданных платить налоги по сей униженной ценности. В сем случае правительство должно только стараться, чтобы ассигнации еще более не упали.

Кроме сих средств, одно только совершенное уничтожение бумажных денег может поправить состояние государственных финансов.

Какую пользу принесли все другие средства, употребляемые для поправления финансов в различных государствах? Какую пользу принесли в Австрии все ненадлежащим образом учрежденные комиссии погашения долгов. Никакой, но между тем, может быть, подали невыгодный пример другим правительствам, кои без успеха, но с убытком учреждали вскоре после того такие комиссии.

Если правительство покупает бумажные деньги на чистые по курсу, то сие согласно с справедливостью. Скажут, что правительство обещало платить по ассигнациям сполна, но мы заметим, что сие обещание, не быв исполняемо прежде, не может и не должно быть исполняемо после. Те, у которых правительство покупает ассигнации по курсу, получили оные за такую же цену, какую им дает правительство; все же количество потери несли прежние владельцы ассигнаций, когда ассигнации, постепенно упадая, переходили из одних рук в другие. Если бы правительство при покупке ассигнаций начало платить не по курсу, но в полной определенной ценности оных, то сие было бы весьма справедливо, ибо последние владельцы бумажных денег, которые продают оные правительству, получили бы чрез то незаслуженный важный барыш на счет как прежних владельцев ассигнаций, так и на счет всего народа, который доставляет чистые деньги правительству. Впрочем, такого рода несправедливости нельзя ожидать ни от какого правительства.

Уменьшение ценности бумажных денег

Многие представляют уменьшение ценности бумажных денег и определение оной по курсу со стороны правительства чрезвычайно вредным для кредита государственного и противным политике. Но мы заметим, что при таких обстоятельствах вред от бумажных денег уже существует, и сии меры не могут увеличить вреда сами собой, но могут только воспрепятствовать еще большему распространению оного. Что касается до кредита, то сии меры не только что его уменьшить не могут, но приводят в лучшее состояние: опыт доказывает, что если государство, не имея кредита, объявляет себя банкротом, т.е. унижает или совсем уничтожает ценность бумажных денег, то сия мера, избавляя государство от обязанностей, требующих денег, возвышает кредит государственный, и правительство, по объявлению себя банкротом, находит более сумм для займа, нежели прежде.

Определение содержания бумажных денег к чистым во все время упадка сих первых

Как при постепенном упадке курса бумажных денег, так и при совершенном уничтожении оных, правительство должно пещись о наблюдении справедливости относительно взаимных договоров подданных между собою. Такое попечение тем легче, что оно ничего не сто́ит, но иногда правительства и даром не могут быть справедливыми! В сем случае важные соображения не позволяют иногда правительству вмешиваться в подробное уравнение тяжести между поданными. Для сего правительство должно определить содержание бумажных денег к чистым во все время упадка ассигнаций, дабы все планы, основанные на договорах, заключенных в продолжение сего упадка, были делаемы, следуя сему содержанию [8].

Вступление чистых денег в обращение, по уничтожении бумажных

По уничтожении бумажных денег чистые вступают в обращение. Сие вступление чистых денег делается несколько медленнее в тех государствах, кои не богаты собственными произведениями, где промышленность состоит более в переработывании чужестранных, нежели в продаже своих грубых произведений, или в коих заграничная торговля состоит более в перевозной торговле. Напротив того, в тех государствах, кои богаты собственными своими произведениями, кои продают оные иностранным государствам, бумажные деньги вскоре заменяются чистыми.

Заключение

Важные действия имело изобретение бумажных денег, изобретение простое, веденное для облегчения торговли и само собою следовавшее из порядка вещей. В руках человеческих все может быть употреблено во зло. Неисчислимые бедствия сопровождали распространение и усовершенствование сего изобретения: миллионы людей были погружаемы в нищету падением кредита бумажных денег; происходившее от того уничтожение взаимной доверенности граждан сильно по-

трясло общество в его основании; хищения, самоубийства[7], буйство пороков и, наконец, ниспровержение престолов частью оттого происходили. Следствия ужасные! Но весьма несправедливо принимать в рассуждение одни только пагубные, не обращая внимание и на благодетельные, чудесные действия бумажных денег.

Франция во время революции много потеряла от своих бумажных денег, но чем вела она войну в продолжение нескольких лет? Чем содержала она бесчисленные полки, защищавшие отечество и делавшие завоевания? Большое участие имели в сем бумажные деньги; следственно, они способствовали к последовавшему возвышению сего государства.

Если мы взглянем на Северную Америку, другое много пострадавшее от бумажных денег государство, то увидим, что во время упадка ассигнаций американцы дрались за свободу и делали великие пожертвования в пользу нового отечества — рождающейся республики. Свобода была для них дороже кредита.

Новейший пример чудес, производимых бумажными деньгами, видел свет отчасти в последнюю войну австрийцев против Франции, в особенности во время войны 1809 года. Тогда Австрия выставила в поле 400 000 воинов, и сие по большой части посредством бумажных денег. Австрия весьма много пострадала от упадка ассигнаций; но сие происходит в особенности оттого, что предпринятая тогда война имела успех несчастный [9].

Сие показывает сильные действия бумажных денег, но не извиняет правительств, которые употребляют во зло доверенность подданных. В нынешнем состоянии Европы все правительства должны устремить свое внимание на поддержание и сохранение кредита государственного. Действия кредита еще чудеснее, но не ведут народ к разорению; напротив того, сохраняют и утверждают собственность граждан. Век бумажных денег прошел для теории, и прошел безвозвратно. Век кредита наступает для всей Европы. Усовершенствование системы кредитной пойдет, наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности усовершенствование системы представительства народного. Да благословит Небо благие подвиги мудрых правительств и преданных отечеству граждан!

Примечания

[1] В Китае еще в конце XIII столетия были изобретены бумажные деньги; они часто теряли свою ценность и часто были вновь вводимы.

[2] Здесь надлежит заметить, что при увеличивающемся требовании чистых денег по банковым ассигнациям уменьшение сих последних иногда не может быть средством помочь сему неудобству. Банк должен всегда в точности исследовать причины усилившегося требования: например, если сие происходит от потребности платить чистыми деньгами чужим государствам,

[7] Когда в 1770 году известный французский генерал-контролер аббат Террей остановил плату по ассигнациям, то вдруг случилось множество самоубийств. В 1771 году считали 2 350 объявленных банкротов и 200 самоубийств. В течение одного января 1772 года вновь случилось уже 12 самоубийств.

то уменьшение бумажных денег в сем случае только что увеличит общее затруднение и недостаток в средствах размена. В последние времена Английский банк, при увеличившемся однажды требовании чистых денег по ассигнациям, причина коего была неизвестна, начал уменьшать последние. Вместо сих отнятых от обращения ассигнаций должно было иметь серебро или золото, и потому требование денег еще более увеличилось. Банк думал, что сие требование происходит от платы золотом иностранным государствам, вновь усилил выдачу ассигнаций. После сего золото начало возвращаться в банк, следовательно, оно не было употребляемо для иностранных уплат, и возвращалось в банк, потому что ассигнации способнее к обращению, нежели золото. Замечания и пример сей приводит Г. Торнтон, который в сочинении своем о кредите английских бумажных денег представил некоторые новые, разительные явления, случающиеся с бумажными деньгами вообще и глубокие его сведения видны, как по теории, так в особенности по практике. Торнтон сим примером старается опровергнуть вышеупомянутое правило, предложенное Адамом Смитом, что уменьшение ассигнаций есть лучшее средство удержать или возвысить ценность оных при упадке кредита банка. Но сей случай, который может быть справедлив, совсем не опровергает истины правила Адама Смита, но показывает только, что оно, как и другие, имеет свои исключения.

[3] Менее опасные следствия непредвидимых случаев другого рода, не влекущих за собой общего замешательства, могут иногда быть отвращены посредством искусства и умного поведения правителей банков. Примером сему может служить Лондонский банк: в 1715 году, когда партия Стюартов угрожала взятием Лондона, требования чистых по банковым ассигнациям чрезвычайно увеличились. Банк в сию решительную минуту изобрел невинное средство платить по представляемым ассигнациям мелкою монетой, считание которой требовало много времени. Сверх того, правители банка представляли для заплаты важные свидетельства, получали чистыми деньгами и вскоре потом приносили их назад в банк, требуя промена оных на ассигнации; им платили прежде прочих под тем предлогом, что суммы их были важнее: многие же, наскучив долгим ожиданием возвращались домой со своими ассигнациями. Между тем неприятель отпустил и опасность прошла. Таким образом банк выиграл много времени, не отказывая никому в удовлетворении.

[4] Первобытный капитал Английского банка, состоявший при учреждении оного в 1694 г. из 1 200 000 фунтов стерлингов, почти весь тогда же был отдан правительству по 8 со ста. Кроме 96 000 фунтов стерлингов процентов, правительство тогда платило банку ежегодно 4 000 фунтов стерлингов на издержки управления.

[5] Дабы представить вредные следствия участия правительства в делах частных банков, упомянем о банке славного Ло (Law), заведенном во Франции в начале прошедшего столетия. Сие явление, единственное в исто-

рии финансов, по большей части известно не в истинной своей сущности. Многие, не будучи порядочно знакомы с наукой о финансах, — состоящею не в рассуждениях о торговом балансе, о средствах заводить фабрики, мануфактуры и чрез то удерживать чистые деньги в государстве, и не подобных сим нелепостях системы меркантильной; — многие, не понимая, или не желая понимать истинных правил кредита, почитают систему Ло, основанную на обмане. Нельзя причислить Неккера ни к тому, ни к другому числу сих людей, но пристрастие или самолюбие не позволило ему справедливо судить о сей системе.

Известно, что по смерти Людовика XIV финансы французского государства находились в дурном состоянии; долг, оставленный сим расточительным королем, простирался до 2 000 миллионов ливров. Несмотря на важные по большей части своевольные уменьшения сего долга, уплата процентов стоила ежегодно около 100 миллионов. Но потребности правительства и затруднительные обстоятельства королевства препятствовали уплате даже сих процентов. В сие время шотландец Г. Ло представил регенту герцогу Орлеанскому план учреждения ассигнационного банка. Вследствие сего представления был основан банк (в 1716 году) и зависел единственно от Г. Ло, употребившего на сие заведение все свое имение. Первобытный капитал сего банка простирался до 1 200 акций или частей, из коих каждая состояла из 5 000 ливров банковыми ассигнациями, так что все сие составляло шесть миллионов ливров. На самих ассигнациях было напечатано, что банк обещает платить немедленно по представлении оных чистыми деньгами того веса и той доброты, кои имела монета во время выдачи ассигнаций. Посредством сего последнего обещания все, бравшие банковые ассигнации, были обеспечены относительно своевольных мер, часто предпринимаемых правительством для возвышения нарицательной ценности монет; банк же был со своей стороны чрез то обеспечен в рассуждении унижения сей ценности, и доверенность народа имела такое действие, что в скором времени ассигнации были предпочитаемы чистым деньгам и стоили оттого одним процентом дороже. Таким образом банк удержался в самом исправном состоянии до 1719 года, когда регент, заплатив всем, бравшим участие в основании банка, взнесенными ими деньгами, преобразовал оный в банк Королевский. Цель сего преобразования состояла в следующем: регент, видя, с какой охотой публика принимает банковские ассигнации вместо чистых денег, вознамерился сим способом привлечь все чистые деньги, находящиеся тогда во Франции, в государственную казну, выдав вместо оных столько же ассигнаций: полученными же наличными деньгами он хотел погашать долги государственные и платить по представляемым ассигнациям для поддержания кредита. Чистые деньги, думал он, будут возвращаться в казну посредством заплаты налогов и т.п. Намерение регента было честно и похвально, но вряд ли ему были известны правила государственного кредита. Вместе с сею переменою банк отступил от правил частного кредита, на коем он был основан Г. Ло, и начал сообразовываться с правилами кредита государственного, который зависел тогда во Франции только от справедливости и честности

правительства. С сею переменою соединена была другая, состоявшая в том, что на ассигнациях было обещано платить означенную сумму просто чистыми деньгами, не упоминая, какого веса и какой доброты. Таким образом ассигнации были сравнены, с ценой сих последних делаемые, должны были иметь равное влияние и на цену первых. Ло противился сему преобразованию, но, несмотря на то, оно было исполнено; и сей совершенно невинный человек был впоследствии проклинаем всем народом, когда злоупотребление власти правительства было доведено до высочайшей степени. Несмотря на сию перемену, кредит банковых ассигнаций совсем не упал: сие происходило частью от твердости кредита, данного банку Г. Ло при начальном учреждении оного. Народ после, как и прежде сей перемены, продолжал с доверенностью принимать ассигнации, и сия доверенность явствует всего более из сочинений тогдашних писателей французских по части финансов, славных в свое время, но теперь имеющих только историческое достоинство: они простирают пользу банка до бесконечности, и рассказы их касаются до пределов чудесного. Но недолго продолжалось сие заблуждение, и вторая главная перемена, случившаяся с банком, показала французам, сколь несовершенны были их понятия об оном. Сия перемена состояла в том, что узаконением от 22 февраля 1720 года повелено было соединить Королевский банк с компанией Восточной Индии. Невзирая на сие преобразование, королю оставлено было важное влияние на дела банка. Компания должна была ручаться за хорошее управление как собственных своих, так и дел банка, и в залог сей обязанности должна была дать правительству в заем 1 600 миллионов ливров. С сего-то времени начались все замешательства в банке: сия ссуда была одной из непосредственных причин падения всей так называемой *системы*. Главная цель, которую имел регент при сей перемене, состояла в том, что он хотел обратить все государственные долги в акции сего торгового общества. Для сего герцог имел намерение покупать акции сей компании, потом занимать заплаченные им за оные ассигнации для дополнения ссуды, обещанной компанией. После того он хотел платить сими ассигнациями всем государственным заимодавцам и, когда посредством сей платы вышедшее в свет количество ассигнаций слишком умножилось, то он преднамеревался продавать акции и уничтожать имеющие вступать вследствие сего ассигнации. Сумма акций компании была увеличена до чрезвычайной степени, только десятая часть оных была выдана в свет. Для удобнейшего произведения в действо всех сих планов нужно было иметь в государственной казне как можно больше чистых денег, и для того решением Государственного Совета (от 27 февраля 1720 года) запрещено было каждому из подданных иметь у себя более 500 ливров чистыми деньгами и все свыше сей суммы отдавать правительству взаймы. Французы смиренно повиновались, хотя и можно было предполагать, что такое поведение совершенно уничтожит кредит банка. Собрав таким образом чистые деньги, французское правительство возвысило нарицательную ценность оных и, употребив возвышенную монету в уплату долгов, выиграло около 35 со ста. Кредит же ассигнаций не претерпел еще и от сего никакого вреда.

Как скоро чистые деньги были выданы в свет, то явилось новое повеление, которым нарицательная ценность чистых денег была вновь уничтожена и приведена почти в первое состояние. Все ожидали вскоре нового дальнейшего уменьшения сей ценности; и для того, дабы не потерять еще более, спешили променивать чистые деньги на ассигнации.

Вследствие всех сих средств, употребляемых для заплаты долгов государственных, выданные в свет акции и ассигнации простирались более, нежели до 2 600 миллионов ливров; между тем как всю сумму чистых денег во Франции полагали около 1 300 миллионов. Пагубные следствия такого богатства, в особенности возвышение цен всех товаров, обратили на себя особенное внимание правительства, и мнения членов Совета были различны только в том, что одна сторона предлагала вспомогательным средством удвоить нарицательную ценность чистых денег, и чрез то иметь 2 600 вместо 1 300 миллионов; другая же сторона предлагала лучшим новое средство уменьшить вдвое ценность бумажек, чрез что вместо 2 600 осталось бы только 1 300 миллионов. Наконец, было повелено уменьшить вдвое ценность вех бумажных денег во Франции, как акций, так и банковых обязательств. Лишь только (21 мая) сие повеление было обнародовано, то все бумажные деньги совершенно потеряли свою ценность и вышли из обращения.

[6] Различие действий, которые имеет падение кредитных заведений, частных и государственных, было замечено в начале XVIII столетия. Обворожительные надежды, сделавшиеся тогда столь пагубными для Франции, о чем было говорено выше, перешли к голландцам и англичанам. В Англии Зюдзейская компания приняла на себя часть долгов государственных вследствие выгодного для нее договора с правительством. В то же время составилось в Англии несколько других торговых обществ, которые обещанием великих барышей старались привлечь к себе деньги от капиталистов. Многие из сих последних обманулись в своих ожиданиях, но правительство не употребило само никаких средств для обольщения народа. Компании разорились и исчезли, но кредит правительства — кредит государственный, сохранился.

[7] Иногда правительства возвышают нарицательную ценность чистых денег для уменьшения государственных долгов, мы видели пример сему выше, говоря о финансовых операциях регента во Франции. Такой же пример показывает история Швеции, когда в 1685 году в сем государстве нарицательная ценность денег была возвышена вдвое. Оттого казенные заимодавцы потеряли 9 миллионов талеров. Древняя история также представляет примеры перемен ценности чистых денег.

[8] Если, например, *А.* ссудил *Б.* 1 000 руб. ассигнациями тогда, когда серебряный рубль стоил 2 руб. ассигнациями, и если *Б.* отдает сии 1 000 руб. ассигнациями тогда, когда рубль серебром стоит 4 руб. ассигнациями, то очевидно, что *А.* отдал взаймы 500 руб. серебром, а получил назад только

250 руб. серебром. Если было определено содержание, о котором говорится, то *Б*. заплатил бы *А*. 2 000 руб. ассигнациями, т.е. 500 серебром, ибо во время займа занятые им 1 000 руб. ассигнациями стоили 500 руб. Таким образом *Б*. не имел бы незаслуженного убытка. При упадке бумажных денег только сии последние переменяются в ценности своей; серебряные и золотые деньги остаются в своей действительной ценности, которую имели и прежде. Упадок ценности ассигнаций не может возвысить ценности звонкой монеты; хотя нельзя отрицать, что упадок бумажных денег выводит иногда цены товаров из той соразмерности, которая должна существовать и действительно существует между ценами на серебро и на ассигнации и определяется отношением количества последних к количеству первых.

При сильном упадке бумажных денег в Австрии правительство сделало постановление, чтобы долги по обязательствам между частными людьми уплачивались по тому курсу, какой бумажные деньги имели при заключении или составлении обязательства; вместе с сим правительство означило постепенный упадок ассигнаций.

Французские короли, переменяя ценность монет, препятствовали иногда подданным употреблять сии беззаконные действия в свою пользу в отношении к их частным обязанностям. Само правительство всегда пользовалось сими переменами монеты, но обязывало иногда подданных платить и получать в таких случаях старою монетою или новою по сравнительному курсу с прежнею.

[9] Когда войска Филиппа II осаждали Лейден для покорения оного вновь испанскому игу, то правление сего города, не имея денег, выдало в обращение ассигнации с надписью на оных: за свободу. По прекращении войны ассигнации были выкуплены чистыми деньгами. После кампании 1812 года можно было бы в России выпустить в обращение на несколько миллионов новых бумажных денег, определить оные единственно для вспоможения наиболее потерпевших от войны губерний. Учреждение сих новых бумажных денег могло бы быть сделано таким образом, чтобы они не повредили кредиту существующих ассигнаций, но принесли бы великую пользу разоренным губерниям, следственно, всему государству и самому правительству.

Из периодики прошлого

Илларион Игнатьевич КАУФМАН *(1848—1915) — российский ученый, экономист. В 1869 г. окончил юридический факультет Харьковского университета; стажировался за рубежом. С 1889 г. читал курс финансового права на юридическом факультете Петербургского университета; с 1893 г. — экстраординарный, с 1901 — ординарный, с 1914 — заслуженный профессор Петербургского университета. Участвовал в работе Центрального статистического комитета МВД, возглавлял комиссию по разработке материалов Всеобщей переписи населения России в 1897 г.; как член Совета Государственного банка, работал над экономическим обоснованием денежной реформы. Кауфман участвовал в учреждении Международного статистического института в Лондоне. Автор научных трудов по истории финансов в России. Ему принадлежит одна из первых рецензий на русский перевод I тома книги «Капитал» К. Маркса (статья И. Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса», опубликованная в журнале «Вестник Европы» № 5, май 1872 г.). «Весьма ученый и в общем сочувственный этюд», — по характеристике М. Ковалевского, который также утверждал, что «из всего написанного о “Капитале” в России Маркс всего более ценил статью Кауфмана». Член совета Государственного дворянского земельного банка.*

Реформа кредитной денежной системы[1]

I

Вопрос упрочения нашей кредитной денежной системы весьма сложен уже потому, что он находится в тесной связи с двумя другими вопросами: о неотвержденных долгах казначейства по сериям и 4-процентным металлическим билетам, и о неблагоприятном влиянии ликвидации старых кредитных установлений на положение государственного банка. Серии и 4-процентные металлические билеты усложняют собой защиту денежной реформы, затрудняя практическое успешное ее разрешение. Неблагоприятное влияние ликвидации на государственный банк лишает его способности играть необходимую деятельную и полезную роль при проведении реформы.

Внимательное изучение обоих указываемых вопросов приводит, однако, к тому убеждению, что они касаются препятствий и затруднений, гораздо менее сильных, чем то обыкновенно полагают.

---

[1] *Кауфман И. И.* Реформа кредитной денежной системы // Вестник Европы. 1875. Т. 2, март. С. 365—400.

Из всех обязанностей, которые были возложены кредитной реформой 1860 года на государственный банк, наиболее простой была та, которая коснулась ликвидации старых кредитных установлений. В таком совершенно естественном ее виде она рассматривалась и деятелями, которые работали над реформою 1860 года. Они тогда весьма отчетливо сознавали, что ликвидация может получить ложное направление. Поэтому в устав государственного банка внесен был особый параграф (15) следующего содержания: «Государственное Казначейство обеспечивает Банку всеми средствами в распоряжении Правительства находящимися выполнение платежей по билетам на вклады, внесенные в бывшие кредитные установления, и по государственным 5 %-ным банковым билетам, так, чтобы платежи сии ни в коем случае не обращались ни на капиталы, доверенные Банку частными лицами, ни на собственные его капиталы». А для того, чтобы это предписание не оставалось мертвой буквой, в устав внесен был еще параграф (16): «На сей конец, для облегчения исполнения возлагаемых на государственный банк обязанностей относительно уплаты по востребованию вкладов, розданных в ссуды частным заемщикам под залог недвижимой собственности и государственному казначейству, банк получает срочные билеты государственной комиссии погашения долгов или билеты государственного казначейства, *впредь до уплаты капиталов, розданных в ссуды*[2]». В § 20 снова предусматривалась возможность «недостаточности» средств банка для платежей по ликвидации, и поэтому снова повторялось, что казначейство обязано явиться своевременно на помощь банку.

Но то, что ясно сознавали, пока работа шла в комиссиях, позабыто было, когда от слов перешли к делу.

Уже в 1860 г. ликвидация имела дефицит в 4 191 000 руб., в 1861 г. дефицит увеличился еще на 58 445 000, в 1862 году еще на 58 838 000 руб., и в 1863 г. — на 26 325 000 руб.; всего в $3^{1}/_{3}$ года дефицит нарос до 147 799 000 руб. Средства для покрытия этого дефицита были взяты из «капиталов, доверенных государственному банку частными лицами», т.е. из такого источника, на который «платежи ликвидации *никоим образом* не должны были обращаться».

В следующие затем два года замечена была ошибка и сделана попытка уменьшить дефицит ликвидации старых кредитных установлений. Главными образом, на счет сумм от 1-го выигрышного займа дефицит банка по ликвидации в 1864 и 1865 гг. сокращен был на 91 млн, и к 1 январю 1866 г. он составлял уже только около 57 млн рублей. Но к 1 январю 1870 года дефицит ликвидации опять уже возрос почти до 128 миллионов. Причина увеличения заключалась: в новом увеличении расходов ликвидации в 1866 году; сверх того, *на счет средств ликви-*

[2] Цифры эти разе читаны по таблице LXXXV нашей «Статистики русских банков», ч. I, СПб., 1872 г., с. 298—299: при этом мы (согласно изменениям, которые государственный банк в 1873 году внес в классификацию своих средств между категориями «коммерческих» и «ликвидационных») перечислили и для 1860—72 годов из первой категории во вторую суммы, показанный в означенное таблице под статьями 12, 13, 17—20 и 22. Наши цифры не вполне точны, так как мы считали все проценты вкладчиков за ликвидационные суммы; но зато беспроцентные текущие счета (следовательно, и выкупные платежи, которых нельзя было выделить по неимению особых цифр о них за прошлые годы) всецело считались коммерческими суммами.

дации уменьшены были совершенно посторонние и не касавшиеся ликвидации долги казначейства банку. Казначейство взяло на себя долг и ресурс ликвидации, представлявшийся 4-процентными металлическими билетами, потребовав взамен, чтоб на столько же уменьшен был долг казначейства банку за затраты банка, служившие отчасти для покрытие *бюджетных* дефицитов, отчасти для других целей. В половине прошлого года дефицит ликвидации снова опустился до 110 млн руб., и ныне составляет около 115 млн рублей.

Мало того, что государственному банку не было дано достаточно средств, чтобы он мог произвести ликвидацию на основаниях, которые для нее были единственно рациональные, и одни лишь обеспечивали ей успех и нормальный характер; ликвидация отчасти была даже изменена в самом существе своем. Учреждение, которое ликвидирует, *совершенно прекращает* свои дела; а это, только другими словами, значит, что оно *не начинает новых* дел. Но ликвидация старых кредитных установлений получила иной смысл. Первоначально рассчитывали, как на весьма важный источник средств ликвидации, на платежи помещиков по их долгам заемному банку, сохранным казнам и приказам. Но долги эти оказались весьма важным элементом выкупной операции. Они должны были от помещиков перейти на крестьян. Переход долгов, в свою очередь, вел новую отсрочку их на 49 лет. Отсрочка же повела за собой уменьшение ежегодных доходов ликвидации, замедлив скорость погашения долгов старым кредитным установлениям.

Для дефицита ликвидации большое значение имеет цифра «процентных бумаг, поступивших в платежи по долгосрочным ссудам из старых кредитных установлений, *уничтоженных или подлежащих уничтожению».* Известно, что долги старым кредитным установлениям могут быть погашаемы некоторыми процентными бумагами: 5 % билетами, выкупными свидетельствами, $5^{1}/_{2}$ % рентою, закладными листами городских кредитных обществ и общества взаимного поземельного кредита. Эта привилегия оказалась очень вредной для ликвидации старых кредитных установлений. Бóльшая часть бумаг, поступающих в платеж, стóит ниже пари; принимаются же они по нарицательной цене. Следовательно, привилегия обходится ликвидации старых кредитных установлений дорого, подвергая ее убытку в размере разности между нарицательной и биржевой ценами бумаг. Хорошо, что в *настоящее время* биржевые цены 5 % билетов и выкупных свидетельств не далеко уклоняются от их нарицательной цены; но ведь это не всегда так было. Понятно, что чем ниже были биржевые цены выкупных свидетельств, 5 % билетов и облигаций городских кредитных обществ, тем выгоднее было ими погашать долги: легко себе представить, какой убыток должна была вынести ликвидация.

Еще характеристичнее другая особенность того же погашения ссуд бумагами. Бумаги эти составляют довольно значительную долю доходов ликвидации старых кредитных установлений, вообще небогатой доходами. И вот эти-то небогатые доходы решено было еще более урезать. Определено было, что бумаги, поступившие в платежи, не будут реализуемы, а в весьма значительной своей доле (5 % билеты, выкупные свидетельства, рента) будут уничтожаемы и поставлены в счет долга, погашаемого крестьянскими выкупными платежами. Таких уничтоженных бумаг к началу 1875 года считалось около 52 млн рублей. Это значит, что ликвидация старых кредитных установлений была принуждена примириться с фактом, что ее доходы возрастут не на весь размер 52 млн, от бумаг, посту-

пивших в платежи по ссудам, а только на проценты по бумагам, составившим около 7 млн руб. А так как ликвидация старых кредитных установлений все-таки нуждалась в средствах, то понятно, что, отказываясь от собственных ресурсов (то есть от 45 млн), она должна была лечь тяжелым бременем на посторонние (коммерческие) ресурсы государственного банка.

Как важно значение указанных обстоятельств для дефицита ликвидации старых кредитных установлений, показывает простой расчет. Если б правительство в 1867 году не погасило своих бюджетных долгов государственному банку на 30 млн из средств ликвидации старых кредитных установлений; если бы, далее в 1869 году, 12 млн 4 % билетов не были уничтожены опять на счет средств ликвидации старых кредитных установлений; если б, наконец, ликвидация старых кредитных установлений имела в свободном виде 52 млн, поступивших к ней процентными бумагами, ее дефицит был бы теперь меньше на 83—87 млн рублей. А когда весь дефицит составляет около 110 или 115 млн рублей, то сумма в 83—87 млн для него имеет довольно крупное значение. Если б к интересам ликвидации отнеслись с большим вниманием, ее дефицит теперь составлял бы только около 25 млн рублей.

Весьма значительная доля вкладов, которые были вытребованы обратно из ликвидируемых кредитных учреждений, на первых порах снова возвращалась в государственный банк. Сверх того, конечно, и другие свободные капиталы приливали к государственному банку. Таким образом, в 1860—64 гг., в то время, когда вклады упраздненных кредитных установлений потеряли свыше 228 млн руб., в государственном банке сосредоточилось новых вкладов свыше $160^{1}/_{2}$ млн руб. Вот эти-то «новые вклады» служили государственному банку источником, из которого он брал недоставшие средства для покрытия дефицита ликвидации старых кредитных установлений. С 1866 г. «новые вклады» тоже стали уменьшаться, и в 1866—74 гг. потеряли около 60 млн. В настоящее время, даже вместе с невостребованными процентами вкладчиков, их уже не хватает на покрытие дефицита ликвидации старых кредитных установлений.

Самая большая часть новых вкладов отличается тем же качеством, которое свойственно было вкладам старых кредитных установлений: они как бессрочные могут быть во всякое данное время обратно востребованы у государственного банка. Известно, как несостоятельность старых кредитных установлений вызвана была тем, что *бессрочные* вклады ими были употреблены на *долгосрочные* ссуды. Реформа 1860 г. своей главнейшей целью имела установление соответствия между качеством ссуд и качеством средств, для них употребленных. Для этого бессрочные вклады предположено было превратить в 5 % и 4 % долгосрочные облигации. Но эту рациональную мысль не довели до конца. И вот почему в настоящее время государственный банк находится в том же положении, в каком находились старые кредитные установления. Разница, если она и существует, не качественная, а количественная.

Очевидно, что в указанном нами отношении реформа государственного банка была нужна уже в первые годы его существования. Но она откладывалась с года на год, и с этим откладыванием почти все свыклись. Поэтому теперь очень часто думают, что если большой беды не было до сих пор от откладывания реформы, то беды не будет и от дальнейших отсрочек ее.

Но подобный взгляд совершенно неверен. Нельзя утверждать, будто бы большой беды до сих пор не было оттого, что преобразование откладывалось. Она была, но к ней легко относились.

Болезненное состояние государственного банка, насколько оно вызвано ненормальным ходом ликвидации старых кредитных установлений, не принадлежит к числу тех, которые, раз установившись; могут потом продержаться долгое время, не изменяясь. Если бы состояние ликвидации старых кредитных установлений не ухудшалось, и если б болезнь оставалась в одной и той же стадии, не изменяясь, тогда бездействие еще могло бы быть оправдано. Но на деле условия совсем не таковы. На деле обстановка болезни непрерывно ухудшается. И если лечение болезни в половине шестидесятых годов было просто, и могло обойтись недорого, то с тех пор все более и более исчезает почва, на которой простое и наименее дорогое лечение единственно только и возможно.

Мы уже сказали выше, что вклады государственного банка уходят из него. С 1 января 1865 г. их всего (старых и новых) ушло около 110 млн рублей. И это неудивительно. По операции вкладов с государственным банком конкурируют все остальные наши кредитные установления: акционерные и городские общественные банки и даже общества взаимного кредита. Все эти конкуренты государственного банка лучше, чем он, оплачивают вклады и выдают за них более удобные документы (на предъявителя). Неудивительно поэтому, что вклады из государственного банка перешли и продолжают переходить к другим нашим банкам. Неудивительно будет, если в последующие десять лет их уйдет из банка еще 110 млн и у банка их совсем не останется.

Мы этим желаем сказать, что ресурс, из которого до сих пор покрывался дефицит ликвидации старых кредитных установлений, истощается, и *волей-неволей приходится подумать об ином ресурсе.*

Но современное состояние государственного банка делает совершенно возможным повторение мер 1859—60 гг.: удалению вкладов может быть оказано препятствие *консолидированием их.* Тогда избегается необходимость обращаться к публике за новыми средствами. Конечно, чтоб консолидировать вклады, нужно их иметь; а если им дают уходить, то консолидировать ничего не остается. Но пока у государственного банка еще есть около 125 млн руб. старых и новых вкладов (с процентами на них), путь, представляемый консолидацией вкладов, еще открыт для государственного банка. Одну из важнейших идей реформы 1860 г. пока еще можно довести до конца. Но если этого не сделают скоро, тогда придется волей-неволей подумать о новом ресурсе при ухудшившихся условиях. Затруднение из незначительного станет очень крупным.

В тех случаях, когда вклады не удаляются окончательно из государственного банка, они превращаются в процентные текущие счеты. Так или иначе, вклады конвертируются *во всяком случае.* Но, благодаря бездействию, вклады, вместо того, чтоб превращаться в долгосрочные облигации и привести ликвидацию старых кредитных установлений в нормальное состояние, превращаются в чековые книжки и этим подводят пороховую мину под ликвидацию. Текущие счета не так легко консолидируются, как вклады. Имея от ликвидации старых кредитных установлений дефицит, покрытый из текущих счетов, государственный банк становится в положение, когда он, при востребованиях с текущих счетов, должен

покрывать означенный дефицит новыми выпусками кредитных билетов или должен себя объявить несостоятельным должником.

Очевидно в таком случае, какое важное значение имеет *своевременная консолидация вкладов, еще остающихся теперь в государственном банке.* Время для такой консолидации теперь у порога и не сегодня-завтра может сказать свое «последнее прости». *Поэтому-то реформа уже более не может и не должна быть откладываема.*

В четыре года, 1870—1873, проценты, уплаченные банком по вкладам (старым и новым), составляли $5^1/_8$ млн, $4^1/_{10}$ млн, $3^1/_2$ млн рублей. По мере уменьшения вкладов уменьшались и уплачиваемые за них проценты. А эти проценты составляют видимый источник, весьма важный для того, чтоб делать каждому очевидным, как *расход на консолидацию вкладов не ведет за собой нового расхода и не требует от казначейства никаких новых жертв.* В тех средствах, которые государственный банк уплачивает за вклады, и в прибылях ликвидации, весьма значительных, он имеет источник, который с излишком может покрывать все расходы по консолидированию дефицита ликвидации старых кредитных установлений. Если первая часть источника недостаточна, то чистые прибыли банка по операциям ликвидационным гораздо более чем достаточны, чтоб дополнить недостающие суммы[3]. Из этих прибылей банк мог по настоящее время образовать запас свыше 30 млн рублей. Сверх того, ликвидационные доходы теперь начинают поступать в увеличенных размерах и ускореннее (с приближением выкупной операции к концу). Поэтому убытки не могут теперь постигать ликвидацию старых кредитных установлений, и *банк из собственных средств вполне может покрыть платежи по консолидированию дефицита,* т.е. вкладов.

Таким образом, затруднение, представляемое для денежной реформы ликвидацией старых кредитных установлений, далеко не имеет той важности, какую ему обыкновенно приписывают. При всем неоспоримом значении его оно устраняется простым и естественным путем продолжения уже начатого в 1860 году.

II

Весьма характерно, что § 1 Устава государственного банка, определяющий основные задачи его, не упоминает вовсе о ликвидации. В § 1 говорится: «Государственный банк учреждается для оживления торговых оборотов и упрочения денежной кредитной системы». Ликвидация, очевидно, считалась даже не стоящей того, чтобы о ней упомянуто было рядом с другими двумя главными задачами. Но сила взяла свое, и во все время существования государственного банка почти три четверти его средств шла на ликвидацию старых кредитных установлений.

Для «оживления торговых оборотов» банк получил сначала 15, а потом еще восемь млн рублей от правительства. Понятно, что особенного «оживления» банк не мог этими средствами вызвать в «торговых оборотах». В торгово-промышленном отношении банк волей-неволей принужден был очень долго играть совершенно второстепенную и сравнительно незначительную роль. Благодаря процентным текущим счетам он мог быть полезным более чем на 23 миллиона

[3] Прибыли ликвидации составляли: в 1871 году $2^1/_2$ млн, в 1872 году $16^1/_3$ млн., в 1873 году $10^1/_2$ млн, а в 1874 году свыше 8 млн рублей.

его собственных капиталов. Развитие нашей банковой системы впоследствии явилось важным толчком, который банк получил извне. Государственный банк был взят как бы на буксир всеми остальными нашими банками. Естественный ход дел сообщил ему значение центрального кредитного учреждения. Подобный банковый центр *(банк банков* как говорят в Англии) у нас, во всяком случае, должен был образоваться. А при новизне остальных банков неудивительно, что роль «центра» выпала на долю имевшегося готовым государственного банка, уже знакомого публике и пользовавшегося ее доверием, как всякое государственное установление. Сюда еще прибавлялось весьма важное обстоятельство, что от государственного банка только и можно было ожидать, на случай оскудения текущих счетов, воспособления кредитными билетами. Государственный банк стал центром переучета. И только поэтому он теперь имеет неоспоримо серьезное значение для «оживления торговых оборотов».

Существует ли потребность, чтоб значение государственного банка для торговли и промышленности возросло? Сколько нам известно, вопрос так прямо ставится в нашей финансовой литературе очень редко. Но тем не менее очень часто слышатся жалобы, что банк не выполняет своего *главного* назначения — служить торгово-промышленным нуждам. Но говорить о пересоздании государственного банка с целью сделать его способным выполнять это «главное» назначение, другими словами, значит признавать, что существующих у нас банков недостаточно для всех потребностей: нужен еще один и притом крупный банк, какой только и может быть сделан из государственного банка, иначе игра не стоила бы свеч.

Года три тому назад, в разгар периода «учредительства», всякий, не задумываясь, отвечал бы утвердительно на поставленный нами вопрос. Но теперь найдутся весьма многие, которые сильно усомнятся, действительно ли сверх имеющихся у нас многоразличных банков нам нужен еще один, да притом крупный, рассчитанный на большие операции. Многие усомнятся даже в том, найдет ли себе преобразованный банк достаточно обширное поле для больших операций?

Мы должны, однако, заметить, что менее всего у нас в России установилось сколько-нибудь ясное представление о том, что можно считать «большими» операциями для банка? Лет пять-шесть еще тому назад никто не мог предвидеть, чтоб для одних только акционерных банков краткосрочного кредита возможен был такой простор, который дозволил бы им по учету и ссудам выдать публике 829 972 000 рублей. В 1873 году на процентные текущие счеты и вклады в государственный банк поступило 1 083$^{2}/_{3}$ млн рублей; но это не помешало, чтобы и в одни только названные частные банки по тем же статьям тогда же поступило 1 670 млн рублей.

Банковое дело у нас еще слишком ново, и свободные выходы для здоровых потребностей в кредите у нас еще слишком недавно открылись, чтобы было возможно уже теперь утверждать, будто мы прошли все поле, для нас имевшееся, и что далее нам идти некуда.

Но существуют более веские доводы в пользу мнения, что идея 1860 года об образовании из государственного банка крепкого и сильного кредитного учреждения имеет важное значение для нашей торгово-промышленной жизни. Подобное учреждение может и должно иметь своей целью: *устранение тех затруднений,*

без которых немыслим переход от обесцененных кредитных знаков к полноценным. Оно может и должно *перевести* наше кредитное денежное обращение с его теперешней болезненной почвы на здоровую.

Весьма существенный порок теперешней системы наших кредитных установлений заключается в том, что для нее совершенно недоступен один из важнейших способов сосредоточивать в банках свободные экономические средства. Мы говорим о выпуске беспроцентных кредитных знаков. Государственный банк имеет, если не право, то возможность этого выпуска. Но возможность эту он имеет не как банк, а как чисто административное учреждение, как «экспедиция кредитных билетов», продолжающая существовать под новым именем. В качестве такой «экспедиции» банк теперь выпускает кредитные билеты в случаях, когда это нужно или для административных мероприятий, в роде «усиления разменного фонда», или для «укрепления касс». В качестве кредитного установления, в строгом смысле этого слова, банк производил бы свои выпуски лишь тогда, если б он их производил для *торгово-промышленных целей.* Но для этих целей государственный банк считают неспособным производить правильную операцию выпуска беспроцентных знаков. Кредитных знаков *для целей казначейства* выпущено уже так много, что не остается простора для торгово-промышленных выпусков.

В настоящее время государственный банк имеет в обращении около 800 млн рублей кредитных билетов. Все эти 800 млн представляют займы, сделанные казначейством для собственных нужд. Их можно рассматривать как ссуду, которую казначейство получило из банка. Из этой 800-миллионной ссуды около 234 млн казначейство обратно уплатило банку звонкими деньгами, хранящимися в разменном фонде. Остальные 566 млн рублей банку остается еще обратно получить от казначейства.

Очевидно, что неуплата 566 млн рублей главным образом препятствует государственному банку пользоваться выпускной операцией для торгово-промышленных нужд. *Если бы все 566 миллионов, или их часть, могли возвратиться от казначейства к банку, то банк, в свою очередь, мог бы сообщить дальнейшее движение от себя к тем пунктам торгово-промышленного мира, которые в них сильнее нуждаются и которые их могут сделать наиболее производительными.* Действительно ли нужны означенные 566 млн торговому миру или они ему не нужны и представляют «излишние» кредитные билеты, тогда отчетливо выяснилось бы *спросом самой торговли,* который она *свободно* проявляет, добиваясь учета и ссуд. Если означенная сумма торговому миру действительно нужна, банк в состоянии был бы на весь ее размер расширить свои производительные и доходные операции. Понятно, что тогда в полезности банка не могло бы существовать никакого сомнения. Она свидетельствовалась бы громадной массой сумм, которые он роздал в кредит торговле и промышленности. Она, сверх того, свидетельствовалась бы высокими прибылями, которые банк мог бы получать, производя большие операции.

Если правы те, которые утверждают, будто бы у нас теперь обращается недостаточная сумма кредитных билетов, то тогда и это выяснилось бы отчетливо и ясно, а не гадательно и гипотетически. Спрос на учет и ссуды для производительной предприимчивости имел бы полную свободу проявиться и на бóльшую сумму, чем 566 млн. Тогда производительность и доходность банка могли бы возвыситься в еще большей степени.

Очевидно, таким образом, что вопрос о производительности и доходности банка как здорового кредитного учреждения по отношению к выпуску кредитных знаков непосредственно зависит от того, может ли он пользоваться операцией выпуска как средством и основанием своей производительности и доходности. Но эта возможность, в свою очередь, зависит от состояния долга казначейства по кредитным билетам.

Таким образом, те две задачи, которые устав государственного банка на него возлагает, как особые и будто бы друг от друга не зависящие, на самом деле находятся в теснейшей зависимости друг от друга.

«Упрочение нашей денежной кредитной системы» в переводе на простой язык означает обратную уплату казначейством его беспроцентного долга за кредитные билеты. Тогда банку откроется свободный простор «для оживления торговых оборотов» теми же кредитными билетами.

III

Обратная уплата казначейством его беспроцентного долга за кредитные билеты должна иметь двоякую цель. Во-первых, она должна ввести этот долг в его нормальные пределы, и, во-вторых, она должна удалить ту ненормальную почву, которая теперь находится под самой наибольшей долей кредитных билетов и которая теперь вредит всей их массе. Опыт доказывает, что в известных пределах беспроцентный долг казначейства составляет безвредный финансовый ресурс для правительства и не мешает равноценности кредитных знаков со звонкими деньгами. Тот же опыт доказывает, что масса кредитных знаков, которые могут без вреда обращаться в стране, совсем не должна непременно ограничиваться той их суммой, которая может быть выпущена при умеренном пользовании финансовыми ресурсами казначейства. Во всякой стране могут обращаться две массы беспроцентных знаков, без вреда для их ценности: одна может представлять беспроцентный кредит правительства в пределах его нормального состояния; другая же может представлять кредит торговли и промышленности, конечно, тоже лишь в пределах его нормального состояния.

На этих двух указаниях опыта основывается кредитная денежная система в странах, в которых она вполне здорова. Следовательно, если мы до сих пор не в состоянии были выработать ничего лучшего, нам остается лишь обратиться к тем же указаниям опыта.

Как представители капиталов, занимаемых с обязательством обратно уплатить их немедленно по востребованию, беспроцентные кредитные знаки могут иметь своей почвой только *краткосрочнейший из возможных* долгов, т.е. такой, который может быть уплачен с наибольшей скоростью. Но в такие долги в очень больших размерах может входить лишь та частная производительная предприимчивость, которая скоро заканчивает и возобновляет все свои обороты. Поэтому только обязательства свободной торгово-промышленной предприимчивости, которой наискорейшая производительность выше сомнений, могут служить безукоризненной почвой и для самой значительной массы кредитных билетов. На этой почве совершенно обеспечена равноценность билетов с золотом и серебром, и беспроцентные знаки *сами создают себе разменность.*

В известных пределах, однако, и правительство в состоянии входить в долги, рассчитывая на возможность их исполнения с такой же скоростью, с какой это делает свободная предприимчивость. Во всякое данное время правительство имеет больше доходы, и эти-то доходы оно имеет полнейшую возможность забрать (антиципировать) путем кредитных билетов. Ибо платежи, которые оно обязывается *произвести* по этим билетам, покрываются и обеспечиваются платежами, которые оно должно *получить* по податям и иным доходам. Но эти подати и иные доходы правительства не безграничны. *Сумма их не может быть рассчитана на больший срок, чем на какой рассчитывает свои доходы частная предприимчивость, когда она обязывается уплатить свои долги с наибольшей скоростью.* У нас полагают, что при 4-месячном сроке скорость погашения обязательства уже достаточно велика, чтобы дозволить нерискованное пользование бессрочными средствами из вкладов на текущие счета. Следовательно, и правительство может принять четырехмесячные свои доходы нормой, для определения пределов, в которых оно может забирать свои доходы путем выпуска кредитных билетов. Эти четырехтысячные доходы составляют для нашего казначейства средним числом около 180 млн рублей. Допустим даже уменьшение этой суммы на 50 млн. Следовательно, 130 млн рублей составляют предел той суммы, на которую правительство имеет такое же право пользоваться средствами от текущих счетов и беспроцентных знаков или кредитных билетов, какое имеет частная предприимчивость, наиболее скоропроизводительная. Беспроцентность кредита, которой правительство в этом случае может пользоваться у народного хозяйства, не основывается на какой-нибудь привилегии. Такая беспроцентность фактически непрерывно встречается в торговом быту, когда два торговых дома стоят друг у друга на взаимном текущем счете равными суммами.

За вычетом из 566 млн, представляющих часть беспроцентного долга, которую правительство до сих пор не в состоянии уплатить[4], вышепоказанных 130 млн, оставалось бы 436 млн, представляющих maximum той части бумажно-денежного долга, которую главным образом можно было бы рассматривать как обусловливающую болезненное состояние нашего кредитного обращения, если бы у нас не существовало серий и 4 % металлических билетов.

Обоим этим видам нашего государственного долга присвоено такое качество, которое делает их важным препятствием для упрочения нашего кредитного денежного обращения. Сериям присвоено качество служить для платежей казначейству, а 4 % металлические билеты могут служить для платежей государственному банку.

Другими словами, это значит, что сериями правительство отрезало себе путь к возможности в вышеуказанных пределах пользоваться кредитными билетами как нормальным финансовым ресурсом. За вычетом из всей суммы серий (216 млн) той их части, которая находится в кассах казначейства (около 25—30 млн руб.), остается около 190 млн, т.е. сумма, недалеко отстоящая от предполагаемой нами наибольшей цифры обеспечения кредитных билетов податными поступлениями (180 млн руб.). В тех пределах, в которых правительство могло бы без вреда для ценности кредитных билетов (и, следовательно, для успеха денежной реформы)

[4] На уплату остальных 234 млн средства имеются в разменном фонде.

пользоваться частью выпуска билетов, в этих пределах оно теперь пользуется сериями. Ясно в таком случае, что указываемое обстоятельство ставит правительству дилемму. Казначейство теперь пользуется и тем и другим ресурсом. А между тем без вреда для себя и для народного хозяйства оно может и должно пользоваться *только одним из них*. Следовательно, *от одной или другой из них оно должно отказаться.* 4 % металлические билеты препятствуют прочности денежного обращения, потому что предприимчивость ими может покрывать свои долги государственному банку, а не только кредитными билетами. Итак, 4 % металлические билеты на сумму, им равную ($50^1/_2$ млн руб.), всегда освобождают кредитные билеты из зависимости от банка, насколько такая зависимость установляется учетно-ссудными операциями государственного банка. В трудную пору, когда каждый десяток млн рублей кредитных билетов может оказаться имеющим весьма веское значение для успеха предпринимаемых мер, этот успех может сильно парализоваться 4 % металлическими билетами. Они могут быть употреблены тогда на уплату долгов банку по учету и ссудам; а выданные кредитные билеты могут служить основанием для увеличения спроса на драгоценные металлы. При восстановлении размена 4 % металлические билеты в спокойное время и не будут мешать; но в периоды тугости денежного рынка они представят весьма значительный спрос на драгоценный металл. Спрос этот окажется втройне тягостным: во-первых, потому что он будет проявляться в периоды, когда и без того денежный рынок будет расстроен; во-вторых, потому что он будет направлен в центр и самое чувствительное место денежного рынка, в государственный банк; в-третьих, наконец, потому что банк принужден будет прибегать к мерам самозащиты в виде назначения очень высоких процентов по учету и ссудам, которые для торгово-промышленного мира будут крайне и невыносимо тяжелые. Ввиду указываемого значения серий и 4 % металлических билетов, очевидно, что реформа денежного обращения существенным своим условием предполагает меры, направленные против препятствий, представляемых пригодностью серий и 4 % металлических билетов служить способами для платежей.

Что касается серий, то если, *или* они, *или* соответственная им сумма кредитных билетов только и могут оставаться в обращении, то вряд ли может быть какое-либо сомнение в вопросе, что чему должно очистить место. Оставить серии в обращении, значит, остаться при бумаге, стоящей казначейству ежегодно $4^1/_3$ % и, *сверх* того, войти еще в особый расход в 10—12 млн рублей ежегодных платежей по консолидации равной суммы кредитных билетов. Напротив, оставить в обращении кредитные билеты, значит, сберечь из ежегодного расхода, требуемого консолидацией кредитных билетов, *четыре пятых* частей его, и только одну его пятую долю употребить на консолидацию серий. Решившись на консолидацию серий в $5^1/_2$ % ренте, правительство увеличивает свои ежегодные платежи только на $2^1/_2$ млн рублей[5].

4 % металлические билеты стоят теперь правительству 3 млн металлических рублей, или, считая 13%-ный лаж, 3 390 000 руб. Вся сумма их составляет около $5^1/_2$ млн. Уже теперь эта незначительная сумма обходится правительству

[5] Серии теперь стоят ежегодно 9 331 200 руб., а превращенные в $5^1/_2$ % ренту будут стоить ежегодно 11 860 000, или больше на 2 548 800 руб.

дороже, чем стоила бы 5 ½ % бумажная рента; а эта сравнительно более дорогая стоимость еще более возрастет по мере того, как погашение еще более ее сократит. Во всяком случае, выкуп ее или замена бумагой, лишенной денежных качеств, дорого не обойдется. Небольшим же расходом в этом случае народное хозяйство спасается от положения, которое способно очень вредно влиять на колебание нашего дисконта.

Отверждение долга по сериям в 210 млн и по 4 % металлическим билетам в $50^1/_2$ млн, всего же массы неотвержденных долгов в $266^1/_2$ млн рублей, может потребовать нового ежегодного расхода никак не больше 3 млн рублей. Мы не станем утверждать, что лишение этой массы долгов имеющихся у них денежных свойств (или свойств заменять деньги) совершенно равносильно изъятию из обращения *такой же* массы кредитных билетов. Но если мы даже признаем, что отверждение серий и 4 % металлических билетов на $266^1/_2$ млн равносильно отверждению массы кредитных билетов *только на одну треть* этой суммы, то и одна треть уже составляет около 90 млн рублей. Консолидация же 90 млн руб., даже при расчете лишь на $5^1/2°/_0$-ный расход, обойдется почти в 5 млн рублей, или на $1^1/_2$ млн дороже, чем конвертирование серий и 4 % металлических билетов.

IV

Дефицит ликвидации бывших кредитных установлений, серий и 4 % металлические билеты, вместе составляют около 380 млн руб., или 40 % всех наших неотвержденных долгов[6]. На самом деле, однако, регулирование означенных 380 млн имеет гораздо большее значение; ибо денежные свойства этой суммы исчезают и открывают возможность обеспечить податными поступлениями казначейства полноценное обращение суммы кредитных билетов по меньшей в 130 млн руб.[7] Эту сумму в 130 млн рублей мы можем, как выше объяснено, вычесть из 566 млн остающейся части наших неотвержденных долгов, представляющей открытый вопрос. Тогда выясненные выше меры преобразования при всей их необременительности для казначейства, оставляют нерешенной часть вопроса, выражающуюся лишь в 436 млн руб., или 46 % всей суммы наших неотвержденных долгов. Напротив, по 54 % их правительство освобождается от неудобств, с которыми они связаны, при увеличении ежегодных расходов лишь на 3 млн рублей.

Переходим к остающейся, последней нерешенной части вопроса.

Реформа денежной системы, основанной на неразменных бумажных знаках, всегда связана с возникновением целого ряда протестов, исходящих от представителей таких интересов, которые якобы необходимо должны *во всяком случае* страдать от реформы. Эти интересы, однако, далеко не однородны.

---

[6] Всю сумму мы считаем в $947^1/_2$ миллионов рублей, а именно: беспроцентный долг за кредитные билеты — 566 млн, серии — 216 млн, дефицит ликвидации бывших кредитных установлений — 115 млн и 4 % металлические билеты $50^1/_2$ миллионов рублей.

[7] К 1 января 1853 года у нас находилось в обращении кредитных билетов на $311^1/_3$ млн при разменном фонде в $146^3/_4$ млн, из которых на драгоценные металлы приходилось $123^3/_4$ млн, а на ценные бумаги 23 млн руб. Следовательно, беспроцентный долг составлял $164^1/_2$ млн руб., а если не считать ценных бумаг разменного фонда — $187^1/_2$ млн рублей.

Во всех отношениях совершенно законный интерес, несомненно, представляют те, которые боятся, чтобы реформа не произвела недостатка в орудиях обращения. Незаконный интерес, напротив, представляют те, которые к многообилию бумажных знаков относятся как к мутной воде, в которой и им удастся иногда что-либо выудить.

Очевидно, что оба указываемые интереса ничего общего не имеют. Несомненно поэтому, что законные интересы вдвойне выиграли бы, если б оказалось, что возможны пути, одновременно и устраняющие их опасения, и преграждающие дорогу незаконным интересам. Такие пути, однако, несомненно существуют.

Мы видели, что из суммы 800 млн кредитных билетов, у нас ныне обращающихся, только часть, в 436 млн рублей, в строгом смысле может быть рассматриваема как причина расстроенного состояния нашего денежного обращения.

Для покрытия этих 436 млн кредитных билетов правительство должно: или из-за границы получить 436 млн рублей звонкими деньгами, или выпустить на 436 млн долгосрочных обязательств внутреннего государственного долга.

Представить себе, что правительство в состоянии добыть за границей 436 млн рублей звонких денег — дело, предполагающее довольно сильную фантазию и, соответственно, слабое знакомство с теперешними условиями предложения драгоценных металлов. Такой *свободной* суммы драгоценных металлов в настоящее время за границей нигде совсем и не существует. Банкиры же дают и могут давать металл лишь на короткое время, чтобы после займа его взять обратно, как это всегда и бывает. При господствующей в настоящее время «борьбе за золото», обещающей затянуться еще надолго, металл, заимствованный за границей для России, оставался бы у нас только короткое время. Замена металлом 436 млн кредитных билетов оставила бы нас в скором времени без звонких и без бумажных денег. Сверх того, должно указать на сравнительно первобытный характер, который приняло бы наше денежное обращение, даже если бы металл и можно было добыть за границей. При наиболее благоприятных условиях мы имели бы так называемое чисто металлическое обращение, какого в настоящее время ни одна сколько-нибудь образованная страна не имеет. Неудобство чисто металлической циркуляции то, что при ней денежное обращение превращается в открытое море, волны которого, вызываемые приливом и отливом драгоценных металлов под влиянием баланса внешней торговли, беспрепятственно и болезненно влияют на спокойное течение дел в стране. Между тем заграничный опыт знает уже механизм, которым колебания денежного обращения, вызываемого именно приливами и отливами металла под влияниями баланса внешней торговли, сильно умеряются и парализуются. Этот механизм представляет *смешанное денежное обращение*, состоящее из звонких денег и равноценных им бумажных знаков и руководимое кредитным учреждением, достаточно сильным, чтобы его меры немедленно сказывались на составе и объеме денежного обращения.

Это возражение показывает, что гипотеза замены 436 млн кредитных билетов такой же суммой звонких денег, даже если б она была осуществима, связана уже с чисто экономической точки зрения с неудобствами, которые возможно и необходимо избегать. Обратимся, поэтому, ко второй гипотезе — замене 436 млн кредитных билетов долгосрочными облигациями внутреннего займа и посмотрим, не дает ли она возможность избегнуть указываемых неудобств.

Как известно, воззрение тех, которые опасаются, что реформа породит недостаток в деньгах, не единственное, вызванное и у нас неразменными знаками. Если одни боятся, что извлечение из оборота 436 млн окажется очень опасной и вредной мерой, то очень легко могут оказаться другие, которые будут полагать, что у нас находится в обращении излишних кредитных билетов еще более, чем на 436 млн рублей. Какое же из этих двух воззрений вернее?

Мы здесь противопоставляли друга другу эти два воззрения потому, что вторая гипотеза наша не только дает возможность устранить неудобства, связанные с первой гипотезой, но, сверх того, дает прочную почву для решения спорного вопроса об излишних кредитных билетах.

Представим себе, что правительство имеет возможность выпуском долгосрочных облигаций консолидировать часть беспроцентного долга и сосредоточить в своих руках сумму кредитных билетов в 436 миллионов рублей. Если бы правительство *уничтожило* эти билеты, вышеупомянутые законные интересы вправе были бы самым энергическим образом протестовать против уничтожения. Чтобы не возбуждать протеста мы поэтому предполагаем, что 436 млн руб. кредитными билетами, изъятые из обращения, по которым беспроцентный долг казначейства консолидирован в выпущенных для этого новых процентных бумагах, *передаются государственному банку в его кассу*.

То есть, заняв с помощью выпуска консолидированных облигаций на 436 млн руб. такую же сумму кредитных билетов, казначейство погашает свой беспроцентный долг за кредитные билеты означенными облигациями. Затем кредитные билеты остаются свободным орудием обращения, не имеющим никакого отношения к нуждам казначейства. Находясь в распоряжении казначейства, кредитные билеты могут быть переданы государственному банку. Государственный же банк, в свою очередь, может опять их выпустить: но не для нужд казначейства, а для нужд торговли и промышленности, для развития своих коммерческих операций, для увеличения своего портфеля. Этим-то портфелем кредитные билеты будут обеспечены, когда они снова появятся в обращении.

Если 436 млн кредитных билетов, изъятых из обращения, действительно нужны торгово-промышленному миру, ничто не помешает ему так же точно продолжать свой спрос на них, как он его проявлял до настоящих пор. Кредитные билеты будут разобраны у государственного банка по учету и ссудам, и никакой перемены в количественной стороне денежного обращения не произойдет. Но весьма существенная перемена произойдет в качестве и обеспечении кредитных билетов. Это обеспечение будет представляться не «достоянием империи», а солидностью клиентов государственного банка. Билеты будут представлять капитал, не казначейству переданный, им уничтоженный и не могущий быть восстановленным; а капитал, находящийся в руках производительных и напряженно озабоченных необходимостью восстановить его к сроку. О прочности почвы под кредитными билетами будет стараться не единичная личность министра государственных финансов, а масса личностей — клиентов государственного банка, из которых каждый — министр своих собственных финансов. Всякий же частный человек хорошо знает, что для цветущего состояния собственных его финансов прежде всего его кредит должен быть безупречным, а для этого нужно аккуратно расплачиваться и производительно обходиться со своими ресурсами.

Таким путем наше денежное обращение, ни на волос не изменяясь в своем количественном объеме, претерпевает радикальную перемену в своем *качественном составе.* Кредитных билетов столько же, но *не тех же*, что прежде. У нас будут находиться в обращении такие же кредитные знаки, какие обращаются в Англии, Германии, Франции.

Имея в своих руках значительный торгово-промышленный портфель, государственный банк может уже тогда подвергаться упреку, что он недостаточно действует «для оживления торговых оборотов».

Вместе с тем, благодаря величине своего портфеля, государственный банк в состоянии являться тем сильным кредитным учреждением, которое, следуя примеру и политике банков Англии, Франции и Пруссии, достаточно властно, чтобы бороться с вредными влияниями неблагоприятного баланса внешней торговли на денежное обращение. Подобно указанным заграничным банкам и государственный банк будет в состоянии противодействовать неблагоприятности баланса и непосредственно влиять на его качества, содействуя его превращению из неблагоприятного в благоприятный.

Но это же самое, другими словами, значит, что 234 млн руб. звонкого металла, которые теперь спят мертвым сном в неразменном фонде, будут пробуждены к жизни и тоже подвергнутся радикальной перемене в своих качествах.

Каждый раз, когда от государственного банка начнут требовать по кредитным билетам драгоценных металлов для отправки за границу, государственный банк в состоянии будет противодействовать таким требованиям, если они внушат серьезные опасения за разменный фонд. Требования размена по кредитным билетам будут свидетельствовать, или что часть этих билетов временно стала излишней и что, следовательно, на известную часть операции государственного банка должны сократиться; или же, что деньги у нас ценятся слишком низко сравнительно с заграничными странами и что цена их должна возвыситься. Но временное сокращение операций и возвышение цены денег будет совершенно во власти государственного банка. Сжимая свои обороты или возвышая дисконт, государственный банк в силах будет усиливать спрос на кредитные билеты и ослаблять стремление металла уходить из страны за границу. Таким образом, государственный банк будет в силах вести деятельную и успешную борьбу с разменом всякий раз, когда он проявит стремление служить для вывоза из страны драгоценных металлов, то есть в том единственном случае, когда он для страны вреден.

Само собой очевидно, что если правы те, которые всегда уверяют, что нам безусловно нужны все кредитные билеты, ныне обращающиеся, то государственный банк сделает с ними выгодные операции и в смысле прибылей. Предполагая, что он со своих клиентов возьмет не больше, чем сколько государство уплачивает по своим долгам (к чему наш торговый мир еще не приучен), *денежная реформа сама покроет свои расходы* и от казначейства никаких жертв не потребует.

До сих пор мы исходили из предположения, согласного с суждениями тех, которые опасаются, чтоб денежная реформа не произвела замешательства при удовлетворении потребности в орудиях обращения; мы поэтому вместе с ними признавали, что наши условия действительно порождают потребность во всей той массе кредитных знаков, которая ныне обращается. Наше изложение показало, что если б это суждение было справедливо, тогда денежная реформа

была бы во всех отношениях задачей очень легкой для разрешения. Она даже и от казначейства потребовала бы жертв лишь для самой незначительной части своей, для консолидации серий и 4 % металлических билетов. И торговому миру, и казначейству тогда не на что было бы жаловаться.

Но как бы глубоко ни были убеждены в истинности мнения, из которого мы до сих пор исходили, те, которые его придерживаются, все же это мнение — не единственное, существующее о предмете, которого оно касается. Кроме этого мнения, существует еще другое, прямо противоположное, по которому у нас теперь известная масса обращающихся кредитных билетов действительным потребностям не соответствует — по которому у нас обращаются и *излишние* кредитные билеты.

Если это верно, то значит извлеченные из обращения 436 млн кредитных билетов, переданные государственному банку для оживления оборотов, окажутся предложением, которому никакой спрос не соответствует. Конечно, если мы говорим «никакой» спрос, то мы этим хотим сказать: никакой *солидный* спрос: ибо несолидного спроса и вообще рук, готовых протянуться туда, где положены деньги, всегда и повсюду достаточно. Но само собой разумеется, что никто не станет доказывать, будто бы поползновения несолидных рук должны быть уважаемы. Менее же всего, конечно, представители солидной торговли и промышленности пожелают явиться заступниками тех, которым они же сами из собственного имущества ничего не доварили бы.

Но солидного спроса может все-таки оказаться меньше, чем на 436 млн руб. Насколько именно, докажет непосредственный жизненный опыт в той цифре кредитных билетов, которая не найдет себе помещения в портфеле государственного банка. Тогда опыт, а не гадания и чей бы то ни было произвол определят, сколько у нас обращается излишних кредитных билетов.

Предположим один из наихудших случаев, что опыт укажет на цифру 300 миллионов, как выражающую количество излишних кредитных билетов, ныне у нас обращающихся.

Тогда 136 млн, на которые государственный банк в состоянии будет развить свои коммерческие операции, своими прибылями сами будут покрывать все расходы казначейства по уменьшению беспроцентного долга казначейства на их сумму. Вместе с темь выяснится, что из 436 млн, на уплату которых казначейству нужны средства, не вся сумма должна быть признана во всех отношениях порочной и вызывающей болезненность нашего денежного обращения, а только 300 млн.

Мы получим тогда все основания утверждать, что из капиталов, которые правительство получило для Крымской войны путем выпуска кредитных билетов, сумма в 300 млн до сих пор нашим народным хозяйством *еще не восстановлена.* Восстановлена она еще должна быть, *постепенно и медленно.* А между тем владельцы обращающихся теперь 300 млн кредитных билетов имеют в них право *сразу* потребовать *весь капитал в его целости.* Очевидно, что правительство в этом случае в кредитных билетах выпустило документы на такое обязательство, которого не только оно само не может выполнить из государственных ресурсов, но которого не может выполнить все народное хозяйство, из всей совокупности имеющихся у него ресурсов. Очевидно также, что нормальные отношения будут восстановлены тогда, когда правительство обяжется только к тому, на что способно народное хозяйство и на что поэтому и оно само способно. Если народное

хозяйство только медленно и постепенно может возобновить уничтоженные войной и еще не восстановленные 300 млн, то и пред владельцами массы кредитных билетов на эту сумму правительство может лишь обязаться — выплатить им капитал в 300 млн *медленно* и *постепенно;* другими словами, правительство должно заменить кредитные билеты, дающие несущественное право требовать сразу все 300 млн, долгосрочными обязательствами, дающими право требовать части этой суммы по мере их действительного возникновения.

Долгосрочный заем в 300 млн введет казначейство в новый ежегодный расход в $16^1/_2$—18 млн[8]. Эти $16^1/_2$—18 млн для народного хозяйства во всей их целости не будут непроизводительной затратой. Извлекая из обращения 300 млн излишних кредитных билетов, правительство не лишит народное хозяйство капитала, имеющегося в наличности и реально существующего: ведь само народное хозяйство, не поглотив кредитных билетов и сделав первый шаг к признанию их излишними, этим само же объявляет, что реального капитала, соответствующего излишним билетам, совсем не существует. Если, поэтому, правительство берет займом излишние кредитные билеты, оно берет не капитал, а долговой документ, не соответствующей действительным условиям жизни. Оно берет только бумагу, *внешним образом похожую* на деньги, но никак не действительные деньги. Действительно же правительство берет у народного хозяйства только ежегодные $16^1/_2$—18 млн, потребные на платежи по займу. Но эти $16^1/_2$—18 млн правительство ведь употребляет на платежи процентов по долгу. Оно, следовательно, *возвращает их обратно тому же народному хозяйству, у котором оно их взяло.*

Но, скажут, правительство $16^1/_2$—18 млн берет у *всех,* а возвращает их только *некоторым*; правительство, однако, не у *всех* ведь взяло кредитными билетами те 300 млн, которые оно уничтожило войной. Оттого именно, что правительство не у всех, а только у некоторых взяло эти 300 млн, оно должно их возвратить только некоторым, а не всем. Этого мало. При замене излишних кредитных билетов облигациями долгосрочного займа правительство у всех должно будет брать и некоторым возвращать только $16^1/_2$— 18 млн; если уже эта сумма способна возбуждать недовольство, то какое недовольство должно было бы возникнуть, если б анализ теперешних наших отношений выяснил, что ныне из-за излишних кредитных билетов всем приходится терять, а некоторым выигрывать не 18 млн ежегодно, а в четыре раза больше по меньшей мере? А внимательный анализ действительно выясняет этот результат, да еще указывает на него как на *наинизшую* потерю всех для некоторых. Известно, что при обмене нынешних наших кредитных билетов на иностранные переводные векселя первые теряют около 15 % своей цены. Но обмен кредитных билетов на иностранные переводные векселя представляет потребность, постоянно требующую себе удовлетворения. Все равно, благоприятен ли баланс нашей внешней торговли или неблагоприятен, мы должны оплачивать иностранными векселями привозимые к нам товары, сам их привоз на иностранных суднах и железных дорогах, покупаемые нами за границей ценные бумаги, проценты по нашим внешним долгам и расходы путешествующих за границей. Всего на все можно принять, что нам ежегодно нужно по меньшей мере около 500 миллионов руб. иностранных векселей. Необходи-

[8] Смотря по тому, потребует ли ассигнация $5^1/_2$–процентного или $6^1/_4$ расхода.

мость ежегодно покупать на 500 миллионов руб. иностранных векселей сопряжена для владельцев кредитных билетов с ежегодной потерей в 75 млн рублей. Конечно, то, что теряют владельцы кредитных билетов, выигрывают владельцы иностранных векселей. Но терять в этом случае должны все: всех постигает или может постигнуть расход на платеж по займам, на хлопок, железо, чай, ценные бумаги, заграничные путешествия и т.д.; выигрывать же приходится только некоторым торгующим иностранными векселями. Следовательно, отношения — те же, какие будут при превращении излишних кредитных билетов в долгосрочные облигации; различие только то, что ныне «все» должны для «некоторых» терять по наименьшей мере 75 млн, а при превращении «все» должны терять для «некоторых» по наибольшей мере только $16^1/_2$—18 млн рублей.

Предыдущее изложение приводит нас к следующим выводам. Во-первых: *если серии и* 4 % *металлические билеты будут лишены своих денежных качеств, то открывается простор для полноценного обращения такой суммы кредитных билетов, которых консолидация торговлю и промышленность стеснила бы*, *а казначейство обременила бы излишним ежегодным расходом, значительно превышающим расход на реформу серии и* 4 % *металлических билетов.* Во-вторых: *из остающихся кредитных билетов часть*, *которая действительно удовлетворяет настоятельным потребностям и содействует производительности*, *сама дает средства и не требует от казначейства никаких жертв для ее преобразования и замены полноценными кредитными билетами.* В-третьих: извлечением из обращения кредитных билетов «излишних» не берутся у страны ни капиталы, ни деньги, а берется только документ, не соответствующий действительным отношениям жизни, для его замены документом, действительности соответствующим.

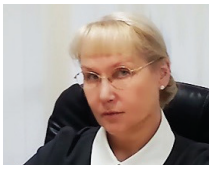
Мы имеем теперь приблизительное представление о том, по каким признакам можно судить, близко ли или далеко время, когда наша финансовая администрация в силах будет озаботиться упрочением кредитного денежного обращения…

…Чем больше существует видов на возможность благополучного развития преобразованного государственного банка (а без таких видов частная компания, конечно, не пожелает его приобрести), тем больше теряет казначейство, передавая государственный банк в частные руки. Если существуют основания признавать возможность такого развития нашей торговли и промышленности, при котором они в состоянии будут со временем доставить солидное производительное помещение для массы кредитных билетов в 248 млн, — если возможно развитие, которое в состоянии понизить расходы казначейства по уменьшению суммы наших неотвержденных долгов в 817 млн, при помощи ежегодного расхода казначейства лишь в $14^1/_4$ млн (составляющего $1^3/_4$ % всей консолидированной суммы), — тогда весьма незначительным и постепенным увеличением этого сравнительно небольшого расхода казначейство в состоянии будет консолидировать даже тот остаток процентного долга за кредитные билеты в 130 млн, который мы до сих пор оставляли. Тогда у нас неотвержденных долгов совсем не будет, кредитное обращение будет опираться на одни только торгово-промышленные силы страны, а у казначейства совершенно освободится ресурс, представляемый краткосрочным государственным кредитом.

Исторические факты глазами очевидцев

Авторы-составители раздела «Постскриптум»:

***Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ**, главный редактор журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», доктор юридических наук, профессор*



***Ирина Викторовна ПОТАПЧУК**, начальник редакционно-издательского отдела Федерального агентства по управлению государственным имуществом*

© Ю. Г. Шпаковский, И. В. Потапчук, 2018

Первые городские кредитные общества были основаны в Петербурге (1861 г.) и Москве (1862 г.). Механизм выпуска городскими кредитными обществами облигационного займа был достаточно надежным. Для этого устав общества предусматривал круговое ручательство всех заложенных имуществ и вступление заемщиков в члены общества. Каждый член общества отвечал по его обязательствам, т.е. по выпущенным облигациям, в пределах стоимости заложенного имущества. При таком механизме у общества возникали трудности с погашением облигаций только в том случае, если заемщик вовремя не возвращал деньги по ипотечной ссуде. В подобной ситуации кредитное общество должно было продать заложенное имущество, а вырученную сумму направить на погашение облигаций. В качестве обеспечения ипотечного кредита заемщик предлагал стоимость строения и уровень его доходности, поэтому оценка недвижимости была одним из важнейших звеньев деятельности общества. Если бы расчеты специалистов общества по поводу платежеспособности заемщика не оправдались, то оно в поисках источника погашения выданной ссуды должно было бы остановиться на стоимости самого заложенного имущества, реализовав его на торгах.

Руководство крупнейших кредитных обществ старалось проводить политику, исключавшую крайности. Ведь завышенная оценка могла привести к убыткам, а заниженная — к потере клиентов. Кроме того, правила каждого общества предусматривали, чтобы оценка соответствовала, с одной стороны, действительной стоимости, а с другой — доходности залога. Заложенное имущество должно было приносить заемщику доход, который служил источником уплаты процента за пользование ипотечным кредитом. Успех оценки зависел от способностей оценщика, его опыта, умения ориентироваться в конъюнктуре рынка недвижимости. При этом принимались во внимание материальная стоимость имущества, доходы и расходы по его эксплуатации, уровень продажных цен, факторы устаревания и износа недви-

Московское городское кредитное общество, 5-процентная облигация в 500 рублей на предъявителя и корешок к ней, выпуск 22, 1863 г., образец

жимости, миграция населения. В то же время некоторые качества заложенного имущества (архитектурные особенности зданий, их месторасположение, тип строений и т.п.) не поддавались точной оценке, и их выражение в денежных величинах напрямую зависело от квалификации оценщика. Осуществив оценку предъявленного к залогу недвижимого имущества, общество выдавало кредит в размере 50—60 % от стоимости залога. Ссуды заемщикам, выдаваемые только закладными листами и облигациями общества, предоставлялись на срок от 15 до 36 лет с правом досрочного погашения. Получение кредита было обусловлено наличием у заемщика целого ряда документов: а) залогового свидетельства — нотариально удостоверенного документа о залоге должником недвижимого имущества, дававшего кредитору право продажи заложенного имущества с торгов при неуплате долга в срок; б) срочного обязательства; в) копии плана застройки соответствующей части города, составленного городской управой; г) документов, содержавших описание объекта залога, в том числе свидетельства о размере земли; д) квитанции страхового общества. Последний документ был необходим, так как при выдаче ссуд от заемщика требовалось предварительное страхование закладываемого имущества. Страховое общество принимало к страхованию имущество по оценке, которая не превышала сумму обязательства получателя кредита по выданной ссуде. Как только срок кредитного договора истекал, действие страхового договора прекращалось. В случае пожара или другого бедствия, нанесшего ущерб заложенному имуществу, страховые выплаты служили источником погашения ссуды.

Московское городское кредитное общество, 4,5-процентная облигация в 500 рублей на предъявителя, выпуск 29, серия 1, 1909 г.

По поручению заемщика и за его счет документы готовили непосредственно само кредитное общество или, по его запросу, другие организации. В операциях ипотечного кредитования надлежало соблюдать определенные принципы. Заложенное имущество оставалось в руках заемщика, продолжавшего его использовать, что давало ему возможность уплачивать ссудный процент и погашать долг. Все залоговые сделки с недвижимым имуществом обязательно регистрировались у нотариуса. Деятельность городских кредитных обществ контролировало Министерство финансов. Уставы этих обществ утверждались министром финансов по образцу уставов Петербургского, Московского, Варшавского и Одесского городских кредитных обществ. Изменения в уставах допускались также с разрешения министра. По операциям с городской недвижимостью городские кредитные общества занимали первое

место среди других ипотечных учреждений страны. Особенно интенсивно подобные общества развивались в период активного городского строительства на рубеже XIX—XX вв. На начало 1900 г. в городских кредитных обществах было заложено 32 тыс. объектов на сумму более 1,3 млрд руб., а в начале 1914 г. — 49,6 тыс. объектов на сумму 2,2 млрд руб. Кроме кредитных обществ, в начале XX в. право проводить операции с городской недвижимостью получили акционерные земельные (ипотечные) банки, но объем подобных операций не мог быть больше $^1/_3$ объема их уставного капитала.

Любые операции с ипотечными ценными бумагами, как уже указывалось, были тесно связаны с действиями оценщиков, которые в интересах своего общества могли в случае необходимости завышать или занижать стоимость закладываемого недвижимого имущества. Подозрения в необъективной оценке у городских кредитных обществ стали возникать по мере того, как росли их обороты. В 1890 г. контролирующая инстанция — Особенная канцелярия по кредитным делам — обратила внимание на нарушения в Московском городском кредитном обществе. Оно слишком либерально относилось к заемщикам (за ними накопились долги), к тому же перестало собирать деньги на составление запасного капитала.

Московское городское кредитное общество, 4,5-процентная облигация в 1 000 рублей на предъявителя, выпуск 35, серия 1, 1912 г.

Кроме того, под залог деревянных зданий общество выдавало ссуды на 26 лет, что в условиях постоянно горевшей Москвы было слишком рискованно. При этом размер запасного капитала едва достигал одного миллиона, а ссуд выдано на 120 миллионов.

В 1893 г. на свет появился грозный циркуляр — Высочайшее повеление о ревизии дел общества за 30 лет его деятельности. Проверку должен был делать член совета министра финансов Шванебах. Выводы Шванебаха подтвердили наличие вопиющих нарушений в деятельности общества. Правлению общества вменялись в вину неправильная выдача ссуд и необъективное определение их размеров, непринятие своевременных мер по взысканию долгов с заложенных имуществ, нахождение имущества в распоряжении заемщиков дольше установленного срока, злоупотребление в выдаче комиссионного вознаграждения и различных подлогах. Например, неправильная оценка заложенного имущества привела к большим убыткам. Только в 1891—1892 гг. разница при реализации заложенного имущества по сравнению с залоговой оценкой составила 570 тыс. руб. при общей сумме оценки 3,77 млн руб. Достаточно часто правление выдавало ссуды не в размере 75 % оценочной суммы, как положено по уставу общества, а в размере полной стоимости, а иногда и сверх нее. При проведении же расследования выяснилось, что многие заложенные строения «оказывались ветхими, полуразрушенными, необитаемыми». Со своей стороны члены правления прикрывали оценщиков, опасаясь «возбудить вместе с тем дела о своей личной ответственности». Одновременно правление в течение долгого времени, иногда до 5 лет, оставляло за собой некоторые дома, поступавшие в распоряжение общества за неуплату ссуды, в то время как по уставу оно было обязано выставить такие строения на публичные торги. Дома отдавали

в управление «своим» агентам, которые допускали различные злоупотребления, но правление, имея при этом дополнительный доход, не обращало на это внимания. Кроме того, близкие членам правления люди получали более высокий процент комиссионного вознаграждения, чем у «действительных комиссионеров», а также дополнительные ссуды, что противоречило уставу. В сентябре 1899 г. в Москве состоялся суд над членами правления и наблюдательного совета Московского городского кредитного общества, в результате которого члены правления Шильдбах и Герике были лишены особых прав состояния и сосланы на 2 года в Олонецкую губернию.

В 1900 г. Московское кредитное общество возглавил Н. М. Перепелкин, при котором оно достигло своего расцвета, заняв одну из ключевых позиций в системе ипотечного кредитования города. В целом за время существования общества было выдано 35 035 ссуд на общую сумму 662,6 млн руб. Кроме того, за счет кредитов Москва быстро строилась: по данным Городской управы, с 1876 по 1911 г. там было возведено 16 147 жилых и 25 002 нежилых дома, а к работе привлечено более тысячи архитекторов. Общество активно занималось благотворительностью — на эти цели было отчислено 1 850 тыс. руб. Только в период русско-японской войны на общественные нужды было передано 725 тыс. руб.

Московское городское кредитное общество, как и все ипотечные организации, было ликвидировано в 1919 г. в связи с отменой права частной собственности на землю[1].

* * *

Основание Московского городского кредитного общества[2]
(*Из записок И. В. Селиванова*)

Еще в 1859 г. стали ходить по Москве различные слухи, что несколько состоятельных лиц хотят учредить нечто вроде акционерного банка, получившего в общественной молве название «Кошелевского». Устава этого банка я не знал, — узнал его только тогда, когда получил от бывшего тогда московским генерал-губернатором П. А. Тучкова следующее предписание, помеченное 27 октября 1860 г.:

«Милостивый государь Илья Васильевич!

Г. министр финансов уведомил меня, что комиссия для устройства земских банков приступила ныне к рассмотрению проектов частных земских банков, представленных разными учредителями на утверждение правительства. Как в числе этих проектов находится, между прочим, и проект компании (под названием Московского городского ипотечного товарищества), предполагающей производить операции по ссудам под залог домов в г. Москве, то г. действительный тайный советник Княжевич, признавая участие самих домовладельцев г. Москвы в обсуждении сего проекта в комиссии весьма полезным, просит моего распоряжения о приглашении не-

[1] URL: http://hisdoc.ru/articles/25663/.

[2] *Селиванов И. В.* Основание Московского городского кредитного общества // Русская Старина. 1880. Т. 28. С. 149—156.

которых лиц из среды московских домовладельцев приехать в С.-Петербург для рассмотрения означенного проекта, совокупно с членами комиссии, к 1-му числу будущего ноября месяца.

Вследствие сего покорнейше прошу вас, в качестве представителя домовладельцев здешней столицы, отправиться в С.-Петербург к назначенному г. министром финансов сроку, для принятия участия в занятиях помянутой комиссии при рассмотрении проекта Московского ипотечного товарищества; о замечаниях же, какие вами будут сделаны на этот проект, не угодно ли вам будет лично доложить мне по возвращении в Москву.

Примите уверение и проч. *П. Тучков*».

Вместе со мной были назначены А. А. Медынцев и еще один, фамилию которого я, к моему прискорбию, забыл.

Согласившись с этими господами насчет отъезда, мы отправились в Петербург и по приезде явились к бывшему тогда министром финансов А. М. Княжевичу. Он не обратил на нас особенного внимания; спросил два-три слова у Медынцева о состоянии торговли в Москве и отпустил, сказавши, чтоб мы явились в комиссию под председательством Ю. А. Гагемейстера, бывшего тогда директором кредитной канцелярии министра.

В назначенный вечер мы отправились в здание главного штаба. Членов комиссии было человек 12 и в числе их М. Х. Рейтерн, тогда еще не бывший министром финансов.

Заседаний комиссии было три или четыре. Нашего мнения спрашивали только для вида, не обращая на него никакого внимания, и когда я стал на это жаловаться, один из влиятельных членов комиссии, отведя меня в сторону, очень категорически заметил мне, что я напрасно беспокоюсь, потому что они и без нас могут очень хорошо обойтись и сделают то, что найдут нужным, хотя бы мы и не согласились с ними.

После такого категорического совета, нам, конечно, ничего не оставалось более, как сидеть молча, что мы и делали с большим успехом до тех пор, пока не прошли по параграфам весь устав, после чего мы уехали, сами не зная для чего мы ездили и для чего нас вызывали.

Всякий раз, что я бывал в Петербурге, я считал непременным долгом и приятною обязанностью побывать у А. П. Заблоцкого-Десятовского, с которым был знаком по участию моему в «Земледельческой Газете», которой он был когда-то редактором. Так было и в этот раз. Этот почтенный человек, известный своим обширным умом и глубокой начитанностью, быль моим оракулом — я с полною верою и глубоким уважением принимал каждое его слово, зная как серьезно относится он ко всякому делу вообще. Узнав, зачем я приехал в Петербург, он мне сказал:

— Ну, что вам нянчиться с этим «ипотечным товариществом», возьмите-ка лучше проект кредитного общества, учреждаемого здесь в Петербурге и теперь рассматриваемого у нас в Государственном Совете.

И он подал мне брошюру устава этого кредитного общества.

Я стоял с купцами в одной гостинице и потому в тот же вечер сообщил им этот устав. Само собою разумеется, что он понравился нам несравненно более того, который нас прислали защищать, что и было отчасти причиною, что мы так

усердно молчали в комиссии. Да и мудрено было не понравиться: акционерный банк предоставлял учредителям такую львиную долю, что бедным заемщикам, да, пожалуй, и акционерам пришлось бы плохо, ежели б, по несчастию, проект его устава был утвержден, тогда как этот не имел ни учредителей, ни дядек, которые бы поглощали значительную часть его доходов, к отягощению заемщиков и уж, конечно, без всякой для них пользы. Слава Богу, что учреждение его не состоялось и меня Бог занес к А. П. Заблоцкому, иначе не видать бы Москве кредитного общества, так как приняты были, как это увидит читатель впоследствии, все меры, чтоб устав акционерного товарищества прошел чрез Государственный Совет прежде всякого другого, а следственно, и начал свои операции прежде других.

Воротившись в Москву и отдав отчет генерал-губернатору в нашем порядке, я рассказал ему о проекте петербургского кредитного общества и просил позволения пустить его в ход. Павел Алексеевич Тучков пожелал узнать главные его основания и, когда я изложил ему их на словах, он признал их полезными и разрешил мне начать дело. Я написал три заявления, которыми общество домовладельцев уполномочивало меня, от их имени, ходатайствовать у генерал-губернатора об учреждении кредитного общества для залога домов в Москве, и с одним из них отправился в английский клуб, а с другим просил (не помню теперь кого именно) поехать в купеческий клуб для собрания подписей. В английском клубе я встретил большое сочувствие, и заявление мое покрылось значительным количеством подписей. Не могу не прибавить, что в этом мне много содействовал П. Л. Бреверн как имевший большой круг знакомства. В купеческом клубе заявление тоже нашло много сочувствия и я, заручившись этими заявлениями, на основании их подал генерал-губернатору формальное прошение.

П. А. Тучков был не такой человек, чтоб не дать благому делу немедленного движения. Не далее, как через несколько дней, я получил от него следующее предписание, помеченное 30 ноября того же 1860 года:

«Милостивый государь Илья Васильевич!

Признав необходимым вследствие ходатайства купеческого и мещанского обществ, а также и других домовладельцев об учреждении при здешней Городской Думе банка, открыть ныне же особую комиссию под председательством г. московского губернского предводителя дворянства, для составления проекта положения сказанного банка, прошу вас принять участие в занятиях комиссии.

Примите уверение и проч. *П. Тучков*».

Комиссия была составлена из гг. А. А. Рябинина и меня — от дворянства; С. Д. Ширяева и И. И. Четверикова — от купечества; я же был назначен и делопроизводителем этой комиссии.

По близкому, почти приятельскому знакомству с губернским предводителем, П. П. Воейковым, предоставившим мне исключительно и вполне вести это дело, заседания комиссии начались скоро у него в доме. Мы собирались три или четыре вечера и прошли петербургский устав по параграфам, почти без изменения, кроме одного, помнится — 94-го, предложенного мною, принятого комиссией и потому вошедшего в устав. Предложить этот параграф дал мне мысль следующий случай.

У меня есть в Москве дом. Дом этот был заложен в московском опекунском совете и в один прекрасный день сгорел, подожженный, как это мне после открыл

один из арестантов в остроге, одним подсудимым и обвиняемым в сбыте фальшивых кредитных билетов, для того, чтоб вместе с домом сжечь и дело о нем, находившееся у меня на дому, по званию председателя уголовной палаты. На его несчастье, дело это, бывшее у меня действительно на дому несколько дней, в утро пожара было выслано в палату и, следственно, предполагаемому аутодафе не подверглось; зато всесожжению подверглось все мое имущество. К довершению беды страховое общество, по требованию опекунского совета, отослало деньги туда и мне причлось в выдачу каких-нибудь 5 000 руб., на которые, разумеется, нечего было и думать восстановить сгоревшее. Что мне было делать? Занимать? Дорого, так как по меньшей мере требовалось тысяч 25, а своих денег не было у меня ни гроша. Я отправился в опекунский совет просить: не выдадут ли мне снова в ссуду деньги, полученные из страхового общества, но там мне объявили, что для этого надо особое высочайшее повеление, без которого подобная выдача разрешена быть не может. Утопающий, как известно, хватается и за соломинку. Я, со слов экспедитора, помнится г. Савченко, принявшего участие в моем горе, написал прошение на высочайшее имя и подал его тут же.

Недели через три я получил через полицию извещение, что в ссуде мне отказано. Получивши такую печальную весть, я совершенно упал духом и снова отправился в опекунский совет сообщить о моей неудаче. Тот же Савченко, говоря, что статс-секретарь, докладывавший дело, «сделал это по молодости лет» (так как он только что был назначен), посоветовал мне отправиться в Петербург самому и лично хлопотать по этому делу. Я последовал доброму совету и поехал.

Вследствие того, что помещал в «Современнике» мои рассказы, я был приятельски знаком с издателями «Современника» И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым, с которыми меня свел и еще короче познакомил В. П. Боткин, с которым я находился в самых близких и искренних отношениях. Панаев, которого я посетил по приезде, предложил мне ехать на другой день в собрание литераторов, между которыми будет обсуждаться проект учреждения общества пособия бедным литераторам, и прибавил, что там, вероятно, я могу встретить Ю. А. Гагемейстера, в канцелярии которого производятся дела о банках. Разумеется, я не заставил себя просить, как потому, что вообще дело литературы меня всегда интересовало, так и потому, что надеялся если не совсем уладить дело о деньгах, так, по крайней мере, получить указания, куда и как обратиться. Собрание помещалось, ежели не ошибаюсь, в зале Императорского Географического общества. Там встретил я много знакомых: А. П. Заблоцкого, К. Д. Кавелина, А. В. Дружинина и других. Панаев указал мне на Гагемейстера, а Кавелин меня ему представил. Юлий Андреевич был так любезен, что выслушал внимательно мою просьбу и сказал, чтобы я побывал у него в кредитной канцелярии. Я отправился туда на другой день и получил совет написать о моем желании прошение на имя министра финансов и принести к нему. Когда я принес его на другой день, Гагемейстер сказал мне, что могу ехать в Москву и ждать там ответа, который, вероятно, последует недели через две.

И действительно, через две недели я получил из опекунского совета извещение, что министр финансов разрешил мне ссуду по мере выстройки. Заручившись этим, я приступил к работе. Отделавши нижний этаж, я, по освидетельствовании его архитектором, получил под него часть ссуды; отделавши второй этаж, полу-

чил другую часть, а докончив постройку, получил и остальные. Таким образом я без гроша собственных денег отстроил снова свой дом и стал получать с него прежний доход.

Это-то и дало мне мысль предложить 94-й параграф, который и вошел в устав. Параграф этот предоставлял право заемщику сперва заложить землю или фундамент, на эти деньги возводить первый этаж, потом заложить и его и продолжать стройку до конца, закладывая понемногу все, по мере выстройки.

Говорили мне, что петербургское кредитное общество, в котором никому не пришло в голову предложить подобную меру, долго завидовало этому параграфу.

Когда устав был комиссией составлен, он был внесен к генерал-губернатору, в канцелярии которого, вопреки моему желанию, был прибавлен параграф, давший право владельцу известного количества облигаций (кажется — на 5 000) быть членом общества и участвовать в его постановлениях.

Затем проект от генерал-губернатора был внесен в Министерство финансов.

Прошли месяцы, а об учреждении его не было ни слуху, ни духу. Признавая проект этот своим детищем и принимая в судьбе его самое искреннее участие, предвидя его великую будущность, я несколько раз ездил в Петербург узнавать, что с ним делается. Ответ во все разы был один и тот же: не рассмотрен еще Министерством финансов. Нечего было делать, надо было ждать.

Прошло между тем восемь или девять месяцев (кажется, даже больше), а на проект наш ни ответа, ни привета нет. Ежели не ошибаюсь, кажется, в пятый раз я поехал в Петербург с твердым намерением проследить до конца, куда проект девался, и по мере сил, способствовать его движению, хотя бы для этого надо было заводить кляузы. Пришедши для этого в кредитную канцелярию, в которой, сказать мимоходом, Ю. А. Гагемейстера уже не было, ибо он сделан был сенатором, я стал справляться, где находится мое детище. Мне отвечали, что такого проекта никогда в кредитную канцелярию не поступало и что о нем никто ничего не знает. Я попросил входящую и стал отыскивать его в ней сам. Действительно, по входящей поступления его не оказалось. Тогда я бросился в общую регистратору Министерства финансов и нашел, что проект от генерал-губернатора был получен и сдан в кредитную канцелярию. Вооружившись числом и номером, я воротился в канцелярию и обратился к вице-директору, помнится — Семенову, который был так любезен, что приказал отыскать его. Пока я был в суетах по этому поводу и снова принялся за входящую книгу, чтоб удостовериться, не пропустил ли я поступление, а затем узнать, кто расписался в его принятии, так как никто из столоначальников не хотел сознаться, что получил его, я, стоя в раздумии в канцелярии, вдруг получил толчок от одного проходившего мимо меня неизвестного чиновничка, который, как будто извиняясь в своей неосторожности, шепнул мне, что проект ваш лежит в шкапу в самом низу под бумагами и бородой указал мне на этот шкап. Тогда я стал просить столоначальника, хозяина этого шкапа, дозволить мне поискать проект в его шкапу. Он долго не соглашался, но приказ вице-директора разрешил наш спор — и проект был найден, зажатый в самом углу, в пыли, под бумагами.

Когда я извлек его оттуда и с торжеством вынес на свет Божий, г. Семенов разрешил мне делать в нем все перемены, какие только я признаю нужными, уверяя, что Министерство финансов согласится на все, причем дал слово, что про-

ект тотчас будет внесен в Государственный Совет. Признаюсь, сильно чесалась у меня руки уничтожить параграф, дающий право голоса владельцам облигаций, но мысль, что это может показаться неприятным П. А. Тучкову, которого я глубоко и безусловно уважал, меня остановила. Я объявил г. Семенову, что не нахожу нужным делать в проекте какие-либо перемены, и только просил его, внести как можно скорее в Государственный Совет.

На счастье мое и Москвы, акционерный проект был Государственным Советом отвергнут, вероятно, потому, что устав петербургского кредитного общества был уже утвержден, а потому и наш проект, как во всем сходный с петербургским, очень скоро прошел законодательную инстанцию и притом без малейшей перемены, чем и окончилась эта эпопея, начавшаяся случайно, но принесшая столько выгоды московским жителям, судя по тем дворцам, которые выстроены с помощью кредитного общества, а мне, его пестуну, принесшая более 15 000 убытку за то, что я слишком верил в неизменную прочность его бумаг.

Хоть и много воды утекло с тех пор, но тем не менее и теперь еще вспоминаю с грустью, что никто, даже по сие время, не сказал мне хоть даже простого спасибо за все мои хлопоты и старания по этому делу, а, напротив того, когда я, будучи одно время членом, а потом и председателем наблюдательного комитета, стал требовать точного и правильного исполнения устава, встретил одно недоброжелательство, заставившее меня отказаться от надежды быть полезным делу, которое я так близко принимал к сердцу и лелеял с такою любовью.

Неприятности эти с правлением особенно усилились, когда я был выбран председателем наблюдательного комитета и, на основании 57 § устава, потребовал для того, чтоб наблюдение не оставалось словом без смысла — постоянного присутствия двух членов комитета в заседаниях правления, и учредил для этого очередь, с тем, чтоб эти постоянные наблюдатели каждомесячно доносили комитету о всем, что будет сделано правлением; для того же, чтоб наблюдение было выражено чем-нибудь осязательным, потребовал, чтоб их допустили на журналах правления или надписывать свои фамилии и число просмотра или, по примеру того, как это делали стряпчие и прокуроры присутственных мест, — писать: читал. В этом распоряжении директора (Шильдбах, Шипов и Ламакин) увидали недоверие к себе и посягательство на их свободу действий. Тщетно *я* им представлял, что недоверия так быть не может, где требуется только исполнение того, что узаконено уставом, утвержденным правительством, — директора мои твердили свое, что это им обидно.

Кончилось тем, что с выходом моим из наблюдательного комитета установление это, влиянием правления, утратило всякое значение и уцелело только для вида, а между тем было причиной, что из членов правления я разошелся даже с теми, с которыми до этого был в самых приятных отношениях, со стороны же других неприязненность осталась даже и по сие время.

Россия 100 лет назад: месяц в истории

1 ОКТЯБРЯ, вторник

Призыв на военную службу

Авторы-составители раздела:
***Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ**,*
главный редактор журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», доктор юридических наук, профессор

***Ирина Викторовна ПОТАПЧУК**,*
начальник редакционно-издательского отдела Федерального агентства по управлению государственным имуществом

Статья № 785
Декрет Совета Народных Комиссаров
О призыве на военную службу во всех местностях Российской Республики некоторых категорий бывших офицеров и военных чиновников, не достигших к I января 1918 г. 40-летнего возраста

Призвать на действительную военную службу во всех местностях Российской Республики:

I.

Лиц, не достигших к I января 1918 г. 40-летнего возраста, следующих категорий:

а) бывших офицеров и военных чиновников, получивших высшее военное образование, в том числе и окончивших высшие военно-учебные заведения по 2-му разряду, а также прослушавших два первых курса, но не окончивших их вследствие войны;

б) бывших офицеров и военных чиновников, занимавших штатные должности в штабах и управлениях не ниже штаба округа или армии, а также в управлениях местных бригад и воинских начальников не менее одного года в течение времени с I января 1914 г. по I января 1918 г.;

в) бывших офицеров и военных чиновников, состоявших на службе в главном или окружных интендантских управлениях и в подведомственных им учреждениях, во Всероссийском и окружных хозяйственных комитетах и подведомственных им учреждениях и в главном и окружных хозяйственных управлениях и подведомственных им учреждениях, если они занимали не менее одного года в течение времени с I января 1914 г. по I января 1918 г. должности столоначальников, бухгалтеров, делопроизводителей и равные им, а также высшие должности.

II.

Призыв и прием на военную службу лиц, означенных в предыдущей статье, начать немедленно в дни по назначению военных комиссариатов во-

© Ю. Г. Шпаковский, И. В. Потапчук, 2018

енных округов и производить применительно к «Наставлению о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян» (Собр. Узак. 1918 г., № 43, ст. 530), объявленному при приказе Народного Комиссариата по Военным Делам от 14-го июня 1918 г. за № 436.

III.

От явки по призыву никто не освобождается, кроме: а) имеющих очевидные наружные признаки негодности к военной службе (калеки) и одержимых тяжкими болезнями, препятствующими личной явке и удостоверенными надлежащими медицинскими свидетельствами, б) состоящих на службе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях, подведомственных Народному Комиссариату по Военным Делам.

IV.

Принятые по настоящему декрету на действительную военную службу лица, состоящие на службе в правительственных учреждениях, а также в промышленных предприятиях, непрерывность работ которых является общественной необходимостью, откомандировываются на занимаемые ими места в порядке, установленном декретом Совета Народных Комиссаров «О порядке призыва на военную службу служащих правительственных учреждений и рабочих промышленных предприятий» (Собр. Узак. 1918 г., № 48, ст. 564), но не в однопроцентной норме, установленной названным декретом, а в числе, не превышающем 25 процентов всех призванных по настоящему декрету лиц.

Лица, откомандированные на занимаемые ими до приема на военную службу должности, получают содержание по этим должностям.

V.

Уклоняющиеся от призыва лица подлежат суду Революционного Трибунала.

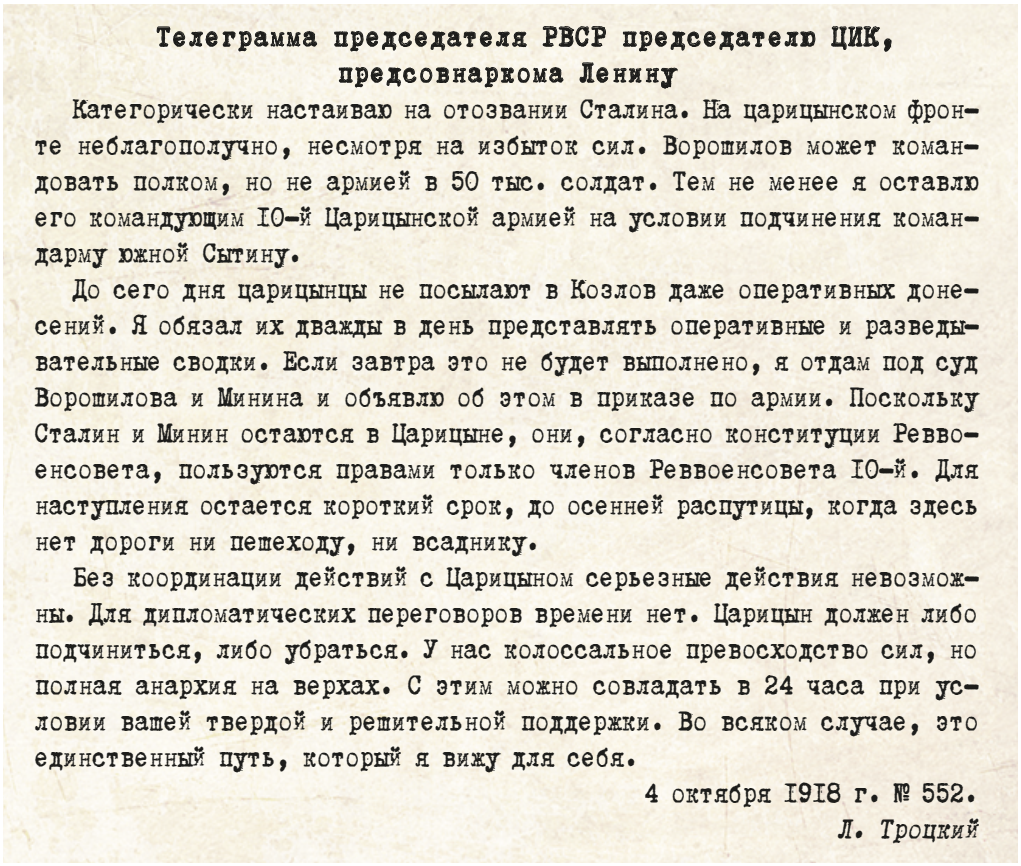
VI.

Настоящий декрет ввести в действие по телеграфу.

Подписали: Народный Комиссар по Военным Делам *Л. Троцкий*.
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров *В. Бонч-Бруевич*.
1 октября 1918 года.
Распубликован в № 216 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 5 октября 1918 года.

4 ОКТЯБРЯ, пятница

Л. Троцкий против И. Сталина и К. Ворошилова



Телеграмма председателя РВСР председателю ЦИК, предсовнаркома Ленину

Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в 50 тыс. солдат. Тем не менее я оставлю его командующим IO-й Царицынской армией на условии подчинения командарму южной Сытину.

До сего дня царицынцы не посылают в Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии. Поскольку Сталин и Минин остаются в Царицыне, они, согласно конституции Реввоенсовета, пользуются правами только членов Реввоенсовета IO-й. Для наступления остается короткий срок, до осенней распутицы, когда здесь нет дороги ни пешеходу, ни всаднику.

Без координации действий с Царицыном серьезные действия невозможны. Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае, это единственный путь, который я вижу для себя.

4 октября I9I8 г. № 552.

Л. Троцкий

5 ОКТЯБРЯ, суббота

Регистрация памятников искусства

Совет народных комиссаров утвердил декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владениях частных лиц, обществ и учреждений».

7 ОКТЯБРЯ, понедельник

Прерваны русско-украинские мирные переговоры, касавшиеся территориальной принадлежности Донбасса и Крыма

История повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Эту гегелевскую мысль можно целиком и полностью отнести к проблемам Донбасса и Крыма. Глубина вопроса состоит в том, сказать ли новое слово в исторической действительности или участвовать в фарсе. История, как известно, всегда звучит эхом в грядущих поколениях. Таким эхом звучат и события 100-летней давности, которые касаются территориальной принадлежности Донбасса и Крыма. Даже не столько сама дата прекращения октябрьских переговоров играет особенную роль, сколько картина событий, происходившая на Левобережной Украине в 1918 г.

В 1917 г. большевики практически сразу приступили к восстановлению государственности. Причем восстанавливали не только институционально, но и территориально, для чего следовало взять власть не только в Петрограде и Москве, но и на местах, где концентрировались противостоящие большевикам силы — в частности на Дону, где к концу декабря 1917 года оформилась Добровольческая армия. Именно она стала причиной конфликта РСФСР с Центральной Радой. Большевики перебрасывали с фронта части для борьбы с Добровольческой армией — Центральная Рада этому препятствовала. Первый Всеукраинский съезд советов, организованный 24—25 декабря 1917 г. в Харькове, провозгласил создание Украинской Народной Республики советов, установив, таким образом, на Украине двоевластие. К весне 1918 г. руководимая Центральной Радой УНР лишилась (по крайней мере, организационно) практически всего Левобережья. На территории Мало- и Новороссии возникли Донецко-Криворожская республика, Одесская советская республика и Советская социалистическая республика Тавриды. Однако наступление Германии и Австро-Венгрии совместно с войсками УНР вынудило руководство первой Советской Украины отступить.

Заседание советской (РСФСР), германской (Второй Рейх) и украинской (УНР) делегаций в Бресте в феврале 1918 г.

Вынудило к этому не только отступление, но и Брестский мир, подписанный большевиками 3 марта и ратифицированный 15 марта. УНР свой вариант мирного договора, по которому на бумаге признавался «суверенитет» сей республики, подписала еще 9 февраля. Фактически по итогам двух Брестских миров территория Украины переходила под оккупацию Германии и Австро-Венгрии. ДКР этого решения не признала, являясь на то время самостоятельным политическим образованием. О чем глава Донецко-Криворожской республики Артем (Федор Сергеев) и сообщил в ультиматуме на имя императора Вильгельма, пригрозив Германии войной в случае оккупации территории республики. После этого началась долгая дипломатическая война. Советская Россия должна была заключить мир уже с УНР. Первыми этому помешали сами немцы, сменив тех, с кем нужно было мириться: в конце апреля офицерство украинской армии и оккупационная администрация ликвидировали УНР. На оперативно про-

веденном съезде хлеборобов республика была преобразована в гетманат во главе с Павлом Скоропадским. То есть произошел правый военный переворот. Тем не менее 12 июня между РСФСР и гетманской Украиной был подписан договор о перемирии, установлена линия разграничения, стартовал обмен военнопленными. Переговоры продолжились и дальше. Главным их вопросом был статус Донбасса и Крыма. Причем в тогдашних границах этих названий, а это почти все Левобережье. Аргументом в этих переговорах было подписание 27 августа 1918 г. дополнительного соглашения большевиков с немцами о том, что Донбасс — не территория Украинской Державы, а временно оккупированная территория.

С Крымом договариваться было не легче. Местная элита надеялась восстановить крымско-татарскую государственность под протекторатом Берлина, однако Киев приступил к блокаде Крыма, одновременно бомбардируя Берлин просьбами признать право Украины на полуостров. В сентябре «бомбардировка» увенчалась успехом. Но совсем не из-за успехов гетманской дипломатии. Дело в том, что визит гетмана Скоропадского в Берлин совпал с Сен-Миельской операцией США и Франции против немецких войск на Западном фронте. После нее Берлин втихую стал готовиться к капитуляции. Но прекращение переговоров связано не только с «передачей» Крыма Киеву. Гетман, в прошлом генерал-лейтенант русской армии, все больше тяготел к белогвардейскому Дону и даже пошел на переговоры с атаманом Красновым, предлагая белым общий фронт против большевиков. Но сначала Деникин этого плана не принял, а затем и принимать было нечего: на Украине вспыхнуло петлюровское восстание против немцев и Скоропадского.

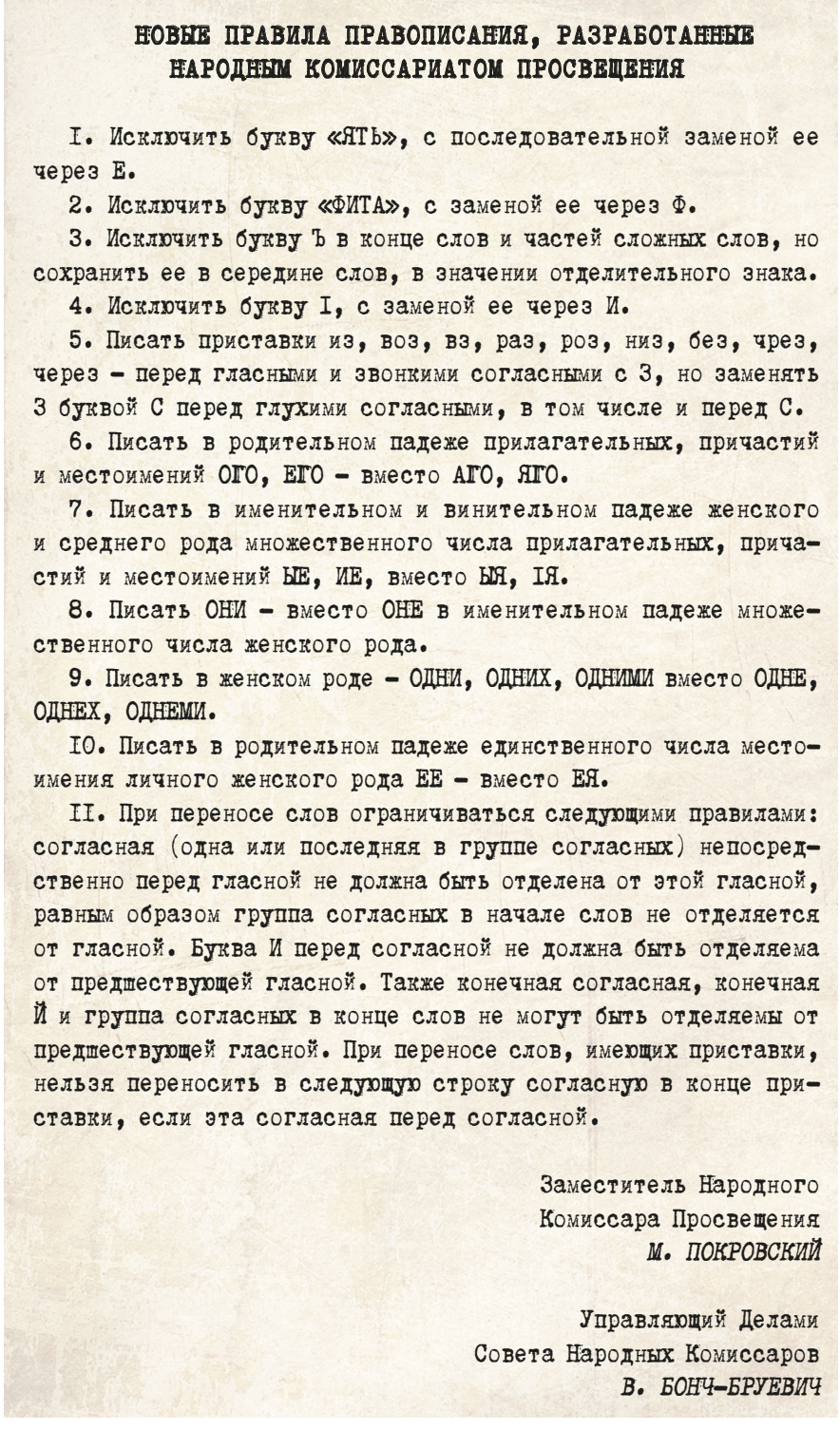
10 ОКТЯБРЯ, четверг

Введение новой орфографии

В этот день был принят Декрет Наркомпроса РСФСР, СНК РСФСР «О введении новой орфографии». Орфографическая реформа 1918 г. состояла в изменении ряда правил русского правописания, что наиболее заметным образом проявилось в виде исключения нескольких букв из состава русского алфавита. Реформа обсуждалась и готовилась задолго до ее практического проведения. Впервые она оформилась в виде «Предварительного сообщения» Орфографической подкомиссии при Императорской академии наук под председательством А. А. Шахматова (1904).

В 1911 г. особое совещание при Академии наук в общем виде одобрило работы предварительной комиссии и вынесло по этому поводу свою резолюцию: детально разработать основные части реформы; соответствующее постановление было опубликовано в 1912 г. С этого времени появляются единичные издания, напечатанные по новой орфографии. Официально реформа была объявлена 11 (24) мая 1917 г. в виде «Постановлений совещания по вопросу об упрощении русского правописания», а 17 (30) на основании указанных материалов Министерство народного просвещения Временного правительства предписало попечителям округов немедленно провести реформу русского правописания; еще один циркуляр вышел 22 июня (5 июля).

Шахматов Алексей Александрович (1864—1920)



НОВЫЕ ПРАВИЛА ПРАВОПИСАНИЯ, РАЗРАБОТАННЫЕ НАРОДНЫМ КОМИССАРИАТОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ

I. Исключить букву «ЯТЬ», с последовательной заменой ее через Е.

2. Исключить букву «ФИТА», с заменой ее через Ф.

3. Исключить букву Ъ в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слов, в значении отделительного знака.

4. Исключить букву I, с заменой ее через И.

5. Писать приставки из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через – перед гласными и звонкими согласными с З, но заменять З буквой С перед глухими согласными, в том числе и перед С.

6. Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений ОГО, ЕГО – вместо АГО, ЯГО.

7. Писать в именительном и винительном падеже женского и среднего рода множественного числа прилагательных, причастий и местоимений ЫЕ, ИЕ, вместо ЫЯ, IЯ.

8. Писать ОНИ – вместо ОНЕ в именительном падеже множественного числа женского рода.

9. Писать в женском роде – ОДНИ, ОДНИХ, ОДНИМИ вместо ОДНЕ, ОДНЕХ, ОДНЕМИ.

IO. Писать в родительном падеже единственного числа местоимения личного женского рода ЕЕ – вместо ЕЯ.

II. При переносе слов ограничиваться следующими правилами: согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделена от этой гласной, равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной. Буква И перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечная Й и группа согласных в конце слов не могут быть отделяемы от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной.

Заместитель Народного
Комиссара Просвещения
М. ПОКРОВСКИЙ

Управляющий Делами
Совета Народных Комиссаров
В. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Декретом за подписью советского народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского, опубликованным (без даты) 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.), «всем правительственным и государственным изданиям» (среди прочих) предписывалось с 1 января 1918 г. «печататься согласно новому правописанию». С нового года первый номер официального органа печати СНК газеты «Газета временного рабочего и крестьянского правительства» вышел (равно как и последующие) в реформированной орфографии, в точном соответствии с изменениями, предусмотренными в Декрете (в частности, с использованием буквы «ъ» только в разделительной функции). Однако прочая периодическая печать на территории, контролировавшейся большевиками, продолжала выходить в основном в дореформенном исполнении; в частности, официальный орган ВЦИК «Известия» ограничился лишь неиспользованием «ъ», в том числе и в разделительной функции (заменяя букву апострофом); так же печатался партийный орган газета «Правда».

«Декрет о введении новой орфографии» (с 15 октября того же года) за подписью Покровского и Бонч-Бруевича от 10 октября 1918 г. , опубликованный в «Известиях» 13 октября, возымел фактическое действие, хотя и с опозданием: «Известия» перешли на новое правописание с 19 октября того же года, в заглавии газеты — после 25 октября; «Правда» также перешла на новую орфографию с 19 октября 1918 г.

12 ОКТЯБРЯ, суббота

На пути создания профессиональной милиции

НКВД и НКЮ утвердили инструкцию «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции». В Инструкции НКВД и НКЮ от 12 октября 1918 г. указывалось, что «советская милиция стоит на страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства. Главной ее обязанностью является охрана революционного порядка и гражданской безопасности». Как исполнительный орган советской власти, милиция имела широкий круг задач, определявших ее основные обязанности. Согласно Инструкции, в их число входили: наблюдение за исполнением всеми гражданами декретов и распоряжений органов власти по вопросам учета, распределения продуктов промышленности и сельского хозяйства, соблюдения на них твердых цен; своевременное оповещение населения о распоряжениях органов власти; содействие советским государственным органам в осуществлении ими возложенных на них обязанностей; поддержание порядка в общественных местах; составление актов и протоколов о нарушении порядка, преступлениях и происшествиях.

15 ОКТЯБРЯ, вторник

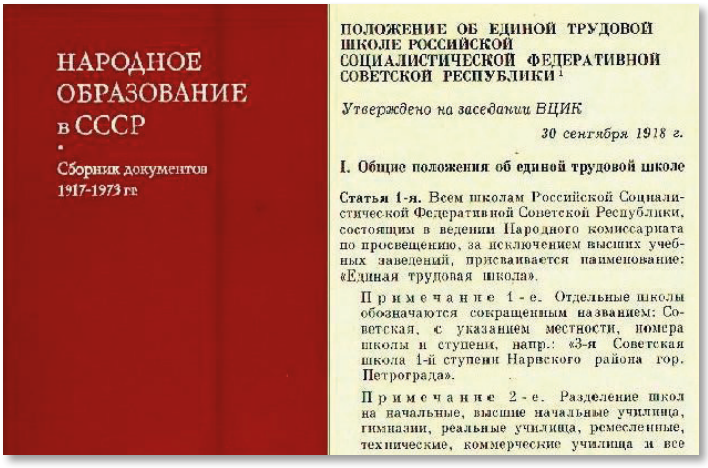
Выступление матросов в Петрограде

Впервые после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде состоялась антиправительственная демонстрация матросов (500—600 человек).

16 ОКТЯБРЯ, среда

Единая трудовая школа

Опубликованы декреты Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Основные принципы единой трудовой школы» и «Положение об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Среди педагогической общественности декреты были известны под названием «Декларация о единой трудовой школе». Они провозгласили новые принципы и методы учебно-воспитательной деятельности советской школы и сформировали единую систему школьного обучения.


НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СССР

Сборник документов 1917-1973 гг.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ[1]

Утверждено на заседании ВЦИК

30 сентября 1918 г.

I. Общие положения об единой трудовой школе

Статья 1-я. Всем школам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, состоящим в ведении Народного комиссариата по просвещению, за исключением высших учебных заведений, присваивается наименование: «Единая трудовая школа».

Примечание 1-е. Отдельные школы обозначаются сокращенным названием: Советская, с указанием местности, номера школы и ступени, напр.: «3-я Советская школа 1-й ступени Нарвского района гор. Петрограда».

Примечание 2-е. Разделение школ на начальные, высшие начальные училища, гимназии, реальные училища, ремесленные, технические, коммерческие училища и все

Разработка «Основных принципов единой трудовой школы» и «Положения об единой тру-

довой школе» проходила в течение 1918 г. в Государственной комиссии по просвещению под руководством общественных и партийных деятелей: А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, П. Н. Лепешинского. В августе 1918 г. проект «Положения» был единогласно одобрен I Всероссийским съездом по просвещению.

«Декларация о единой трудовой школе» подчеркивала связь школы с политикой как главный принцип советской педагогики. Особое внимание в ней уделялось вопросам демократизации школы: устанавливалась общедоступность школы всех ступеней; ставилась задача введения всеобщего обязательного начального обучения; школа объявлялась светской. Создавалась единая школа с двумя ступенями: 1-я ступень — 5 лет, 2-я ступень — 4 года; вводилась политехнизация школы.

В построение новых программ предлагалось положить принцип организации учебного материала на основе общественно-трудовой деятельности. Содержание и методы учебной работы, провозглашенные «Декларацией», требовали учета интересов учащихся, их активности и самодеятельности, развития детского творчества, тесной связи школы с жизнью. В «Декларации» указывалось на большую воспитательную роль детского физического труда, рекомендовались производительный труд учащихся, работа на пришкольных участках, самообслуживание учеников в школе; назывались разнообразные виды ремесленного труда, которым должны были овладеть школьники 1-й ступени обучения. В старших классах школы рекомендовалось вводить производительный труд учащихся в промышленности и сельском хозяйстве. Большое место отводилось всестороннему развитию личности учащихся, в частности физическому и эстетическому воспитанию: гимнастике, играм, спорту, ритмике, рисованию, лепке, пению и музыке. В «Декларации» также провозглашалось уважительное отношение к детям. Учащимся предоставлялись широкие возможности для проявления инициативы, создавались ученические организации с широкими полномочиями.

Основной целью новой школы объявлялось обеспечение всех слоев населения равным средним и высшим профессиональным образованием, необходимым в условиях ускоренной индустриализации страны. «Вся система нормальных школ от детского сада до университета представляет собой одну школу, одну непрерывную лестницу. Это значит, что все дети должны вступать в один и тот же тип школы и начинать свое образование одинаково, что все они имеют право идти по лестнице до ее наивысших ступеней», — подчеркивалось в «Декларации».

19 ОКТЯБРЯ, суббота

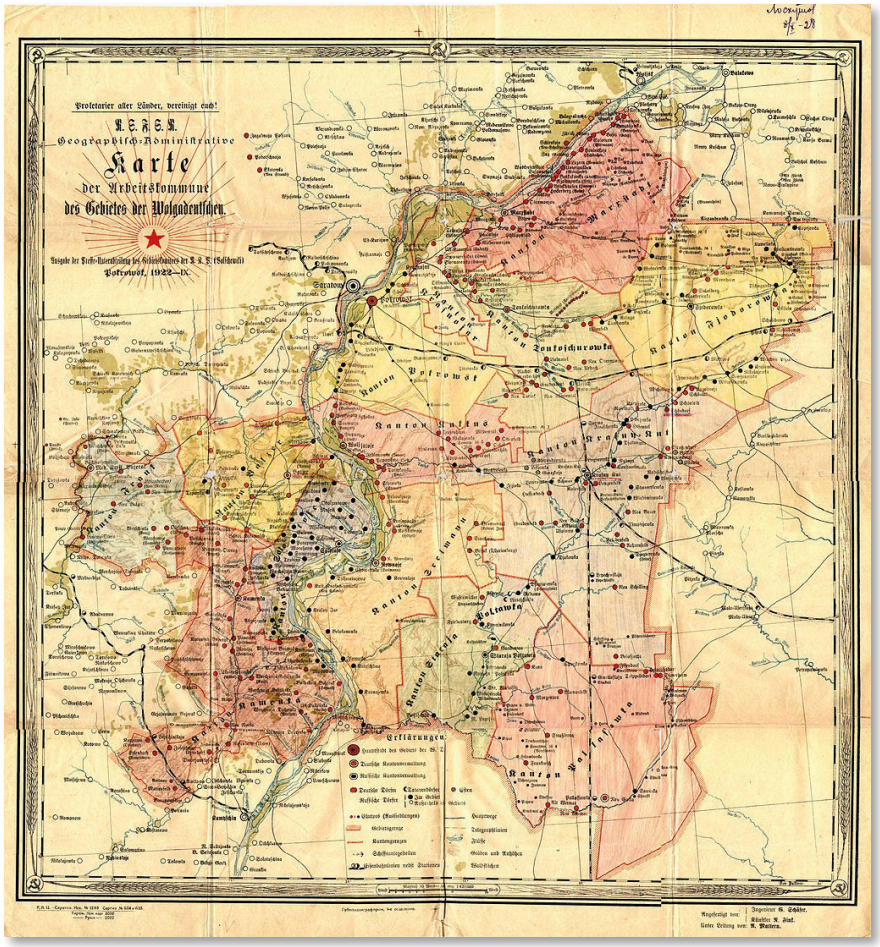
Немецкая коммуна

Совнарком принял декрет об образовании Трудовой коммуны (Автономной области) немцев Поволжья (с 19 декабря 1924 г. Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья; ликвидирована 28 августа 1941 г.).

Начало формирования этой самобытной этнической группы относится к 60-м гг. XVIII в. Именно тогда по приглашению императрицы Екатериной II с целью заселения и культурного освоения обширных почти безлюдных приграничных территорий в Среднее Поволжье прибыли переселенцы из Гессена,

В. И. Ленин ведет заседание Совета народных комиссаров, на котором обсуждался декрет «О немецких колониях Поволжья»

Вестфалии, Тюрингии, Саксонии, Вюртемберга, Пфальца, Ганновера других германских земель. В постоянной борьбе с суровой природой и засушливым климатом, неустроенностью, болезнями, голодом, набегами кочевников, стойко перенося превратности чиновничьего произвола, колонисты создали высокопродуктивные хозяйства, чем способствовали подъему экономики не только края, но и всего государства. К 1914 г. по обоим берегам Волги существовало более 200 колоний с населением свыше 400 тыс. человек. Они обрабатывали 1,3 млн га земли, из которых почти 1 млн га использовался для выращивания ценнейших пород пшеницы, бóльшая часть которой шла на экспорт. В частном пользовании колонисты имели 228 тыс. голов рабочего скота (лошадей, волов, верблюдов), 106 тыс. коров, 456 тыс. овец и коз, 108 тыс. свиней. Четыре пятых немецких хозяйств относились к зажиточным — середняцким и кулацким. Была в немецких колониях и промышленность — предприятия, выпускающие сельскохозяйственный инвентарь, занимающиеся переработкой леса, выделкой кож, мукомольные производства, а также текстильные фабрики,



полиграфические. Процветала торговля, причем не только внутри Российской империи, но и, как принято теперь говорить, с дальним зарубежьем. Несмотря на то, что от исторической родины колонистов отделяли тысячи километров, они сумели сохранить свою самобытность: язык, традиции, обычаи, кухню, и, что немаловажно, религию. Одновременно кое-что переняли у соседей: русских, украинцев, татар… И еще один примечательный факт: в канун Первой мировой войны грамотность немецких детей была самой высокой в Российской империи, а организация школьного образования в колониях — лучшей. Говорить о том, что немецкие колонисты всегда были лояльны царю, излишне. Несмотря на это, ущемлять их в правах начали задолго до 1914 г. Ну а после начала войны не только колонисты Поволжья, но и все немцы, проживавшие в Российской империи, подверглись тотальной правовой, политической экономической дискриминации и моральной травле. Кстати, именно тогда царские власти «обкатали» на практике многие методы, взятые потом на вооружение большевиками, включая массовые депортации и взятие заложников. На весну 1917 г. было запланировано выселение всех колонистов в Сибирь, невзирая на то, что их сыновья и братья в это же самое время сражались в рядах российской армии на Кавказском фронте. Причем сражались доблестно, чему есть масса документальных свидетельств. После свержения самодержавия в числе прочих демократических движений возникла также партия «Немцы Поволжья» добивавшаяся отмены дискриминационных законов и указов, принятых царским правительством, и восстановления местного самоуправления, ликвидированного в 1871 г . Первые документы новой большевистской власти, в частности Декларация прав народов России, с восторгом были встречены немецкой интеллигенцией, породив самые радужные ожидания. На съезде представителей колоний Новоузенского и Николаевского уездов, состоявшегося в феврале 1918 г., было принято решение направить в Москву делегацию с прошением о создании в Поволжье национально-территориальной немецкой автономии. Немного поколебавшись, эту идею, не очень стыкующуюся с их главной целью — «мировой революцией» и «всеобщим братством», поддержали и местные большевики из Союза немцев — социалистов Поволжья.

26 ОКТЯБРЯ, суббота

Обращение Святейшего патриарха Тихона к Совету народных комиссаров

Массовые репрессии духовенства не обошли стороной и неугодного новой власти предстоятеля церкви. Открытое осуждение кровопролитной диктатуры большевиков и жестокого насилия против неугодных стало поводом к более пристальному вниманию к Русской православной церкви и ее деятельности. И как бы патриарх Тихон ни призывал не связывать деятельность РПЦ с какой-либо политической силой, как бы ни объявлял Церковь институтом вне государства, все равно его обвинили в антисоветской пропаганде и контрреволюционной деятельности.

От Святейшего патриарха Тихона
Совету народных комиссаров

13 (26) октября 1918 г.
«Все взявшие меч мечом погибнут» (Матф. 26, 52).

Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными комиссарами». Целый год держите вы в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину Октябрьской революции, но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к Небу и вынуждает Нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9, 10). Народу, изнуренному кровопролитной войной, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унизительные условия которого даже вы сами не решились обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша родина завоевана, умалена, расчленена и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставив защиту Родины, бежать с полей сражений. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что «больше сия любве никто же имать, да кто душу свою положит за други своя» (Иоанн, 13, 15). Отечество вы подменили бездушным Интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли их в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виновны, а взяты лишь в качестве «заложников», этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами, не только им не единомысленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят

епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много претерпели от жестоких властей?

Но мало вам, что вы обагрили руки русского народа его братской кровью, прикрываясь различными названиями контрибуций, реквизиций и национализации, вы толкнули его на самый открытый и беззастенчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом, под именем «кулаков», стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха, но какими бы названиями не прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу.

Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы и не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств и грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, переехать из города в город? Это ли свобода, когда семьи, а иногда населения целых домов выселяются и имущество выкидывается на улицу и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и на разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники, голос общественного и государственного обсуждения и обличения заглушен, печать, кроме узко-большевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их последнюю волю. Вы закрыли ряд монастырей

и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа.

«И что еще скажу. Не достанет мне времени» (Евр. 11, 32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ Зверя...

Не наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась Божиим слугой, на благо подчиненных и была «страшна не для добрых дел, а для злых» (Рим. 13, 34). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещевания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры, обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе «взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая» (Лук. 11, 51) «и от меча погибнете сами вы, взявшие меч» (Мф. 25, 52).

ТИХОН, Патриарх Московский и Всея России

29 ОКТЯБРЯ — 4 НОЯБРЯ

Создание комсомола

Делегаты I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи

Состоялся I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи. На съезде присутствовало 194 делегата, представлявших 22 100 членов различных союзов. Съезд принял решение об объединении возникших после Февральской революции коммунистических юношеских организаций в единый Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ).

Съезд также принял основные тезисы программы РКСМ (доработаны после съезда и опубликованы 3 декабря в петроградском журнале «Юный пролетарий») и Устав РКСМ. В тезисах программы указывалось, что союз солидарен с РКП(б), его цель — «распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России». В то же время программа провозглашала молодежь «наиболее революционной частью рабочего класса», а ее союз — независимой общественной организацией. (Эти положения были изменены в октябре 1920 г. на III съезде РКСМ, констатировавшем, что комсомол примыкает к коммунистической партии и действует под ее руководством). Съезд избрал ЦК РКСМ из 15 членов (В. П. Бабушкин, П. Голиков, О. Л. Рывкин и др.) и 7 кандидатов. Председателем Президиума ЦК был избран Рывкин.

30 ОКТЯБРЯ, среда

Чрезвычайный революционный налог

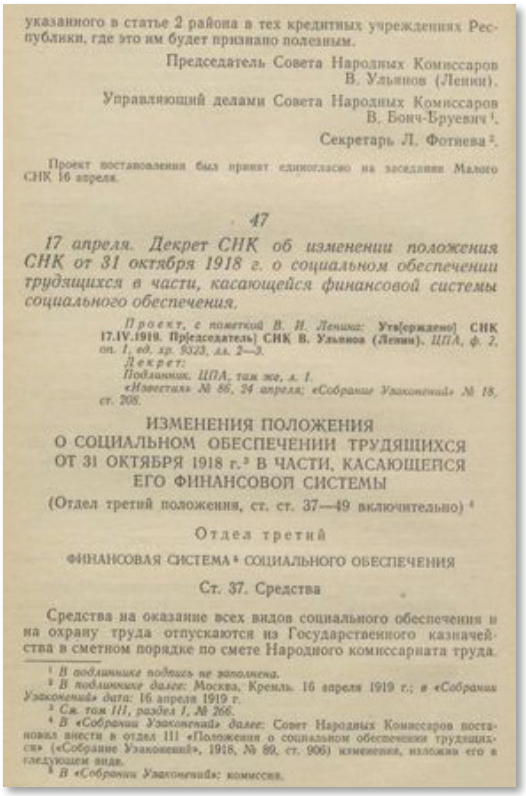
ВЦИК и СНК приняли декрет о единовременном чрезвычайном десятимиллиардном революционном налоге на имущие группы городского и сельского населения. В тот же день принят декрет «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов».

31 ОКТЯБРЯ, четверг

Социальное обеспечение трудящихся

Советом народных комиссаров РСФСР принято «Положение о социальном обеспечении трудящихся». Декретом СНК 31 октября 1918 г. было утверждено «Положение о социальном обеспечении трудящихся», состоящее из 56 статей, которое стало основным законодательным актом в деле организации социального обеспечения в стране. «Положение» установило обязательную государственную помощь нетрудоспособным и ввело всестороннее социальное обеспечение, охватившее рабочих, служащих, инвалидов труда и войны, ремесленников и кустарей, путем пенсионирования, создания специальных домов для инвалидов и престарелых, организации кооперации инвалидов и других мероприятий. Обеспечению подлежали все без исключения лица, источниками существования которых являлся только собственный труд, без эксплуатации чужого. В соответствии с ним теперь «в задачи Социального Обеспечения входит также и принятие предупредительных мер против заболеваний, увечий и т.п., а равно облегчения их последствий». По Положению от 31 октября 1918 г. социальное обеспечение гарантировалось

во всех случаях временной и постоянной утраты трудоспособности или по причине безработицы. Оно предоставлялось в таких формах, как пенсии при постоянной утрате трудоспособности, пособие в случае временной нетрудоспособности, пособие по беременности, лечебная помощь, пенсии в связи со смертью кормильца. Источниками финансирования социального обеспечения являлись взносы предприятий, учреждений и других работодателей. Трудящиеся от каких-либо взносов освобождались. Несколько позднее Положение от 31 октября 1918 г. было дополнено правительственным постановлением, согласно которому все предприятия и учреждения, кроме частных работодателей, освобождались от уплаты страховых взносов. Расходы по социальному обеспечению государство полностью брало на себя.



указанного в статье 2 района в тех кредитных учреждениях Республики, где это им будет признано полезным.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
В. Бонч-Бруевич[1].

Секретарь Л. Фотиева[2].

Проект постановления был принят единогласно на заседании Малого СНК 16 апреля.

47

17 апреля. Декрет СНК об изменении положения СНК от 31 октября 1918 г. о социальном обеспечении трудящихся в части, касающейся финансовой системы социального обеспечения.

Проект, с пометкой В. И. Ленина: **Ут[верждено] СНК 17.IV.1918. Пр[едседатель] СНК В. Ульянов (Ленин).** *ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 9323, лл. 2—3.*

Декрет:
Подлинник. ЦПА, там же, л. 1.
«Известия» № 86, 24 апреля; «Собрание Узаконений» № 18, ст. 208.

ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ
О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ
ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1918 г.[3] В ЧАСТИ, КАСАЮЩЕЙСЯ
ЕГО ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

(Отдел третий положения, ст. ст. 37—49 включительно)[4]

Отдел третий

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА[5] СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Ст. 37. Средства

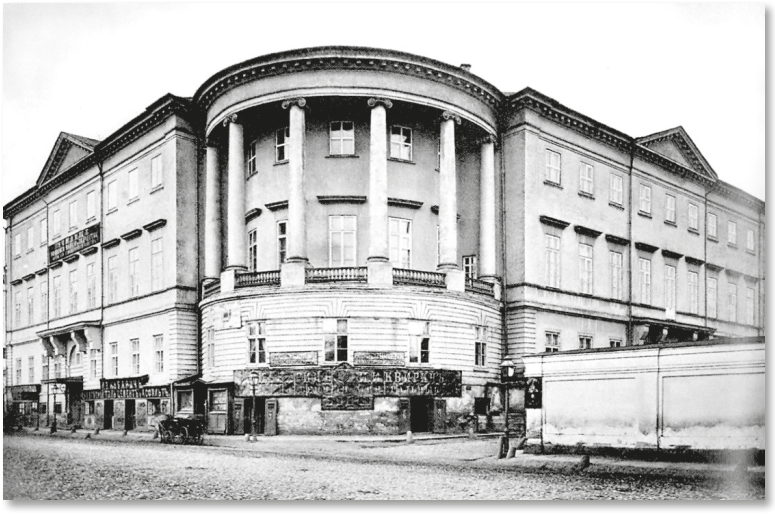
Средства на оказание всех видов социального обеспечения и на охрану труда отпускаются из Государственного казначейства в сметном порядке по смете Народного комиссариата труда.

[1] *В подлиннике подпись не заполнена.*
[2] *В подлиннике далее:* Москва, Кремль. 16 апреля 1919 г.; *в «Собрании Узаконений» дата:* 16 апреля 1919 г.
[3] *См. том III, раздел I, № 266.*
[4] *В «Собрании Узаконений» далее:* Совет Народных Комиссаров постановил внести в отдел III «Положения о социальном обеспечении трудящихся» («Собрание Узаконений», 1918, № 89, ст. 906) изменения, изложив его в следующем виде.
[5] *В «Собрании Узаконений»:* комиссия.

ОКТЯБРЬ

Петроградские художественные мастерские

Открыты на базе Высшего художественного училища живописи, скульптуры и архитектуры (ВХУ) в 1919—21 гг. Свободные мастерские. Помещались в зданиях Академии художеств. В ПГСХМ принимались все желающие, свободно выбиравшие себе руководителей. При первых выборах в 1918 наряду с прежними профессорами ВХУ (Л. Н. Бенуа, Д. Н. Кардовский, В. Е. Савинский) были выбраны А. А. Рылов, А. Т. Матвеев, К. С. Петров-Водкин, И. А. Фомин. Позже мастерские получили представителей левых направлений — Н. И. Альтман, К. С. Малевич, М. В. Матюшин, В. Е. Татлин. Студентам предоставлялось также право работать без руководителей. Студенты образовали скульптурную, архитектурную, живописную курии. До июля 1919 г. высшим органом управления был совет старост, затем учебный совет во главе с комиссаром. В мастерских учились ленинградские живописцы, графики и скульпторы В. В. Исаева, А. Н. Самохвалов, В. А. Синайский и др. В августе 1919 — марте 1921 г. ПГСХМ подчинялись московскому отделу ИЗО Наркомпроса как учреждение общегосударственного значения. В 1921 г. реформированы в Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС, неофициально АХ).



Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.

ISSN 2311-5998

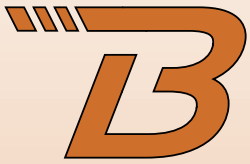
Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.
Распространяется через объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписной индекс — 40650.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна.
Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.

Редактор *Л. А. Мункуева.*
Корректор *А. Б. Рыбакова*.
Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*.

Отпечатано в типографии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.



ISSN 2311-5998